

**ГНБУ «АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»
ИНСТИТУТ ТАТАРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ АН РТ**

**История России и Татарстана:
Итоги и перспективы
энциклопедических исследований**

Сборник статей итоговой научной конференции научных
сотрудников Института татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ
(Казань, ОП «ИГЭР АН РТ», 31 мая 2017 г.)

Казань — 2017

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)
И 90

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, проф. И.А.Гилязов
докт. филол. наук, проф. Н.М.Валеев
докт. пед. наук, проф. Ф.Г.Ялалов
докт. ист. наук, проф. Р.В.Шайдуллин
канд. ист. наук, доц. М.З.Хабибуллин
канд. ист. наук, доц. Л.М.Айнутдинова
канд. ист. наук Б.Л.Хамидуллин

И 90 История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научной конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г. Казань, 31 мая 2017 г.) / Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. — Казань, 2017. — Вып. 9. — 356 с.

В сборник включены материалы научной конференции «История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований», состоявшейся в Институте татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан 31 мая 2017 г.

Адресован историкам, преподавателям и студентам, краеведам, всем, кто интересуется проблемами отечественной истории, филологии, биографики и национальной энциклопедистики.

ISBN 978-5-902375-18-0 © Институт татарской энциклопедии
и регионоведения АН РТ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
--------------------------	---

РАЗДЕЛ 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ТАТАРСТАНА

Айнутдинов Р.А., Гилязов З.З., Давлетьянова Г.Р. Дореволюционная научная периодика Казани	9
Ахметова М.А. Голод в Чистопольском кантоне в 1921 г.: его отражение в архивных документах и на страницах периодики	17
Валиуллин И.Р. Из истории торгового предпринимательства татар в XVIII веке	33
Габдрахманова В.А., Гиниятуллина Ф.С., Камальтдинова Ф.Г. Легендарная дочь Крыма	39
Зайнутдинов Д.Р. Татарский антибольшевизм на Дальнем Востоке (1918–1930 годы)	45
Ибрагимов Р.Р. Особенности источников по истории государственно-конфессиональных отношений в советский период (на примере Татарской АССР)	55
Мухаметшина Л.Т., Нигъмязянова Л.Т. Справочники о населенных пунктах РФ 1990–2000-х гг.: особенности структуры и содержание статей	62
Недорезов М.В. Мероприятия Чистопольской городской думы по развитию здравоохранения и экологии	72
Салахиев Р.Р. Школы-госпитали Казани в годы Великой Отечественной войны	81
Саматова Ч.Х. Источниковедческие проблемы школьной политики государства в отношении татар-мусульман Поволжья во второй половине XIX — начале XX в.	91
Сибгатов Б.И. Социально-экономическое положение крестьян Казанской губернии весной — летом 1917 г.	98

Хабибуллин М.З., Шайдуллин Р.В. Институционализация сети православных учебных заведений для народов Казанской губернии в XIX — начале XX в. (по материалам Предволжья Татарстана)	104
Хамидуллин Б.Л. Появление основных научных концепций в историографии Казанского ханства: труды П.И.Рычкова, К.Ф.Фукса, Н.К.Баженова, В.В.Вельяминова-Зернова, Г.И.Перетятковича и С.М.Шпилевского	118
Шайдуллин Р.В. Из истории государственной и муниципальной символики Республики Татарстан (к 100-летию образования Татарской АССР)	133

РАЗДЕЛ 2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ НАУКОВЕДЕНИЯ

Авилова Е.Р., Кислякова Н.Х. Метод проектов: история возникновения, типология, структура	143
Галиева Л.К. Татар телендә төрле төсләрне белдергән парлы сыйфатлар ясалышы һәм аларның стилистик кулланылышы	148
Галимуллина Г.Х., Насибуллина А.Б. Из истории Общества естествоиспытателей при Казанском университете	154
Закиева Р.Г., Аскарова Л.Р. Усеченный инфинитив в турецком языке и его эквиваленты в татарском языке и его диалектах	158
Калимуллина Ф.Г. Источниковедческая деятельность Ахмад-Заки Валиди	162

РАЗДЕЛ 3. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Батыршин Р.Р., Хабибуллин М.З. «Приговорное» движение крестьян в 1905–1907 гг. (по материалам Свяжского и Тетюшского уездов Казанской губернии)	172
Белов С.Г. Село Базарные Матаки Алькеевского района: основные вехи развития	181

Бурганов Ф.Г., Асрутдинова Р.А. Почвенные исследования в Казанской губернии во 2-й половине XIX в.	189
Гилязов И.А., Айнутдинова Л.М., Хабибуллин М.З., Хамидуллин Б.Л., Ялалов Ф.Г. Административно-территориальное устройство Предволжья Татарстана (XVI – начало XX вв.).....	196
Ерегин О.В. Заповедник «Большая Кокшага»: история становления и природные комплексы	206
Камальтдинова Ф.Г., Гиниятуллина Ф.Г., Габдрахманова В.А. Татарстан Республикасы жәнлеклөре («Татарстан Республикасы Кызыл китабы» буенча)	212
Сибгатов Б.И., Сахавова Л.М. Государственная программа «Забытые деревни» в контексте изучения истории сел городской черты (на материалах Казани)	218
Файзуллин С.А. Формирование территории Татарской АССР и ключевые изменения в системе ее административно-территориального деления первой половины 1920-х гг.	224
Шайдуллин Р.В., Сахавова Л.М. Исчезнувшие деревни Татарстана в национальном контексте	230
Шарапова Р.Ф. Источниковая основа справочника «Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан»	238

РАЗДЕЛ 4. ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Габдулхакова Г.М., Галиева Л.К. А.М.Алмаева как организатор национально-культурной жизни татар Челябинской области	244
Закиров А.Ф. Татарская творческая интеллигенция Института языка, литературы и истории 1940–1950 гг.	253
Миниханов Ф.Г. Музыкальная культура татар Казахстана: история и современность	265
Халилова Л.Р. Известные представители татарской диаспоры Томской области	274

РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Бадрутдинова Ф.Р., Яруллина А.Г. Гази Кашшаф — рецензия остасы	281
Каюмова Г.И. Татар һәм рус комедияләрендә өйлөнү тематикасы белән бәйлә охшаш күренешләр һәм персонажлар (Г.Камал, К.Тинчурин, Н.Гоголь комедияләре мисалында)	296
Гиниятуллина Ф.С., Камальдинова Ф.Г., Габдрахманова В.А. Татарлыгын югалтмаган милләттәшебез	306
Закиров А.Д. Габдулла Тукай Петербургта	312
Исламов Р.Ф. Миркасыйм Госманов — әдәбият белгече	323
Сарчин Р.Ш. Загадка творчества Ильдара Зарипова.....	331
Хамидуллин Б.Л. Переводы и издание произведений писателей Казахстана в творчестве татарского писателя и переводчика Лирона Хамидуллина	339

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник подготовлен на основе материалов научной конференции «История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований», состоявшейся 31 мая 2017 г. в Казани. Конференция была организована Институтом татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, ее участниками было озвучено более 40 докладов, посвященных различным аспектам отечественной истории XVI — начала XXI в., а также проблемам изучения истории науки и национальной энциклопедистики в Республике Татарстан. В материалах конференции нашли отражение основные направления и результаты научных поисков сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.

Задачей проведения конференции было рассмотрение отечественной науки в довольно новом для российской историографии ракурсе — «национальная энциклопедистика». При обсуждении заявленной темы через призму энциклопедистики предполагалось рассмотреть такие важные теоретические проблемы, как специфика создания татарских энциклопедических изданий, особенности становления и развития науки в Татарстане.

Сборник состоит из пяти разделов. В первом разделе «Концептуальные проблемы энциклопедистики, истории и культуры народов Татарстана» представлены материалы по истории создания татарских и других региональных и отраслевых энциклопедических изданий, а также отражены проблемы по общественно-политической, экономической, социокультурной и конфессиональной истории России и Татарстана (XVI — начала XXI в.). Второй раздел «Современные тенденции в области науковедения» посвящен вопросам становления научных школ, изучению истории науки в Татарстане и биографиям известных ученых. В третьем разделе «Регионоведение: история изучения и перспективы дальнейшего развития» рассматриваются история и современное состояние нашего региона и населенных пунктов. В четвертом разделе «Татарская диаспора в странах ближнего и дальнего зарубежья: историко-культурный аспект» поднимаются вопросы татарской диаспоры. В пятом разделе

«Историко-литературное краеведение» представлены материалы по литературоведению и историческому краеведению.

Разумеется, некоторые направления работы конференции в проблемно-тематическом плане слишком обширны, что делает невозможным их исчерпывающее рассмотрение в рамках одного научного форума. Оргкомитет конференции надеется, что обсужденные в рамках конференции темы вызовут интерес в среде научной общественности и станут стимулом для продолжения работы в этих направлениях.

**РАЗДЕЛ 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ТАТАРСТАНА**

УДК 002.6

**ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ НАУЧНАЯ ПЕРИОДИКА
КАЗАНИ**

**THE PRE-REVOLUTIONARY SCHOLARLY PERIODICALS
OF KAZAN**

Р.А.Айнутдинов, З.З.Гилязов, Г.Р.Давлетьянова
R.A.Ainutdinov, Z.Z.Gilazev, G.R.Davlet'janova

Аннотация. В статье рассматриваются история возникновения и тематика научных периодических изданий Казани, проведен их анализ и выделены специфические особенности.

Ключевые слова: научная периодическая печать Казани, ведущие издания, журналы, издания научных обществ.

Abstract. The article deals with the history and origin of the scientific periodicals of Kazan, analyzed them and highlighted specific features.

Keywords: Scientific periodicals of Kazan, leading editions, journals, editions of scientific societies.

Развитие научного кластера любого современного развитого региона невозможно без такого института, каковым является научная печать. В ее функции входят такие важные задачи, как оперативное осуществление обмена идеями, анализ тенденций развития науки в целом и отдельных ее направлений, постановка перспективных задач и проблем, публикация обзоров литературы, информации о научной жизни, очерков о видных ученых. В более широком смысле ее цель — быть одним из организаторов науки, генератором новых идей, пропагандистом перспективных научных направлений.

Научные периодические издания в Казани стали издаваться практически с начала появления прессы на территории Татар-

стана. Это было обусловлено наличием такого мощного научного центра региона, как Казанский университет, который был основан в 1804 г. Уже первое казанское периодическое издание, газета «Казанские известия» (1811–1820), созданное по инициативе преподавателя университета И.И.Запольского, содержало публикации научно-популярного характера. В ней печатались статьи по истории, статистике, этнографии, материалы, посвященные состоянию промышленности, торговли, культурной жизни Волжско-Камского края.

Преемник «Казанских известий» — журнал «Казанский вестник», издававшийся в 1821–1833 гг., являлся предтечей научного журнала. Он представлял собой разновидность распространенного в России 1-й половины XIX в. журнала энциклопедического характера. Здесь печатались распоряжения Министерства народного просвещения по Казанскому учебному округу, публиковались страноведческие, краеведческие и этнографические описания путешествий, литературно-критические, научные и научно-популярные статьи. На его страницах размещались также годовые отчеты, актовые речи профессоров университета, статьи известных ученых, в том числе Н.С.Арцыбашева, В.Я.Булыгина, А.К.Казем-Бека, О.М.Ковалевского, А.Я.Купфера, И.М.Симонова, К.Ф.Фукса, Э.А.Эверсмана, Ф.И.Эрдмана.

В середине XIX в. в России получили широкое распространение специализированные журналы, в том числе научные и научно-популярные, педагогические, библиографические. На начальном этапе развития научной периодики преобладали издания научных обществ, учреждений, вузов в стандартизированной форме сборников с заглавиями: «Вестник», «Протоколы», «Записки», «Известия». Большинство из них учреждалось и финансировалось руководством ведомств и вузов. Для них была характерна узкая специализация, в отличие от журналов универсального типа, они не имели большого охвата читателей и часто служили средством обмена научной литературой. Частные периодические органы, не скованные официальной регламентацией и устоявшимися традициями, но кровно заинтересованные в привлечении к себе интереса, более творчески подходили к форме и содержанию своей печатной продукции.

Первым собственно научным периодическим изданием Ка-

зани стали «Ученые записки Казанского университета», которые выпускаются с 1834 г. по настоящее время и являются старейшим ныне существующим периодическим изданием региона. «Ученые записки...» представляют собой весьма распространенный вид сборников научных публикаций различных научных организаций и вузов, где печатаются научные статьи, материалы диссертаций, публичные речи, лекции профессоров, отчеты и протоколы заседаний, распоряжения по вузам, библиографические указатели и т.д. Обычно содержание «Ученых записок...» делилось на две части: официальную (протоколы, отчеты) и неофициальную (научные статьи). Многие дореволюционные «Ученые записки...» выпускали прибавления, где печатались университетские курсы профессоров, разнообразные вспомогательные материалы. Инициатором издания «Ученых записок Казанского университета» был ректор университета Н.И.Лобачевский. По его словам, «Записки» должны включать «подлинные сочинения, переводы, разбор вышедших вновь сочинений и разные известия, до наук касающиеся» [5, с. I–VI]. В течение первого десятилетия выхода журнала Лобачевский лично руководил издательским комитетом. Он считал, что издание предназначено для тех, «кому надлежит трудиться собственно для науки и ожидать награды в своей известности, ученой славе». До 1917 г. в разные годы редакторами были А.П.Чебышев-Дмитриев, Н.П.Вагнер, Н.Н.Булич, Н.М.Ильминский, Н.А.Осокин, А.М.Осипов, Ф.Г.Мищенко и др. С 1865 г. официальная часть «Записок...» стала называться «Известия Императорского Казанского университета». В официальной части печатались приказы, распоряжения, протоколы заседаний Совета университета, неофициальную часть составляли разделы: «Отдел наук», «Критика и библиография», «Университетская летопись» и приложения. В научный раздел, занимавший большую часть издания, включались материалы исследований, публичных выступлений и лекций, студенческие работы. В издании, помимо сочинений казанских и других отечественных авторов, печатались также работы зарубежных ученых, что было в XIX в. редким явлением для провинциальных изданий. Особый авторитет изданию в дореволюционный период придавали публикации таких видных ученых, как И.Н.Березин,

В.М.Бехтерев, А.М.Бутлеров, Н.А.Васильев, А.М.Зайцев, Н.Н.Зинин, Н.Ф.Катанов, К.К.Клаус, Э.А.Эверсман. В 1951 г. «Ученые записки...» были объединены с «Трудами общества естествоиспытателей при Казанском университете». В 1972 г., на 130-м томе, издание перестало выходить. В советский период в «Ученых записках...» публиковались известные казанские ученые С.А.Альтшулер, А.Е. и Б.А. Арбузовы, В.И.Баранов, М.П.Гагаев, К.З.Галимов, Н.А.Гуляев, Е.К.Завойский, Г.Х.Камай, Н.А.Ливанов, М.В.Марков, Д.А.Мартынов, Л.М.Миропольский, А.З.Петров, В.Н.Сементовский, Г.Г.Тумашев, А.Н.Пудовик, Г.С.Салехов, Н.Н.Фирсов, М.М.Хвостов, Н.Г.Чеботарев и др. В 1990-е гг. были предприняты попытки возобновления «Ученых записок...»: с 1995 по 2004 гг. было опубликовано 19 томов. С 2005 г. издание стало выходить на регулярной основе, в 3 сериях: «Гуманитарные науки», «Естественные науки», «Физико-математические науки».

Учебными заведениями, учреждениями, научными и другими обществами до революции 1917 г. в разное время издавались следующие журналы и сборники: «Ученые записки Казанского ветеринарного института», «Известия Астрономической обсерватории Энгельгардта», «Труды Казанского фотографического общества», «Труды Казанского общества пчеловодства», «Журнал Казанского общества пчеловодства» и др. Силами руководства Казанского учебного округа печатались такие ведомственные издания, как «Начальственные распоряжения по Казанскому учебному округу», «Циркуляр по Казанскому учебному округу», в которых публиковались распоряжения попечителя, протоколы заседаний попечительского совета, педагогических советов гимназий, годовые отчеты, давались сведения о количестве школ и др. Они содержали обширные материалы научного характера по педагогике, развитию системы образования и явились предшественниками собственно педагогических журналов. Учреждение при Казанском университете научных обществ создало предпосылки для появления многочисленных научных изданий, таких как «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности», «Записки Императорского Казанского экономического общества» [3, с. 3–7], «Дневник Казанского общества врачей при Императорском Ка-

занском университете», «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» [4, с. 3–12], «Известия Физико-математического общества при Казанском университете», «Неврологический вестник», на страницах которых, кроме освещения деятельности самих обществ, публикаций протоколов заседаний, отчетов о проделанной работе, приводились сведения по гуманитарным и естественнонаучным отраслям знаний. В конце XIX — начале XX в. в Казани выходили специализированные и отраслевые журналы: «Городской и сельский учитель», «Вестник образования и воспитания», «Казанский медицинский журнал», «Пчеловод», «Самодетельность», «Трудовой путь». На страницах православных и миссионерских изданий «Православный собеседник», «Иностранческое обозрение», «Церковно-общественная жизнь» печатались статьи религиозных деятелей и богословов, известных казанских ученых, в которых помимо материалов, излагавших основы православия, публиковались материалы научного характера о культуре и обычаях народов Татарстана, о других конфессиях.

Особое место в типологии специализированных изданий, имеющих отношение к науке в дореволюционный период, занимали такие периодические издания научных обществ и учреждений, как «Протоколы». В Казани к первым изданиям такого типа относились «Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете», выходившие с 1869 г., а также «Протоколы заседаний отдела антропологии и этнографии Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете» (1872–1875). Их примеру последовала Казанская духовная академия, издававшая с 1874 г. протоколы заседаний своего Совета в виде оттисков из журнала «Православный собеседник». Несколько позднее выходили «Протоколы заседаний секции Физико-математического общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете» (1880–1890), которые с 1891 г. были заменены «Известиями Физико-математического общества при Императорском Казанском университете», приложением к ним выпускался «Библиографический листок книг, появляющихся в России по физико-математическим наукам» (1883–1884). С 1888 г. выходили в свет «Протоколы заседаний сельскохозяйственного

отделения Императорского Казанского экономического общества», с 1887 г. — «Протоколы заседаний Казанского военно-санитарного общества».

Появление в ходе Революции 1905–1907 гг. прессы на татарском языке создало предпосылки для развития научной публицистики и у татар [2, с. 18–20]. Казань стала одним из центров татарской научной журналистики, способствуя развитию татарской научной терминологии и внедрению современного научного знания в широкую среду татарского общества. Не имея доступа к научным учреждениям и институтам, научная печать на татарском языке могла развиваться лишь на основе частной инициативы. К трудностям в создании татарской научной прессы можно отнести как незавершенность процессов формирования литературного общепринятого языка, слабость научных традиций, отсутствие развитых научных институтов и малочисленность подготовленных кадров, дисперсное расселение татар, так и общеполитическую обстановку в России в начале XX в., в которой господствовало подозрительное отношение к иногородческой печати, в т.ч. к татарской.

На становление научной публицистики повлиял такой авторитетный журнал либерально-демократического направления, как «Анг» («Сознание», 1912–1918, редакторы — А.Хасани, Г.Ибрагимов). С ним сотрудничали Ф.Амирхан, Х.Атласов, Дж.Валиди, М.Гафури, Г.Губайдуллин, Н.Думаи, Ш.Камал, Ф.Сайфи-Казанлы, С.Сунчелей, К.Тинчурин, Г.Тукай и др. В нем поднимались социальные, духовные и культурные проблемы развития татарского этноса, велись дискуссии по вопросам искусства, публиковались переводы литературной классики. Первым татарским научно-педагогическим журналом стал «Мектеб» («Школа», 1913–1914), созданный по инициативе Ш.Ш.Ахмерова, который сплотил вокруг себя видных представителей татарской интеллигенции. В нем печатались Х.Атласов, Ш.Ахмеров, Г.Ибрагимов, Р.Ибрагимов, Г.Исхаки, Г.Кариев, М.Курбангалиев, А.Максудов, К.Мутыги, Ф.Сайфи, С.Сунчелей, М.Фуат, Г.Шараф и др. В «Мектебе» поднимались проблемы образования и воспитания, широко освещалась жизнь татарской школы. На его страницах обсуждались вопросы, связанные с учебными программами, учебным процессом,

шли диспуты на педагогические темы, по вопросам просвещения татарской нации и др. В 1912–1917 гг. в Казани издавался экономический журнал «Русия сзудэсе» («Российская торговля»), освещавший процесс концентрации татарского национального капитала, образования торговых домов и акционерных обществ. Редакция анализировала экспансию татарской буржуазии за пределы Поволжского региона, успехи татарских предпринимателей в золотодобывающей, текстильной, меховой, мыловаренной промышленности, ресторанном бизнесе [6, б. 3]. К первым специализированным татарским журналам относился и юридический журнал «Хокук ва хаят» («Право и жизнь», 1913–1914) [1, с. 156]. Редакция ставила своей целью освещение правовой тематики и развитие правовой культуры у татар. Здесь публиковались статьи по актуальным вопросам юриспруденции, официальная информация, судебная хроника.

Таким образом, к началу советского периода Казань имела систему вузовской, ведомственной и частной научной периодики как на русском, так и на татарском языках. К этому времени сформировался круг издателей, авторов, постоянных потребителей такого вида печати. В спектре научной прессы Казани были и издания, имевшие всероссийскую известность. Статьи о некоторых из них вошли в словарь Брокгауза и Ефрона, в том числе о «Дневнике Казанского общества врачей...», «Известиях Казанского университета», «Известиях Общества археологии, истории и этнографии...», «Известиях Физико-математического общества...», «Ученых записках Казанского университета». Особым спросом пользовались казанские издания в Волжско-Уральском регионе и в целом в Восточной части России, поскольку исследовательский интерес казанских ученых простирался и на эти части страны, которые не имели своих крупных научных центров. После Октябрьской революции 1917 г. произошло полное обновление характера периодики. Большинство дореволюционных изданий прекратило свое существование в силу политических причин, однако эта участь не коснулась научной прессы.

Литература

1. Айнутдинов Р.А. «Хокук ва хаят» // Айнутдинов Р.А., Гилазев З.З. Пресса Казани XIX–XXI вв. — Казань, 2016. — 226 с.
2. Айнутдинов Р.А., Гилазев З.З. Татарская отраслевая периодическая печать в начале XX в. // Казанская наука. — 2014. — №10. — С. 18–20.
3. Китгары М.Я. Программа «Записок Императорского Казанского экономического общества» // Записки Императорского Казанского экономического общества. — 1854. — Ч. 1. Кн.1. — С. 3–7.
4. Смирнов И., Соколов А., Тихов Н. Предисловие // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — 1892. — Т. 10. Вып. 1. — С. 3–12.
5. Ученые Записки Казанского императорского университета. — 1834. — Кн. 1. — С. I–V.
6. Шәһидуллин Ш. // Русия сәүдәсе. — 1912. — №1. — Б. 3.

**ГОЛОД В ЧИСТОПОЛЬСКОМ КАНТОНЕ В 1921 Г.:
ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ
И НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИКИ**

**FAMINE IN THE CHISTOPOLSKY CANTON IN 1921:
ITS REFLECTION IN ARCHIVAL DOCUMENTS
AND ON PAGES OF THE PERIODICAL PRESS**

М.А.Ахметова
M.A.Akhmetova

Аннотация. В статье анализируется тяжелейшее положение Чистопольского кантона Татреспублики во время страшного голода 1921 г. Целью статьи является изучение архивных документов и материалов периодической печати, которые раскрывают ужасающее положение населения в условиях ежедневно обострявшегося голода. Порожденные голодом проблемы: эпидемии, голодобеженцы, брошенные на произвол судьбы дети, трупоедство и людоедство в Чистопольском кантоне — не могли быть разрешены только республиканской и местной кантональной властью.

Ключевые слова: голод 1921 г., Татреспублика, Чистопольский кантон, Помгол, Американская администрация помощи (ARA), Чистопольская кантонная комиссия Помгола, суррогаты пищи, людоедство, беспризорные дети, детские дома Чистополя.

Abstract. The main subject analyzed in the article is the difficult situation of the Chistopolsky canton of Tatar republic during severe famine of 1921. The purpose of article is to study archival documents and materials of periodicals which disclose the terrifying amount of everyday escalating famine. The problems caused by hunger, such as epidemics, the «golodobezhenets» (hunger refugees), children left to the mercy of fate, a necrophagy and a cannibalism in the Chistopolsky canton couldn't be resolved only by the republican and local cantonal government.

Keywords: famine of 1921, Tatar republic, Chistopolsky canton, Pomgol, American Administration of the Help (MACAW), Chisto-

polsky canton commission Pomgola, food substitutes, cannibalism, street children, orphanages of Chistopol.

Предваряя радиограмму от 9 июня 1921 г., поступившую из Чистополя, необходимо отметить, что в годы неурожая даже в таких традиционно хлебных районах, как черноземье Чистопольского кантона, масштабы охваченных голодом территорий были колоссальными, а положение крестьян в деревнях — ужасающим. Сильная засуха привела к тому, что озимые и яровые поля выгорели, хлеб не уродился. На одной десятой части площади кантона урожайность не превышала 20–30 фунтов с десятины, т.е. 8–12 кг на 1,09 га земли. Местное население в полном отчаянии было вынуждено искать хлебные места, о чем сообщалось в газете «Известия Всероссийского Исполнительного Комитета (ВЦИК)» (1921 г., №208, 18 сентября): «В Чистопольском кантоне голодающие крестьяне со своими семьями покидают насиженные места и бегут куда глаза глядят».

По сведениям, отмеченным в «Отчете о работе Народного Комиссариата продовольствия АТССР в сотрудничестве с Помголом в борьбе с голодом за время от 1 октября 1921 года по 1 мая 1922 года», численность населения, покинувшего пределы кантона, составляла свыше 66 тыс. человек [6]. В материалах Кантстатистического отделения зафиксировано, что к 1 апреля 1922 г. за весь голодный период организовано и стихийно покинули свои родные места 88892 человека (из них 22549 человек — дети, 66343 — взрослые), т.е. 29,44% от общей численности населения [8].

Оголодавшее население кантона употребляло в пищу различного рода суррогаты хлеба. Это корневища болотного камыша, лебеда, картофельная ботва, липовые опилки, различные травы, гороховая и ржаная солома и другое. В конце зимы и начале весны 1922 г., как извещает нас документ «О положении Чистопольского кантона в связи с голодом на 10-е мая 1922 года» [8], хранящийся в Национальном архиве Республики Татарстан, рацион крестьян составляли такие распространенные суррогаты, как: солома с крыш, глина, древесная кора и конский помет. В те годы в Чистопольском кантоне была найдена «съедобная глина», причем «собственники этих залежей питательной глины

с осени даже торговали этим «продуктом» по 3 000 рублей за воз» [1, с. 83].

В статье «В кантонах Татареспублики», опубликованной на страницах газеты «Известия Всетатарского Центрального Исполнительного комитета (ТатЦИКа)» (1921 г., №286, 23 декабря), на примере Чистопольского кантона показываются ужасающие масштабы каждодневно обострявшегося голода. Уделяется внимание проведенным в лаборатории чистопольского Института народного образования исследованиям, которые доказали, что глина — не хлебный суррогат, представляет собой «обыкновенную красную глину, ясно выраженного глянцевого сложения, пропитанную нефтью (жидкими и газообразными углеводородами)», не имеет никакой питательной ценности и вследствие своей неудобоваримости крайне отягощает желудок.

Полное отсутствие суррогатов и вымирание скота, беспощадное уничтожение его, нерегулярная, незначительная помощь, оказываемая голодающему населению, скудное выполнение продовольственных нарядов сильно усугубило положение крестьян: «Помощь, оказываемая голодающему населению кантона, до настоящего времени была весьма ничтожная в сравнении с размерами достигшего населением голода и весьма нерегулярная, в смысле отпуска продовольствия подаваемым центром нарядам на эту помощь. Так что в течение всей зимы наряды получались лишь в конце месяца, а выполнялись очень скудно: в январе и феврале — на 50–40%, в марте — на 10%, а в апреле и за май ни одного фунта получено не было. Кроме того, получение продовольствия в марте месяце осложнялось еще тем обстоятельством, что, ввиду малочисленности конского состава и отсутствия фуража, гужевой транспорт находился в весьма плохом состоянии и был не в состоянии сразу удовлетворять потребности всех учреждений и организаций в переброске продгрузов и семенного материала, ввиду наступления распутицы» [8].

Бездарное руководство, которое не сумело наладить хозяйственную жизнь страны, разрушило основы сельского хозяйства, отняв весь семенной фонд, не поддержав и в посевную 1922 г., довело сотни тысяч крестьян до голодной смерти. Как сообщается в радиোগрамме, «какой-либо реальной помощи за

малым количеством продовольствия и за отсутствием распоряжений на расходы имеющегося в запасе исполком дать не может, хотя бы по восьмой фунта (50 грамм) на умирающего. Наркомпрод из всего имеющегося количества (приблизительно 130 тысяч пудов овса) дает кантпродкому десятитысячные и более наряды, чем окончательно лишает возможности спасения хотя бы одной сотой малолетних детей».

Голодавшее население, употреблявшее последние запасы суррогатов, истребило до 90% скота. Обратимся к цифрам о наличии и движении скота, приведенным в докладе «О положении Чистопольского кантона в связи с голодом на 10-е мая 1922 года», которые представляют полную картину упадка в сельскохозяйственном производстве. Если на 1 января 1921 г. лошадей было 81543, то к 1 февраля 1922 г. осталось 23177 голов; крупного рогатого скота было 83707, осталось — 28151 голова; мелкого скота было 183536, а осталось — 30185 голов. Таким образом, численность поголовья снизилась до 267272 (лошадей — 58366, крупного рогатого скота — 55556, мелкого скота — 153350 голов) и составила 76,62% от общего количества скота на 1 января 1921 г.

В докладе «О пищевых и санитарных условиях в Татреспублике», согласно наблюдениям Чайльдса, произведенным во время поездки с представителем от Правительства, секретарем партии коммунистов Татреспублики тов. Скворцовым, по 12 (из 13) кантонам с 9 по 23 декабря 1921 г., сообщается, что «число лошадей во многих деревнях настолько недостаточно и, кроме того, лошади настолько слабы, что во время моей поездки приходилась нанимать лошадей только в городе, т.к. в деревнях лошадей достать было невозможно». В Чистопольском кантоне убыль скота автор отражает в следующих цифрах: «лошадей 41%, коров 48%, овец 60%». Эти цифры подтверждаются сведениями из деревни Мурзихи, в которой «погибло лошадей 69%, коров 60% и овец 82%, а в Алексеевской волости: лошадей 40%, коров 20% и овец 99%» [6].

Приведенные сведения показывают стремительное уменьшение поголовья лошадей и скота и в связи с этим ухудшение положения голодающего населения. Скот поедался, вымирал от бескормицы и эпидемий. Голодные беспощадно уничтожали

всё, съедали даже дохлых, тощих животных, употребляли в пищу кости и кожу. Автор доклада указывает на угрожающий характер обстоятельств: «Проехав более 90% всей территории, я не смог найти куска хлеба, или иного мяса кроме конины».

В газете «Известия Чистопольского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Комитетов Р.К.П. (большевиков)» (1922 г., №96, 3 сентября) опубликована радиотелеграмма о бесплатном проезде на закупку лошадей. Радиограмма гласит, что распоряжением главного начальника предоставляется право бесплатного проезда для закупки лошадей лицам, лишившимся таковых на почве голода, за счет Центрального Комитета Помгола. Чистопольская Кантонная Комиссия Помгола призывает крестьян приобретать для своего разрушенного хозяйства лошадей, используя предоставляемую льготу, в целях быстрого и успешного восстановления сельского хозяйства. Для осуществления закупки крестьяне должны были получить в волостном исполнительном комитете удостоверение личности и удостоверение о том, что они действительно едут для закупки лошадей, с соответствующими документами крестьяне направлялись в Казань, в Центральный Комитет Помгола, для дальнейшего отправления в намеченные ими местности.

Голодающее население, ополоумевшее от голодных мучений, любыми способами цеплялось за жизнь. Не имея собственных запасов продовольствия, люди питались суррогатами хлеба, истребили весь скот, без всякой надежды ожидали помощи со стороны и, не дождавшись ее, поедали собак, кошек, падаль. Голодавшие неделями, месяцами крестьяне переступали все моральные ограничения и начинали питаться трупами: убивали друг друга, своих детей, становились людоедами.

Приведем несколько цифр из «Жизни национальностей», еженедельного органа Наркомнаца, для определения масштабов голода в Чистопольском кантоне: «В одном Чистопольском кантоне за неделю вымерло от голода 13184 человека и от тифа — 156 человек. Заболевают еженедельно 20–22 тысячи человек. За время с 1-го по 15-е февраля в кантоне обращено в пищу 14 мертвецов, зарезано и съедено 32 человека. Сплошь и рядом имеются деревни, где ежедневно умирает от голода по

6–7 человек. Хоронить некому. По 25–30 трупов складываются в холодные амбары, где и хранятся» [13, с. 11].

Множество случаев трупоедства и людоедства зарегистрировано и в Чистопольском кантоне, особенно с января месяца 1922 г. Подтверждением этого являются многочисленные телеграммы, рапорты, сведения из архива. Например, в телеграмме из Чистополя, подписанной Предкантисполкомом Прохоровым, говорится о наличии «...случаев людоедства, которое происходит в закрытых формах и открывается лишь следствием, что дает право полагать, что это ужасное явление распространено по кантону в большом размере, кроме того по дорогам часто можно встретить трупы сгибших с голода людей» [6]. Эти документы о людоедстве переносят нас в те страшные 20-е гг., когда положение страны заставило людей переступить грань между человеком и животным:

«Сообщаю, татарском Утяшкине гражданка Закирова зарезала своего дитя и съела. После съеденного, она же зарезала свою сестру, вынула из нее сердце и легкие, каковые варила, пришедший Предсельсовета и члены застали на месте действительности. 3 февраля 1922 года. Завпредволисполкома Дерстуганов» [6]. (Здесь и далее сохранена орфография цитируемых документов. — *М. А.*)

«Старом Кадееве двух семействах Мухамадеева Нугуманова съедено четыре человека в возрастах 40, 25, 20 и 12 лет. Людоеды сознались сами. Предволисполком Сычев» [6].

«4 марта Сельгушах обнаружено у гражданина Афанасия Исаева, голова 15-летнего мальчика Петра Исаева. По произведенному расследованию выяснилось, что Исаев сказанного мальчика зарубил живого и остальную часть трупа съел. Людоед, Исаев. 5 марта № сообщается для сведения. Предволисполком Кошурин» [6].

«Сегодня задержан на улице мальчик деревне Ново-Альметеве Аглетдин Нурутдинов 15 лет несший половинную часть трупа гражданки деревни Ново-Альметеево для употребления в пищу людоедец Нурутдинов сознался, что часть трупа зарезал сам дознание производится милицией. 11 марта №393 Ильметевский Предволисполком Кошурин» [6].

Рапорт от 6 февраля 1922 г. уголовного отдела советской милиции Чистопольского кантонного совета сообщает: «В селе Акирееве Кутеминской волости, гражданином Михаилом Семеновым зарезаны граждане Елена Ивановна Фомина 12 лет, Кузьма Иванович Фомин 16 лет, Кузьма Евдокимов 14 лет и Евдоким Романов 26 лет. Трое употреблены в пищу, туловище 4-го члена, пара ног, рук и два черепа преданы земле» [6].

Этим ужасающим фактам действительности, разумеется, уделяется внимание и на страницах газеты «Известия ТатЦИКа», когда человек, «существо высшего разума», превращается в людоеда. В статье И.Казакова речь идет о людоедстве, когда «жена какого-то кузнеца в Чистопольском кантоне систематически резала живых людей — взрослых и детей, и употребляла их в пищу... и хватало у ней спокойствия, хладнокровно резать трупы на куски, складывать их в кадки, очевидно, «про запас» и для засола...» [3].

В статье «Людоедство началось — спешите с помощью!», опубликованной на основе беседы с членом ВЦИК и ТЦИК и членом президиума Комиссии Помгола при Чистопольском кантоне тов. Мухаметшиным на страницах газеты «Известия ТатЦИКа», возможно, речь идет о той же женщине: «22 января в деревне Тахтале обнаружен небывалый случай: жена кузнеца зарезала женщину, сняла с нее кожу и, изрубив труп на 39 кусков, сложила их в 2 кадки.

Голову зарезанной сварила и часть ее уже съела.

При расследовании дела выяснилось, что эта людоедка зарезала раньше девушку 18 лет и двоих детей. Одежды и кости их найдены в ее квартире» [4].

Отмечается людоедство и в деревне Старо-Кадеево Чистопольского кантона, где «...отец зарезал своего сына 23 лет, часть трупа успели съесть; дальше, в том же Старо-Кадеево в двух семействах съедено четыре человека в возрастах: 40, 35, 20 и 12 лет. Людоеды сами сознались в своих поступках» [13, с. 11].

Людоедство, широко распространенное в Чистопольском кантоне, принимает угрожающий характер, и с января по март 1922 года лишь зарегистрированных случаев людоедства насчитывалось 33, съедено 60 человек.

По сведениям Кантоздрава, за последние три недели марта было зарегистрировано 14 случаев людоедства и съедено 19 человек [7].

Полученные в начале 1922 г. телеграммы о трупоедстве и людоедстве, как отмечается на страницах еженедельного журнала Наркомнаца «Жизнь национальностей», хранились «как сомнительный документ, в портфеле ответственного работника Татпредставительства при Н.К.Н», но в дальнейшем подобные телеграммы образовали целые дела.

Страшную картину голода в стране дополняют эпидемии, болезни и др. Как отмечается в радиограмме, городу и кантону угрожают заболевания холерой, сибязвой (сибирской язвой — М.А.) и другими болезнями. Среди чистопольцев усиливается сыпной тиф, и к ноябрю 1921 г. его жертвами становятся 951 взрослый и 347 детей.

По сведению Кантоздрава, в марте 1922 г. количество больных на почве голода составляет 168123 человека, тифом — 860 человек, зарегистрированных случаев смерти от голода — 26062, от тифа — 351. Всего за 1921–1922 гг. умер от голода 66891 человек [8].

По данным учреждений здравоохранения, уровень заболеваемости на почве голода достигал 10% среди взрослых и 11% среди детей, смертности — 20% и 35% соответственно.

В действительности приведенные цифры нужно удвоить, утроить, так как имелось также множество незарегистрированных случаев. Больницы были переполнены местными жителями, обреченными на явный голод, сопровождавшийся болезнями. Как отмечается в радиограмме, большую часть поступивших в больницу больных составляли татары, в том числе дети.

Страшное бедствие привело к разорению деревень, однако в селениях с преимущественно татарским населением голод принял особо ужасающие масштабы. В «Очерках голодного быта. Голод среди мусульманского населения» на страницах «Известий ТатЦИКа» (1921 г., №236, 23 декабря) особо отмечены деревни Каргали, Муслюмкино, Аминово, Четыре двора, Кутлушкино Чистопольского кантона, так как в перечисленных населенных пунктах больных и распухших от голода — целые улицы.

У большинства не было даже суррогатов. Роясь под снегом, люди собирали разные травы, листья, стебли, сушили и мололи их, но эта «еда» была в ограниченном количестве. Приведенные в статье примеры представляют яркую картину вымирания татарского населения от голода: «Вот, несколько семей из села Муслюмкина. Семья Х.Камаева: 6 душ, двое распухли с голода, двое лежат истощенные и две женщины еле живые готовят пищу: поджаривают небольшой кусок сухой лошадиной кожи. В доме никаких признаков пищи, нет даже суррогатов. Дальше, семья Гаряфуллиных: 3 души. Приготавливается суп из мяса дохлой лошади, найденной в поле и разделенной между сельчанами. Еще ужаснее в семьях Сагатдинова: 11 душ и 4 из них распухли с голода, Садыкова — 6 душ — все распухли, Сахабутдинова — то же самое. Употребляют в пищу мясо собак и кошек» [10].

Но почему именно татары? В чем причина тяжелого отражения голода именно на татарском населении?

По объяснению публициста-этнографа, историка А.С.Пругавина, участвовавшего в деле организации помощи голодающим в 1898–1899 гг., решающее значение здесь имели «экономические причины — крайняя необеспеченность татарского населения в материальном отношении... не малую роль играли здесь и некоторые бытовые условия и особенности склада татарской жизни, в числе которых, прежде всего следует указать на семейное и общественное положение татарских женщин, их затворничество и приниженное, почти рабское состояние» [11, с. 106–107].

В статье «Голод и экономическое состояние Татареспублики», опубликованной в литературно-научном сборнике «Бич народа» Р.Сабиров, анализируя бедствие, постигшее Татарскую республику в 1921 г., указывает, что во время неурожая одним из сильно пострадавших было мусульманское население. По мнению автора, «плотность населения, истощение земель, климатические условия Поволжья, слабое развитие побочных промыслов, устарелый метод обработки земли, а главное, культурная отсталость татар, составляющих большинство населения Татареспублики, от своих соседей — русских, создали особенно

благоприятную почву для голода среди этой народности» [12, с. 14].

Возможно, причины голода в татарских деревнях кроются глубже, но в данной работе констатируются лишь конкретные факты.

Неурожай 1921 г. и его последствия были колоссальными, Деревни обезлюдели, были разорены. Так как точное число умерших от голода и болезней на почве голода не было известно, были созданы комиссии, приступившие к точной регистрации голодающих. Однако масштабы голода были столь значительны, что даже создание специальных комиссий не дало реального результата.

Статистические данные о голодающих в Татарской Республике позволяют представить положение, сложившееся в Чистопольском кантоне. Обратимся к цифрам, приведенным в статье Исхака Казакова «Бейте в набат», в которой красноречиво описано тяжелое состояние населения Татарской Республики в 1921 г.: «Питаются 442.678 человек, голодают 2.260.904 человек», «питаются — 360.536 детей, голодают — 570.275 детей. Вырождение (за 1921 год) — 326.106 детей (25% всего детского населения)» [3].

Статистические сведения о голодающих Татарской Республики, опубликованные в газете «Известия ТатЦИКа» (1922 г., №21, 28 января), свидетельствуют, что на 1 января 1922 г. из 2797527 человек взрослого населения голодают 2260904 человека, т.е. 81%; а из 969908 детей без посторонней помощи могут существовать лишь 3% (30097 человек).

Утверждалось, что в Чистопольском кантоне, по сведениям, взятым из газеты «Известия ТатЦИКа», к концу января 1922 г. население будет голодать поголовно, так как даже состоятельная его часть способна обеспечивать себя питанием лишь 1–2,5 месяца.

В докладе заместителя заведующего медицинским отделением АРА доктора М.А.Иглицина сообщается, что среди 405161 человека взрослого населения голодают 279901; среди 127180 детей в возрасте до 14 лет голодают 122375, т.е. почти поголовно [5].

По данным Кантстатотделения, на 1 апреля 1922 г. в 23 волостях общая численность населения составляла 301868 человек (голодало 296323), из них взрослых — 171609 (голодало 167395), детей — 130259 человек (голодало 128928), таким образом, голодающие составляли 98,12% от общего числа населения кантона [8]. Катастрофичность положения, сложившегося в Чистопольском кантоне (высокий уровень смертности от голода и тифа), демонстрирует отчет о работе Народного Комиссариата продовольствия АТССР: «...в одном только апреле месяце умерло от голода 12799 и от тифа 243; в мае умерло от голода 3701 и от тифа 328 человек» [6].

Согласно статистике Кантотделения, на 319738 человек населения (по городу и кантону) приходилось 305078 голодающих, т.е. больше 95%. Из 140832 детей, проживавших в кантоне, голодали 134287, из 178908 взрослых — 170791 [8].

Спутниками такого страшного бедствия являлись не только эпидемии, болезни, но и брошенные на произвол судьбы дети.

Конец 1921-го и начало 1922 г. характеризовались интенсивным наплывом детей из Чистопольского кантона в город. В «Отчете Комиссии по улучшению жизни детей при Чистопольском Кампомголе за время с 1 января по 1 февраля 1922 года» [8] отмечается поток беспризорных (в среднем до 50 человек ежедневно), явившихся в Отдел образования, которые принимались в имевшиеся (уже крайне перегруженные) распределители, что повлекло за собой распространение разных эпидемических заболеваний. Единственной действенной мерой, предпринятой Помголом в создавшемся безвыходном положении, как отмечается в вышеупомянутом отчете, было оказание помощи на местах, т.е. скорейшая организация новых столовых в голодающих деревнях, что дало благоприятные результаты в борьбе с наплывом голодных детей.

Оказанная Комиссией по улучшению жизни детей фактическая помощь на 1 января 1922 г. выражалась в следующем: 24979 детей в Чистополе и по кантону получили питание, из них в детских учреждениях Наркомпроса состояли 2189, в Наркомздраве — 140; получали питание от Комиссии Помгола — 6650; пользовались американским пайком — 1600 детей [8]. По отчетным данным, предоставленным Комиссией по улучшению

жизни детей при Чистопольском Кампомголе, с 1 января по 1 февраля 1922 г. в Чистополе и кантоне насчитывалось 140276 детей, из них голодали 123972 человека, 81319 не получали никакой помощи.

В данный период в Чистополе действовали 13 детских домов, в них голодали 640 детей, причем для всех детских учреждений был характерен один и тот же недостаток: «количество коек меньше числа детей, количество тюфяков меньше числа коек». В некоторых детских домах не было коек и дети спали на голых половицах, тюфяках.

В Чистопольском кантоне на тысячу детей приходилось всего 20 детских домов, 3 дома ребенка и 3 распределителя. Как отмечается в статье «Детские дома в Чистополе», именно в распределителях процент заболеваемости и смертности детей был особенно высок, так как «дети подбираются с улиц и чуть ли не возами привозятся из деревень, одетые в невообразимо грязные и рваные рубища, в тряпье, с массой кишечных паразитов... остаются в течение нескольких дней не переодетыми, грязными, без белья, поедаемые вошью» [2].

В детских учреждениях свирепствовали болезни, эпидемии, была распространена чесотка, по словам заведующего распределителем, чесотка не лечилась только из-за отсутствия сала, которое является основным компонентом при приготовлении мази.

По данным Здравотдела, с октября по ноябрь 1921 г., т.е. в течение двух месяцев, в распределителях заболели 398 детей, из них 77 умерли.

На примере распределителя №1, где содержались 200 маленьких страдальцев, можно увидеть, в каких условиях им приходилось существовать. Это была первая инстанция, куда попадали брошенные дети и содержались там до перевода в какой-либо детский дом. Некоторым детям приходилось ждать этого «счастливого дня» по два месяца, их внешний вид был ужасающим: они «ни разу не меняют с себя белья, спят на полу, и чтобы сходить за отправлением естественных надобностей, держат на всех единственную пару лаптей, стоящую у входной двери... одеты в рубища, без обуви» [2].

В августе 1921 г. была организована Чистопольская комиссия помощи голодающим, которая в течение месяца отправила 200 детей в город Кинешму и 250 детей по нарядам в город Казань. Был организован и врачебно-питательный пункт, который бездействовал из-за отсутствия продовольствия. В статье «Деятельность Чистопольской комиссии помощи голодающим», опубликованной в газете «Известия ТатЦИКа» (1921 г., №231, декабрь) указывается на основной недостаток в работе комиссии, который заключался в отсутствии тесной связи с центральной комиссией и денежных знаков. Последнее было характерно для работы не только данной комиссии, но являлось общим недостатком всех кантонных комиссий.

Как свидетельствует документ «О деятельности Комиссии Помгола при Чистопольском кантоне за март месяц 1922 г.», в марте 1922 г. на средства фонда Помгола в городе и кантоне были организованы столовые, рассчитанные на 7987 взрослых и 23105 детей, 18 примитивных детских домов в кантоне, 4 детских распределителя, в которых содержалось 2693 человека. На средства, собранные местным населением, мусульманская организация устроила смешанную столовую на 155 человек. Вся помощь, оказанная голодающему населению кантона, помимо государственного снабжения, выразилась в 61597 пайках.

Следует отметить, что столовые Помгола снабжались с большими перерывами, а иногда даже оставались без продовольствия. Затруднена была и переброска из Казани продрозов Помгола, предназначенных для Чистопольского кантона. Не были переданы в Чистополь 2700 пудов груза в связи с наступлением распутицы, ничтожностью платы за провоз и занятостью волостей выполнением наряда Наркомзема по переброске семян при отсутствии других гужтранспортных средств.

Изучая архивные документы, в которых отражена деятельность Комиссии Помгола при Чистопольском кантоне, можно сделать вывод, что «не регулярное снабжение столовых продовольствием, связанных с транспортными затруднениями, сокращения нормы пайков до минимума, эти пайки не могли спасти от голодной смерти и тех граждан, которые ими пользовались. Они, получая полагающуюся им по норме одну восьмую фунта хлеба (50 грамм) и несколько ложек мутной воды и не

имея не только запасов продовольствия, но и запасов суррогатов для поддержания организма до следующего дня, и в то же время, ожидая усиленной продовольственной помощи, которая могла бы поддержать у них присутствие духа, медленно умирали, обессилевши от мук голода» [8].

Сведения из кантонов Татарской Республики по циркулярной телеграмме (№475 от 14 декабря 1921 г.) показывают, что в Чистопольском кантоне на 22 января 1922 г. было всего «столовых общепитания для взрослых на 2300 человек (когда количество голодающих составляет 279901 человек), столовых АРА — 244 на 18000 человек, столовых Помгола на 6650 человек» [15]. Телеграмма от 3 апреля 1922 г., подписанная Предкантисполкомом Прохоровым, сообщает, что на 1 апреля 1922 г. «питаются в столовых общественного питания взрослых 7987, столовых Помгола 23105, АРА 26000 человек» [7].

Следует отметить, что по степени продуктивности работы АРА и эффективности местных продовольствий Чистопольский кантон занимал 11-е место из 12. В наблюдениях Чайльдса отмечается ряд недостатков, недоработанных моментов, которые усугубляли положение кантона. Например, в деревне Сахаровка дети получали только 20 золотников хлеба вместо 29 (золотник — 4,3 г); в пределах кантона питание получали только дети в возрасте от 3 до 8 лет, плохо было и то, что в деревне Мурзи-ха от родителей детей, питавшихся в столовых АРА, была потребована плата за транспорт в размере 2 тыс. рублей на ребенка. Основным поводом для критики является, по мнению Р.Чайльдса, «наклонность самостоятельно разрешать вопросы, которые могут быть основательно определены только ААП в Казани, и недостаточное инструктирование волостных комитетов, представителей деревень и заведующих столовыми» [6].

В рубрике «На борьбу с голодом» на страницах газеты «Известия ТатЦИКа» была опубликована статья «В голодающих местах. В Чистопольском кантоне» (1921 г., №237, 25 октября), где говорится о тяжелейшем положении детей города Чистополя. В детских домах дети из-за недостаточных пайков страдали недоеданием, а детская больница, находившаяся в ужасном состоянии, переполнена детьми с разными болезнями, которые положены по двое на одной кровати, а остальные валялись на

полу. В городе было приостановлено питание детей из-за боязни изменить меню, выработанное ААП, т.к. в нем отсутствовали бобовые и сало. Столовые, главной задачей которых было кормление голодающих детей, никак не должны были закрываться по причине отсутствия тех или иных продуктов.

В докладной записке «О поездке по Кантонам для организации Р.А.К.П.Д.» тов. Скворцова, уполномоченного ТССР при ААП, говорится о скверной деятельности организаций Русско-Американских Комитетов помощи детям (Р.А.К.П.Д.) в Чистополе, среди главных недостатков их работы указываются «прекращение работы уже функционирующих столовых за недостатком некоторых продуктов (3 из 9) и неправильное распределение продуктов между категориями детей по степени нуждемости... главное это необыкновенная скученность детей в городе и их антисанитарные и другие ужасающие условия» [9].

При проведении проверочных работ по Р.А.К.П.Д. в Чистополе комиссией, состоявшей из председателя ААП Р.Чайльдса, уполномоченного ТССР при ААП тов. Скворцова, представительницы Татздравотдела тов. Казаковой и др., выяснилось, что жизнь детей, обстановка, питание, условия в городских распределителях и больницах были антисанитарными, ужасающими, а работавший в них медперсонал даже не знал, какой болезнью болели дети. По словам представительницы Татздравотдела тов. Казаковой, обследовавшей жизнь детей почти на всей территории ТССР, «она не находила более ужасающей картины жизни детей», где голодные дети «закричали, чтобы их совсем убрали из этого города, иначе они погибнут все с голоду».

Таким образом, из приведенных документов становится очевидным катастрофическое положение дел в Чистопольском кантоне в голодные 1921–1922 гг. Население кантона, по приблизительным подсчетам, уменьшилось на 200 тыс. человек (500 тыс. — в 1920 г., 405350 — в 1921 г., 301868 — в 1922 г.).

Множество проблем, порожденных голодом, не могло быть разрешено лишь местной республиканской и кантональной властью. Не хватало грамотных специалистов на местах, не было устойчивого порядка в стране. В результате хаос порождал беду, с которой, как умели, пытались бороться и чистопольские власти.

Литература

1. Бич народа: литературно-научный иллюстрированный сборник / Под ред. Исхака Казакова. Очерки страшной действительности. — Казань: ЦК Помгол при Татцике, 1922. — 112 с.
2. Детские дома в Чистополе // Известия ТатЦИКа. — 1921. — №236. — 23 декабря.
3. Казаков И. Бейте в набат // Известия ТатЦИКа. — 1922. — №24. — 1 февраля.
4. Казанец. Людоедство началось — спешите с помощью! // Известия ТатЦИКа. — 1922. — №22. — 29 января.
5. На борьбу с голодом. В кантонах Татреспублики // Известия ТатЦИКа. — 1921. — №286. — 23 декабря.
6. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). — Ф. Р. — 4470. — Оп. 1. — Д. 6.
7. НА РТ. — Ф. Р. — 4470. — Оп. 1. — Д. 7.
8. НА РТ. — Ф. Р. — 4470. — Оп. 1. — Д. 21.
9. НА РТ. — Ф. Р. — 4470. — Оп. 1. — Д. 28.
10. Очерки голодного быта. Голод среди мусульманского населения // Известия ТатЦИКа. — 1921. — №236. — 23 декабря.
11. Пругавин А.С. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898–1899 года. — М.: Посредник, 1906. — 210 с.
12. Сабиров Р. Голод и экономическое состояние Татреспублики // Бич народа: литературно-научный иллюстрированный сборник / Под ред. Исхака Казакова. Очерки страшной действительности. — Казань: ЦК Помгол при Татцике, 1922. — С. 12–14.
13. Хабиб. В Татреспублике // Жизнь национальностей. — 1922. — № 6/7 (14 апреля). — С. 11–12.
14. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 101.
15. ЦГА ИПД РТ. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 197.

УДК 94(47)

ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ТАТАР В XVIII ВЕКЕ

FROM THE HISTORY OF TRADE AND ENTREPRENEURSHIP TATARS IN THE XVIII CENTURY

И.Р.Валиуллин
I.R.Valiullin

Аннотация. Статья посвящена торговой деятельности татарского населения России в XVIII в. Внимание акцентируется на особенностях законодательного регулирования торговли служилых и ясачных татар, входивших в состав российского крестьянства.

Ключевые слова: торговля, служилые татары Казани, ясачные татары, крестьянство, Казань.

Abstract. The article deals with trading activity of the Tatar population of Russia in the XVIII century. Focuses on the peculiarities of legal regulation of trade and serving yasak Tatars, who were part of the russian peasantry.

Keywords: trade, tatars of Kazan, yasak tatars, peasants, Kazan.

В XVIII в. многие служилые и ясачные татары занимались торговлей. В правовом отношении их торговая деятельность как представителей крестьянского сословия была строго регламентирована российским законодательством. Согласно Соборному уложению 1649 г., крестьянам запрещалось держать в городах лавки; разрешалась продажа своих товаров на гостином дворе с «возов и стругов» [5, с. 109, 112]. В XVIII в. крестьян обязывали «записываться» в посад, в противном случае им воспрещалась торговля в городах и слободах; запрещалась торговля крестьян в слободах и селах, находившихся вблизи городов, ограничивался ассортимент выставленных для продажи товаров и др. «...Полное устранение крестьян из области торговли, как это было в допетровскую эпоху», — писал исследователь российской торговли И.М.Кулишер об указе 1778 г. «О приведении купечества и их торговли в хорошее состояние», в котором под-

тверждались прежние ограничения крестьянской торговли [4, с. 261]. Лишь в 1799 г. правительство разрешило крестьянам вести мелочную торговлю, а также торговлю в лавках, подразделяемых на три категории, с уплатой определенного акциза в городскую казну [9, с. 524, 531].

Среди татар, занимавшихся торговлей, в привилегированном положении находились служилые татары Казани. В XVIII в. их торговые права обеспечивались прежними узаконениями верховной власти. Например, в указе 1685 г. «Об освобождении казанских татар от земских податей и повинностей» подчеркивалось, что «...они служилые люди, а не тяглые и не Черной слободы, и торговать им указано всякими торгогами, вместо их великих государей денежного и хлебного жалованья...» [6, с. 702]. Тем не менее в XVIII в. особое положение служилых татар Казани в торговой сфере вызывало конфликты с местными купцами. «...В 1724 и потом в 1742 годах... казанский магистрат и купечество в торгах их делали запрещение и не допускали до строения лавок... <...> А в марте месяце прошлаго 1762 года казанские купцы, имевшиеся их татар... на Гостином дворе и в других рядах лавки, всего 29, с товарами и с деньгами запечатали, и к торгу их не допускают...» [8, с. 322] — указывалось в высочайше утвержденном докладе Сената от 7 августа 1763 г. В конечном итоге привилегии служилых татар Казани верховной властью были подтверждены, а казанскому магистрату было предписано, чтобы «...татарам в торгах помешательства отнюдь чинено не было...» [8, с. 325]. Хотя, видимо, продолжали существовать трения между казанскими служилыми татарами и купцами в торговой сфере. Отголосок этих разногласий встречается в наказе слободских татар Казани в Уложенную комиссию 1767 г., в котором они просили дозволить им и впредь беспрепятственно торговать, особенно в Казани [11, с. 309].

Еще одной группой татар, преимущественно занимавшихся торговлей, были жители Сеитовской слободы. Она была основана в 1744 г. в районе Оренбурга выходцами из Казанской губернии, зажиточными татарами. Они должны были налаживать торговые отношения России с восточными странами. При учреждении слободы татарам были предоставлены определенные

льготы: они освобождались от рекрутской повинности, им разрешалось строить мечеть [7, с. 41].

В 1776 г. группе татар, отличившихся при подавлении восстания Е.И.Пугачева (1773–1775 гг.), разрешили заниматься торговлей по всей России, обязав их записаться в купечество.

Остальная масса служилых и ясачных татар подпадала под ограничения российского законодательства. Характерный пример этого — законодательные акты 1763 г., в которых, с одной стороны, подтверждались торговые привилегии служилых татар Казани, а с другой — отказывалось служилым татарам в «безпрепятственном произвождении» торговли в уездах, на ярмарках и базарах; воспрещалась торговля в Казани «приезжающим из уездов татарам» [8, с. 290, 325].

Отражением неравноправной ситуации в торговой сфере стали выступления татарских депутатов в Уложенной комиссии 1767–1768 гг. Они настойчиво доказывали необходимость свободы торговой деятельности. А.Еникеев (депутат от служилых мурз и татар Пензенской провинции) и Р.Алкин (депутат от приписных к Казанскому адмиралтейству служилых мурз и татар) апеллировали к историческому прошлому и говорили, что служилые мурзы и татары «...издревле торговали без всякаго препятствия своими местными товарами...», «...издревле производили всякие торги...» [10, с. 116, 141]. Р.Алкин оценивал деятельность татар и с точки зрения соблюдения государственных интересов: благодаря торговым занятиям они имели возможность выплачивать государственные подати, иметь «...лучшую исправность... в корабельных работах и в других службах» и в дальнейшем сохранить «всегдашнюю исправность» [10, с. 143, 224]. По мнению татарских депутатов, здесь проявлялась и забота о своих сородичах, в т.ч. и о малоимущих, получавших «немалую пользу» от торговой деятельности. Одни из них не имели возможность отлучаться в город, для других поездки для продажи или покупки товаров из-за дальности расстояния являлись убыточными. Поэтому эту миссию взяли на себя более состоятельные татары, которые, по словам Р.Алкина, скупали в городе товары, а затем продавали или обменивали их на «домашние произведения». Кроме того, татарские депутаты выразили недовольство действиями русских купцов, в т.ч. «по-

мешательством» торговым промыслам, конфискацией товаров, принуждением к торговле по кредитным письмам.

В большинстве своем татары обходили законодательные запреты, чтобы заниматься торговой деятельностью. Одной из таких возможностей была торговля по кредитным письмам от купцов. Однако такая торговля представлялась для татар рискованным делом. Они опасались недобросовестности купцов, которые могли отнять закупленные для продажи товары и лишить их «капитала». На этой почве у татар нередко возникали конфликты с купцами.

Из среды татар, занимавшихся торговлей, выделялись те, кто был «покапитальнее». Таких было немало среди жителей татарских слобод Казани — владельцев торговых лавок, вотчин, пашенных земель, сенных покосов. Состоятельные татары имели возможность вести оптовую торговлю: «Кто из нас достаточнее, накупя в городе... товары и ездя по деревням, продает и меняет их... отвозит в город и продает купцам оптом...» [10, с. 142].

Предметами купли, продажи и обмена были воск, мед, сало, масло, хлеб, мясо, скот, шерсть, кожа, а также европейские товары, среди которых имелись «кармазинная, полукармазинная голландская» сукна. География торговых операций татар была обширна и охватывала разные уезды. В некоторых уездах, например в Слободском уезде Вятской провинции, они пытались добиться перехода в их руки местной уездной торговли, мотивируя тем, что городские купцы «...уездными торгами не торгуют, а торгуют лавками и отпуском в дальня места» [11, с. 342].

Особый интерес, например для служилых татар Казани, представлял Уфимский уезд. Здесь русские купцы не могли соперничать с ними из-за незнания башкирского языка и местных обычаев. Предметом торговых операций татар в Уфимском уезде среди прочего были лошади, которых они «...покупали и выменивали... на разные товары, на платье и на другие потребные предметы» [10, с. 223]. Татар, торгующих в этом регионе, ожидали препятствия. Власти пытались ограничить их торговлю, очевидно руководствуясь, прежде всего, политическими мотивами. Упоминание о подобных запретах можно найти в одном из наказов служилых татар в Уложенную комиссию 1767 г.: «...даются для торговых промыслов и для прокормления рабо-

тою... от Казанской адмиралтейской конторы пашпорты, в которых прописывается подтверждение, чтоб, будучи в том отпуску, в башкирские жилища отнюдь не отъехать под страхом смертной казни» [11, с. 313].

Татары успешно торговали на Архангельской, Ирбитской, Макарьевской ярмарках; уверенно чувствовали себя на Оренбургской и Троицкой ярмарках. Они сыграли важную роль в развитии торговых отношений России и Востока. Русское правительство неоднократно пыталось установить торговые связи со среднеазиатскими ханствами. Но попытки русских купцов проникнуть в Среднюю Азию были сопряжены с немалыми трудностями, и прежде всего из-за принадлежности к христианству. Напротив, татарам как мусульманам в восточных странах оказывалась поддержка, и на них распространялись налоговые льготы. Активизации торговли России с Востоком способствовало основание Сеитовской слободы. Была организована караванная торговля со странами Средней Азии: в 1749 г. Абдул Хаялин отправил караван с товарами на сумму 3000 руб., в 1750 г. — на сумму 5000 рублей. Основной ассортимент вывозимых товаров составляли изделия текстильной и кожевенной промышленности, меха. Внешняя торговля, производимая татарами, была довольно значительна. Татарские торговцы держали в своих руках 3/4 всего торгового оборота России со странами Средней Азии через Оренбург [1, с. 43]. Кроме того, они заключали торговые сделки в Афганистане, Иране, Китае. К примеру, в Китай отправляли козловые кожи, а вывозили чай, китайку и фарфор [3, с. 201].

В конце XVIII в. татарские коммерсанты стали пополнять ряды российского купеческого сословия. В 1798 г. 27 татарских семейств подали в Сенат прошение с просьбой разрешить им перейти в купечество [2, с. 58]. В 1800 г. в Казани проживало купцов второй гильдии 8 семейств (50 душ с капиталом 320900 руб.), купцов третьей гильдии — 23 семейства (93 души с капиталом 232400 рублей) [2, с. 59].

В XVIII в., за исключением отдельных групп, торговая деятельность основной массы татарского населения подпадала под жесткие ограничения российского законодательства. Тем не менее торговля оставалась важной частью экономической жиз-

ни татарского населения, которое внесло свою лепту в формирование общероссийского рынка, установление торговых связей с восточными странами.

Литература

1. Гилязов И.А. Развитие торговли у татарского населения Среднего Поволжья во второй половине XVIII в. // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма: Сборник статей. — Казань: ИЯЛИ, 1986. — С. 35–44.

2. Губайдуллин Г.С. Из истории торгового класса приволжских татар // Известия восточного факультета Азербайджанского государственного университета им.В.И.Ленина. — 1926. — Т. 1. — С. 49–74.

3. История Татарской АССР. — Казань: Таткнигоиздат, 1955. — Т. 1. — 550 с.

4. Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. — Петербург: Атеней, 1923. — 318 с.

5. Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. 1. — 1072 с.

6. Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. 2. — 979 с.

7. Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. 12. — 962 с.

8. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т.16. — 1120 с.

9. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Т. 25. — 932 с.

10. Сборник Русского исторического общества: в 148 т. СПб.: Типография Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1871. — Т. 8. — 612 с.

11. Сборник Русского исторического общества: в 148 т. СПб.: Типография М.Меркушева, 1903. — Т. 115. — 546 с.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ДОЧЬ КРЫМА

THE LEGENDARU DAUGHTER OF THE CRIM

В.А.Габдрахманова, Ф.С.Гиниятуллина, Ф.Г.Камальтдинова
V.A.Gabdrakhmanova, F.S.Giniyatullina, F.G.Kamaltdinova

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны крымская земля стала ареной ожесточенных боев. Крымская татарка Алиме Абденнанова создала подпольную организацию, где в составе разведгруппы выполняла задания советского командования и добывала сведения о немецких войсках, за что подверглась нечеловеческим пыткам.

Ключевые слова: разведчица, подпольная организация, радиограмма, провокатор, тюрьма, подвиг.

Abstract. During the Great Patriotic War, the Crimean land became the arena of fierce fighting. Crimean Tatar Abdennanova Alim created an underground organization where, as part of the reconnaissance group, she carried out the tasks of the Soviet command and extracted information about the German troops, for which she was subjected to inhuman tortures.

Keywords: scout, underground organization, radiogram, provocateur, prison, feat.

С тех пор как отгремели залпы Победы, прошло 72 года. Но подвиги советских людей, совершенные ими ради жизни на земле, не перестают волновать нас, потому что они бессмертны и живут в памяти поколений, в их свершениях, становятся символом мужества, горячей любви к Родине, готовности к ее защите.

Вторая мировая война была самой крупной и тяжелой в истории человечества. В войне участвовало 61 государство с населением 1,7 млрд человек, погибло более 50 млн человек.

Основной удар этой войны принял на себя Советский Союз. Война стала для советского народа Великой Отечественной. Истоками победы стали героизм и мужество бойцов и команди-

ров Красной Армии, беспримерный трудовой подвиг всех труженников тыла, военное искусство советских полководцев.

Народам СССР в годы войны пришлось пережить еще одно тяжелое испытание. По надуманным обвинениям выселялись со своих исконных земель немцы Поволжья, калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары и др. народы. «Великая Отечественная война для многоязычного населения Крыма оказалась особо трагичной: на его долю выпали все тяготы героической обороны полуострова, жизни в немецкой оккупации; самым роковым для него было решение советского правительства о принудительном выселении из-за «неблагонадежности» [1, с. 475].

В годы Великой Отечественной войны десятки тысяч сыновей и дочерей крымско-татарского народа с оружием в руках защищали честь и независимость отчизны. Тысячи воинов — крымских татар были удостоены высших наград Родины. Например, славный сын, гордость крымско-татарского народа — дважды Герой Советского Союза, кавалер трех орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, заслуженный летчик-испытатель СССР Амет-хан Султан. Также звания Героя Советского Союза удостоены Абдуль Тейфук, Узеир Абдураманов, Анатолий (Фетислям) Абилов, Абдураим Решидов и др.

Отдельно следует сказать о женщинах — крымских татарках, которые сражались против фашистов как на фронтах Второй мировой войны, так и в партизанских отрядах. Как правило, это были врачи, медсестры, связистки, разведчицы. Среди них была 19-летняя разведчица Северо-Кавказского фронта Отдельной Приморской армии Алимэ Абденнанова — она же София, связь с которой прекратилась в феврале 1944 года, она же Аня, никого не выдавшая, ничего не сказавшая палачам о себе.

Алимэ родилась 4 января 1924 г. в деревне Джермай-Кашик в крымско-татарской семье. Детство и юность ее прошли в этой деревне. С отличием окончила семилетнюю Камыш-Бурунскую среднюю школу имени М.Горького, где ее называли Аней. Стала работать секретарем в Узун-Аякском сельсовете Ленинского района Крыма. Позднее была назначена заведующей общим отделом Ленинского райисполкома.

Уже в первые дни Великой Отечественной войны Алимэ несколько раз подавала заявление с просьбой направить ее на

фронт, но ей отказывали, ссылаясь на то, что она — служащая исполкома.

Она окончила трехмесячные курсы санитаров-инструкторов, затем была призвана в армию Краснодарским РВК и поступила на работу в госпиталь Краснодара.

После падения Керчи и Севастополя в мае и июле 1942 г. Крым оказался полностью под контролем частей вермахта. После разгрома немецких войск в Курской битве, а также освобождения Новороссийска и Тамани 16 сентября 1943 г., у советского командования появились планы по освобождению Крыма. В район города Старый Крым было направлено несколько разведчиков, но шансов на выживание у них было мало из-за усиленных нацистами мер безопасности. Командование пришло к выводу, что для выполнения спецзаданий в Крым нужно направить не вызывающего подозрений человека из местных крымских татар. Такой была Алиме Абденнанова, сразу же согласившаяся сотрудничать с военной разведкой.

Осенью 1943 г. на окраине аэродрома поднялся в воздух маленький По-2 и взял курс на Крым. В самолете находились две девушки — Алиме и Инна. Прыгали ночью. Приземляясь, Алиме вывихнула ногу, с трудом добралась до Джермай-Кашика.

Для более успешного сбора необходимых командованию сведений она создает подпольную организацию «Дая», в которую входят ее дядя Абдуракип Болатов, учительница Наджибе Батталова, помощник начальника станции Семь Колодезей Е.Г.Иванов, сцепщик вагонов А.А.Ачкалов, стрелочник Петляк и близкая Алиме молодежь.

Юноши вели круглосуточное наблюдение за железной дорогой и шоссе. Подпольщики устанавливали систему оборонительных сооружений на Керченском полуострове, дислокацию частей и штабов противника в районе станции Семь Колодезей и окрестных сел. С каждым днем работа подпольщиков активизировалась. На Большую землю поступала точная информация.

«Радиограмма №16 от 19.10.43. В деревне Семь Колодезей — штаб третьей румынской пехотной дивизии. Здание штаба выделяется цинковой крышей — 200 метров от шоссе к северу, 400 метров юго-западнее железнодорожной станции Семь Колодезей, за школой — склад горючего...».

«Радиограмма №39 от 26.11.43. Район Султановки окружен патрулями, объявлен запретной зоной. Там штаб немецкой армии...»

«Радиограмма №7 от 14.01.44. На аэродром Багерова в транспортных самолетах прибывают войска...13.01., по шоссе в сторону фронта прошло 8 автомашин со снарядами...» [4, с. 31].

81 донесение Алиме дало советскому командованию ценнейшие сведения о численности, расположении, перемещении частей противника на Керченском полуострове. По ее ориентирам наша авиация наносила удары по скоплениям войск и боевой технике врага, разбила несколько его эшелонов.

За мужество при выполнении боевого задания Аня — Алиме Абденнанова была награждена орденом Красного Знамени. Но получить награду девушке не довелось.

Долго искали следы подпольщиков гестаповец Михельсон и предатели Зуб, Дубогрей, Оленченко, Купрыш. Однако обнаружить их не удавалось...

В камеру гестаповской тюрьмы в Старом Крыму, где находилось несколько партизан, немцы посадили провокатора, через которого протянули нить связей. Через день помощника начальника станции Семь Колодезей арестовали. 25 февраля 1944 г. Алиме, радистка Инна и еще 6 человек были арестованы. Зуб, Оленченко и Дубогрей вывернули Алиме руки, сорвали ногти. Ее красивое лицо было обезображено побоями. Густые каштановые волосы палачи вырывали целыми прядями. Перебили ноги.

Гестаповцы получили приказ: любой ценой добиться показаний Алиме. Инна, увидев пытки партизан, не выдержала: согласилась сотрудничать с нацистами и раскрыла местонахождение радиостанции.

Допрос продолжался двое суток. Алиме допрашивал командир карательного отряда ГПФ-312, палач и садист оберлейтенант Рудольф Циммер. Ее избивали резиновыми дубинками, топтали коваными немецкими сапогами, жгли калеными прутами... Когда теряла сознание, девушку обливали холодной водой... Потом снова мучили... Не добившись признаний, безжизненное тело Алиме бросили в камеру.

5 апреля 1944 г., за неделю до освобождения Крыма Красной Армией, в возрасте 20 лет Алимэ была расстреляна во дворе симферопольской тюрьмы. Место ее захоронения осталось неизвестным, однако имеются предположения, что могилой для героя стал ров на месте расстрела. После освобождения Крыма советскими войсками был найден дом Абденнановых, и начальник разведотдела Приморской армии обещал ее родственникам, что «подвиг Алимэ никогда не будет забыт», после чего дело было закрыто.

9 марта у подножия горы Агармыш были расстреляны подпольщики А.Болатов, Н.Батталова, Д.Меннанов, Х.Мамбетджанов, С.Меннанов и др.

Через месяц, 18 мая, началась поголовная депортация всех крымских татар в разные районы СССР, от которой пострадали родственники Алимэ, в частности бабушка Ревиде и сестра Азифе, тоже разведчица, позже написавшая воспоминания о работе разведгруппы «Дая».

За героизм, мужество и отвагу, проявленные Алимэ в годы Великой Отечественной войны, 1 сентября 2014 г. Владимир Путин подписал указ о присвоении военной разведчице звания Героя России посмертно. Ее именем назван парк в поселке Ленино, улицы в Симферополе, Керчи и Феодосии.

В феврале 2015 г. на экраны вышел фильм о юной разведчице — «Крымская легенда», в котором снялись племянники Алимэ Абденнановой, которые, по рассказам родственников, очень хорошо знают подвиг своей знаменитой тети и гордятся ею.

Литература

1. Татарская энциклопедия: В 6 т. — Казань: Ин-т татарской энциклопедии АН РТ, 2006. — Т. 3: К–Л. — 664 с.
2. Умеров А. Халкънынъ федакяр эвляды // Ыылдыз. — 1983. — №6. — С. 38–92.
3. Шастун Е. Герой России — разведчица Алимэ // Крымские известия. — 2015. — 28 фев.
4. Хурштуов А. Собрать, осмыслить, сохранить. — Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. — Кн. 5. — 162 с.

5. Хуршутлов А., Абдураимов В. Амет-хан в памяти современников. — Симферополь: Крымучпедгиз, 2010. — 202 с.
6. Хуршутлов А., Абдураимов В. Имена незабываемые. — Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. — 192 с.
7. Хуршутлов А., Холан Т. Книга памяти города Алушки. — Симферополь: Крымучпедгиз, 2010. — 120 с.
8. Хуршутлов А., Ячик А., Куку К., Гралов Р. Свидетельствуют архивы народа. — Симферополь: Крымучпедгиз, 2010. — 136 с.

**ТАТАРСКИЙ АНТИБОЛЬШЕВИЗМ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1918–1930 ГГ.)**

**TATAR ANTI-BOLSHEVISM IN THE FAR EAST
(1918–1930)**

Д.Р.Зайнутдинов
D.R.Zaynutdinov

Аннотация. Работа направлена на изучение татарской антибольшевистской эмиграции на территории Дальнего Востока, ее территориального расположения и политико-правового развития. Исследуется влияние Японии на дальневосточные татарские диаспоры. Рассматриваются попытки консолидации представителей татарской антибольшевистской эмиграции. Дается оценка роли М.-Г.Курбангалиева и Г.Исхаки в формировании татарской антибольшевистской мысли.

Ключевые слова: татарский антибольшевизм, татарская эмиграция, Гражданская война, Дальний Восток, Япония.

Abstract. The work is aimed at studying the Tatar anti-bolshevik emigration on the territory of the Far East, its territorial location and political and legal development. The influence of Japan on the Far Eastern tatar diasporas is investigated. Attempts are being made to consolidate representatives of the tatar anti-bolshevik emigration. An estimation of the role of M.-G. Kurbangaliyeva and G. Iskhaki in the formation of the tatar anti-bolshevik thought.

Keywords: tatar anti-bolshevism, tatar emigration, Civil War, Far East, Japan.

На Дальний Восток представители татарского антибольшевизма стали прибывать осенью 1918 г., что связано с разгромом Народной армии Комуча в Волго-Уральском регионе. Причина динамичного формирования центров татарской антибольшевистской эмиграции в 1919 г. кроется в завершающем этапе Гражданской войны на Востоке России. После разгрома Русской армии Российского правительства М.-Г.Курбангалиев уводит на Восток России до 2500 башкирских и зна-

чительное число татарских семей, тем самым спасая их от большевистского террора. [6, с. 139]. К середине 1919 г. на границе с Китаем оформляется первый крупный центр татарской антибольшевистской эмиграции. С прекращением существования «белого» режима на Востоке России пали и все национальные правительства в Средней Азии, что вызвало новую волну антибольшевистской эмиграции, настроенную более агрессивно по отношению к советской власти.

К началу 1920-х гг. XX в. на территории Китая татарам удастся создать достаточно мощный национальный плацдарм, свободный от политического давления большевиков. «Крупной этнической группой в Китае еще до революции были татары. Кроме торговли, основными видами их занятости были ремесла (скорняжное дело и выделка кож). В городе Кульдже существовал обособленный татарский район города — Ногай-город. Здесь действовали татарская школа, мечеть, работал татарский самодеятельный театр, музыкальный, танцевальный и изобразительный кружки. Именно в Ногай-городе возникло первое татарское движение. Татарская диаспора считалась наиболее образованным, организованным и предприимчивым сословием» [13, с. 14]. Также татарская диаспора была многочисленна в Шанхае. Адиле Айда отмечала, что в Харбине нашли пристанище многие беженцы — «русские, казанские тюрки, евреи» [2, с. 127]. Защищенная государственной границей от красного террора и возможных репрессий, татарская эмиграция начинает независимое и динамичное развитие политико-правовой мысли. Так, А.И.Галямудинов провел весьма важное историко-филологическое исследование по татарской эмигрантской прессе и периодике [4], которое позволяет не только проследить приоритетные направления и интересы татарских диаспор на Дальнем Востоке, но и выявить влияние антибольшевистских идей на разные социальные слои. «Первые печатные издания на татарском языке появились в Харбине (Китай), так как именно там в начале 20-х годов XX в. было больше всего татарских эмигрантов, в том числе из военных» [4, с. 34]. Харбинская мусульманская община была самой старой и самой многочисленной из всех татарских эмигрантских организаций на Дальнем Востоке [5, с. 719]. После окончания Гражданской войны в Рос-

сии в 1922 г. на бывшую Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), «перешедшую после поражения России в войне с Японией в руки последней (находилась под управлением японцев до 1924 года), стала прибывать вторая группа татар — солдат бывшей белой армии со своими семьями. Главным образом, они стали расселяться в Харбине и Хайларе, особенно в пригороде Хайлара — Багре, где уже проживало много их единоверцев-мусульман» [3, с. 35]. Татарская эмиграция была встречена весьма положительно со стороны мусульман, давно обосновавшихся на Дальнем Востоке. Таким образом, с 1920 г. дальневосточный центр преобразовывается в центр сосредоточения татарского антибольшевизма. Примечательно, что Харбин был наиболее крупным центром сосредоточения всей российской эмиграции, которая внесла огромный вклад в экономическое развитие города и провинции Хэйлунцзян.

В истории антибольшевистской борьбы на Дальнем Востоке не только Приамурский земский край (июль — октябрь 1922 г.) стал олицетворением монархическо-консервативного режима, аналогичной природой обладала и более ранняя государственность — Автономия Внешней Монголии (февраль — июль 1921 г.), образованная благодаря «белому» командующему Азиатской конной дивизией барону Р.Ф.Унгерну. Здесь особо выделяется то, что барон Р.Ф.Унгерн ставил своей целью возрождение «Монгольской империи», тем самым стремясь усилить тюркский элемент в оформлении государственности. «Идея фикс барона — Срединная империя, которая призвана, как при Чингисхане, стать центром мироздания. Вокруг нее должны будут вращаться орбиты других народов, в том числе европейских, которым предстоит войти в состав Срединного Царства» [12, с. 172]. В данном аспекте важно, что в составе Азиатской конной дивизии «служили забайкальские казаки, буряты, монголы, харачины, татары, башкиры, китайцы, японцы и представители некоторых других народов. Все они были добровольцами» [12, с. 138]. Одним из основных ударных формирований Азиатской конной дивизии барона Р.Ф.Унгерна являлся 1-й Татарский конный полк, который особо проявил себя в ходе штурма Урги — столицы Автономной Внешней Монголии с 1 по 4 февраля 1921 г. Монархическими лозунгами и иде-

ей возрождения «Монгольской империи» барон стремился вовлечь в антибольшевистскую борьбу как можно больше тюркских народностей Восточного Казахстана (казахов) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (уйгуров). «Но утопией было привлечь на свою сторону казахов и другие соседние народы лозунгом единения монгольской расы. Ведь кроме расовой принадлежности, да еще кочевого образа жизни, казахов с монголами абсолютно ничего не связывало» [12, с. 257]. Более того, для укрепления тюркского элемента в государственности Автономной Внешней Монголии в планах барона Р.Ф.Унгерна было установление контактов с наиболее радикально настроенной татарской и башкирской антибольшевистской эмиграцией. В то же время первые военные и политические успехи барона Р.Ф.Унгерна заставили советскую власть более серьезно отнестись к проблеме государственности Автономной Внешней Монголии. Неординарная стратегия и тактика деятельности барона Р.Ф.Унгерна «наряду со смешанным национальным составом Конно-Азиатской дивизии придали боевым операциям высокий динамизм. Эпизоды российского гражданского сопротивления территориально и хронологически совпали с событиями национально-освободительного движения в Монголии» [11, с. 255]. В дальнейшем усилиями советской власти с 1 по 3 марта 1921 г. в Кяхте состоялся I съезд Монгольской народной партии, на котором монгольский народ берет социалистический ориентир, столь ненавистный барону Р.Ф.Унгерну. Далее, в целях разложения Азиатской конной дивизии, 31 марта 1921 г. «ЦК РКП(б) постановил издать воззвание от имени Башкирского и Татарского обкомов к башкирам и татарам Азиатской дивизии с обещанием им полной амнистии возвращения на родину в случае прекращения борьбы» [12, с. 253]. Таким образом, советская власть, параллельно с наступательными действиями против басмачества в Средней Азии, пресекает любые попытки вовлечь весомую часть татарской эмиграции в новый виток антибольшевистской борьбы.

Как справедливо отмечает Р.Б.Гайнетдинов, «спектр политических настроений татэмиграции на Дальнем Востоке был достаточно широк. Военных чинов белой армии отличала враждебная настроенность к Советской власти» [3, с. 37–38]. Изна-

чально осевшие в Китае государственные служащие и военные ранее существовавших на Востоке России «белых» режимов сыграли значимую роль в истории дальневосточного центра, формирующего татарскую антибольшевистскую мысль. Например, внук М. Давлеткильдеева, одного из богатейших купцов Северо-Казахстанской области, Ибрагим «воевал на стороне белых и успешно эмигрировал в Харбин, а затем и в Мукден, в Японию. Там он становится одним из основателей мусульманской общины, а чуть позже — секретарем Исполнительного комитета тюрко-татар Идель-Урала на Дальнем Востоке (Меркез)» [10, с. 26]. Огромное влияние на татарскую антибольшевистскую эмиграцию на Дальнем Востоке, как отмечает Комацу Хисао, оказал Г. Ибрагим, который «был одним из самых выдающихся мусульманских интеллектуалов, проявлявших интерес к Японии» [8, с. 365].

Значимую роль в формировании татарской антибольшевистской эмиграции на Дальнем Востоке сыграла Япония. Японские войска пребывали в России на протяжении всего периода Гражданской войны 1918–1922 гг. В японских политических и военных кругах были сильны монархически-консервативные ориентации, что обусловлено формой правления и политическим режимом самой Японии, просуществовавшим вплоть до 1945 г. К середине 1920 г. монархическо-консервативные группы на территории «белого» Востока России показали свою политическую несостоятельность и дальнейшую нежизнеспособность. Переговоры, проведенные между Дальневосточной республикой и Японией 24 мая 1920 г., «показали, что в Японии начали убеждаться в бесперспективности дальнейшей интервенции, предложив Г. М. Семенову искать политическое решение» [11, с. 225]. Вследствие этого уже «25 июля 1920 года началась эвакуация японских войск из Забайкалья, окончившаяся 15 октября» [11, с. 227], хотя фактически территорию Дальнего Востока японские вооруженные силы покинули 25 октября 1922 г. Тем не менее японские милитаристы не оставляли надежды о своем закреплении на Дальнем Востоке, в связи с чем в июле 1922 г. они поддержали образование монархическо-консервативной «белой» государственности в Приморье, просуществовавшей с 23 июля по 25 октября 1922 г. В течение всего 1922 г. Япония

обеспечивала политическую и финансовую поддержку монархическо-консервативного «белого» государственного образования (Приамурского земского края). В дальнейшем, после краха в Приамурье монархическо-консервативного режима, установленного М.К.Дитерихсом, японские власти перестроились на поддержку многочисленных национальных групп, пребывавших в эмиграции на территории Дальнего Востока.

Провалившуюся интервенцию японская администрация стремилась компенсировать поддержкой антибольшевистских настроений в национальных диаспорах, и прежде всего русской и татарской. Данное обстоятельство объясняется тем, что «татаро-мусульманская диаспора в эмиграции держалась особняком, не вступая в тесные контакты с представителями других национальных колоний» [13, с. 22]. Это обеспечивало уникальность развития татарской антибольшевистской мысли, так как она преследовала идеи образования независимой национальной государственности татарского народа. В секретном сообщении представителя советской разведки «О мусульманских организациях в Харбине» (не датированном — ориентировочно середина 1920-х гг.) указывалось следующее: «В 1920 же году по всей территории Манчжурии по инициативе беженцев-студентов началась организация тюрко-татарской молодежи. Такие организации были на ст. Манчжурия, Цацикар, Харбин и Владивосток. Цель организации — воспитание татарской молодежи в национальном духе, привитие им идеи о будущей борьбе с какой бы то ни было Россией за самостоятельность тюркских народностей» [5, с. 708–709]. Особо активным участником данного движения являлся бывший татарин — студент Томского университета Нурмухамет Бухараев. Таким образом, татарская антибольшевистская эмиграция и ее идейно-политическое развитие попадают под пристальное внимание японской властной элиты. Военная администрация японской Квантунской армии и правительство марионеточного государства Маньчжу-Го не чинили препятствий национальной жизни татарской эмиграции [1].

Функционирование татарских общественных организаций, действовавших на конфессиональной, этнической и профессиональной основах, «создавало возможности для поддержания традиционного образа жизни и способствовало сохранению

языка, культуры, национального самосознания. Наиболее устойчивой из них, как показало время, являлась махалля «Исламия». Ее отделения действовали в Маньчжу-Го, Китае, Корее и Японии» [1]. На первоначальном этапе огромную роль в организации и укреплении татарских эмигрантских общин на территории Дальнего Востока сыграл выдающийся лидер башкирского национального движения Мухаммед-Габдулхай Курбангалиев. Сохранение татарской антибольшевистской мысли произошло именно благодаря М.-Г.Курбангалиеву. Следует отметить, что М.-Г.Курбангалиев в период Гражданской войны на Востоке России был сторонником Российского правительства и представлял ту часть мусульманской антибольшевистской эмиграции, которая стремилась к консолидации за рубежом со всеми российскими национальными диаспорами. Однако в связи с активизацией деятельности представителей татарского антибольшевизма влияние М.-Г.Курбангалиева на мусульманскую эмиграцию, в том числе и татарскую, начинает резко ослабевать. Так, например, в аналитической справке №120900, подготовленной иностранным отделом Главного управления государственной безопасности НКВД СССР 10 ноября 1934 г., отмечается следующее: «Выступления Исхаки и рост его влияния среди тюрко-татарского населения вынудили Курбангалиева также выступить открыто против Исхаки и его сторонников» [5, с. 711]. Тем не менее политический авторитет М.-Г.Курбангалиева среди мусульманской эмиграции был значительно ниже авторитета Г.Исхаки и его ближайших соратников из правосоциалистического антибольшевистского лагеря, таких как Г.Х.Терегулов. В целом татарские национальные круги совершенно необоснованно считали авторитет М.-Г.Курбангалиева сильно подорванным после сотрудничества с Российским правительством. Так Г.Исхаки продолжал стремительно завоевывать все большее влияние среди эмиграции [5, с. 712]. В то же время Г.Исхаки преследовал более глобальную цель, нежели укрепление татарской эмиграции на Дальнем Востоке или в Японии. Его целью было распространение татарской правосоциалистической антибольшевистской мысли в мировом масштабе. Именно этим объясняются его «путешествия» по странам, в целом настроенным антисоветски: Маньчжу-Го, Япония,

Саудовская Аравия, Турция, Польша, Финляндия, Германия. Так представители татарского антибольшевизма начинают выступать от имени всех мусульманских народов России, отстаивая их национальные и культурные права, а также право на самоопределение. Благодаря активной деятельности татарской эмиграции мусульманские диаспоры, не испытывая давление органов власти иностранных государств, значительно укрепились в материальном и экономическом плане. Например, японское правительство в полной мере осознавало силу общественно-политических центров татарской эмиграции, динамично развивавших антибольшевистскую мысль, с помощью которой можно было значительно усилить распространение националистических и религиозных идей среди народов Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, а также укрепить положение Японии во всем азиатском регионе. Тем самым данная деятельность была направлена на подрыв влияния держав Европы и Советского Союза в азиатском регионе посредством территориального распространения следующих идеологических направлений: в Средней Азии — пантюркизма; в Южной Азии — панисламизма. Сказанное находит подтверждение в анализе типологии татарской эмигрантской прессы по кругу интересов аудитории [4, с. 42]. Так, в Японии наиболее популярными темами среди татарской эмиграции являлись общественно-политические и религиозные.

В заключение отметим, что уже в июне 1921 г. В.И. Ленин высоко оценил потенциал и возможности российской эмиграции, отмечая: «Классовую организацию они (крупные земельные собственники и капиталисты. — Д.З.) сохранили за границей, как эмиграция, насчитывающая, вероятно, от 1¹/₂ до 2-х миллионов человек, имеющая свыше полусотни ежедневных газет всех буржуазных и «социалистических» (т.е. мелкобуржуазных) партий, остатки армии и многочисленные связи с международной буржуазией. Эта эмиграция всеми силами и средствами работает над разрушением Советской власти и восстановлением капитализма в России» [9, с. 5]. Сказанное В.И. Лениным было подтверждено событиями начала 1920-х гг., когда либерально-демократическая и социально-демократическая российская эмиграция предприняла попытки консолидации и

создания единой антибольшевистской платформы. В данный период среди эмигрантов-кадетов рождается концепция «новой тактики», инициатором которой был П.Н.Милюков. «Помощь эсеров, по мнению Милюкова, могла понадобиться и для обеспечения влияния партии среди трудящихся слоев населения, в первую очередь, крестьянства, где позиции кадетов были традиционно слабы. Милюков надеялся также использовать имеющиеся, как он рассчитывал, у эсеров связи с «внутренней Россией» [7, с. 145]. Аналогичным образом пытались консолидироваться и идейные течения в среде эмигрантов-мусульман. Так, «осенью 1923 года в Берлине по инициативе Исхаки состоялось совещание с участием С.Максуди, Г.Баттала, Г.Терегулова, Ф.Туктарова, И.Акчурина, А.Шафеева (Шафи Алмаса), З.Валиди, М.Букейханова и др. известных татарских, башкирских и казахских эмигрантов» [4, с. 57]. Еще одной попыткой консолидации эмигрантов-мусульман стало проведение с 4 по 14 февраля 1935 г. I Дальневосточного съезда тюрко-татар (Мукденский конгресс) в городе Мукден (Китай), собравшего татарские диаспоры Дальнего Востока — Японии, Кореи, Китая, Маньчжоу-Го. В данном отношении Р.Б.Гайнетдинов подчеркивает: «Представители дальневосточной общественности к итогам съезда отнеслись все же неоднозначно» [3, с. 118]. В целом тенденция к объединению эмиграции была недолговременной. Попытки объединения лишь медленно усугубляли противоречия между различными идейными направлениями.

Дальневосточный центр развивался в связи с активной деятельностью антибольшевистского офицерства, интеллигенции и мелкой буржуазии, зажиточных крестьян. Данные классовые группы, в силу привязанности к «белым» государственным образованиям, смогли пройти весь исторический период Гражданской войны, испытывая огромные тяготы и лишения. Это, в целом, выработало агрессивный характер татарской антибольшевистской мысли эмиграции на Дальнем Востоке по сравнению с европейской.

Литература

1. Адутов Р.М. Тюрко-татарская эмиграция в Японии. — Набережные Челны, 2001. — 154 с.

2. Айда Адиле. Садри Максуди Арсал / Пер. с тур. В.Б.Феновой. — М., 1996. — 359 с.
3. Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало XX века — 30-е годы. — Набережные Челны: Камский издательский дом, 1997. — 160 с.
4. Галямутдинов А.И. Татарская эмигрантская пресса первой половины XX века. — Казань: Бриг, 2016. — 146 с.
5. Гаяз Исхакый: тарихи-документаль жыентык / Төз.-авт.: С.Рәхимов, З.Мөхәммәтшин, А.Заһидуллин. — Казан: Жыен, 2011. — 964 б.
6. Ислам на Урале: энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. и отв. Ред. — Д.З.Хайретдинов. — М.: Медина, 2009. — 404 с.
7. Канищева Н.И. Разработка П.Н.Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П.Н.Милюков: историк, политик, дипломат: Материалы международной научной конференции. — М.: РОССПЭН, 2000. — 560 с.
8. Комацу Хисао. Мусульманские интеллектуалы и Япония. Панисламистский посредник Габдерашит Ибрагим (Ибрагимов) / Пер. с англ. Р.Люкманов, ред. пер. Р.Кадыров // Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биографик жыентык / Төз.: М.Госманов, Ф.Галимуллин. — Казан: Жыен, 2011. — 432 б.
9. Ленин В.И. Полное собр. соч. — Изд. 5. — М.: Изд-во полит. лит., 1970. — Т. 44. — 725 с.
10. Махмутов З. Татары Северо-Казахстанской области: история, культура, идентичность. — Казань: Иман, 2011. — 136 с.
11. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 415 с.
12. Соколов Б.В. Барон Унгерн. Черный всадник. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. — 448 с.
13. У Яньцю. Российские диаспоры в Китае в первой половине XX века: национальный состав, проблемы адаптации и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Место защиты: Дальневост. федер. ун-т. — Владивосток, 2016. — 24 с.

УДК 94:2(470.41)

**ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
(НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ АССР)**

**FEATURES OF SOURCES ON STORIES OF THE STATE
AND CONFESSIONAL RELATIONS DURING THE SOVIET
PERIOD (ON THE EXAMPLE OF TATAR THE ASSR)**

Р.Р.Ибрагимов
R.R.Ibragimov

Аннотация. Статья посвящена классификации и анализу источников, отражающих историю взаимоотношений власти и религиозных объединений в советском государстве, на примере Татарской АССР. Автор выделяет основные виды источников, определяет степень их достоверности, показывает потенциал каждого вида источника в исторической реконструкции изучаемых событий.

Ключевые слова: исторические источники, советское государство, Татарская АССР, религиозные объединения, властные структуры.

Abstract. Article is devoted to classification and the analysis of sources by history of state and confessional otnosheniye in Sovetsk the state (on the example of Tatar by the ASSR). The author reveals main types of sources, defines degree of their reliability, shows the potential of each type of a source in historical reconstruction of the studied events.

Keywords: historical sources, Soviet state, Tatar ASSR, religious associations, power structures.

Важнейшим составным элементом любой исторической работы является источниковая база. Комплекс источников, их анализ во многом являются основой выдвигаемых гипотез и формулируемых выводов. В этой связи не является исключением история государственно-конфессиональных отношений

в условиях советской политической и социокультурной действительности.

При кажущемся на первый взгляд однообразии политики советского государства в отношении религии, изучение таких ее составляющих, как механизмы, формы и методы реализации, представляет значительный научный и практический интерес. Всестороннее и глубокое изучение специфики государственно-конфессиональных отношений в указанный период может способствовать выявлению еще неизвестных фактов и событий, определенных тенденций в действиях властей в отношении религиозных объединений, особенностей в функционировании последних. Результаты исследования могут помочь осуществить правильную оценку некоторых проблем в области государственно-конфессиональных отношений на современном этапе.

Рассматривая источники, способные содействовать воссозданию событий и процессов в сфере государственно-конфессиональных отношений в советский период, можно условно выделить пять их видов: законодательные и подзаконные акты советского государства в отношении религии; делопроизводственная документация органов власти, осуществлявших политику государства в области религии; статистические сведения; социологические исследования; периодическая печать.

Ознакомиться с законодательными и подзаконными актами советского государства в отношении религии можно благодаря периодическим изданиям высших органов государственной власти СССР и РСФСР [1, 2, 3], а также специальным юридическо-правовым сборникам [4, с. 1–32; 5, с. 1–356]. Основной массив источников, относящихся к делопроизводственной документации, статистическим сведениям, социологическим исследованиям, а также часть законодательных и подзаконных актов содержатся в Национальном архиве Республики Татарстан и Центральном архиве историко-политической документации Республики Татарстан. В первом случае они сосредоточены в фонде уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР (НА РТ. Ф. Р-873) и в фонде Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР —

описи Комиссии по вопросам культов при ЦИК ТАССР (НА РТ. Ф.Р-732. Оп.6). В Центральном архиве историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ) источники, характеризующие государственно-конфессиональные отношения, находятся в фонде Татарского Обкома КПСС (Ф.15).

Законодательные акты советского государства в отношении религии в полной мере представляют позицию партийно-государственной элиты по религиозному вопросу. Для данных документов характерно совмещение декларативных заявлений о соблюдении принципа свободы совести и положений, нарушающих данный принцип. Примечательно, что государственные правовые акты всецело находились в зависимости от партийных установок. В этой связи есть основания говорить о том, что постановления высшего партийного руководства носили законодательный характер.

Подзаконные акты (постановления, распоряжения, приказы, инструкции по отдельным вопросам) носили директивно-инструктивный характер. В них конкретизировались механизмы и формы реализации политики государства в области религии, поэтому, в отличие от законодательных актов, они более правдивы и детальны в освещении ключевых вопросов государственно-конфессиональных отношений [6, с. 1–187; 7, с. 1–199].

В структуре делопроизводственной документации можно выделить основные тематические группы. К первой из них относятся информационные отчеты исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся, аппарата уполномоченного Совета по делам религий по Татарской АССР при Совете Министров СССР, а также отдела пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС в адрес вышестоящих инстанций.

Содержание данных документов позволяет выявить конкретные факты и события в отношениях властных структур и религиозных объединений, проследить формы реагирования конфессиональных объединений на действия органов государственной власти и наоборот, ознакомиться с решениями последних в связи с какими-либо событиями в религиозной сфере, выявить доминирующие тенденции в религиозной жизни республики на определенных этапах изучаемого периода.

В сравнении с обзорными отчетами уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР, а также отдела пропаганды и агитации Татарского обкома партии некоторые отчеты местных органов власти дают более подробную, детальную картину взаимоотношений властей с религиозными объединениями [11, л. 1–187]. Анализ этих документов позволяет более полно воссоздать формы и методы реализации политики государства в области религии, применявшиеся на местах в отношении конкретных религиозных объединений.

Вторая группа объединяет документы методического характера, подготовленные сотрудниками отдела пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС и направленные местным органам исполнительной власти, а также райкомам и горкомам КПСС для методической помощи при проведении атеистическо-пропагандистской работы [12, л. 1–198; 13, л. 1–150]. Они содержат в себе перечень мероприятий и подробные рекомендации по ее осуществлению, т.е. представляют собой комплексные планы по атеистическому воспитанию граждан. Данные сведения помогают оценить масштабы проводившейся государством антирелигиозной работы, а степень радикальности рекомендованных антирелигиозных мер может служить показателем доминирующих тенденций в партии и правительстве по отношению к религиозному вопросу.

К следующей группе источников относятся ходатайства верующих о регистрации религиозных объединений в адрес государственных и партийных органов власти различных уровней, а также ответы на них последних [8, л. 1–90]. Эти сведения помогают определить уровень религиозности населения республики и степень лояльности или нетерпимости к религии представителей местной, республиканской и центральной власти.

Последнюю группу источников в структуре делопроизводственной документации составляют письма верующих с жалобами на действия местных органов власти и документы, отражающие их последующую судьбу [10, л. 1–178]. Они иллюстрируют наиболее одиозные факты «перегибов» в отношении верующих и духовенства, а также реакцию вышестоящих инстанций власти на наличие таких случаев, что в свою очередь

является одним из показателей приоритетов в политике государства в тот или иной период.

Третий вид источников — статистические сведения — предоставляет солидный блок информации, характеризующей деятельность религиозных объединений как из числа официально функционировавших, т.е. зарегистрированных в органах власти, так и некоторых действовавших без прохождения этой процедуры. Статистика охватывала практически все стороны жизни конфессиональных объединений [9, л. 1–32]. Сюда входили сведения по таким позициям, как численный, половой и возрастной состав каждого из зарегистрированных религиозных объединений; статистические сведения по результатам прошедших религиозных праздников, где учитывалась численность участвовавших, их половозрастной состав и сумма пожертвований; доходы и расходы религиозных объединений и организаций. В отношении духовенства представлены сведения об их численном и возрастном составе, образовательном уровне (как светского, так и духовного), данные о количестве совершенных обрядов. Эти сведения дают уникальный материал для изучения жизни религиозных объединений, имеют большое значение при отслеживании эффективности или, напротив, несостоятельности отдельных аспектов политики властей в отношении религии.

Следует учитывать, что статистические данные, которыми оперировали уполномоченные Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Татарской АССР, не позволяют представить истинный уровень религиозности среди населения республики, так как в советскую эпоху религиозная жизнь по большей части не афишировалась и была скрыта от властей. Статистические сведения, имеющиеся в органах власти и отражающие нелегальную религиозную жизнь, отличается фрагментарность и приблизительность представляемых цифр. В этой связи количество нелегально функционирующих религиозных объединений, их численный, половой и возрастной состав — все эти показатели, использовавшиеся уполномоченными Совета по делам религий при СНК СССР по ТАССР для определения уровня религиозности среди граждан, можно считать весьма условными.

К четвертому виду источников относятся данные социологических исследований. В Татарской АССР социологические исследования религиозности населения получили наибольшее распространение во второй половине 1980-х гг., что во многом было связано с поиском новых путей получения максимально достоверной информации о религиозной ситуации. В отличие от статистических сведений государственных органов, результаты социологических исследований, проводимые научными организациями, базировались на большем числе критериев религиозности населения республики, что позволяет получить более объективную картину религиозной ситуации в Татарской АССР.

В таком виде источников, как периодическая печать, следует выделить специализированные центральные издания — газету «Безбожник», сборник статей «Вопросы истории религии и атеизма», журнал «Наука и религия». Значительное внимание вопросам религии и атеизма уделялось в местной периодике: журналах «Блокнот агитатора», «Коммунист Татарии», газетах «Комсомолец Татарии», «Советская Татария», «Вечерняя Казань». Публикации в них отражали доминировавшие в тот или иной период тенденции в религиозном вопросе и проблемах атеистического воспитания. В то же время данный вид источников наиболее фальсифицирован, поскольку в изучаемый период СМИ отражали не реальную действительность, а являлись проводниками официальных установок партии и правительства. При анализе данного вида источников большое внимание обращают на себя стилистика и лексика, использовавшаяся авторами статей, поскольку даже средства языка были задействованы при реализации политики государства в области религии и характеризовали ее с качественной стороны.

Таким образом, для источников по истории государственно-конфессиональных отношений в советский период характерны частое содержательно-смысловое расхождение законодательных актов с нормативными, идеологизация периодической печати и относительно высокий уровень достоверности делопроизводственной документации.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. — М., 1954–1989.
2. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. — М., 1989–1991.
3. Ведомости Верховного Совета РСФСР. — М., 1958–1990.
4. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. — М., 1929. — С. 1–32.
5. Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. — М., 1971. — С. 1–356.
6. НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп. 1. — Д. 34. — Л. 1–187.
7. НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп. 1. — Д. 41. — Л. 1–199.
8. НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп. 1. — Д. 44. — Л. 1–90.
9. НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп. 1. — Д. 63. — Л. 1–32.
10. НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп. 1. — Д. 70. — Л. 1–178.
11. НА РТ. — Ф.Р-873. — Оп. 1. — Д. 77. — Л. 1–187.
12. ЦГА ИПД РТ. — Ф. 15. — Оп. 12. — Д. 242. — Л. 1–98.
13. ЦГА ИПД РТ. — Ф. 15. — Оп. 13. — Д. 280а. — Л. 1–150.

**СПРАВОЧНИКИ О НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ РФ
1990–2000-Х ГГ.: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И
СОДЕРЖАНИЕ СТАТЕЙ**

**REFERENCE BOOKS ABOUT SETTLEMENTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THE 1990–2000TH:
FEATURES OF STRUCTURE AND CONTENTS OF
ARTICLES**

*Л.Т.Мухаметшина, Л.Т.Нигъмязянова
L.T.Mukhametshina, L.T.Nigmatzyanova*

Аннотация. В статье проанализированы структура и содержание статей справочников о населенных пунктах РФ 1990–2000-х гг. с целью подготовки справочника о населенных пунктах Республики Татарстан, отвечающего современным требованиям, предъявляемым к энциклопедическим изданиям.

Ключевые слова: справочник о населенных пунктах, энциклопедическая статья, схема статьи, Республика Татарстан.

Abstract. In article the structure and contents of articles of reference books about settlements of the Russian Federation of the 1990–2000th for the purpose of preparation of the reference book about settlements of the Republic of Tatarstan meeting the modern requirements imposed to encyclopedic editions are analysed.

Keywords: the reference book about settlements, the encyclopedic article, the scheme of article, the Republic of Tatarstan.

В настоящее время сотрудниками центра регионоведения и социокультурных исследований Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ ведется активная подготовка 1-го тома энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан» (всего планируется три тома). Необходимость в подобном рода издании назрела давно. Предыдущий краткий справочник «Населенные пункты Республики Татарстан» [1] был выпущен институтом в 1997 г., он содержит очень краткую общую информацию о населенных пунктах республики. Это была своего рода основа для создания в будущем расширенных

статей «Татарской энциклопедии» (ТЭ). На сегодняшний день издание 6-томной ТЭ на русском языке завершено, вполне понятно, что в ней, помимо информации о поселениях, содержится большое количество и других сведений, поэтому собственно поселенческая составляющая неизбежно ограничена. Наряду с этим накоплен большой объем исторической информации о населенных пунктах РТ, требующий систематизации и вовлечения в научный оборот. На решение этих задач и направлена научная деятельность сотрудников ИТЭР, занимающихся подготовкой энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан».

Следует отметить, что теоретические и методические вопросы подготовки подобного рода энциклопедических изданий до сих пор практически не разработаны. Чтобы подготовить наиболее оптимальную схему оформления статей будущей энциклопедии, необходимо было проанализировать современную научную практику создания аналогичных исторических справочников и энциклопедий. Не останавливаясь на самых ранних опытах энциклопедических словарей, к которым можно отнести «Российский исторический, географический и политический лексикон» В.Н.Татищева, а также на изданиях советского периода, когда опыт разработки региональных историко-географических энциклопедий и справочников был во многом утрачен, обратимся к примерам последних десятилетий.

В первую очередь внимания заслуживает энциклопедия «Города России» [2], выпущенная издательством «Большая Российская энциклопедия» в 1994 г. Как отмечается в краткой пояснительной справке, она «содержит около 1200 статей обо всех городах Российской Федерации и населенных пунктах, бывших в прошлом городами, но утратившими этот статус. В книге обобщена и систематизирована информация об истории, географии, планировке, архитектуре, культурном наследии городов России» [2, с. 3]. Все данные приведены на 1 января 1991 г.

Для большей наглядности приведем статьи из энциклопедии о республиканских городах *Агрыз* и *Альметьевск* [2, с. 13].

АГРЫЗ, районный центр в Татарии, в 304 км к В. от Казани. Расположен у подножия Сарапульской

возв., на берегу р. Агрызка (басс. Волги). Кр. трансп. узел ж.-д. линий на Казань, Екатеринбург, Ижевск. Аэропорт. Нас. 19,4 тыс. чел. (1992; 20,3 тыс. в 1959; 18,9 тыс. в 1979).

Осн. как поселок в связи со стр-вом ж. д. Казань — Екатеринбург. Город — с 1938. А. — центр с.-х. района. Пр-тия ж.-д. транспорта, кирпичный з-д.

Лит.: Сабиров Р. М. По городам Татарии, Каз., 1976.

АЛЬМЕТЬЕВСК, в Татарии, респ. подчинения, районный центр, в 279 км к Ю.-В. от Казани. Расположен в Прикамье, на склонах Бугульминско-Белебеевской возв., на левом берегу р. Зай (приток Камы), в 18 км к С.-В. от ж.-д. станции Миннибаево на ветке от линии Ульяновск — Уфа. Узел автодорог (на Чистополь, Бугульму и др.). Нас. 133,0 тыс. чел. (1992; 48,6 тыс. в 1959; 87 тыс. в 1970; 109,4 тыс. в 1979).

В связи с открытием и разработкой нефтяных месторождений с. Альметьево в 1953 преобразовано в город А. Совр. А. — крупнейший центр нефтяной пром-сти Татарии. Ведется добыча нефти и газа. Произ-во машин и оборудования для нефтедобывающей пром-сти. Заводы — погружных электронасосов, трубный, газоперерабатывающий, «Нефтемаш», шиноремонтный, кирпичный, железобетонных изделий и др.; чулочно-носочная фабрика. А. — начальный пункт магистрального нефтепровода «Дружба», а также нефтепроводов в Нижний Новгород, Пермь, Самару и др. Академия нефти и газа им. И. М. Губкина. Тат. гос. драматич. театр. Картинная галерея — филиал Музея изобразит. иск-в Татарии.

Лит.: Сабиров Р. М. По городам Татарии, Каз., 1976.

Исторические разделы статей энциклопедии «Города России» содержат информацию о времени основания города или о первом письменном упоминании о нем, о важнейших исторических событиях, выдающихся деятелях, чья жизнь была связана с данным городом. Экономико-географическое описание характеризует историю развития хозяйства города, знакомит читателя с ведущими отраслями промышленности, крупнейшими предприятиями, основными видами выпускаемой продукции.

Приведены сведения о театрах, музеях, высших учебных заведениях, научно-исследовательских институтах.

В разделах, посвященных архитектурно-планировочному облику города, сообщается об общем силуэте, особенностях формирования городской планировки, важнейших исторических и архитектурных памятниках. Приводится также краткая информация об окрестностях городов: об объектах туризма, курортах, природных памятниках, центрах народных промыслов.

Несколько иная цель стояла перед составителями энциклопедии «Вся Россия: Города и населенные пункты» [3], что определило структуру ее статей. Издание в первую очередь ориентировано на работников органов представительной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, городских администраций и других органов местной власти. Информация в статьях энциклопедии структурирована по следующей схеме: история и дата возникновения населенного пункта, его расположение, численность населения, органы и структура власти, предприятия и выпускаемая ими продукция, учреждения науки, культуры и образования.

В энциклопедии «Вся Россия: Города и населенные пункты» приведено описание 1448 населенных пунктов Российской Федерации, в том числе 1051 города, 366 поселков, 25 сел, 5 станций и одной слободы — Большой Мартыновки. Рассмотрим уже знакомые нам по энциклопедии «Города России» статьи *Агрыз* [3, с. 6] и *Альметьевск* [3, с. 13–14].

АГРЫЗ

Город, адм. центр Агрызского р-на Республики Татарстан, в 304 км к В. от Казани.

Расположен у подножия Сарапульской возв., на берегу р.Агрызка (басс. Волги). Крупный транспортный узел ж.-д. линий на Казань, Екатеринбург, Ижевск. Основан в 1938 г. Численность населения — 18,8 тыс. чел. Возник как поселок в связи со строительством ж. д. Казань — Екатеринбург. С 1938 г. — город. Действуют предприятия: локомотивное и вагонное депо, з-д строительных материалов (кирпич, керамическая плитка), маслокомбинат (сметана, творог, масло). В А. имеются: 41 образовательная школа (включая р-н), 2 ПТУ, музыкальная

школа, центр внешкольной работы, историко-краеведческий музей, Дворец и Дом культуры, 38 библиотек (включая р-н).

АЛЬМЕТЬЕВСК

Город, адм. центр Альметьевского р-на Республики Татарстан, в 279 км к Ю.-В. от Казани.

Расположен в Прикамье, на склонах Бугульминско-Белебеевской возв., на левом берегу р.Зай (приток Камы), в 18 км к С.-В. от ж.-д. станции Миннибаево на ветке от линии Ульяновск — Уфа. Численность населения — 151,4 тыс. чел. Орган законодательной власти — объединенный Совет народных депутатов, избираемый сроком на 5 лет. Орган исполнительной власти — Администрация р-на и города, возглавляемая Главой администрации, назначаемым Президентом Республики. Основан в 40-е гг. XVIII в. как с. Альметьево. С 1952 г. — поселок городского типа. В связи с открытием и разработкой нефтяных месторождений с. Альметьево в 1953 г. было преобразовано в город. Достопримечательности: Троицкая церковь (1791 г.), Казанско-Богородицкая церковь (1830 г.), Христо-Рождественская церковь (1887 г.), церковь Знамени Пресвятой Богородицы (1891 г.), мечеть (1877 г.). Совр. А. — один из центров нефтегазодобывающей промышленности Республики Татарстан. Наиболее крупные предприятия: АО «Татнефть», АО «Альметьевнефть», АО «Елоховнефть», АО «Ямашнефть» (добыча нефти и газа). Также действуют предприятия машиностроения, стройиндустрии, легкой и пищевой промышленности, наиболее крупные из которых: АО «Альметьевский з-д погружных насосов» (насосы, гидрозащита, погружные электродвигатели), АО «Альметьевский трубный з-д» (изготовление стальных труб), ГП «Альметьевский з-д «Радиоприбор», АО «Татнефтегазстрой», АО «Жилстрой», АО «Востокмонтажгаз», АО «Строймеханизация», АО «Фирма «Алсу», молкомбинат. В А. имеются: Нефтяной институт им. Губкина, муниципальный университет, медицинское училище, политехнический и физкультурный техникумы, музыкальное училище им. Ф. Яруллина, национально-культурный центр «Элмет», 3 музея. Издаются газеты: «Знамя труда», «Элмэт таннары», «Нефтяник Татарстана».

Как видим, информация о госорганах и структуре власти значительно расширена, представлены более подробные сведения о городских предприятиях, учреждениях науки, культуры и образования, но отсутствуют исторические данные, описания достопримечательностей. К статье *Альметьевск* относятся две иллюстрации: изображение герба города и фотография с праздника Сабантуй, хотя логично было бы предположить, что его следовало представить как нефтяную столицу республики.

Таким образом, вышеупомянутые справочные издания выполняют информативную функцию, поэтому их статьи содержат официальную проверенную информацию, в них нет места сведениям из архивных источников, которые могли бы «оживить» сухие цифры статистики и названия.

От подобных справочников разительно отличаются региональные энциклопедии о населенных пунктах. В этом плане интересна книга доктора исторических наук И.Л.Жеребцова «Населенные пункты Республики Коми» [4]. Как сообщается в аннотации, в справочнике «содержатся сведения о примерном времени возникновения и запустения поселений, их местоположении и административной принадлежности, о происхождении первопоселенцев, динамике изменения численности жителей, древнейших фамилиях местного населения, основных событиях истории». К сожалению, данная книга стала библиографической редкостью и нам не удалось обнаружить ее в библиотеках Казани. Однако, чтобы иметь представление о структуре статей этого справочника, мы обратились к другой книге И.Л.Жеребцова, которая легла в основу энциклопедии «Населенные пункты Республики Коми». Это издание «Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми» [5]. Проанализируем одну из статей данного справочника.

АДАК — селение на правом берегу р. Усы, Адзвинский сс. (сельский совет. — *Прим. Л.М.*), Усинский р-н. Люди жили здесь с древних времен. Близ селения археологами обнаружены две стоянки древнего человека, относящиеся к эпохе мезолита (IX–V тысячелетия до н. э.), пещера, служившая местом жертвоприношений начиная со второй половины II тысячелетия до н. э. (вплоть до XII в. н. э.), и др. находки.

В 1892 г. коми-ижемцы из Красноборской волости основали здесь выселок Адак-юр, имевший также второе название —

«Микит» (по имени своего первопоселенца). В 1904 г. в выселке был всего 1 двор, в котором жили 9 человек (6 муж., 3 жен.). В 1909 г. в селении имелось уже 3 двора, жители которых (19 чел.) держали лошадей (6), коров (18), овец (6), оленей (250), сажали картофель, пытались сеять ячмень (что было в Усинском крае довольно редким явлением), охотились — главным образом на куропаток, но добывали также рябчиков, тетеревов, дроздов, реже зайцев, лисиц и горностаев. Много ловилось рыбы, значительная часть которой шла на продажу. Местные жители изготавливали и продавали также масло. Побывавший в Адаке исследователь Н. Н. Мамадышский отметил, кроме того: «Значительную отрасль торговли по р. Усе и доходности от нее составляет торговля вином. Продается вино оленеводам-кочевникам, особенно самоедам (ненцам — авт.), и продается дорого...» Из 19 человек грамотным был в 1909 г. лишь один мужчина. В дальнейшем население Адака постепенно росло: 4 двора и 27 жителей (11 муж., 16 жен.) в 1920 г. (выселок Адак); 6 дворов и 39 жителей (17 муж., 22 жен.) в 1926 г. (деревня Адак). Селение просуществовало 8 десятилетий; в 70-е гг. д. Адак была исключена из учетных данных.

Автор в первую очередь приводит сведения о времени возникновения населенного пункта, обнаруженных археологами в окрестностях селения находках. И.Л.Жеребцова интересуют исторические названия населенного пункта, их этимология. Особое внимание в статье уделяется анализу динамики численности населения, причем с указанием числа мужчин и женщин (в случае наличия данных). Из статьи читатели узнают сведения о национальном составе жителей населенного пункта, об их хозяйственной деятельности, промыслах. Автор с особой тщательностью зафиксировал все крупницы информации, которую удалось собрать. Такой подход к описанию имеющихся сведений позволил отойти от сухой констатации цифр статистики и емко, интересно представить историю населенного пункта.

Не менее подробно ранняя история населенных пунктов Республики Башкортостан проанализирована в справочнике А.З.Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий» [6]. В нем автор собрал сведения о демографическом, хозяйственном, социально-политическом и культурном развитии поселений до конца XIX — начала XX в. Причем «в книгу включены малоизвестные материалы и факты,

более известные не нашли в ней отражения» [6, с. 5]. Особенность издания — не алфавитный порядок расположения материала по районам и деревням, т.к. «в таком случае нарушился бы территориальный принцип их расположения (по соседству) и игнорировалась бы роль родственных связей возникновения дочерних деревень» [6, с. 5]. При описании населенных пунктов автор придерживался следующей схемы:

1. Уезд, волость, кантон, юрта, в составе которых находилась деревня, краткая их характеристика.

2. Время основания сел и деревень с современными названиями.

3. Имена первопоселенца, его детей.

4. Происхождение названия населенного пункта.

5. Количество дворов и жителей с указанием их этнического состава за XVIII–XIX вв.

6. Формы основных и пережиточных семей и браков.

7. Участники башкирских восстаний XVII–XVIII вв., Крестьянской войны 1773–1775 гг., Отечественной войны 1812 г.

8. Статистические данные о состоянии хозяйства — скотоводства, земледелия, промыслов, мельниц.

9. Районы кочевков с указанием их ориентиров.

10. Рудознатцы.

11. Религиозные и светские школы.

Для примера рассмотрим статью *д. Карево (Акбулатово)* Стерлитамакского уезда:

Д. Карево (Акбулатово) образовалась в 60-х гг. XVIII в. VII ревизия нашла в ней 19 дворов со 108 мужчинами и 100 женщинами. В середине века 260 человек проживали в 40 дворах. В дальнейшем количество дворов и численность населения оставались без изменения: в 1920 г. в 39 дворах жили 203 человека.

Деревня относилась к тюбе Мунаш Бурзянской волости. Во время межевания земель территория деревни отошла к казне, входила в 30-ю юрту, а с 1864 г. — в Таймасовское сельское общество.

В год проведения VII ревизии старшему сыну Карая Байгузе исполнился 71 год, второй сын Хызыр умер в 1812 г. в возрасте 44 лет (д. 146). Первое название деревне дал старшина Бурзянской волости Акбулат Ракаев, активный пугачевец. Его кочевье находилось в 60 верстах по Уфимской дороге от д.

Имангулово (ныне Оренбургская область). Акбулат в июле 1774 г. возглавил отряд повстанцев из 1000 человек.

В 1842 г. на 263 человек было засеяно 137 четвертей (1096 пудов) ярового хлеба. Озимого хлеба еще не знали.

Как и в справочнике И.Л.Жеребцова, статья содержит подробные сведения об истории возникновения населенного пункта, численности его населения, в то же время А.З.Асфандияров стремится представить реальную деятельность конкретных людей, «чтобы их потомки сегодня могли соединить с ними свою родословную, ... гордиться делами и подвигами предков, сознавать себя продолжателями их дел». В связи с этим издание «История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий» может активно использоваться учащимися и преподавателями на уроках истории Башкортостана и России.

Таким образом, представленный анализ справочников о населенных пунктах позволяет сделать выводы о том, что статьи современных энциклопедических изданий, посвященных населенным пунктам, должны не только содержать проверенные сведения о времени возникновения, численном и национальном составе жителей, их хозяйственной деятельности, но и по возможности отражать реальную деятельность выдающихся уроженцев поселений, их вклад в развитие края. На наш взгляд, справочники о населенных пунктах призваны способствовать воспитанию в подрастающем поколении гордости за свою малую родину. Безусловно, поиск подобного рода информации в архивах усложняет подготовительную работу, однако в результате мы получим действительно полезное и востребованное издание, ориентированное на потребности читателей и отвечающее актуальным требованиям времени.

Литература

1. Населенные пункты Республики Татарстан: Краткий справочник. — Казань, 1997. — 390 с.
2. Города России: энциклопедия / Гл. ред. Г.М.Лаппо. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. — 559 с.
3. Вся Россия: Города и населенные пункты: Энциклопедия. — М.: Ин-т экономики и управления в промышленности, 2001. — 576 с.

4. Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. — М.: Наука, 2001. — 584 с.
5. Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. Историко-демографический справочник. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1994. — 272 с.
6. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. — Уфа: Китап, 2009. — 744 с.

**МЕРОПРИЯТИЯ ЧИСТОПОЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ
ДУМЫ ПО РАЗВИТИЮ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И
ЭКОЛОГИИ**

**ACTIVITIES OF THE CHISTOPOL CITY COUNCIL ON
HEALTH AND ENVIRONMENT DEVELOPMENT**

М.В.Недорезов

M.V.Nedorezov

Аннотация. В статье рассматривается попечение органов городского самоуправления Чистополя о здоровье граждан и санитарном состоянии города. На основе отчетов городской управы показаны меры, которые предпринимались в уездном городе по предотвращению эпидемий и развитию системы здравоохранения. Автором сделан вывод, что здравоохранение развивалась сообразно с ростом города.

Ключевые слова: Казанская губерния, Чистополь, уездный город, городская дума, здравоохранение.

Abstract. The article examines the care of Chistopol municipal government about the health of citizens and the sanitary condition of the city. Based on the city government report showed the measures that have been taken in the county town on the prevention of epidemics and health system development. The author concluded that public health was developing in accordance with the growth of the city.

Keywords: Kazan province, Chistopol, county town, city council, public health.

Развитие городского здравоохранения во второй половине XIX в. служило одним из индикаторов развития города в целом. Многие уездные города представляли собой деревни, и обеспечением их жителей медицинской помощью занимались земства. Чистополь, являвшийся вторым городом Казанской губернии по величине и экономическому значению, переживал в этот период, особенно после создания городских органов самоуправ-

ления в 1872 г., расцвет. Это явление должно было отразиться и на уровне здравоохранения.

Обыденным явлением в жизни уездных городов было открытие в них медицинских учреждений силами земства. Лечебницы принимали как сельских жителей, так и горожан, тоже являвшихся плательщиками земского сбора. Земские больницы располагались в уездном центре, поэтому именно горожане составляли большую часть посетителей. Так обстояло дело и в земской больнице города Чистополя. В 1892 г. здесь находилось 389 чистопольцев, что составляло 84% от числа всех находившихся на лечении пациентов. По этой причине городское общественное управление принимало активное участие в содержании учреждения и, в частности, персонала. А с 1890-х гг. здесь содержались на средства, получаемые с каменного корпуса лавок, пожертвованных городу купцом В.Л.Чельшевым, пять бесплатных коек для городских жителей [3, с. 28].

В 1873 г. появилась должность городского врача [5, с. 50]. Долгое время, с 1877 по 1902 гг. эту должность занимал Василий Иванович Долгов. Обязанности городского врача были обширными. В 1892 г. В.И.Долговым была оказана медицинская помощь 914 чистопольцам, из них 606 человек пришлось посетить на дому. Кроме бесплатной помощи бедным больным, в его обязанности входило в учебное время, раз в месяц, освидетельствование учеников местного приходского училища, постоянный надзор за санитарным состоянием общественной богадельни и оказание медицинской помощи призревавшимся в ней. В продолжение сентября он заведовал холерной больницей. Самоотверженная, полезная деятельность Долгова обратила на себя внимание Думы, и на заседании 12 ноября 1892 г. общественное управление постановило выразить ему благодарность.

Кроме городского врача Долгова врачебная помощь населению оказывались еще четырьмя врачами, из которых 1 — вольнопрактикующий. Совместными усилиями в течение 1892 г. уездным врачом Д.Нелькиным, городским П.Александровым, земским врачом 1-го участка Н.Дерягиным и городским В.Долговым оказана помощь 7346 больным. Среди заразных болезней первое место занимал тиф в разных видах и сифилис. Уездный

врач Нелькин и земский Дерягин отмечали сильное распространение в городе венерических болезней. Врачи констатировали влияние плохого питания на заболеваемость [1, с. 16].

Кроме того, на средства города содержались оспопрививатель, акушерка и другие специалисты, которые несли огромную нагрузку по оказанию медицинской помощи жителям. Годовое жалование оспопрививателей составляло 180 руб., акушерок — 360 руб. В разное время оспопрививателями в Чистополе работали Воскресенский, Мочалов и Ягодинская. Основной проблемой в оспопрививании было недоверие, с которым относились к вакцинации горожане. Из отчетов управы видно, что большое число заболеваний и огромная смертность от оспы объяснялись не недостатком в городе оспопрививателей и не бездеятельностью городского бесплатного врача, а невежеством низших слоев населения [1, с. 20].

Немало забот было и у акушерского персонала. По словам уездного врача Нелькина, акушерская помощь среди беднейшего населения оказывалась по большей части простыми повитухами, несмотря на существование бесплатной городской акушерки. Так, в 1892 г. состоявшая на городской службе акушерка М.А.Рыжакова присутствовала всего при 48 родах, в 1898-м при 58 [2, с. 31]. В 1905 г. (с октября в должность вступила К.Д.Дюкова) бесплатную помощь получила 41 женщина, в 1908-м — 52. Неохотно к родовспоможению прибегали представительницы нерусских народов. Так, в 1905 г. только две мусульманки рожали под присмотром медиков. Сословный состав рожениц был разнообразным, но преобладали крестьянки и мещанки, которые имели наибольшее представительство и в населении города в целом. Например, в 1898 г. помощью акушерки воспользовались 10 купчих, 6 чиновниц, 19 мещанок, 17 крестьянок, 4 солдатки и 2 жены священнослужителей; в 1908-м — 2 дворянки, 28 мещанок, 18 крестьянок, 3 жены разночинцев и 1 — духовного звания.

Эпидемия холеры, постигшая в 1892 г. почти всю Европейскую Россию, коснулась и Чистополя. «Благодаря своевременно принятым мерам, прекрасному положению города на открытой возвышенности, с которой легко скатываются всякие нечистоты, правильной планировке широких улиц города, обилию ча-

стных садов по окраинам, а в центре — скверу, бульвару и Скарятинскому саду, а также и тому обстоятельству, что население пользуется исключительно водой из водопровода, холера не причинила здесь сколько-нибудь значительного бедствия, ограничившись единичными случаями».

24 июня, вследствие телеграммы казанского губернатора, городская дума для принятия мер к предупреждению и пресечению холерной эпидемии в городе избрала санитарную исполнительную комиссию.

В то же время начала свою работу постоянная санитарная комиссия [1, с. 17], учрежденная в 1888 г. из представителей города и земства, цель которой — направление деятельности города и земства к оздоровлению города и уезда и руководство врачебным и санитарным персоналом в случае появления эпидемических болезней.

С целью борьбы с холерой в городе был принят комплекс мер. Город в отношении надзора за чистотой и опрятностью во дворах и домах обывателей был разделен на 66 участков, в каждый из них назначено по санитарному попечителю, снабженному инструкцией. Всем домовладельцам было поручено привести свои дворы в надлежащую чистоту и опрятность, озаботиться очисткой ретиральных и помойных ям. Помойные и ретиральные ямы беднейших жителей очищались и дезинфицировались на средства города. Для помещения больных за городом была выстроена холерная больница, которая снабжалась необходимыми медикаментами, дезинфекционными средствами, бельем и проч. Заведующим больницей с октября 1892 г. управой был приглашен лекарь Константин Зыков, почти год проработавший в этой должности. Оценивая его деятельность, городское общественное управление отмечало огромные услуги, оказанные им в борьбе с эпидемией. В частности, подчеркивалось, как личным примером он показал населению, что холера не представляет той опасности, какую создало народное воображение.

При больнице находились фельдшер, сиделка, двое служащих, кухарка и 4 носильщика. Предварительный осмотр больных и подозреваемых в заболевании холерой при лечебнице проводился в специально устроенном особом помещении [1, с. 18], перевозкой больных занимался особый крытый экипаж

с лошадыю и рабочим. А для приема холерных больных с пароходов на камской пристани была открыта береговая больница. В ней находился врач Рыжаков с двумя фельдшерами, одной сестрой милосердия и двумя санитарными служителями. Для сомнительных больных была поставлена особая палатка.

Были также предприняты превентивные меры для ограждения населения от заразных заболеваний. Все кожевенные, мыльные и овчинные заводы были осмотрены членами постоянной комиссии совместно с городским врачом и полицейским надзирателем; городские прачечные были переведены из затона на Каму; временно вводилась продажа сырых продуктов только после освидетельствования врача, а продажа фруктов и зелени была вовсе запрещена; содержатели постоянных дворов обязывались ежедневно производить дезинфекцию как отхожих мест, так и дворов, а равно убирать навоз. Во время встречи чудотворной иконы Грузинской Божией Матери 30 сентября, где ожидался большой наплыв народа, присутствовали врачи Дерягин и Александров; при этом был учрежден врачебно-санитарный надзор за постоянными и ночлежными дворами, они были осмотрены до прихода и после ухода богомольцев и произведена их дезинфекция [1, с. 19].

Городское общественное управление старалось не экономить на лекарствах для больных, и по рецептам практикующих в городе врачей был разрешен бесплатный отпуск лекарств из земской аптеки (все расходы ложились на город и земство по ровну). Всего же в 1892 г. город потратил на медикаменты для бедных около 70 руб. [1, с. 17].

В условиях эпидемии лечащий персонал трудился в напряженном ритме, поэтому в помощь к каждому врачу был приставлен санитарный служитель.

Распоряжение городскими средствами, выделенными на устранение эпидемии, наблюдение за деятельностью лиц, привлеченных к борьбе с ней, постройка холерной больницы и снабжение всем необходимым было возложено управой на голову Августа Ивановича Бургера. За самоотверженную деятельность по борьбе с эпидемией Дума ходатайствовала о высочайшей награде для него [1, с. 4]. Как отмечалось в отчетах управы, население города вполне доверчиво относилось ко всем

мероприятиям, принятым для борьбы с холерой. Всего же на ликвидацию эпидемии Думой было израсходовано 1821 руб.

В ходе эпидемии в городе подтвердился 201 случай заражения холерой. Из 91 больных, лечившихся в городской холерной и земской больницах, умерло 75.

В 1896 г. была открыта городская амбулаторная лечебница. С каждым годом она требовала увеличения расходов на приобретение медикаментов и отпуск лекарств бедным больным. В 1897 г. на ее содержание было потрачено 758 руб. [2, с. 30], в 1898-м — 991 руб., в 1905-м — 1348 руб.

Ежедневный прием больных в лечебнице производился думским врачом бесплатно, с безвозмездной выдачей бедным лекарств. В 1905 г. врачом приняты: больные в амбулатории 4103, на дому — 500, посещены им на дому — 1038 и повторных — 5184, а всего 10825 человек.

Заведовал лечебницей думский врач, который, кроме того, вел непосредственное наблюдение за состоянием общественной богадельни, оказывал медицинское пособие лицам, находившимся на попечении богадельни, посещал по первому приглашению на дому тех больных, которые по болезни не могли быть на амбулаторном лечении, а также производил осмотр городских приходских училищ [3, с. 26]. Думским врачом состояли Н.В.Дерягин, А.К.Скоробогатов с жалованьем 1200 руб. в год. При больнице также находился фельдшер.

Одним из важных условий в поддержании «народного здоровья» были санитарно-гигиенические мероприятия. Сюда прежде всего входило обеспечение чистоты дворов и помойных ям. Как уже было описано выше, к этому обязывались все собственники домов во время эпидемий или даже при единичных эпизодах заболеваний.

Вторым важным мероприятием был ветеринарный надзор за скотом и мясными продуктами и состояние скотобойни. По отчетам управы, городская скотобойня удовлетворяла существовавшим требованиям в техническом и санитарном отношении. Освидетельствование скота и осмотр мясных продуктов производились приглашенным правительственным ветеринарным врачом С.И.Климовым за особую плату от города, совместно с членом управы К.Н.Мясниковым. В течение 1892 г. было за-

бито 1659 голов крупного и 946 мелкого скота. За убой взималась плата в размере 20 коп. с крупного и 6 коп. с мелкого скота, столько же брали за осмотр мясных продуктов в битом виде. Насколько деятельность скотобойни была прибыльной для городского бюджета, свидетельствуют следующие данные. В 1892 г. доход составил 751,97 руб., на содержание скотобойни и служащих при ней ушло 166,58 руб.

Вследствие появления в уезде и городе в июле и августе единичных случаев заболевания рогатого скота сибирской язвой и тимпанитом со смертельным исходом, для прекращения болезни, по предложению Климова, были приняты следующие меры: воспрещен пригон скота в город без предварительного освидетельствования и подлежащего удостоверения местного начальства, что скот из здоровой местности; безусловно воспрещен привоз животных продуктов [1, с. 21]. Также было сделано распоряжение, чтобы пастухи не выгоняли городские стада на пастбище до высыхания росы, животных с признаками какого-либо заболевания совсем не выгоняли и о всяком случае заболевания немедленно доносили городской управе. Благодаря принятым мерам стада рогатого скота, за малым исключением, находились в здоровом состоянии, и наблюдались только единичные случаи тимпанита, инфлюэнцы и дизентерии.

Городским ветеринаром состоял Н.Г.Макаров с содержанием 1100 руб. в год, временно заменял его местный пунктовый ветеринарный врач С.А.Виноградов.

В рамках санитарных мероприятий также вели отлов или истребление бродячих собак. Этим занимался доброволец, получавший за каждую пойманную и убитую собаку 20 коп.

Со временем для наблюдения за санитарным состоянием город был разделен на 77 участков, вверенных особым санитарным попечителям. Это позволило усилить санитарный надзор. Так, в 1908 г. полицией было привлечено к ответственности 12 домовладельцев за неисправное содержание дворов, улиц и за загрязнение источников, а за недоброкачественность съестных продуктов привлечено 5 торговцев [4, с. 40].

Для наблюдения за санитарным состоянием города по предложению губернатора 31 июля была образована комиссия под председательством городского головы в составе уездного ис-

правника Г.Т.Афанасьева, городского врача П.Ф.Александрова, думского врача Н.В.Дерягина и полного состава городской управы. Город разделен на 110 участков, вверенных особым санитарным попечителям, состоявшим в ведении городской санитарно-исполнительной комиссии и снабженных инструкцией. 12 августа получено сообщение губернатора, что Казанская губерния по холере признана благополучной, и комиссия свои действия приостановила.

За неисполнение требований санитарного надзора полицией было привлечено к ответственности 26 домовладельцев за неисправное содержание жилищ, дворов, улиц и за загрязнение источников. За недоброкачество съестных продуктов привлечены четыре торговца. Бродячий скот в целях устранения загрязнения улиц загонялся в отведенное для того место, а затем возвращался хозяевам.

Таким образом, в случае с Чистополем подтверждается тезис о взаимозависимости темпов развития города и улучшения городской медицины. Практически сразу после создания городского общественного управления учреждается должность городского врача, на которую приглашались компетентные и ответственные лица. Дума берет заботу о здоровье горожан в свои руки и все менее зависит в этом вопросе от земства. Эффективность санитарных и медицинских усилий проявляется в успешном противостоянии эпидемиям. Появляются должности оспопрививателя и акушерки, строится амбулатория, а в земской больнице содержатся бесплатные места для горожан. В то же время городской врач имел очень обширные обязанности, что, несомненно, шло во вред качеству обслуживания. Мест в земской больнице и амбулатории явно не хватало для нужд всех жителей. Но городская дума уделяла вопросу здравоохранения пристальное внимание, и, хотя Чистополь в этом плане существенно отставал от Казани, по сравнению с другими уездными городами отличался развитой медицинской инфраструктурой.

Литература

1. О состоянии Чистопольского общественного управления г. Чистополя в 1892 году. Отчет городской управы. — Чистополь: Типография А. Л. Архипова, 1893. — 51, III с.

2. Состояние Чистопольского общественного управления и города Чистополя в 1898 году. Отчет городской управы. — Чистополь: Типография А. Л. Архипова, 1899. — 72 с.

3. Состояние Чистопольского общественного управления и г. Чистополя в 1905 году. Отчет городской управы. — Чистополь: Типография Н. Я. Улыбина, 1906. — 65 с.

4. Состояние Чистопольского общественного управления и г. Чистополя в 1908 году. Отчет городской управы. — Чистополь: Типография Н. Я. Улыбина, 1909. — 83 с.

5. Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. — Казань: По городам и весям, 2004. — 464 с.

**ШКОЛЫ-ГОСПИТАЛИ КАЗАНИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**SCHOOLS-HOSPITALS OF KAZAN
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

*P.P.Салахиев
R.R.Salakhiev*

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с размещением эвакуационных госпиталей в годы Великой Отечественной войны в зданиях общеобразовательных школ, приводится список адресов всех школ города Казани на 14 июня 1941 года.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуационный госпиталь, Казань, адреса школ.

Abstract. The problems associated with the placement of evacuation hospitals during the Great Patriotic War in the buildings of general education schools are considered, the list of addresses of all schools in Kazan on June 14, 1941 is provided.

Keywords: Great Patriotic War, evacuation hospital, Kazan, school addresses.

Великая Отечественная война стала большим испытанием для всех сторон жизни страны и ее граждан, в том числе серьезные изменения произошли в системы народного образования, в работе школ. Большое число школьных зданий были переданы под военные нужды, в первую очередь для размещения эвакуационных госпиталей, воинских частей, эвакуированных учреждений.

В Отчете о состоянии работы школ и детсадов города Казани за 1-е полугодие 1941/42 учебного года отмечается:

«По состоянию на новый 1941/42 уч. год Казанское горono имел следующее количество школ и учащихся в них:

количество школ — 77, из них начальных 29, неполных средних школ 19, средних 29; количество учащихся всего: 1268 классов, 48309 учащихся.

Из 98 школьных зданий, 40 зданий были переданы под специальные надобности военведомства. Как-то: а) под госпиталь — 31; б) военведом — 3; в) под эвакуопунктами — 3; г) под общежитие обслуживающего персонала госпиталя — 1; д) спец. школа — 1; е) Наркомпищпром — 1» [5, лл. 8–8об.].

Массовость передачи школьных зданий под нужды военных учреждений показывает и этот характерный документ своего времени: была заготовлена форма распоряжения с подписью и печатями, в которую оставалось вписать только номер школы.

«Директору (Заведующему) шк. №..... тов.»

Во исполнение постановления Казанского Исполкома Горсовета от 15-го августа 1941 года «Об отводе жил. площади для временного размещения в/частей в гор. Казани» — предложить, освободить полностью все помещения и подготовить для сдачи воинской части. Имущество, как то: столы, парты, сложить в складах, а там где их нет, на территории школьного двора, обеспечить их сохранность. Мягкий инвентарь и оборудование кабинетов сохранить в одной из комнат здания школы.

О времени передачи здания Вам будет сообщено дополнительно.

Председатель Исполкома Казгорсовета (подпись) /Мурин/
Зав. Каз. Гороно (подпись) /Возовик/» [7, л. 67]

Временное отчуждение зданий затянулось на 4 года, а для некоторых школьных зданий и на десятилетия.

Несмотря на сложившиеся тяжелые условия, учебный процесс необходимо было продолжить, поэтому для школьных классов приспособляли любые помещения, какие удавалось получить.

Ангелина Павловна Гольдшмидт, сотрудница Национального музея РТ вспоминала: «Первый военный учебный год начался у нас с того, что здание нашей школы заняли под госпиталь, а нам дали другое помещение, и мы волокли по улице с Чернышевского на Пушкина парты — волокли прямо по земле: нести-то невозможно было, парты громоздкие, тяжелые, а мы — еще дети, тем более девочки... За время войны еще много раз переезжали. Тетради делали мы из газет. В школу зимой каждый день шли с поленом дров. Часто привлекали нас

на хозработы, и работы все физически тяжелые. Например, привезут машину дров — двухметровые бревна — девчонки разгружают или капусту в поле убирали, кочаны большие, крепкие, а инструментов никаких — перочинными ножами пилили...» [2].

Ученики средней школы №83 имени Ворошилова Бауманского района Казани начали учебный год 1 сентября 1941 года в основном школьном здании (по ул.Городецкого, дом 11/6), но уже с 3 сентября классы перевели в здание Дома печати [9, л.1] и другие приспособленные помещения.

«1941 год. Шли первые военные месяцы. Казань уже в августе становится тыловым госпитальным городом. Под госпитали отданы все подходящие здания. — пишет казанский краевед Борис Рафаилович Милицын [1, с.10]. — В тот год мне исполнилось 10 лет, и я только что закончил третий класс средней школы №83. А первую военную осень нам пришлось заниматься в каменных каретных сараях при духовной семинарии на ул. Бехтерева. В нашей школе разместился один из первых госпиталей Великой Отечественной войны. Чем мы, дети, могли помочь раненым бойцам? Писали под их диктовку письма родным, носили им книги из библиотеки, выступали с самодеятельными концертами. Выздоровливающим устраивали экскурсии по Казани».

С сентября 1941 года по декабрь 1942 года в здании этой школы размещался эвакуационный госпиталь № 4493, затем оно было передано Республиканскому управлению трудовых резервов Татарской АССР и было занято под училище фабрично-заводского обучения (ФЗО).

Помещений для размещения школьных классов катастрофически не хватало. Учебные классы размещались в зданиях общежитий, магазинов, даже в церкви и областном музее (ныне Национальный музей РТ) и т.д. [4, лл. 216–216об.]

В архивных фондах Казанского горсовета и Казгорисполкома с постоянной регулярностью встречаются документы о необходимости освободить занятые здания. 26 июня 1942 года Нарком Просвещения Татарской АССР У.Т.Контюков в обращении к Секретарю Татарского областного комитета ВКП(б) А.Г.Колыбанову и Председателю Совнаркома Татарской АССР

С.Х.Гафиатуллин пишет: «Наркомпрос Татарской АССР просит оказать содействие в возвращении ряда школьных зданий в гор. Казани, занятых под различные учреждения. <...> Пятнадцать школьных зданий заняты сверх предполагавшихся по мобплану под различные гражданские и военные организации. Дальнейшее оставление перечисленных зданий за указанными организациями приведет к тому, что летнее обучение возвращенных из отсева учащихся будет сорвано, а с нового учебного года тысячи детей останутся вне школы, т.к. учить их совершенно негде» [4, лл. 117–119].

В связи с загруженностью помещений в г.Казани и отсутствием дополнительных помещений, которые могут быть выделены под школы, одним из возможных выходов предлагается освобождение школьных помещений за счет перевода 2–3 госпиталей в районы республики [4, лл. 216–216об.].

Летом 1942 года два госпиталя были передислоцированы в г.Чистополь, но это конечно не решило проблему со школьными помещениями. К тому же, один из этих госпиталей, № 1669, освободил не здание школы №4, а только другое занимаемое им — Казанского юридического института. А второй госпиталь, № 1670, освободил тоже не школьное здание — гостиницы «Казань». Освобождаемые здания школ также не возвращались школам, а передавались под другие учреждения: вместо передислоцированных в другие области госпиталей в этих же зданиях формировались новые госпитали, часто здания передавались Республиканскому управлению трудовых резервов Татарской АССР для размещения учебных классов и общежитий ФЗО. Несколько зданий и после войны остались в системе профессионально-технических училищ, например, в здании бывшей школы №51 долгие годы работало училище №36, в здании школы №100 — училище авиационного завода.

Иногда в беседах, в печати, в Интернете приходится встречать утверждения что в такой-то школе Казани, не связанной с эвакогоспиталями, в годы войны был госпиталь. Например, так говорят о школах №11 по улице Островского, дом 22, №21 — улица Нариманова, дом 113 (ныне ул.Сары Садыковой, 25) и др. На самом деле, в годы войны 11-я и 21-я школы на некоторое

время были отведены для городских инфекционных больниц [4, лл. 117–119; 8, л. 28об.].

В целом, при подготовке к изданию книги «Здания эвакогоспиталей в Татарстане (1941–1945)» [3] встала необходимость выяснения адресов всех зданий госпиталей в 1941–1945 гг. и привязки к их современному расположению, однако в документах эвакогоспиталей не всегда указаны точные адреса и прежние владельцы зданий. В ходе изучения документов Казанского городского отдела народного образования (гороно) удалось обнаружить «Статистические отчеты школ за 1940/1941 учебный год» [6] на типографских бланках формы ОШ-3 от 1941 г. с адресами всех школ. Даты отчетов 5–14 июня 1941 г., буквально за неделю до войны, еще буря войны не разметала школы по чужим зданиям... В отчетах за следующие учебные годы адреса школ уже будут часто меняться. Поэтому, думаем, что эта информация будет полезна всем интересующимся историей нашего города:

Школа	Адрес	Госпиталь
№ 1 ср. (средняя)	ул.Окольная, 52	ЭГ 3993
№ 2 ср.	ул.Галиаскара Камала, 1/48	ЭГ 1310
№ 3 ср. имени М.Горького	ул.Б.Галактионовская, 16/7	ЭГ 1879 и 5864
№ 4 ср.	ул.Пушкина, 1	ЭГ 1669, 1908 и 1958
№ 5 ср.	ул.Волкова, 3	ЭГ 4494
№ 6 ср.	ул.Банковская, угол Телеграфная, 18/2	
№ 7 ср.	ул.Бутлерова, 7	ЭГ 1665 и 5872
№ 8 ср. имени Коротенко	ул.Тукаевская, 114	
№ 9 ср.	ул.Серп и Молот, 7	
№ 10 ср.	Слобода Восстания, ул.Борьбы, 3	
№ 11 ср.	ул.Островского, 22	
№ 12 ср.	ул.Комсомольская, 38	ЭГ 3649 и 5866
№ 13 ср.	ул.Старо-Вахитовская, 2	

Школа	Адрес	Госпиталь
№ 14 нач. (начальная)	пос.Свердлова, ул.Челюскина, 20	
№ 15 ср.	ул.Комлева, 6	ЭГ 4642
№ 16 нач.	ул.Лазовского, 28	
№ 17 нсш (неполная средняя школа)	Кокушкино, ул.Учительская, 1	
№ 18 ср.	ул.Карла Маркса, 63/25	ЭГ 1667
№ 19 ср. имени Белинского	ул.Б.Галактионовская, 29 (в деле 157 – дом 27)	ЭГ 1879 и 5864
№ 20 ср.	ул.Школьная, 1	ЭГ 1673
№ 21 нсш	ул.Нариманова, 113	
№ 22 нач.	ул.Калинина, 13. С 1.11.1940 объединена со школой №86	
№ 22 нсш, специальная школа для слабовидящих	ул.Калинина, 13	
№ 23 нач.	ул.Дегтярная, 29	
№ 24 ср. имени Чкалова	ул.Пушкина, 15а	ЭГ 3648
№ 25 нсш	ул.Галактионовская, 31	
№ 26 нсш	ул.Эсперанто, 39	
№ 27 нач.	ул.Лазовского, 58	
№ 28 нсш	Молотовский р-н	ЭГ 1907 и 4497
№ 29 ср.	Мамадышский тракт, 14	ЭГ 4498, 5868 и 3647
№ 30 нач.	Вознесенский тр.	
№ 31 нач.	ул.1 Подлужная, 59	
№ 32 ср. имени Н.К.Крупской	Слобода Кзыл-Армия, ул.Мало-Московская, 16	ЭГ 3657
№ 33 нсш	ул.Большая Красная, 12	ЭГ 4492
№ 34 нсш	ул.Ленина, 56	
№ 35 нсш	Татарская слобода, ул.Б.Ямашевская, 57	
№ 36 нсш	ул.Ново-Песочная, 44	

Школа	Адрес	Госпиталь
№ 37 нсш	пос. С.Орджоникидзе, ул.Лядова, 7	ЭГ 2782
№ 38 нач.	ул.Комсомольская, 28	
№ 39 ср.	ул.Банковская, 5	ЭГ 2781
№ 40 нач.	ул.Б.Ямашевская, 78	
№ 41 ср.	ул.Лобачевского, 2	ЭГ 1665
№ 42 нач.	Воскресенское, дом 9	
№ 43 нач.	ул.Бутлерова, 54	
№ 44 нач.	Горки, Молотовский р-н	
№ 45 нач.	пос.Свердлова, ул.Айдарова	
№ 47 нач.	Новотатарская слобода, ул.Урал, 6	
№ 48 нач.	ул.Кирова, 13	
№ 49 ср. имени А.С.Пушкина	Слобода Кзыл-Армия, ул.Красный Химик, 19	ЭГ 3657
№ 50 нсш	ул.Дзержинского, 7	
№ 51 нсш имени Вахитова	ул.Тукаевская, 34	ЭГ 2783
№ 52 нач.	Тукаевский переулок, 11	
№ 53 нач.	ул.Эсперанто, 6	
№ 54 нач.	ул.Ленина, 22	
№ 55 нач.	ул.Чернышевского, 7	
№ 56 нсш, для ум- ственно отсталых детей	ул.Достоевского, 71	
№ 57 нсш	ул.Клары Цеткин, 16	
№ 58 нач.	ул.Милицейская, 21	
№ 59 ср.	Красная Слобода, ул.Боевая, 15	
№ 60 нач.	ул.Островского, 34	
№ 61 нач.	Красная Слобода, ул.Красногорская, 4	
№ 62 нач.	Слобода Восстания, ул.Управленческая, 7/3	

Школа	Адрес	Госпиталь
№ 63 нач. смешанная	Ягодная Слобода, ул.Энгельса, 8	
№ 64 нач.	Слобода Восстания, ул.6-я Союзная, 13	
№ 65 нач.	ул.Чистопольская, 12	
№ 66 нач.	Козья Слобода, ул.Октябрьская, 4	
№ 67 нач.	Слобода Кзыл-Армия, ул.Мало-Московская, 6	
№ 68 ср.	Кизическая слобода, ул.Большая Кизическая, 23	
№ 70 нач.	Слобода Восстания, ул.Смычка, 29	
№ 70а нач.	Слобода Поселок, Кировский р-н	
№ 71 нач.	Слобода Кзыл-Армия, ул.Большая, 91	
№ 72 нач.	Дальнее Устье, дом 17	
№ 73 нач.	Слобода Кзыл-Армия, ул.Серп и Молот, 2/26	
№ 74 нсш	Старое Аракчино	
№ 76 нсш, татарская вспомогательная школа для умственно отсталых детей	ул.Нариманова, 96/22	
№ 77 нач.	ул.Старо-Вахитовская, 14	
№ 78 нач.	ул.Татарстан, 43	
№ 79 нач.	Аметьево, ул.Чебоксарская, 5	
№ 80 ср.	ул.Татарстан, 40	ЭГ 3992
№ 81 ср. имени Кирова	Ягодная Слобода, ул.Гладилова, 28	ЭГ 3646 и 5873
№ 82 нсш	ул.Эсперанто, 48	ЭГ 3994

Школа	Адрес	Госпиталь
№ 83 ср. имени Ворошилова	ул.Городецкого, 11/6	ЭГ 4493
№ 84 ср.	ул.Большая Красная, 45/12	ЭГ 4496
№ 85 ср.	ул.Галиаскара Камала, 24а	ЭГ 2783
№ 86 нсш	ул.Лихачевского, 27	
№ 87 нач.	Горлесопарк, Лебяжье озеро, дом 12	
№ 88 ср.	ул.Спартакoвская, 82	ЭГ 3994
№ 89 нсш, татарская	Слобода Восстания, ул.Декабристов, 30	
№ 90 ср.	ул.Тукаевская, 73	ЭГ 1311
№ 91 ср.	ул.Декабристов, 72/2	ЭГ 4495
№ 92 нач.	пос. имени Левченко, ул.Управленческая, 23	
№ 93 нач.	Караваево, ул.Чайковского, 18	
№ 94 нсш	пос.Урицкого, дом 18	
№ 95 нач.	Борисовo, ул.Борисовская, 68	
№ 97 нсш	Ферма №2	
№ 98 ср.	пос.Калуга, ул.Калинина, 85	ЭГ 3996 и 5867
№ 99 нач.	пос. Парижской Коммуны, III уч-к Кинопленки, дом 6	
№ 100 ср.	ул.Станиславского, Ленинский р-н	ЭГ 2782
№ 101 ср.	Казань 18, пос. завода №237	
№ 102 нач.	Козья Слобода, ул.Рабочая, 10	

Литература

1. В годы суровых испытаний на защите Отечества: статьи / Борис Милицын. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. — 136 с.
2. «День, когда “орлица закрыла солнце...”» / Газета «Отечество», №2 (16), 1997, май. Электронный ресурс: http://otechestvort.ru/gazet/1997_02/012.html, дата обращения 10.05.2017.
3. «Здания эвакуогоспиталей в Татарстане (1941–1945): Фотоальбом» / Р.Р.Салахияев, М.Ю.Салахияева, А.А.Александров. — Казань: «Отечество», 2015. — 164 с., ил.
4. НА РТ. Ф. Р-326. Оп.1. Ед.хр. 773.
5. НА РТ. Ф. Р-326. Оп.1. Ед.хр. 816.
6. НА РТ. Ф. Р-992. Оп.1. Ед.хр. 155–157.
7. НА РТ. Ф. Р-992. Оп.1. Ед.хр. 175.
8. НА РТ. Ф. Р-992. Оп.1. Ед.хр. 192.
9. НА РТ. Ф. Р-3682. Оп.1. Ед.хр.2904.

УДК 371(470.4)=512.145"18/19"

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ
ТАТАР-МУСУЛЬМАН ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.**

**SOURCE STUDY PROBLEMS OF SCHOOL POLICY
OF THE STATE FOR MUSLIM TATARS
OF THE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF
OF XIX — THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES**

Ч.Х.Саматова
Ch.H.Samatova

Аннотация. В статье рассмотрена источниковая база школьной политики государства в отношении татар-мусульман Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. Дана классификация соответствующих источников; показана степень их достоверности и участия в изучении различных аспектов данной проблемы.

Ключевые слова: татары, мусульмане, школьная политика, Казанский учебный округ, Поволжье, Министерство народного просвещения.

Abstract. In article sources on school policy of the state for Muslim Tatars of the Volga region in the second half of XIX — the beginning of the 20th centuries are analysed. Classification of the relevant sources is given; degree of their reliability and participation in studying of various aspects of this problem is shown.

Keywords: Tatars, Muslims, school policy, Kazan educational district, Volga region, Ministry of national education.

В России развитие народного образования во многом определялось школьной политикой государства, которая на разных исторических этапах имела свои особенности. В пореформенный период неотъемлемой частью модернизации России стало распространение среди широких слоев населения начального образования. В условиях многонационального государства оно сопровождалось вовлечением в общеимперское социокультур-

ное пространство представителей нетитульного населения, с перспективой их ассимиляции. Стремление к административному и культурному единообразию вызвало более активное вмешательство властей в жизнь этноконфессиональных меньшинств, в их культурные традиции, менталитет. Эти тенденции актуализировали вопросы школьного образования нерусского населения империи. Резкий подъем национального движения в начале XX в. усилил внимание властей к вопросам образования. Значимость школьного вопроса для Поволжья обуславливалась тем, что существенную долю в полиэтничном составе населения региона занимали татары-мусульмане с давними традициями конфессионального образования.

Изучение проблемы школьной политики правительства в отношении татар-мусульман Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. требует привлечения широкого круга источников. Они подразделяются на пять видов: законодательные и подзаконные акты, делопроизводственная документация, статистические сведения, источники личного происхождения, периодическая печать.

Законодательные и подзаконные акты обладают наибольшей степенью достоверности. Первые из них сконцентрированы в «Полном собрании законов Российской империи» и дают возможность определить тенденцию развития внутренней политики государства, выявить особенности школьного курса правительства по отношению к различным этноконфессиональным группам населения.

Существенные позиции в разработке и реализации правительственной политики в рассматриваемый период занимали министерства. Их постановления нередко корректировали действовавшие законы. Так, «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения» содержит материалы, раскрывающие ключевые моменты подготовки и внедрения различных подзаконных актов.

Делопроизводственные документы центральных и местных органов власти, проводивших или участвовавших в реализации школьной политики в отношении татар-мусульман, являются наиболее многочисленными и базовыми для данного исследования. Они позволяют проследить осуществление и региональ-

ные особенности школьной политики правительства, установить авторов отдельных проектов, разобраться во взглядах различных ведомств и чиновников по рассматриваемым вопросам, проанализировать взаимоотношения и взаимодействие отдельных ведомств, оценить реакцию татарской общественности на действия властей.

Основополагающие документы делопроизводственной документации отложились в фондах РГИА (Российский государственный исторический архив). Особую ценность представляют документы фонда ДНП МНП (Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения) (Ф. 773 РГИА) — головного учреждения учебного ведомства по начальному образованию. Они отображены в материалах различных совещаний, записок, отчетах чиновников, распоряжениях, адресованных подотчетным структурам.

Существенный комплекс источников по теме исследования содержится в фонде ДДДИИ МВД (Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел) (Ф. 821 РГИА). Материалы этого фонда позволяют рассматривать школьную политику в отношении татар-мусульман как составную часть внутривосточного курса правительства.

В изучении реализации школьной политики государства в отношении мусульманских народов Поволжья особую ценность представляют фонды НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Основной пласт источников отложился в фонде попечителя Казанского учебного округа (Ф. 92 НА РТ). Переписка попечителя с руководством Министерства народного просвещения позволяет выявить приоритеты в деятельности учебного ведомства, воссоздать взгляды местных чиновников на развитие новометодного образования среди татар, перспективы распространения среди них русского языка, всеобщего начального образования и др. Отчеты попечителя демонстрируют степень реализации, результативность распоряжений центрального учебного ведомства.

Следующая важная группа документов представлена перепиской попечителя Казанского учебного округа с директорами, инспекторами народных училищ, инспектором татарских, башкирских и киргизских школ, руководством Казанской татарской

учительской школы. В докладах, отчетах, проектах и предложениях директоров и инспекторов народных училищ и специального инспектора мусульманских школ содержится ценная информация о функционировании русско-татарских учебных заведений, конфессиональных школ, деятельности мусульманского духовенства на местах. Они позволяют судить о компетентности чиновников Казанского учебного округа, их осведомленности о реальной ситуации в области школьного образования татар-мусульман, взглядах на мероприятия властей в данной области.

Специально следует выделить переписку с инспектором татарских, башкирских и киргизских школ В.В.Радловым, который являлся инициатором целого ряда нововведений в этой сфере. Ряд отчетов инспектора не сохранился.

Отложившиеся в этом фонде материалы по Казанской татарской учительской школе дают ценную информацию по структурной организации учебного заведения, внутреннему делопроизводству, проектам корректировки учебного процесса и школьных программ и др.

В фонде попечителя Казанского учебного округа сохранилась переписка с чиновниками жандармских управлений и начальниками губерний, входивших в состав учебного округа. Подобные документы демонстрируют механизмы взаимодействия между различными органами местной власти в вопросах контроля над мектебами и медресе, деятельностью джадидистских учебных заведений, их педагогического персонала, выпускников, сторонников новометодного образования и др.

После упразднения должности инспектора татарских, башкирских и киргизских школ вопросы его ведения перешли в компетенцию директоров народных училищ. В связи с этим изучены фонд директора народных училищ Казанской губернии (Ф. 160 НА РТ) и материалы фонда директора народных училищ Вятской губернии, хранящиеся в ГАКО (Государственный архив Кировской области; ф. 205). Документы этих фондов демонстрируют взаимодействие директоров и инспекторов народных училищ, достоинства и недочеты в их работе, содержат сведения о разных учебных заведениях (программы, расписание, преподавательский коллектив, учебная литература и др.).

Фонд Казанской татарской учительской школы (Ф. 142 НА РТ) содержит ценные сведения об этноконфессиональном, сословном составе учащихся, преподавателей, учебно-методической базе школы, начального училища при нем, курсах повышения квалификации учителей.

Документы фонда канцелярии казанского губернатора (Ф. 1 НА РТ) позволяют оценить реакцию татар на нововведения Министерства народного просвещения, увидеть «точки соприкосновения» в действиях полиции и чиновников учебного ведомства.

Интерес к фондам Казанского губернского жандармского управления (Ф. 199 НА РТ) обусловлен концентрацией здесь документов по негласному наблюдению за новометодными учебными заведениями, их преподавателями, выпускниками, участниками национального движения, включая переписку с жандармскими управлениями других губерний, входивших в Казанский учебный округ, а также материалов по обыску, арестам видных деятелей национального образования, закрытию новометодных школ и др.

Отдельный пласт источников составляют статистические материалы. Для выявления численности, конфессионального состава, расселения татар в губерниях Казанского учебного округа необходимы материалы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи, 1897 г.», которая фиксировала данные только со слов респондентов, что влияло на степень их достоверности.

Тенденции количественного изменения русско-татарских учебных заведений, конфессиональных школ, учащихся Казанской татарской учительской школы и др. можно почерпнуть из отчетов попечителя Казанского учебного округа, директоров народных училищ, руководства учительской школы. Следует обратить внимание на то, что сведения о русско-татарских учебных заведениях отрывочны, а по конфессиональным школам к тому же и противоречивы. Это связано с недочетами в организации сбора статистических данных, изменениями требований к их составлению и недостаточностью надзора за конфессиональными школами.

К источникам личного происхождения относятся мемуары, письма (переписка) высокопоставленных чиновников, проводивших национальную и школьную политику, миссионеров, идеологов просвещения нерусских народов Поволжья [1, 2]. Они позволяют рассматривать изучаемые явления с позиций современников и участников процессов.

Определенный материал по теме исследования отложился в периодической печати. Среди ведомственных периодических изданий следует выделить «Журнал Министерства народного просвещения». Содержащиеся здесь отчеты министров просвещения, попечителей учебных округов дают возможность определить состояние народного образования в отдельных регионах империи.

«Циркуляры по Казанскому учебному округу» публиковали распоряжения руководства учебного округа, в частности, по организации русско-татарских учебных заведений, деятельности Казанской татарской учительской школы и др. Опубликованные здесь материалы различных региональных совещаний по «инородческому» образованию, статьи местных педагогов, чиновников, миссионеров дают представление об их взглядах на вопросы образования татар-мусульман.

Вопросы школьного образования татар затрагивала также общественная периодическая печать. Материалы газет «Новое время», «Казанский телеграф» освещали проблемы развития народного образования татар с позиций официальной власти. Статьи в татарских периодических изданиях («Вақыт», «Шура», «Дин ва магишат», «Баянелхак») отражают отношение татарской общественности и уммы к политике государства в сфере образования татар, их взгляды на развитие национальной школы.

В целом при изучении государственной политики в сфере образования татар-мусульман Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. привлечен широкий круг источников различных видов, многие из которых впервые введены в научный оборот.

Литература

1. Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого (31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г.) / Сост. Л.И.Толстая. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1997. — 334 с.
2. Ильминский Н.И. Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору святейшего Синода К.П.Победоносцеву / Н.И.Ильминский. — Казань: Тип. Казан. ун-та, 1895. — 266 с. УДК 94(=1.470.41)

УДК 94(470.41)

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
КРЕСТЬЯН КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВЕСНОЙ — ЛЕТОМ 1917 Г.**

**THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE PEASANTS
IN KAZAN PROVINCE IN THE SPRING AND SUMMER
OF 1917**

Б.И.Сибгатов
B.I.Sibgatov

Аннотация. В статье рассматривается положение крестьян Казанской губернии в 1917 г. после Февральской революции. Проанализирована экономическая политика государства по отношению к сельским производителям, а также вызванные ей социальные процессы в деревне.

Ключевые слова: Казанская губерния, сельское хозяйство, крестьянство, Февральская революция, хлебная монополия.

Abstract. The article discusses the position of the peasants in Kazan province in 1917 after the February revolution. Analyzed state economic policy in relation to rural producers, as well as caused by social processes in the village.

Keywords: Kazan province, agriculture, the peasantry, the February revolution, the grain monopoly.

Крестьянство Казанской губернии восприняло Февральскую буржуазную революцию 1917 г. в основном положительно. После революции крестьяне все активнее втягивались в политическую жизнь. Согласно временному положению о волостном земском управлении от 21 мая 1917 г., от каждой волости путем тайного и равного голосования избирались 3–4 гласных уездного земского собрания [5, л.128–129]. В волостях создавались Комитеты общественной безопасности, состоявшие из десяти членов и имевшие в своем составе три комиссии. Возглавлялся он председателем и двумя его товарищами. Избирался комитет на волостном сходе, в его состав вошли в основном бывшие

члены сельской администрации (писари, старосты и т.д.). На комитеты возлагались большие полномочия. Так, Казанский губернский совет крестьянских депутатов постановлением от 13 мая до созыва Учредительного собрания отдал в распоряжение волостных комитетов все государственные, помещичьи земли, а также скот, инвентарь помещиков [7, с. 129], постановлением от 16 мая на них возлагалась обязанность определения продовольственных норм [1, л. 15–18], постановлением от 17 мая — отвод леса на вырубку [1, л. 37].

Однако политические перемены не привели к улучшению экономической ситуации. Часть бремени реквизиций скота и хлеба перекладывалась на плечи крупных земельных собственников [4, л. 137], что, однако, не позволило значительно улучшить положение крестьян. Возник острый дефицит на некоторые виды продовольствия. К примеру, выпуск сахара в 1917–1918 гг. сократился настолько, что его не хватало для подкормки пчел [4, л. 137]. В течение года вводились нормы потребления на разные виды товаров. Так, согласно «Обязательному постановлению Казанского губернского продовольственного комитета от 7 июля 1917 г.», «норма потребления развесного чая устанавливалась в 1/8 фунта на человека с семьей, одинокого — 1/4 фунта в месяц. Взамен развесного кирпичного чая полагалась 1/8 доли чайной доски в месяц». Продажа производилась по карточной системе. Чай отпускался через губернские союзы и кооперативы, а частным торговцам — по удостоверениям тех чайных фирм, у которых они покупали чай прежде. За продажу выше бандерольных цен грозило заключение в тюрьму на срок до 1,5 лет, или арест сроком не более 3 месяцев, или денежное взыскание не более 10 тыс. руб. [4, л. 129]. 13 сентября 1917 г. Тетюшская уездная продовольственная управа установила следующие нормы потребления: на 1 чел. в месяц 1 фунт сахара и 6 золотников чая. Цена на сахарный песок была установлена в 10 руб. 40 коп. за пуд, на чай фамильный — 6 руб. за фунт, чай кирпичный — 6 руб. 50 коп. за доску [4, л. 200]. С 1 ноября 1917 г. твердые цены на пуд сахарного песка были установлены в размере 56 руб. 60 коп., рафинада — 60 руб. [4, л. 291].

25 марта 1917 г. было опубликовано постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продо-

вольственных органах», согласно которому у сельских производителей изымался так называемый «излишек» хлеба по твердой цене. Государство значительно ограничило частную продажу хлеба [4, л. 204]. Губернская продовольственная управа 26 июня 1917 г. направила волостным продовольственным управам инструкции, согласно которым «весь хлеб, засеянный как на землях отдельных собственников, так и общинников, считается достоянием государства, исключительно того количества, которое необходимо собственнику для прокормления семьи, рабочих и скота, а также для обсеменения полей согласно установленных Временным правительством и опубликованных в «Вестнике Временного правительства» от 30 марта 1917 г. норм». «Посевы, убранные издольно, также признаются собственностью государства, а потому по уборке и обмолоте все, верно причитающееся как владельцу земли, так и издольщику, за исключением указанных выше <...> норм, поступает немедленно на сыпные пункты, где производится расплата наличными деньгами по введенным ценам»; «При посевах и уборке хлебов, произведенных испольно, молоте хлеба часть зерна, причитающаяся испольщику, выдается ему на руки, другая часть, за исключением указанных выше <...> норм, поступает в распоряжение государства» [4, л. 62]. Казанская уездная земская управа 26 апреля 1917 г. инструктировала волостные продовольственные комитеты: «В случае невыполнения наряда придется реквизировать все хлебные запасы, которые будут признаны излишними, за удовлетворением семенной и продовольственной потребности населения. Если выполнение наряда невозможно теми сельскими обществами или теми отдельными домохозяевами, между которыми произведена разверстка (так как у некоторых, быть может, действительно нет своего хлеба), то необходимо дополнительно разверстать недобранное количество по волости или вообще принять другие, самые решительные меры... все же главное внимание должно быть обращено на принуждение к доставке тех лиц, которые хотя и имеют хлеб, но его не везут. Таковым, да и прочим домохозяевам следует сообщать о достойном подражания примере граждан некоторых селений, кои, откликнувшись на призыв представителя Государственной Думы, собрали по 1 пуду ржи с каждой

десятины своей земли и доставили бесплатно» [1, л. 51; 2, л. 77].

Правительство ввело твердые государственные закупочные цены на продукцию сельского хозяйства. Тетюшская продовольственная управа в телефонограмме от 7 августа 1917 г. за №1976 всем волостным продовольственным управам велела скупать хлеб по цене 2 руб. 50 коп. за пуд, из которых владельцу хлеба полагалось 2 руб. 35 коп. за вычетом провоза до станции или пристани из расчета 1 копейка с пуда/версты [4, л. 125]. С 27 августа 1917 г. закупочные цены по всей губернии повышались на 100% [4, л. 211, 244], но все равно оставались ниже рыночных. Согласно приказу министра продовольствия А.В.Пешехонова с 31 августа в губернии «приступили к принудительному обмолоту и доставке хлеба в сборные пункты». При необходимости было разрешено использовать вооруженные силы [4, л. 245].

Однако, несмотря на возможность применения силы государством, крестьяне стремились сохранить хлеб при себе. Так, председатель Колунецкой волостной продовольственной управы Д.Машин сообщал 24 июня 1917 г.: «...в деревне Шигамер Колунецкой волости Тетюшского уезда крестьяне скрывали хлеб, некоторые ругались и не позволяли проверять свои хозяйства на наличие излишков хлеба. Говорили, что не слышали о хлебной монополии» [4, л. 41–42]. Члены Совета рабочих и солдатских депутатов в г. Тетюши на мельницах обнаружили неучтенную ржаную муку. Твердые цены на муку в г. Тетюши не соблюдались [4, л. 101]. Крестьяне открыто шли на конфликт с властью, выступая против обязательных хлебных поставок. Всего в Казанской губернии с марта по октябрь 1917 г. было зафиксировано 167 крестьянских выступлений против хлебной монополии [6, с. 254].

Отметим, что местная власть стремилась решать разногласия мирным путем. Так, на заседании Тетюшского уездного продовольственного комитета 8 июля 1917 г. было принято решение: «Для подавления беспорядков, возникающих на почве продовольственных недоразумений, предварительно приглашать члена Совета крестьянских депутатов для объяснений, при сопротивлении составлять протокол, который и направлять в распо-

ряжение мирового судьи и в крайних случаях приглашать воинские команды через Совет солдатских и рабочих депутатов Тетюшского уезда и уездному комиссару» и «разрешить крестьянам замену реквизируемого скота при условии одного — двумя равного общего веса» [4, л. 104]. Тем не менее осенью движение крестьян против хлебной монополии приобрело массовый и наиболее жесткий характер [6, с. 253]. К примеру, жители Акрамовской волости Козьмодемьянского уезда долгое время не допускали к себе «пришлых», в том числе депутатов крестьянского совета. Властям пришлось вызывать воинскую команду для проведения в волости сельскохозяйственной переписи и реализации хлебной монополии. Крестьяне волости больше недели противостояли роте солдат, которым, правда, было запрещено использовать огнестрельное оружие. В итоге подпоручик Бочков с двумя ротами солдат смог «захватить» село и забрать хлеб в счет продовольственных поставок [5, л. 72–79], но крестьяне не успокоились. В октябре 1917 г. Казанский губернский комиссар Чернышев писал в отчете: «...крестьяне Акрамовской волости ввиду проведения закона о хлебной монополии переселяются в леса, оставляя свои дома» [3, л. 319].

Осенью государство ужесточило меры по принуждению крестьян к сдаче хлеба государству. Так, в телефонограмме Казанского губпродкома от 14 октября 1917 г. за №2424 уездным продовольственным управам говорилось: «В последнее время часто наблюдается частная покупка хлеба, что строго преследуется законом. Объявить сдать хлеб имеющим его в ссыпные пункты в три дня, после приступить к реквизиции» [4, л. 413]. Октябрьская телеграмма председателя Временного правительства Н.Ф.Керенского продовольственным комитетам предписывала начать реквизиции при содействии общественных организаций и при необходимости воинских команд числом не более пяти человек. Изъятый хлеб свозить в ссыпные пункты и немедленно оказывать помощь бедному населению [5, л. 289]. Меры насильственного изъятия хлеба настраивали крестьянство против Временного правительства, стали одной из важнейших причин перелома крестьянского сознания в сторону скорейшего выхода России из Первой мировой войны.

Таким образом, после Февральской революции 1917 г. настроение крестьянства губернии сменилось в сторону поддержки правительства, крестьяне в своей массе были готовы воевать до победного конца. Закон от 21 мая 1917 г. привлекал крестьян к участию в местном самоуправлении. Но неспособность Временного правительства устранить крестьянское малоземелье, экономическую и хозяйственную разруху, остановить рост инфляции, дефицита и дороговизны товаров, а также введение для них хлебной монополии привели к новому обострению отношений между сельским населением и властью, тем самым к значительному усилению антивоенных и антиправительственных настроений в деревне.

Литература

1. НА РТ. — Ф. 98. — Оп. 1. — Д. 8.
2. НА РТ. — Ф. 199. — Оп. 2. — Д. 1299.
3. НА РТ. — Ф. 199. — Оп. 1. — Д. 1299.
4. НА РТ. — Ф. 244. — Оп. 43. — Д. 14.
5. НА РТ. — Ф. 1246. — Оп. 1. — Д. 181.
6. Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября / И.М.Ионенко. — Казань: Таткнигоиздат, 1957. — 254 с.
7. Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века / Д.И.Люкшин. — М.: АИРО-XXI, 2006. — 142 с.

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЕТИ ПРАВОСЛАВНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ НАРОДОВ КАЗАНСКОЙ
ГУБЕРНИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПРЕДВОЛЖЬЯ ТАТАРСТАНА)***

**INSTITUTIONALIZATION OF THE NETWORK
OF ORTHODOX EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS
FOR THE PEOPLES OF KAZAN GOVERNMENT
IN THE XIX — THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES.
(ON MATERIALS OF THE PREDULENCE
OF TATARSTAN)**

*М.З.Хабибуллин, Р.В.Шайдуллин
M.Z.Khabibullin, R.V.Shaydullin*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и развития сети православных учебных заведений для финно-угорских и тюркских народов в Казанской губернии в XIX — начале XX в. Особое внимание уделяется анализу миссионерской деятельности учебных заведений в Свяжском, Тетюшском и Буинском уездах. Кроме того, выявляется специфика работы православных миссионерско-просветительских учреждений, проблема профессиональной подготовки учительских кадров для инородческих школ.

Ключевые слова: Казанская губерния, Русская православная церковь, нерусские народы Предволжья, просветительская политика, духовные и миссионерские учебные заведения, съезды учителей, профессиональная подготовка преподавательских кадров.

Abstract. In the article features of formation and development of a network of orthodox educational institutions for Finno-Ugric and Turkic peoples in the Kazan province in XIX — the beginning of XX centuries are considered. Particular attention is paid to the analysis of the missionary activity of educational institutions in Sviyazhsky, Tetyush and Buinsk counties. In addition, the specifics of the work of Orthodox missionary and educational institutions, the

problem of the professional training of teachers for foreign schools are revealed.

Keywords: Kazan Province, the Russian Orthodox Church, non-Russian peoples, predvolzhya, educational policy, spiritual and missionary educational institutions, congresses of teachers, professional training of teaching staff.

Начавшаяся в России во второй половине XIX в. буржуазная модернизация повлекла за собой множество изменений в экономической, социокультурной и национальной политике государства. Причем смена векторов в национальной политике была обусловлена не столько необходимостью державной этнокультурной унификации народов в административном, культурном, правовом и социальном отношении, сколько необходимостью буржуазной интеграции российского общества по вертикалям [11, с. 41]. В новых социально-экономических и политических реалиях развития российского многонационального общества во второй половине XIX в. на первый план выходят новые, державные этнокультурные инструментарины формирования политики христианизации и русификации инородцев, которые пришли на смену устаревшим, отчасти отжившим себя методам жесткой административной аккумуляции и насильственного крещения. Изменениям правительственной этнокультурной политики в отношении крещеных и некрещеных инородцев способствовали не только вяло развивающиеся буржуазно-либеральные реформы, но и массовое «отступническое» движение среди крещеных татар, отчасти и среди финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. Первый шаг в этом направлении был сделан российским императором Александром II, который 14 декабря 1861 г. утвердил «Правила о порядке совершения над иноверцами нехристианами святого крещения», введившие более открытые и цивилизованные формы приобщения к православию. В 1864 г. Александром II были утверждены «Основные правила для учреждений православных церковных братств» [14], провозглашавшие создание православных церковных организаций. Православные братства должны были стать главным заслоном против «отпадения инородцев» от православия и перехода в ислам и язычество.

Одновременно они ориентировались на распространение православной веры и усиление религиозного образования среди российских инородцев. Таким образом, эти учреждения представляли собой качественно новый подход в миссионерской деятельности российского правительства и Русской православной церкви.

В реализации нового правительственного курса по имперской аккультурации финно-угорских и тюркских народов Казанского Предволжья немаловажную роль сыграла Казанская епархия Русской православной церкви, которая во второй половине XIX в. занимала особое положение среди других епархий Российской империи, ее отличительной чертой являлась работа в многонациональном и поликонфессиональном регионе. Как известно из источников, Казанская губерния в заявленный период превратилась в опытный полигон Русской православной церкви по распространению христианства среди нерусских народов Российской империи. Целенаправленному развитию этой имперско-церковной политики способствовали не только поликонфессиональность, но и многоэтничность народов, находившихся на различных ступенях общественной эволюции.

В рамках реализации нового великодержавного политического курса Александра II по этнокультурной унификации нерусских народов Российской империи было создано Братство святителя Гурия, которое превратилось со временем в одно из ведущих учреждений Русской православной церкви, участвовавших в проведении широкомасштабной религиозно-миссионерской политики правительства среди финно-угорских и тюркских народов России. Его практическая деятельность в сфере религиозного просвещения значительным образом повлияла на весь ход развития религиозно-просветительской деятельности среди марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов и крещеных татар. Образно говоря, имперское правительство заложило основы миссионерской системы народного образования финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, отчасти чувашей и крещеных татар, способствовало тем самым формированию инородческого православного духовенства, отчасти и национальной интеллигенции, укреплению этих народов в православной вере.

Открытие миссионерской организации Братство святителя Гурия в Казанской губернии было связано с историческими, религиозными и национальными особенностями региона. Историограф Казанской духовной академии П.В.Знаменский в числе причин создания Братства святителя Гурия указал «малую успешность усилий православного духовенства как в распространении и уяснении христианской веры между инородческим населением Казанской губернии, так и в борьбе его с расколом и невежеством простонародья», а также стремление облегчить «труды духовенства, озабоченного священнослужением, требоисправлением и своими домашними нуждами» [6, с. 453–454]. П.Уэрт все это связывал с «воинствующим» исламским фактором». По его мнению, «ислам в середине XIX века действительно превратился в более существенную проблему для духовных деятелей в Казанском крае. Это не означает, что ислам до этого вовсе не занимал государственных деятелей. Но именно теперь он начинает представлять новые затруднения для официальных кругов. Появляется опасение, что ислам энергично развивается и укрепляется, тогда как православие уступает индифферентизму и веротерпимости» [17, с. 106]. Другой причиной усиления религиозно-миссионерской политики в Казанском регионе стало массовое отпадение крещеных татар в ислам, начавшееся в первой половине XIX в. По этому поводу казанский вице-губернатор В.А.Розов в своем обращении к министру внутренних дел России писал: «...масса крещеных татар, слабая в христианстве, по незнанию христианского учения, и издавна наклонная к магометанству, приведена в движение несколькими пропагандаторами, которые заведомо ложными разглашениями внушали этой массе уверенность в милостивом расположении Государя Императора в пользу магометанства» [15, с. 302]. Развивая мысль о причинах массовых отпадений, Розов выделил также следующий фактор: «Магометанская пропаганда сильно действует на здешних инородцев: чувашей, черемис и вотяков. Примером этому служит отпадение в магометанство крещеных чуваш Тетюшского уезда деревень — Кукшума, Белой Волошки и Утеевой. По частным сведениям известно, что в Мамадышском уезде некоторые, остающиеся в язычестве, черемисы и вотяки мало-помалу переходят в ма-

гометанство. Этот процесс отатаривания совершается очень просто по причине лингвистической близости финских языков к татарскому. Финские инородцы очень легко усваивают татарский язык, как это видно в уездах: Чистопольском, Спасском, Тетюшском и других, где они соседят с татарами-магометанами. После усвоения татарского языка, при свойственной татарам пропаганде, они принимают магометанскую веру и окончательно сливаются с татарами-магометанами, увеличивая, таким образом, массу этого народонаселения» [15, с. 309]. На активизацию национально-религиозного самосознания в Казанской губернии указывал и М.А.Машанов: «С шестидесятых годов ислам гордо поднял голову и решил открыто выступить в борьбу с православием. Результатом этого являются массовые отпадения христиан в магометанство. Только в одной Казанской губернии отпало тогда около 9000 душ» [10, с. 12]. И.К.Загидуллин считает, что в 1865–1868 гг. в мусульманство перешло около 12 тыс. крещеных татар мужского пола [4, с. 77]. На усиление волнений обратила внимание и американский ученый Ф.Брайан-Беннигсен [2, с. 110].

Братство святителя Гурия было учреждено 4 октября 1867 г. Официальная дата открытия Братства была приурочена ко дню обретения мощей первого казанского архиепископа, «первоучителя» и просветителя Гурия. Этому событию предшествовала большая предварительная работа. Мысль о создании общества принадлежала прибывшему в Казань викарию Гурию (в мире — Карпову) [10, с. 16]. Вместе с тем инициатива, по мнению исследователя В.М.Горохова, исходила от представителей местного православного духовенства и губернской администрации в лице губернатора Н.Я.Скарятина [3, с. 129]. Еще 20 апреля 1867 г. 18 именитых и известных горожан Казани обратились к архиепископу Казанскому и Свяжскому Антонию с просьбой об открытии Братства святителя Гурия и получили положительную резолюцию. Один из видных православных деятелей Н.А.Бобровников писал: «Основатели Братства старались поставить миссионерское дело как частное дело, как дело личной добровольной заботливости русского общества о просвещении своих соотечественников» [1, с. 14]. Все эти задачи и были возложены на Братство святителя Гурия [10, с. 4].

Совет Братства, согласно его первичному уставу, должен был состоять из 11 членов и председателя. Из числа членов один выбирался казначеем, другой — делопроизводителем. На первый братский год председателем был избран преосвященный викарий Гурий; членами совета: профессор Казанского университета Н.И.Ильминский, попечитель Казанского учебного округа П.Д.Шестаков, бакалавр Казанской духовной академии Е.А.Малов, инспектор чувашских школ Н.И.Золотницкий, казанский губернский предводитель дворянства П.Г.Осокин, председатель Казанской уездной земской управы Г.И.Горталов, казанский вице-губернатор Е.А.Розов, казанский купец В.Н.Унженин, казанский городской голова И.Я.Тихонов, протоиерей кафедрального собора В.П.Вишневский, профессор богословия Казанского университета, протоиерей А.П.Владимирский. Из своей среды эти члены избрали заместителями председателя попечителя Казанского учебного округа П.Д.Шестакова и казанского губернского предводителя дворянства П.Г.Осокина, казначеем — В.Н.Унженина, делопроизводителем — Е.А.Малова. В декабре 1967 г., по случаю назначения председателя Совета Братства святителя Гурия епископом Таврическим, на экстренном общем собрании членов организации председателем был избран П.Д.Шестаков.

В истории развития Братства условно можно выделить 5 этапов: 1-й (1867–1875 гг.) — становление православной организации; 2-й (1875–1898 гг.) — расцвет, в это время открываются Переводческая комиссия, учреждаются две центральные школы; 3-й (1898–1904 гг.) — период внутренних разногласий и дискуссий, обусловленных принятием устава Братства 1898 г. и выделением в качестве самостоятельных учреждений противораскольнического отделения и Переводческой комиссии; 4-й (1904–1907 гг.) — время кадровых перестановок и структурных преобразований в совете Братства, которые, по замыслу учредителей, должны были, с одной стороны, кардинально улучшить работу организации, с другой — повысить эффективность миссионерской деятельности на территории Казанской губернии в связи с передачей всех дел из ведения Казанской духовной консистории Братству; 5-й (1907–1918 гг.) — период стагнации и прекращения деятельности данного учреждения.

Судя по сохранившимся документам, Братство святителя Гурия создавалось как миссионерское, культурно-просветительское учреждение. На это указывают многие пункты устава общества: «1) Содействие утверждению в вере православной крещеных инородцев, воспитание детей их в думе православия: а) через заведение инородческих школ и распространение книг на их народных языках и б) через устройство среди инородческого населения церквей; 2) Содействие распространению св. веры Христовой между иноверным населением Казанской епархии, магометанами и язычниками; 3) Убеждение и вразумление отпадающих и заблуждающихся членов православной церкви...; 5) Содействие и покровительство учреждению школ между православно-русским населением епархии, распространение религиозных книг, развитие в народе здравых понятий, искоренение суеверий» [10, с. 18]. Таким образом, создание Братства святителя Гурия было продиктовано сложившейся к тому времени ситуацией, а именно стремлением российских властей к изменению политики насильственной аккультурации нерусского населения на более цивилизованную. По справедливому мнению казанского историка И.К.Загидуллина, «царское правительство пустило в ход утонченную форму национального угнетения, которая была разработана Н.И.Ильминским. Для реализации замыслов главного миссионера в Казани была создана особая организация» [5, с. 103].

Главными миссионерскими направлениями Братства святителя Гурия были: 1) борьба с «отпадением» крещеных «инородцев» в ислам; 2) борьба с исламом; 3) борьба с язычеством и 4) борьба с расколом в Русской православной церкви. Основная задача Братства святителя Гурия заключалась в «образовании крещеных инородцев и утверждении их в православии» [16, с. 3] и только затем — в его распространении. В силу этого под миссионерское воздействие Братства должны были попасть не только крещеные «инородцы» Предволжья, Поволжья и Приуралья, склонные к «отпадению» и «заблуждению», но и раскольники и представители других христианских сект.

Реализация государственной миссионерской политики должна была осуществляться через учебные заведения Братства. Они представляли собой начальные школы грамоты, откры-

вались в основном в местностях с нерусским населением. Пробразом идеальных школ Братства являлись Никифоровская и Арняшская школы Мамадышского уезда Казанской губернии. Они были открыты в 1865 г., еще до создания Братства, профессором Казанской духовной академии Н.И.Ильминским и практикантом татарского языка академии В.Т.Тимофеевым. В 1867 г. эти школы официально вошли в сеть учебных заведений Братства. В 1867–1912 гг. насчитывалось от 22 до 153 школ Братства, наибольший процент среди них составляли крещено-татарские, поскольку именно на них делался основной упор в просвещении и образовании.

Подготовкой учителей для школ Братства занималась казанская Центральная крещено-татарская школа. За все время ее существования в этом учебном заведении получили образование свыше 6 тыс. чел., в том числе около 900 учителей. Выпускники крещено-татарской школы стали первыми учителями в школах Братства.

26 октября 1872 г. по инициативе Н.И.Ильминского была открыта Казанская учительская инородческая семинария, которая готовила учителей для сельских народных начальных училищ. Она была открыта на основании «Правил о мерах по образованию инородцев» (1870 г.) с целью подготовки педагогов для работы в двуязычных начальных училищах, способствовавших христианизации населения и сближению «инородцев» с русским населением. Срок обучения в семинарии составлял три года. Для повышения уровня знаний по русскому языку в 1877 г. при семинарии был открыт приготовительный класс с годичным сроком обучения. Наряду с общеобразовательной и педагогической подготовкой предусматривались переводческая практика, церковное пение на родном языке, работа в переплетной, кузнечной, столярной и слесарной мастерских. При Казанской учительской инородческой семинарии действовали четыре образцовых подготовительных начальных училища: марийское, мордовское, удмуртское, чувашское. В них проходили педагогическую практику семинаристы, апробировались новые методики и учебные пособия. Семинария была методическим центром просвещения народов Казанского края. Ее педагоги разрабатывали программы, методики, литературу для преподавания

в начальных нерусских школах, переводили на родные языки произведения, которые, пройдя цензуру, издавались Переводческой комиссией Православного миссионерского общества. За годы своего существования Казанская учительская инородческая семинария подготовила более 1500 педагогов для нерусских школ Поволжья и Приуралья. В ней обучались представители народов Поволжья и Приуралья — в основном башкиры, марийцы, мордва, татары, удмурты, чувашаи, а также русские. Директорами семинарии в разное время были Н.И.Ильминский, Н.А.Бобровников и А.А.Воскресенский.

Школы Братства святителя Гурия развернули свою просветительскую деятельность среди всех народов Казанской губернии, особенно в тех уездах, которые сейчас входят в Предволжье Татарстана (Свияжский, Тетюшский, Буинский) [12, л. 2].

Одной из действенных форм совершенствования системы образования в школах Братства святителя Гурия и повышения уровня профессиональной подготовки ее учителей было проведение специальных педагогических съездов. Руководство Братства считало не только полезным, но и необходимым ежегодный созыв съездов учителей в Казани, как указывалось в первом отчете Братства святителя Гурия — «для укрепления их в знании русского языка, для ознакомления их с лучшими методами и приемами преподавания, для взаимного обмена мыслей по учебной практике, для усовершенствования их в церковном пении и для проверки вновь сделанных на инородческие языки переводов» [8, с. 641]. Съезды проводились в конце лета или в начале осени, перед началом учебных занятий в школах Братства и продолжались две недели. Низкая заработная плата учителей школ могла помешать их участию в таких конференциях, поэтому руководство Братства с самого начала оказывало приезжающим учителям денежную помощь, оплачивая дорогу, гостиницу и время пребывания в Казани.

Основное внимание на съездах учителей уделялось вопросам миссионерского характера. Учителя сообщали сведения об отношении мухаммедан к крещеным инородцам и о нападках первых на последних. Руководители съездов в свою очередь разъясняли учителям «недоуменные вопросы, возбуждаемые мухаммеданами», и представляли при этом «опровержение

мнений мухаммедан» [10, с. 106]. Поэтому в работе съездов учителей активное участие принимали и преподаватели миссионерского противомусульманского отделения Казанской духовной академии: Н.П.Остроумов, Е.А.Малов, М.А.Машанов и др. Они беседовали с учителями и объясняли им то, что считали наиболее важным «при полемической борьбе с мусульманами с разбором наиболее распространенных среди мухаммедан возражений против христианской веры» [10, с. 106].

С целью более эффективной организации преподавания и религиозно-православного воспитания в братских школах Совет Братства святителя Гурия образовал в 1893 г. особую комиссию для рассмотрения вопросов, касающихся школьного дела. Одной из ее первоочередных и самых важных задач стало «установление программы преподавания в братских школах и снабжение школ учебными принадлежностями и книгами». За основу школьной системы была взята «система просвещения инородцев» Н.И.Ильминского. М.А.Машанов, как активный член Братства и его делопроизводитель, по своей должности и в рамках деятельности комиссии совершил большое число инспекторских поездок по сельским миссионерским школам. Вот как он писал об этом: «Все еще оставались многие чувашские и другие школы Братства святителя Гурия, которые в течение нескольких лет не были посещены специально ни одним из членов Совета Братства святителя Гурия для миссионерского руководства этими школами. В виду этого Совет пришел к убеждению командировать с означенной целью... М.А.Машанова как специалиста по инородческим вопросам» [13, с. 13]. Он посетил большинство братских школ Свияжского, Тетюшского, Цивильского, Ядринского и Чебоксарского уездов. Всего он осмотрел 34 учебных заведения [13, с. 7]. Делая общие выводы о состоянии этих школ, М.А.Машанов писал: «Я вынес самое отрадное впечатление и нашел постановку преподавания вообще вполне удовлетворительною... Конечно, педагога-формалиста далеко не удовлетворит внешняя обстановка многих наших чувашских школ: грязная чувашская изба, донельзя наполненная детьми, иногда с придачей телят, ягнят и других домашних животных; не удовлетворить может быть, и наружная форма ответов, лишенных внешнего блеска..., — все

просто и примитивно-естественно; без лоска, без желания показаться в лучшем свете являются пред посетителем братские учителя со своими питомцами» [13, с. 35]. Особое внимание он уделял постановке учебного процесса: «При внимательном осмотре школы и наблюдении учения в ней открывается много отрадного: Священная история, молитвы, заповеди и особенно церковное пение, которым отличаются братские школы, усвоенны учениками вполне толково, и нередко даже можно заметить, что ученики не только выучили все это, но и чувством усвоили». Однако в связи с тем, что «обучение в братских школах ведется главным образом на инородческих языках, чтобы лучше внедрять в сердца учеников истины христианской веры и правила доброй нравственности... знание русского языка стоит невысоко» [13, с. 35]. Главными требованиями М.А.Машанова к школьникам были умение оперировать религиозными понятиями и знание русского языка: «При испытании учеников я спрашивал молитвы, заповеди, священную историю и историю праздников от учащихся в старшем отделении по-русски, а в среднем — отчасти по-русски, отчасти на инородческом языке, а в младшем отделении — исключительно на инородческом языке» [13, с. 35].

Кроме того, религиозно-просветительская деятельность Братства святителя Гурия сыграла большую роль в реализации государственной политики по укреплению в христианстве значительных масс финно-угорского населения, отчасти и тюркского (чувашей, крещеных татар). Как подчеркивает Г.М.Лившиц: «Интенсивную русификацию Поволжья осуществляло Братство святителя Гурия» [9, с. 75]. По утверждению Н.И.Ивановского, «отличительной особенностью деятельности Братства в достижении намеченных им целей слить инородцев с русским народом было то, что слияние это предположили начинать с верований инородцев, а не с языка, — как это делается на западных наших окраинах, — с церкви, а не государственности. Выдающиеся руководители Братства были глубоко убеждены, что если мусульманин или язычествующий черемисин сделаются православными христианами, и при том не по имени только, а по душе и по сердцу, то этим самым они будут уже русскими по духу, и не более как чрез одно-два поколения утратят и свою националь-

ную разновидность, — по крайней мере, с точки зрения государственных интересов и государственного порядка» [7, с. 737].

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. в Казанской губернии оформилась система православных учебных заведений, занимающихся подготовкой квалифицированных кадров миссионеров для работы среди финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Основными звеньями этой системы были Казанская духовная академия, Казанская духовная семинария, Казанская центральная крещено-татарская школа, учебные заведения Братства святителя Гурия, женское епархиальное училище, окружное женское духовное училище. Кроме того, для подготовки миссионеров из среды «инородцев» при содействии Братства святителя Гурия в Казани были открыты миссионерский приют и миссионерское училище. Причем все основные формы религиозно-миссионерской деятельности миссионерских учебных заведений были направлены на державное просветительство инородцев на основе русского языка и православного христианства, а также на интеграцию финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья в русское этнокультурное пространство. Миссионерской школьной системе удалось достичь определенных результатов в утверждении православия среди удмуртского, мордовского, чувашского и марийского населения. Благодаря усердной деятельности миссионерских организаций впервые на разговорных языках местных нерусских народов были опубликованы тексты церковной службы, молитв, Евангелия, а также комментарии к ним.

Кроме того, культурно-просветительское значение православных миссионерских организаций, в том числе Братства святителя Гурия, заключалось и в создании для бесписьменных нерусских народов Российской империи алфавитов на основе кириллицы, составлении грамматик, словарей и учебных пособий. Религиозно-просветительская деятельность миссионерских учреждений с их разветвленной школьной сетью среди чувашей, мордвы была не только важным явлением в их культурно-образовательной сфере, но и в общественно-политической жизни. Именно миссионерские школы для них стали одними из первых образовательных учреждений, заложивших основы для

формирования их национальной интеллигенции. Однако миссионерам не удалось остановить процесс отпадения от православия крещеных инородцев, в первую очередь татар, и распространения в регионе ислама, принявшего массовый характер после революции 1905–1907 гг.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №16-11-16013 «Предволжье Татарстана в социально-экономическом и историко-культурном измерении (конец XVIII — начало XXI вв.)».

Литература

1. Бобровников Н.А. Нужны ли так называемые противомусульманские и противоязыческие епархиальные миссионеры в губерниях Европейской России? — Казань, 1905.
2. Брайан-Беннигсен Ф. Миссионерская деятельность в Поволжье // Татарстан. — 1994. — № 1–2.
3. Горохов В.М. Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. — Казань, 1941.
4. Загидуллин И.К. К вопросу отпадения крещеных татар Казанской губернии в мусульманство 1866 г. — Казань, 1990. — С. 77.
5. Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. — Казань, 2000. — С. 103.
6. Знаменский П.В. О богослужении на инородческих языках // Сотрудник «Братства святителя Гурия». — 1910. — №29–30. — Т.1. — С. 453–454.
7. Ивановский Н.И. Братство святителя Гурия и характер его деятельности // Православный собеседник. — 1893. — Июнь. — С. 7.
8. Известия по Казанской епархии. — 1868. — № 22. — С. 641–642.
9. Лившиц М.А. Религия и церковь в прошлом и настоящем. — Минск, 1961. — С. 75.
10. Машанов М.А. Обзор деятельности Братства Святителя Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892 гг. — Казань, 1892. — С. 12.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (в XVII — начале XX в.). — СПб., 2003. — Т. 1. — С. 41.

12. НА РТ. — Ф. 968. — Оп. 1. — Д. 19. — Л. 2.
13. Отчет о деятельности Братства святителя Гурия за 26 братский год. — Казань, 1893.
14. Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 2-е (ПСЗ –2). — СПб., 1867. — Т. 39, №40863.
15. Представление вице-губернатора В.А.Розова от 5 декабря 1866 г. // Ильминский Н.И. Казанская центральная крещено-татарская школа. — Казань, 1887. — С. 302.
16. Устав «Братства святителя Гурия» при Казанском кафедральном соборе 1898 г. — Казань, 1898. — С. 3.
17. Уэрт П. Отпадение крещеных татар // Татарстан. — 1995. — №1–2.

**ПОЯВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ В
ИСТОРИОГРАФИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА:
ТРУДЫ П.И.РЫЧКОВА, К.Ф.ФУКСА, Н.К.БАЖЕНОВА,
В.В.ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА, Г.И.ПЕРЕТЯТКОВИЧА
И С.М.ШПИЛЕВСКОГО**

**EMERGENCE OF THE MAIN SCIENTIFIC CONCEPTS IN
A HISTORIOGRAPHY OF THE KAZAN KHANATE:
P.I.RYCHKOV, K.F.FUCHS, N.K.BAZHENOV,
V.V.VELYAMINOVA-ZERNOV, G.I.PERETYATKOVICH
AND S.M.SHPILEVSKY'S WORKS**

*Б.Л.Хамидуллин
B.L.Khamidullin*

Аннотация. Научный интерес к истории Казанского ханства зародился в XVIII в. Первые исследования, посвященные непосредственно этому татарскому государству на территории Среднего Поволжья, создавались по летописным лекалам, в рамках общей российской традиции, заложенной авторитетными концептуальными работами В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина. В целом Казанское ханство представлялось в научных трудах XVIII–XIX вв. в качестве объекта московской внешней политики, как враждебная сила, с которой русское правительство иногда вынуждено было заключать тактические соглашения.

Ключевые слова: Казанское ханство, татары, научные концепции, историография.

Abstract. Scientific interest in the history of the Kazan khanate originated in the XVIII century the First studies devoted directly to this Tatar state on the territory of the Middle Volga region, was created «chronicle» with the pattern following in General the Russian tradition, founded the authoritative and conceptual works of V.N.Tatishchev and N.M.Karamzin. In General, the khanate of Kazan was presented in the scientific works of the XVIII–XIX centuries as an object of Moscow's foreign policy as hostile force with which the Russian government was forced sometimes to enter into tactical agreements.

Keywords: Kazan khanate, Tatars, scientific concepts, historiography.

Казанское ханство (1438/1445–1552/1557) имело богатую историю [10; 11], научный интерес к которой проявился уже в XVIII в. [14, с. 34], в период становления дворянской историографии и формирования просветительства в России. Характерной чертой российской историографии того времени было ограничение круга ее интересов исключительно вопросами политической истории. Поэтому многие социально-экономические и этнокультурные аспекты развития общества изучались слабо, а в центре внимания находились такие события, как дипломатия, войны, завоевания, а также причины, их порождавшие (аналогичная ситуация наблюдалась в XIX в. и в зарождающейся татарской исторической науке, см.: 12, с. 222–228). Ограничивала творческую активность историка и его исследовательские возможности также зависимость от формы изложения материала в источниках и сам способ его критического анализа. Летописная форма долгое время была преобладающей в изложении средневековой истории Руси/России, а факты, излагаемые в текстах летописей, были настолько отрывочны и скудны, что становились препятствием для написания российской истории по типу европейских, в первую очередь образцовых для того времени немецких работ. Эта зависимость заметна в трудах ранних российских историков, таких как А.И.Лызлов (анализ сочинений А.И.Лызлова о татарах и Казанском ханстве см.: 11, с. 142–143; 13, с. 48–55), В.Н.Татищев, М.В.Ломоносов, М.М.Щербатов, И.Н.Болтин и др. Да и С.М.Соловьев не отошел полностью от этой формы. Не удивительно, что и первые исследования, посвященные непосредственно Казанскому ханству, создавались по этим «летописным» лекалам, в рамках общей российской традиции, заложенной авторитетными концептуальными работами В.Н.Татищева и Н.М.Карамзина.

Первым, кто специально обратился к истории Казанского ханства, был член-корреспондент Петербургской академии наук Петр Иванович Рычков (1712–1777) — автор трудов по археологии, этнографии и истории Поволжья, Урала и Прикаспия. Он был также участником Оренбургской академической экспеди-

ции, которая провела исследования природных ресурсов Оренбургского края. Именно в Оренбурге П.И.Рычков впервые обращается к истории татар. Об этом свидетельствует сочинение, написанное им в конце 1740-х гг., — «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются» [4, с. 8]. Он также является автором первого путеводителя по городу Казани [3, с. 31]. Наиболее интересной для изучения Казанского ханства является его публикация «Опыт Казанской истории древних и средних времен» [7; 9, с. 76–78], которая была написана на хорошем для своего времени научном уровне, с использованием как русских, так и восточных источников. И все же основным источником по истории Казанского ханства для Рычкова являлась «Казанская история», которую он практически переписал, трактуя некоторые сложные или непонятные сюжеты на свой лад и дополняя сведениями, которые смог найти в весьма ограниченном круге опубликованных на тот период письменных источников. Вместе с текстом этого публицистического произведения автор воспринял и перенес в свою книгу многие его идеологические штампы, оправдывающие и легитимизирующие захват Казани Иваном IV в 1552 г. Вся история Казанского ханства в его изложении, таким образом, неизбежно превратилась в описание политических взаимоотношений Казани и Москвы. В самом начале своего сочинения Рычков пишет о том, что история Казанского царства неразрывно связана с историей России, особенно на раннем ее этапе. Волжских болгар (одних из предков казанских татар) автор причисляет к древнейшим славянам, которые пришли на Волгу с незапамятных времен. Это утверждение базируется, в частности, на сведениях, приведенных в «Казанской истории», в которой территория, «где стоит теперь город Казань», именовалась частью «единой Русской земли» [5, с. 47], и на лингвистической трактовке этнонима «болгары/болгары», созвучного названию реки Волги. «Не только наши российские летописи, — писал Рычков, — но и иностранные писатели согласно и довольно уверяют нас, что в нынешних Казанской, Оренбургской и Астраханской, частью ж и в Сибирской губерниях, особливо же около Камы, Волги и Яика рек, в древние времена под разными именами Славянские

народы обитали, между которыми Болгары по их бывшему великому купечеству, и многим ремеслам, как сильный, богатый и в городах обитавший народ, за знатнейший признавался» [7, с. 2]. По его мнению, эти болгары и создавали первые города на землях Поволжья. Благодаря этому весьма сомнительному доводу, целиком заимствованному из «Казанской истории», автором создается основа для утверждения, что Казанское ханство было образовано на издревле заселенной русскими территории: «...Казанское царство и город Казань, более, нежели за триста лет, основаны Татарами на земле Российскому государству принадлежащей, к великому государственному вреду...» [7, с. 113–114]. Завоевание татарами русского края, по его мнению, произошло во времена хана Бату. Именно с этим Чингизидом связывает Рычков строительство города Казани. При этом он критикует автора «Казанской истории» за то, что тот считал Бату и Саина двумя разными личностями, и утверждает, следуя известной летописной «Повести об убиении Батыея», что хан Бату был убит венгерским королем во время похода в Паннонию [7, с. 74]. Казанское ханство Рычков считал частью Золотой (Большой) Орды. «Казанское Татарское царство, — писал историк, — с начала его было ничто иное, как отрывок или отрасль той же Большой Орды...» [7, с. 25], чья политика ничем не отличалась от политики Золотой Орды. Ведь, по его мнению, на смену миролюбивым и родственным славянам болгарам пришли «лукавые» и «пронырливые» татары, которые занимались только тем, что грабили русские земли. Большую роль Рычков отводил исторической роли хана Улуг-Мухаммеда, которого считал вторым после Бату самым жестоким разорителем русских земель [7, с. 81]. С именем этого золотоордынского хана Рычков, как и казанский летописец, связывал повторное «возобновление» Казани. Несмотря на имеющиеся недостатки, в целом его работа явилась определенным этапом в изучении истории Казанского ханства. Создавалась она как летопись и писалась на основе публицистического сочинения («Казанской истории»), которое автор воспринимал именно как летопись, заимствуя оттуда концепцию и смысл всей истории Казанского ханства.

Первой действительно серьезной научной работой по истории Казанского ханства стала «История города Казани» (Казань, 1817) профессора Казанского университета Карла Федоровича Фукса (1776–1846). Именно ему можно отдать приоритет в монографическом изучении Казанского ханства. В дальнейшем многие отечественные историки XIX — начала XX в. именно на основе его исследований и выводов строили свои концепции. Его сочинение дало повод для многочисленных дискуссий в российской историографии, в особенности по поводу даты/места основания Казани. Фукс, воспитанный на классической немецкой историографии, строил свои выводы на рационалистической западноевропейской концепции и, хотя при написании своей книги опирался на русские летописи и татарские письменные источники и фольклор, был достаточно свободен от национальных пристрастий. Фукс относил первое упоминание о Казани к 1396 г. (здесь имеется в виду зимний поход московских войск 1399 г. на булгарский вилайят Улуса Джучи), когда русские войска заняли город, отдельно указывая, что «до царствования хана Золотой Орды Туктамышша (1380) мы ничего не знаем о городе Казани» [8, с. 1]. Старинные предания об этом он считал «баснословными, как и повествования о сем предмете в сочинениях Лызлова и Рычкова» [8, с. 1]. По его мнению, ко времени прихода хана Улуг-Мухаммеда в Казань, который Фукс относил к 1430 г., она уже освободилась от власти Золотой Орды и имела собственных князей. В 1446 г. Улуг-Мухаммед, по мнению ученого, вновь покорила Казань и убил правившего там казанского князя Али-Бея (Либея). Фукс также писал, что сам Улуг-Мухаммед в Казани не правил, а «возвел на Казанское царство своего сына Махмутека, коим началась новая династия» [8, с. 1–3]. Автор первым в отечественной историографии указал на несколько важных моментов казанской истории. Во-первых, что Казань не была разрушена до прихода Улуг-Мухаммеда; во-вторых, что после захвата города ханством стал править не сам Улуг-Мухаммед, а его сын Махмутек. Эти идеи Фукса были приняты наукой, и их, в частности, в дальнейшем развивал известный российский востоковед В.В.Вельяминов-Зернов (1830–1904). В целом можно сказать, что автор сделал немало интересных замечаний по истории Ка-

зани и Казанского ханства, однако сделать большее ему не позволило отсутствие качественного и достоверного источникового материала. На то время многие летописи еще не были опубликованы, а известия большинства западноевропейских путешественников еще не стали достоянием научной общест­венности. В таких условиях написать источниковедчески выверенный цельный труд было практически невозможно. Автор, понимая, что «Казанская история» — источник довольно сомнительный, не смог опереться в последовательном изложении событий на другие, более достоверные сведения. Вынужденно он следовал за канвой военно-политических событий, практически не уделяя внимания фактам внутреннего устройства казанского государства и его политического строя. Можно сказать, что это весьма характерный пример, показывающий, как в XVIII–XIX вв. терпела фиаско немецкая историософская ученость, столкнувшаяся с сопротивлением российского исторического материала.

Новой вехой в изучении истории Казанского ханства стал выход в 1847 г. книги «Казанская история» врача Казанского порохового завода, краеведа Николая Кирилловича Баженова (1804–1878). Автор расширяет рамки своего исследования, фактически рассматривая всю историю Поволжья и уделяя возникновению самого Казанского ханства лишь незначительное внимание. История Поволжья и Казанского ханства рассматривалась им через призму Российской истории. Как писал сам Баженов, он «держался истории Государства Российского, сохраняя историческую сущность и хронологический порядок» [1, с. 3]. Источниками при создании работы, как указывал историк, были татарские рукописи и устные предания, неясные моменты и лакуны он трактовал по-своему. Однако созданная Баженовым работа и ее событийная канва дают повод думать, что автор использовал в большей степени лишь русские летописи, включая ту же «Казанскую историю». Вся его работа, как и у предшественников, сводится к хронике военно-политических отношений Москвы и Казани. Причем Казань априори выступает как завоеватель и зачинатель политических конфликтов. О внутреннем устройстве ханства автор практически ничего не сообщает. Вопрос об основателе «Новой Казани» Баженов ре-

шает в пользу Улуг-Мухаммеда, считая, что «Алим-Бек не был основателем Новой Казани, но поселился в Старой, а новую основал Улуг-Мухаммед» [1, с. 27]. Город, по словам автора, по установившейся уже у отечественных историков традиции ссылавшегося в этом случае на «Казанскую историю», укрепился жителями, «вызванными из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды» [1, с. 24]. Далее Баженов указывает, что по политической значимости Казань заменила Булгары, «переменивши только имя и место свое» [1, с. 53]. Краевед дает оригинальную трактовку исчезновения из русских летописей Улуг-Мухаммеда после 1445 г. и появления хана Махмутека. Он, следуя рассказу «Казанской истории» и некоторым иным летописям (например, Никоновской), составляет цельный рассказ об этих событиях. Исследователь повествует, что, когда в 1445 г. Улуг-Мухаммед с сыновьями предпринял поход на русские земли, Казанью завладел болгарский князь Либей. Хан был вынужден вернуться, чтобы восстановить порядок. Этим положением воспользовался его сын Махмутек, который в ситуации политической неразберихи убил отца и брата, а сам «вступил на престол Казанский». Интересно, что Баженов рассматривал татарское феодальное общество с позиции гражданского общества современного ему европейского типа, поэтому на страницах его работы появляются «граждане», которые всеобщим голосованием решают насущные проблемы [1, с. 53].

Таким образом, создание первых научных работ по истории Казанского ханства показало, что без кардинального расширения источниковой базы исследования и новых концептуальных подходов, которые позволили бы раскрыть внутренние механизмы функционирования Казанского ханства как государства, историки будут находиться в плену летописных рассказов о событиях лишь военно-политической истории...

Во второй половине XIX в. появляется еще ряд серьезных работ, касающихся истории Казанского ханства. Среди них можно отметить исследование академика Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова (1830–1904) о касимовских ханах, в котором содержится много сведений о Казани. Вельяминов-Зернов указывал, что основными источниками по истории ханства являются русские летописи. Но при этом он весьма скеп-

тически относился к «Казанской истории», о которой писал, что это «источник, которым надобно пользоваться с большой осторожностью. В ней рассказывается множество басен и небылиц; года часто перепутаны и происшествия искажены; автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера» [2, с. 6]. Вельяминов-Зернов небезосновательно отвергал мнение о том, что Казань до прихода Улуг-Мухаммеда находилась в развалинах, считая этот факт неподтвержденным источниками: «В летописях нигде не сказано, чтобы Русские в 1399 году разрушили Казань дотла...» [2, с. 12]. Это позволило ему раскритиковать точку зрения Карамзина о том, что Казань с 1399 г. была в упадке. В отличие от многих своих предшественников, прекрасный источниковед Вельяминов-Зернов, опираясь на сообщения Воскресенской и Никоновской летописей и на некоторые другие источники, относил возникновение Казанского ханства к осени 1445 г. и приписывал приоритет его создания сыну Улуг-Мухаммеда Махмутеку. Именно Махмутек, по мнению В.В.Вельяминова-Зернова, убил казанского вотчича «князя Али-Бика» и овладел городом, «и чрез то положил начало новому ханству и новой династии царей» [2, с. 4]. Автор, однако же, не удержался, чтобы не использовать при этом рассказ критикуемой им «Казанской истории» при объяснении ситуации смены хана. По его мнению, «по освобождении Василия, Улуг-Мухаммед двинулся с Махмутеком из Курмыша на Казань, с целью завоевать ее; Махмутек же, побуждаемый честолюбием, решился убить отца и выполнил этот умысел, либо не за долго до взятия Казани, либо немного времени спустя» [2, с. 11]. Свою гипотезу он подкреплял данными летописей. Вельяминов-Зернов обращал внимание на тот факт, что после октября 1445 г. об Улуг-Мухаммеде нет ни одного упоминания в летописях, а Воскресенская и Никоновская указывают, что Махмутек овладел Казанью и положил основание Казанскому ханству. Тем самым, хотя Вельяминов-Зернов предостерегал ученых от ошибки безусловного доверия «Казанской истории», сам он, указывая на исчезновение Улуг-Мухаммеда с политической сцены, считал, что хан был убит своим сыном Махмутеком.

Впервые межгосударственные и межэтнические отношения в Среднем Поволжье получили детальное освещение в 1877 г., после выхода в свет монографии ученика С.М.Соловьева Георгия Ивановича Перетятковича (1840–1908) «Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации)» [6]. Для второй половины XIX в. его работы явились существенным вкладом в изучение проблемы колонизации Среднего Поволжья. Автор попытался разобраться в улусной системе Золотой Орды, взаимоотношениях различных группировок мурз и военно-политической истории поздней Золотой Орды. Необходимо отметить как значительный вклад историка в освещение истории Казанского ханства то, что Перетяткович одним из первых сделал попытку изучить его внутривластную структуру и государственное устройство. При создании монографии основным источником для ученого также послужили русские летописи, которые он изучал в комплексе. Следуя в русле концепции «борьбы леса со степью», Перетяткович, развивая мысль об экономической отсталости Казанского ханства, считал, что «Казань предпочитает жить чуть не ежегодным грабежом своего соседа и уводом в плен жителей» [6, с. 116]. Он прямо писал, что «сам город обращается в депо, где постоянно содержится огромное количество пленных, которыми Казанцы ведут торговлю на своем и на чужих рынках» [6, с. 116]. Этот вывод тем более парадоксален, учитывая, что автору были известны факты о развитой земледельческой культуре татар и прямые указания источников на наличие земледелия в Поволжье.

Рассуждая о происхождении и государственном устройстве Казанского ханства, Перетяткович пришел к противоречивому выводу о характере государства. С одной стороны, Казань унаследовала от Булгарского государства городскую цивилизацию и развитую агрокультуру, а с другой — это государство, которое «по своим хищническим инстинктам более напоминает монголов» и имеет чрезвычайно малое количество городов [6, с. 117–131]. Он доказывал в своей работе, что отождествление в летописях Казани с «именем Болгар» — явление не случайное и что «у Казанцев была та же религия и те же занятия, что и Волжских Болгар» [6, с. 116]. Тем не менее Перетяткович писал, что «не без основания некоторые видят в Казани не сколь-

ко наследницу древнего Булгара, сколько преемницу Золотой Орды» [6, с. 116].

Хотя автор и изучил большое количество источников и прекрасно ориентировался в них, он не смог найти собственного подхода к сложной истории Казанского ханства, оказавшись в зависимости от весьма противоречивых историографических традиций. Появление Улуг-Мухаммеда Перетяткович относил к 30-м гг. XV в., когда в Золотой Орде была «замятня великая». Историк считал, что Улуг-Мухаммед сам овладел Казанью, убив правившего там князя, и старался «укрепиться и распространить пределы нового своего государства». Основным населением Казанского ханства автор считал татар, но при этом в состав государства входили и финские племена, к которым он относил и черемис. Перетяткович, скорее под влиянием историографической традиции, нежели на основании собственных данных, писал о том, что «земледелием казанские татары вряд ли занимались охотно и с усердием. Земледелие у казанских татар и в настоящее время находится в плохом состоянии, а любимое и успешное занятие их — торговля» [6, с. 123]. Так же категорично писал он и о религиозных традициях казанцев: «...Татары Казани отличались такою же ревностью к своей религии, как и предшественники их Волжские Болгары; как последние, увлекаемые религиозным фанатизмом, побуждали христиан обращаться к исламу и, в случае отказа, замучивали их, так позже в Казани Русские были принуждаемы к отречению от Христа...» [6, с. 125]. Скорее всего, этот вывод автор делал на основании предвзятого отношения летописцев к Казанскому ханству.

Г.И.Перетяткович первым довольно подробно остановился на внутреннем устройстве Казанского ханства. Он писал, что в Казанском ханстве существовала сильная аристократия, которая ограничивала власть царя. Аристократы были настолько могущественны, что легко могли убить сейида — высшего духовного лица у мусульман. Перетяткович попытался воссоздать иерархическую лестницу Казанского ханства. Несмотря на то что в его распоряжении были те же источники, что и у предшествующих ему историков, он попытался найти новые подходы к изучению социальной структуры казанского государства.

К аристократии он относил все княжеские фамилии, каждый член которых имел право на звание «мирзы». В свою очередь представители наиболее знатных фамилий носили титул «бик». И лишь «бики» главнейших дворянских родов имели право на звание «карачия» [6, с. 126]. Перетяткович не раскрывал того, насколько влиятельны были эти «карачи». Нужно особо отметить, что именно Перетяткович первым указал на существование в Казани политических партий, которые боролись за власть [6, с. 125]. Позднее эти выводы воспроизвели многие историки, в частности М.Г.Худяков, Г.С.Губайдуллин, Н.Н.Фирсов, развивая их дальше. В отдельную группу Перетятковичем были отнесены «улань», которых он ошибочно считал влиятельными чиновниками. Так же ошибочно он пытался усмотреть в феодальном государстве неких земских или городских князей [6, с. 126]. Низшим сословием историк считал земских и черных людей, оговариваясь, что, исходя из источников, ничего определенного написать о них не может [6, с. 130].

Говоря о границах Казанского ханства, Перетяткович отмечает, что они довольно неопределенные. По его данным, Казанское ханство должно было соприкасаться с другими постзолотоордынскими образованиями: «Казань по необходимости должна была войти в сношения с шибанскими Татарами, жившими в соседстве с Пермью, на севере от Казани, — с Ногаями, которые кочевали в неизмеримых степях между Волгою, Уралом и Каспийским морем; принуждена была общаться также с Москвою. Кроме этого, Казань была отраслью знаменитой некогда Золотой Орды, и поэтому не могла не иметь сношения с подобною себе отраслью той же Орды — Крымом...» [6, с. 128]. Как мы видим, границы государства были указаны очень неопределенно, но для того времени этого было вполне достаточно ввиду того, что практически не имелось археологических источников. Перетятковичу принадлежит мнение о том, что в Казанском ханстве было очень мало городов. Эту точку зрения в свое время попытался опровергнуть М.Г.Худяков, отмечая «особый вид» татарских городов и многочисленность открытых городских поселений.

Несомненная заслуга Перетятковича состоит в том, что он сделал попытку рассмотреть Казанское ханство как независи-

мое государство со своими государственно-политическими традициями. Хотя отношение автора к ханству было традиционно для российской историографии крайне тенденциозным, но, несмотря на это, его работы значимы для исследователей, которые обращаются к тем или иным вопросам по истории этого татарского государства. Ученый смог на довольно ограниченном источниковом материале выявить новые факты и наметить новые подходы к теме, которые ранее игнорировались его предшественниками. Можно сказать, что труд Перетятковича стал своеобразной ключевой вехой, после которой рассматривать историю Казанского ханства только в рамках военно-политической истории стало просто невозможно.

В том же 1877 г. вышла еще одна крупная работа по истории Среднего Поволжья. Ее автором был известный краевед, профессор права Казанского университета Сергей Михайлович Шпилевский (1833–1907). По сравнению с другими авторами, в своей работе ему удалось во многих случаях удачно сопоставить данные письменных источников с археологическими памятниками, например летописные города с выявленными остатками древних городищ. Опирался он и на труды своих предшественников, особенно часто цитируя работы К.Ф.Фукса и В.В.Вельяминова-Зернова. Так же, как и они, Шпилевский считал важнейшими и основными источниками по истории Казанского ханства русские летописи. Например, он вслед за Вельяминовым-Зерновым отмечал, что нет причин выделять «Казанскую историю» на фоне других летописей. «Казанская история неизвестного сочинителя, — писал он, — с первых страниц возбуждает к себе недоверие и представляет противоречия другим более достоверным источникам» [15, с. 80], приводя в доказательство многочисленные противоречия между «Казанской историей» и более ранними летописями. В результате своих исследований Шпилевский делает справедливый вывод о том, что «Казанская история» — это «плохая компиляция из русских летописей с прибавлением весьма немногих данных» [15, с. 80].

Казанское ханство Шпилевский рассматривал как преграду на пути московского государства в деле собирания земель. Он писал, что «к половине XV столетия обстоятельства так сложи-

лись, что Москве еще на 100 лет была положена преграда усиливаться за счет Булгарии: на Волге, в западных пределах собственно Булгарской земли, образовалось новое, сильное татарское царство — Казанское» [15, с. 191]. К тому же Москве пришлось выдержать большие разорения от самой Казани. На основе сопоставления русских летописей и татарских письменных источников автор предложил свои даты основания Старой и Новой Казани. Временем основания Старой Казани, на его взгляд, являются 1290–1298 гг., сразу после похода Менгу-Тимура на Булгарию. Основание же Новой Казани отнесено им к 1394–1402 гг. При этом он возражал против наименования в 1429 г. татар «Казанскими, когда центром Булгарской земли не была еще Казань, по-моему, этих татар должно называть Булгарскими до основания Казанского ханства сыном Улуг-Мухаммеда» [15, с. 190]. В целом работа Шпилевского дала не очень много новых сведений по истории Казанского ханства, часто следуя за трудами К.Ф.Фукса и В.В.Вельяминова-Зернова. Однако в заслугу автору можно поставить стремление анализировать и сопоставлять различные источники, а в привлечении археологических данных он был подлинным пионером.

В заключение хотелось бы отметить, что в трудах по русской истории, созданных в XVIII–XIX вв., Казанское ханство выступало в качестве объекта московской внешней политики, одного из татарских постзолотоордынских образований, что определяло характер их государственности и «захватнические традиции». В целом Казанское ханство представлялось в работах тех лет как враждебная сила, с которой русское правительство иногда вынуждено было заключать тактические соглашения. Хотя отсутствие соответствующей квалификации при работе с историческим материалом и сказалось на качестве исследований, эрудиция и интуиция историков XVIII–XIX вв. заложили основы изучения Казанского ханства. Таким образом, к началу XX в. имелось несколько фундаментальных работ, на основании которых уже можно было получить представление о формировании и развитии Казанского ханства — и идти дальше, ставить и решать более узкие и глубокие проблемы. Вместе

с тем возникла потребность в работе, которая бы объединила и подытожила исследования историков XVIII–XIX вв.

Литература

1. Баженов Н.К. Казанская история. — Казань: Тип. университета, 1847. — 156 с.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1863. — Ч. 1. — 581 с.
3. Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков: историк и просветитель. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. — 119 с.
4. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Первые историко-этнографические описания казахских земель. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — Т. IV. — 368 с.
5. Казанская история / Подготовка текста, вступ. статья и прим. Г.Н.Моисеевой. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 195 с.
6. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). — М.: Тип. И.В.Грачева, 1877. — 338 с.
7. Рычков П. Опыт Казанской истории древних и средних времен. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1767. — 244 с.
8. Фукс К. История города Казани / 5-е изд. — Казань: Умид, 1914. — VII, 23 с.
9. Хамидуллин Б.Л. Историография этносоциальной истории Казанского ханства // Научный Татарстан. — 2004. — №4. — С. 76–85.
10. Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. — М.: Изд-во БРЭ, 2008. — Т. 12. — С. 402–405.
11. Хамидуллин Б.Л. Основание Казани и история Казанского ханства. — Казань: Изд-во КГУ — Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. — 184 с. (на тат. яз.).
12. Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в трудах татарских исследователей второй половины XIX — начала XX вв. // Восток — Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии: Проблемы древней и средневековой истории и

археологии. — Казань: ИИ АН РТ, 2007. — Вып. 8. — С. 222–239.

13. Хамидуллин Б.Л. «Скифская история» — история тюрко-татар // Идель. — 2000. — №10. — С. 48–55.

14. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / Подг. к печати, предисловие Б.Л.Хамидуллина. — Казань: Магариф, 2004. — 304 с.

15. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань: Тип. университета, 1877. — 610 с.

**ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
(К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ТАТАРСКОЙ АССР)**

**FROM THE HISTORY OF STATE AND MUNICIPAL
SYMBOLS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN
(TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE TATAR ASSR)**

Р.В.Шайдуллин
R.V.Shaydullin

Аннотация. В статье в национально-историческом контексте рассматривается многомерный процесс создания государственной и муниципальной символики Татарстана, анализируются геральдические основы символов в динамике общественно-политических событий, произошедших в республике почти за столетний период. Особое внимание уделяется историографии проблемы, а также анализу общественно-политического, этнокультурного и морально-нравственного значения татарстанской символики.

Ключевые слова: Татарстан, государственная и муниципальная символика, герб, флаг и гимн, национально-региональная парадигма, историография проблемы, Институт татарской энциклопедии и регионоведения Республики Татарстан.

Abstract. In the article in the national-historical context is considered a multidimensional process of creation of state and municipal symbols of Tatarstan, analyzed a heraldic basis of the characters in the dynamics of socio-political developments in the republic almost a hundred years. Special attention is given to the historiography of the problem, analysis of the socio-political, ethno-cultural and moral values of the Tatarstan symbols.

Keywords: Tatarstan, state and municipal symbols, coat of arms, flag and anthem, national-regional paradigm, the historiography of the problem, the Institute of the Tatar encyclopedia and regional studies of the Republic of Tatarstan.

Республика Татарстан стоит на пороге 100-летнего юбилея. В XXI век республика вступила с обновленной государственной символикой. Государственные символы Татарстана — это часть истории и культуры, воплощение его героических и трагических страниц. Являясь государственными символами единого татарстанского национального социума, они выражают историческое и этническое самосознание, гражданские позиции народов республики, способствуют развитию чувств патриотизма и уважения к памяти предков. Символы не только отличают Татарстан от других российских национальных и административных образований, но и представляют республику на международной арене. Фактически отношение к гербу, флагу и гимну — это отношение к самой республике и ее народу, а оскорбление государственных символов сродни оскорблению и государства, и его народа, его истории и культуры. Народы Татарстана по праву гордятся своими государственными символами.

При этом важно не только визуально и умозрительно представлять герб, флаг и гимн малой родины, но и понимать их общественно-политические, этнокультурные и морально-нравственные основы. Но для этого в первую очередь надо знать информацию об их истории становления и развития. О том, как государственные символы возникли в Татарстане и какой путь они прошли сквозь столетие, мы вкратце напишем в этой статье. Говоря об историографии государственной и муниципальной символики Республики Татарстан, следует отметить, что по этой проблеме в Татарстане увидели свет ряд монографических работ [1]. Говоря о практическом предназначении исследований, посвященных татарстанской государственной символике, следует подчеркнуть, что они в основном носят научно-популярный и презентационно-представительский характер. Среди них особо выделяется научно-популярное исследование доктора филологических наук, одного из авторов последнего Государственного герба Республики Татарстан Н.Г.Ханзафарова, в котором наряду с другими национальными символами татарского народа рассмотрены геральдическая и историко-культурная основы символического значения изображения крылатого барса, помещенного на гербе республики 1992 г. По его мнению, «герб имеет научное обоснование и

древние традиции. Барс, тотемистический образ глубокой древности, государственный символ булгар, закономерно вписывается в нашу жизнь как государственный символ Татарстана. Данный герб выражает и уважение граждан Татарстана к древней культуре и традициям государственности татарского народа. ... В древности барс — божество плодородия, покровитель детей. В гербе Татарстана — покровитель Татарстана и татарского народа» [2, с. 106]. Автор считает, что новый «герб утверждает такие нравственные общечеловеческие ценности, как добро, справедливость, благополучие граждан, дружба между народами, мир и прогресс, он органически вписывается в мировой геральдический ансамбль» [2, с. 108].

В изучаемую проблему заметный вклад внесли и авторы фундаментального труда «Геральдическое наследие Республики Татарстан» (Р.Р.Хайрутдинов, И.Л.Измайлов, Р.Р.Салихов, И.Р.Миннулин и др.) историко-документального и правового характера, подготовленного и изданного по решению Геральдического совета при Президенте Республики Татарстан в 2012 г. Фактически эта работа подвела своеобразный историографический итог исследуемой проблемы. В ней красочно расписаны историко-геральдическое наследие и традиционная символика татарского народа с древнейших времен, а также государственные и муниципальные символы Республики Татарстан почти за столетний период. В издании особый интерес представляет раздел, посвященный муниципальной символике Республики Татарстан, в котором в алфавитном порядке даны описания гербов и флагов 43 муниципальных районов и 2 городских округов (Казань, Набережные Челны) республики, а также их краткие геральдические обоснования [3].

В этом плане особый интерес представляют также энциклопедические и монографические издания Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. Группой научных сотрудников института (Р.В.Шайдуллин (руководитель), Р.А.Айнутдинов, Л.М.Айнутдинова, Р.Р.Батыршин, И.Р.Валиуллин, Е.Б.Долгов и др.) к 90-летию образования Татарстана было подготовлено научно-справочное издание «Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.)»,

в одном из разделов которого представлена государственная символика Татарстана: гербы, флаги и гимн [4]. Продолжением этой научно-издательской работы стала подготовка к печати в 2017 г. специального иллюстрированного издания по государственной и муниципальной символике Республики Татарстан, приуроченного к 25-летию Конституции Республики Татарстан (1992), на русском, татарском и английском языках [5]. В этой работе наряду с официальными государственными символами Татарстана представлена муниципальная символика республики: 43 районов и 2 городских округов (Казань, Набережные Челны). В отличие от других работ, это издание в тематическом отношении более целостное как в плане представления государственных и муниципальных символов, так и в плане рассмотрения законодательной базы символики Татарстана.

На протяжении почти 100-летнего существования Татарстана одни государственные гербы и флаги сменялись другими, появлялись их новые варианты, некоторые навсегда уходили в прошлое, оставив потомкам о себе долгую память. Все эти изменения напрямую были связаны с трансформациями в общественно-политической жизни России и Татарстана. С момента образования Татарстана в мае 1920 г. и появления первых его символов — герба и флага — в первой половине 1920-х гг., правда официально не принятых, государственная символика республика менялась от одной конституции к другой (1926, 1938, 1978, 1992 гг.).

За прошедшее столетие в области татарстанской геральдики сделано много: разработаны и приняты государственные гербы, флаги и гимн, муниципальная символика районов и городов Татарстана, а также созданы геральдические знаки государственных наград и почетных званий республики. Начало государственной символики Татарстана было заложено с восстановлением татарской национальной государственности в 1920 г., именно тогда перед татарским народом встал целый ряд национально-государственных и этнокультурных вопросов, среди которых важное место занимало геральдическое обеспечение национальной самобытности и суверенитета Татарстана. Казалось, что в тяжелых общественно-политических и социально-

экономических условиях начала 1920-х гг. вопросы создания государственных герба и флага не могли иметь первостепенного значения. К тому же уже существовала общероссийская государственная символика, которую мог использовать Татарстан для осуществления представительских и делопроизводственных функций. Но этнополитическая практика и этнокультурные требования жизни диктовали татарской политической и интеллектуально-творческой элите иное решение проблемы. Татарскому народу, обретшему свою национальную государственность, требовалось четко обозначить ее новой национальной символикой, поскольку без этого невозможно было обеспечить государственный суверенитет и этническую самобытность республики. Кроме того, особая национальная символика для Татарстана и его народов была необходима для выполнения презентационных функций в России и ее регионах, поскольку молодой республике предстояло налаживать экономические и культурные отношения с другими советскими национально-административными субъектами. А для этого, как известно, были нужны гербовые печати, гербовые бланки и т.д. с татарстанской геральдической атрибутикой.

Возникает вопрос: как происходила разработка государственной символики в Татарстане и какие силы для этого привлекались? Заметим, что вплоть до начала 2010-х гг. «геральдическая работа» в Татарстане осуществлялась в основном силами депутатского корпуса, отчасти и творческой общественности. Первый Флаг Татарской Социалистической Советской Республики был разработан в 1923 г., за основу которого был взят Государственный флаг СССР. На нем арабским шрифтом на татарском языке ниже герба СССР была расположена надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Татарская Социалистическая Советская Республика. Образована в 1920 году». Однако эта государственная символика Татарстана не отвечала задачам реализации подлинных национальных интересов татарского народа. Это понимало татарстанское руководство и татарская общественность. Именно в середине 1920-х гг., в демократический период развития нэповской советской России, в ходе подготовки проекта первой Конституции Татарстана (1926 г.) была разработана с учетом национально-региональных

и общероссийских особенностей новая национально-государственная символика республики — Герб и Флаг Татарской Советской Социалистической Республики. В 1926 г., после определенных дебатов между сторонниками унитарного и федеративного национально-государственного строительства, ЦИК Татарской ССР принял национальный герб и флаг Татарстана, но они, как и проект Конституции ТССР, были отклонены центральными органами власти. В результате до 1938 г. в качестве государственной символики Татарстан использовал герб и флаг РСФСР. Гербы и флаги Татарстана 1938 и 1978 гг. в основном повторяли государственную символику РСФСР. Главной отличительной чертой республиканского герба и флага 1938 г. были надписи «РСФСР», «Татарская АССР» на русском и татарском языках, герба 1978 г. — «РСФСР», «Татарстан АССР» на татарском, «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на русском и татарском языках, флага 1978 г. — «Татарская АССР» на русском языке.

Фактически герб и флаг Татарстана 1938 и 1978 гг., созданные на основе символики РСФСР, не отражали ни государственный суверенитет, ни национальную самобытность Татарстана. Согласно Положению о Государственном флаге РСФСР, они являлись лишь номинальной декларацией «государственного суверенитета РСФСР, добровольного объединения РСФСР с другими равноправными республиками в Союз Советских Социалистических Республик, нерушимого союза рабочих, крестьян и интеллигенции, дружбы и братства трудящихся всех наций и народностей республики, строящих коммунистическое общество».

После принятия Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР 30 августа 1990 г. и распада СССР в декабре 1991 г. кардинально была пересмотрена геральдическая концепция государственной символики Татарстана. В 1992 г. были рассмотрены и приняты новые герб и флаг, в 1993 г. — музыка и в 2013 г. — текст первого Государственного гимна Республики Татарстан. Новая государственная символика была разработана с учетом общественно-политических и национальных реалий, произошедших с распадом СССР, и «парада суверенитетов» начала 1990-х гг. В процессе создания новых государст-

венных символов Татарстана наряду с депутатским корпусом активно участвовала широкая ученая и творческая общественность. Они стали предметом всенародного обсуждения, об этом свидетельствуют многочисленные публикации в периодических изданиях [6].

Триада символов — герб, флаг и гимн — в Татарстане возникла не сразу, а только после распада СССР. На рубеже XX–XXI вв., в период «парада суверенитетов» советских национальных республик, автономные образования новой федерации получили право иметь свой государственный гимн наряду с гербом и флагом. Современные государственные символы Республики Татарстан (герб, флаг и гимн) отличаются от государственной символики Российской Федерации не только геральдическими знаками, но и описанием знаков-символов, которые олицетворяют национальную самобытность народа и суверенитет республики. Символика герба и флага свободна от идеологии и политико-классовых предрассудков, символы объединяют народы Татарстана. Современный герб и трехцветный флаг Татарстана отвечают важнейшим требованиям, которые предъявляются в мире к государственной символике. Им присуща историческая преемственность; они не несут в себе никаких идеологических, политических, религиозных признаков и при этом обладают самым главным качеством, необходимым для любого государственного символа, — узнаваемостью. Этим качеством татарстанская символика, несомненно, обладает.

В 2000-е гг. в Татарстане были разработаны и приняты гербы и флаги 43 муниципальных районов Республики Татарстан, 2 центров городских округов — Казани и Набережных Челнов. Впоследствии они были утверждены республиканским и федеральным геральдическими советами, вошли в геральдические реестры Республики Татарстан и Российской Федерации. Говоря о качестве муниципальной символики республики, следует заметить, что не все из гербов и флагов несут в себе национальные и региональные признаки, причем наблюдается слабая их узнаваемость. Обоснования символов громоздки и неадекватно подкреплены историко-культурными традициями и повседневными реалиями народов, проживающих в районах. Муниципальные символы обязательно должны учитывать историю,

культуру и самобытность района, которому этот герб или флаг принадлежат, философию и психологию народов, живущих на этой территории. Некоторым из них не присуща историческая преемственность. Герб и флаг должны воспитывать патриотизм в человеческой душе, создавать настроение, побуждать к действию на благо малой родины. Многие из этих муниципальных символов не вызывают эмоционального всплеска, создается впечатление, что они созданы для постановки очередной галочки присутствия в реестре муниципальных символов Республики Татарстан.

Обширность вопросов геральдической практики привела к тому, что современное татарстанское руководство было вынуждено организовать в 2012 г. специальную структуру — Геральдический совет при Президенте Республики Татарстан, осуществляющий работу по проведению единой государственной политики в области республиканской герольдии, а также по геральдическому обеспечению государственных органов власти и управлений, общественных организаций республики. Создание собственной геральдической структуры в Татарстане позволит поставить работу по разработке государственной и муниципальной символики республики на новый уровень и системно привлечь к этой деятельности местную общественность.

Литература

1. Геральдическое наследие Республики Татарстан = Татарстан Республикасының геральдик мирасы / Геральд. совет при Президенте РФ, Геральд. совет при Президенте РТ, Союз геральдистов России; авт.-сост.: Р.Р.Хайрутдинов и др. — М.; Казань: Регионсервис, 2012. — 327 с.; Герб, Флаг, Гимн СССР. Герб и Флаг РСФСР. Герб и Флаг Татарской АССР / Сост. Н.К.Габитов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. — 156 с.; Татарстан Республикасының Дәүләт символикасы = Государственная символика Республики Татарстан. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. — 48 б.; Ханзафаров Н.Г. Символы Татарстана (мифы и реальность). — Казань: Фикер, 2001. — 136 с.; Харис Р. Татарстан символлары = Символы Татарстана = Symbols of Tatarstan. — Казань: Магариф, 2005. — 63 с.; Центральные органы государственной власти и управления Татарстана

(1920–2010 гг.): Научно-справочное издание. — Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ; Изд-во МОиН РТ, 2010. — 312 с. и др.

2. Ханзафаров Н.Г. Символы Татарстана (мифы и реальность). — Казань: Фикер, 2001. — 134 с.

3. Геральдическое наследие Республики Татарстан = Татарстан Республикасының геральдик мирасы / Геральд. совет при Президенте РФ, Геральд. совет при Президенте РТ, Союз геральдистов России; авт.-сост.: Р.Р.Хайрутдинов и др. — М.; Казань: Регионсервис, 2012. — 327 с.

4. Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.): Научно-справочное издание. — Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ; Изд-во МОиН РТ, 2010. — 312 с.

5. Государственные и муниципальные символы Республики Татарстан = Татарстан Республикасының дәүләт һәм муниципаль символлары = *State and municipal symbols of the Republic of Tatarstan*. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. — 248 с.

6. Алишев С.Х. Гербыбыз нинди булган? // Ватаным Татарстан. — 1991. — 22 март; Әхмәтова Ф. Мөңгелеккә куеласы... // Социалистик Татарстан. — 1991. — 27 ноябрь; Әхмәтьянов Р. Барыс һәм Барлас турында // Татарстан хәбәрләре. — 1992. — 27 август; Бакиров М. Изге мирасыбызны онытмыйк // Социалистик Татарстан. — 1991. — 20, 21, 24 декабрь; Бакиров М. Традицияләребезгә тугрылыклы тугра (герб) // Социалистик Татарстан. — 1991. — 16 ноябрь; Дәүләтшаһ Г. Мөгезле барс — тугра асылы // Социалистик Татарстан. — 1992. — 28 гыйнвар; Из досье «ИТ» (Об авторах Герба) // Известия Татарстана. — 1992. — 15 февраля; Исаев В. Башкаланың төп капкасы: анда кайсы герб куелыр? // Шәһри Казан. — 1994. — 9 апрель; Рахматуллин Р. Герб Казани: депутаты неровно дышат // Молодежь Татарстана. — 1992. — 19 июня; Рәхмәтуллина Р. Туграбыз ни сөйли? // Ватаным Татарстан. — 1992. — 28 февраль; Харис Р. Татарстан ССРның дәүләт флагы, гербы һәм гимны турында // Социалистик Татарстан. — 1990. — 15 ноябрь; Юзиев Н. Аждаһамы, тулпармы? // Социалистик Татарстан — 1991. — 23 ноябрь; Ханзафаров Н.Г. Суверен Татарстан символлары нинди

булыр? // Татарстан яшьләре. — 1990. — 17 ноябрь;
Ханзафаров Н.Г. Изге мирасны таптамыйк! // Шәһри Казан. —
1991. — 7 декабрь; Ханзафаров Н.Г. Кайтарык элекке хәленә //
Ватаным Татарстан. — 1992. — 10 январь; Ханзафаров Н.Г.
Туграбыз ни турында сөйли? // Ватаным Татарстан. — 1992. —
28 февраль; Ханзафаров Н.Г. О гербе Татарстана // Молодежь
Татарстана. — 1993. — 24–31 декабря и др.

РАЗДЕЛ 2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ НАУКОВЕДЕНИЯ

УДК 371.38

МЕТОД ПРОЕКТОВ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ТИПОЛОГИЯ, СТРУКТУРА

METHOD OF PROJECTS: HISTORY OF THE INITIATION, TYPOLOGY, STRUCTURE

Е.Р.Авилова, Н.Х.Кислякова
E.R.Avilova, N.Kh.Kislyakova

Аннотация. В статье анализируется история возникновения и развития проектной деятельности, рассматривается типология проектов, структура и форма презентации.

Ключевые слова: ФГОС, проектная деятельность, методика, педагогика, русский язык, прагматическая педагогика.

Abstract. The article analyzes the history of the origin and development of project activities, examines the typology of projects, the structure and form of the presentation.

Keywords: Federal State Standard, project activity, methodology, pedagogy, Russian language, pragmatic pedagogy.

Современный педагог-словесник, работающий в условиях ФГОС, реализует в своей деятельности методы и приемы, содействующие как усвоению предметного материала учеником, так и возможности его самореализации. На сегодняшний день каждый ученик должен не только владеть базовыми знаниями по предмету, но и уметь успешно применять их на практике. Условно это можно свести к формуле: все, что я познаю, я знаю, для чего это мне надо и где и как я могу эти знания применить.

Проектный метод в школьном образовании рассматривается как некая альтернатива классно-урочной системе. Современный проект учащегося — это средство активизации познавательной

деятельности, развития творчества и формирования личностных качеств.

Метод проектов в рамках новых стандартов ФГОС стал обязательной формой работы каждого ученика. Но для того, чтобы действительно понять суть предлагаемой методики, стоит обратиться к истории возникновения и развития обозначенного метода.

Следует вспомнить, что как форма работы с учебным материалом данный метод появился еще в XIX в. в США, в рамках прагматической педагогики. Здесь метод проектов был неразрывно связан с самой жизнью: обучение посредством делания [2]. Ведущий принцип работы в рамках проектной деятельности основывался на принципе: все для жизни (Э.Дьюи, Э.Коллингс и др.) [1]. Для этого в процессе обучения перед учащимися ставились определенные проблемные задачи, которые им предстояло решить через практическое применение полученных ранее знаний.

Метод проектов привлекает российских педагогов уже в начале XX в. Под руководством С.Шацкого была организована группа людей, которые пытались внедрить проектную методику в практику преподавания.

В 1930-е гг. советская наука постепенно стала отказываться от проектной деятельности [1]. И лишь к концу XX в. педагогика вновь берет на вооружение обозначенный метод.

Сегодня метод проектов является одним из самых востребованных в методике преподавания, поскольку позволяет рационально сочетать теоретические знания и практические навыки для решения конкретных практических задач.

Существуют разные подходы к классификации проектов. Рассмотрим основные из них.

Исследовательский предмет может быть по содержанию:

Монопредметным — выполняется на материале конкретного предмета;

Межпредметным — интегрируется смежная тематика нескольких предметов, например, русский язык — татарский язык или литература и история;

Надпредметным — выполняется этот проект в ходе факультативов, дополнительных часов изучения предмета, работы в творческих мастерских.

Е.С.Полат предлагает следующую типологию проектов[2]:

Исследовательские проекты, четко структурированные, с обозначенными целями, обоснованной актуальностью предмета исследования. По структуре подобны научному исследованию.

Творческие проекты. Результат — творческая работа (видеофильм, репортаж, электронный альбом и т.п.).

Ролево-игровые проекты. В них структура остается открытой до финала проекта. Роли, которые примеряют на себя участники проекта, могут быть самые разнообразные: литературные и сказочные герои, современники. В данных проектах преобладает ролевая игра.

Информационные проекты, которые направлены на сбор информации о каком-то событии или явлении. Участники проекта собирают эту информацию с целью ознакомления с ней широкой аудитории. Отличаются четкой структурой.

Практико-ориентированные проекты имеют четко обозначенный результат деятельности участников, который обязательно ориентирован на социальные интересы всех участников проекта.

По признаку предметно-содержательной области проекта Е.С.Полат выделяет:

Монопроекты. Обычно они проводятся в рамках одного предмета, и темы выбираются наиболее сложные для усвоения.

Межпредметные проекты. Эти проекты сложно выполнять во время урока, они, как правило, выполняются во внеурочное время. Могут объединять два-три предмета и более. Над такими проектами могут работать несколько творческих групп. При их выполнении необходим промежуточный контроль результатов.

По характеру координации могут быть: проекты с открытой, явной координацией (здесь координатор направляет работу участников проекта, помогая и организуя в случае необходимости отдельные этапы проекта) и со скрытой координацией (здесь координатор выступает как полноправный участник проекта).

Этапы выполнения проекта.

Успех реализации учебного проекта во многом зависит от правильной организации совместных усилий участников проекта на каждом этапе работы:

1. Этап планирования:

а) определение проблемы, темы проекта, формулировка цели и задач, определение методов (информационный, исследовательский, творческий).

Выявление проблемы проекта — важное условие, так как проблемный подход является первым и основным условием для развития критического и творческого мышления обучающихся;

б) определение продолжительности проекта, числа участников;

в) определение формы оформления результатов проекта (печатная работа, доклад, стенгазета, плакат, мультимедиапрезентация, творческий отчет и другие);

г) разработка критериев оценки успешности проекта. Сначала оценка за проектную работу выставляется группе в целом, а затем на ее основе выставляется индивидуальная оценка каждому члену группы в соответствии со степенью его реального участия в общей работе;

д) выдача заданий. При необходимости оказание помощи обучающимся в планировании, распределении заданий, обсуждении общих результатов.

2. Подготовка и исполнение проекта.

Сначала формируются группы обучающихся, где перед каждым стоит своя задача. Предлагается тема проекта, определяется проблема и обсуждается студентами.

Далее распределяются обязанности, при этом учитываются склонности обучающихся к логичным рассуждениям, к формированию выводов, к оформлению проектной работы.

Работая над проектом, школьники составляют план работы над проектом, собирают новую информацию из различных источников. Приступая к реализации проекта, обучающийся должен овладеть определенными интеллектуальными, творческими и коммуникативными умениями.

Работа над проектами требует личного участия, стимулирует обучающихся к самостоятельному изучению и просмотру мате-

риалов, вырабатывает умение выбирать наиболее ценную информацию, составлять план и письменно раскрывать тему по пунктам, составлять устную презентацию проекта.

3. Презентация проекта.

Презентация проекта проводится в устной форме. Весь отработанный, оформленный материал надо представить слушателям — защитить свой проект. Для анализа предлагаемой методики обучения важны способы выполнения и представления проекта.

4. Обсуждение и оценка проекта.

Участники проекта отвечают на вопросы учащихся.

Оценка выставляется за проект в целом, за уровень проявленного творчества, за четкость презентации.

Таким образом, проектная деятельность предполагает решение какой-то конкретной проблемы. Учащийся видит реальный продукт применения своих знаний, умений и навыков. Кроме этого, проектная методика позволяет интегрировать знания. По верному утверждению Л.Н.Мазеиной, «результаты выполненных проектов должны быть, что называется, «осязаемыми», т.е., если это теоретическая проблема, то конкретное ее решение, если практическая — конкретный результат, готовый к внедрению» [4].

Литература

1. Пахомова Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении / Н.Ю.Пахомова. — М.: Просвещение, 2005. — 155 с.
2. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка. // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 2, 3. — С. 3–10.
3. Сиденко А.С. Метод проектов: история и практика применения / А.С.Сиденко // Завуч. — 2003. — №6. — С. 15–23.
4. Мазеина Л.Н. История возникновения и развития метода проектов в работе учителей начальных классов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. — 2014. — №3 (23).

**ТАТАР ТЕЛЕНДӘ ТӨРЛЕ ТӨСЛӘРНЕ БЕЛДЕРГӘН
ПАРЛЫ СЫЙФАТЛАР ЯСАЛЫШЫ ҺӘМ АЛАРНЫҢ
СТИЛИСТИК КУЛЛАНЫЛЫШЫ**

**ОБРАЗОВАНИЕ ПАРНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ РАЗНЫЕ ЦВЕТА,
И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

**THE FORMATION OF PAIRED ADJECTIVES, DENOTING
DIFFERENT COLORS AND THEIR STYLISTIC USE
IN THE TATAR LANGUAGE**

Л.К.Галиева
L.K.Galieva

Аннотация. В татарском языке парные прилагательные, обозначающие разные цвета, образуются не из случайных, а из взаимно связанных слов.

Ключевые слова: парные прилагательные, розово-красный, темно-черный, светло-желтый, сине-зеленый.

Abstract. In the Tatar language paired adjectives indicating different colors, are not formed from random words, and of mutually related words.

Keywords: *paired adjectives, rose red, dark black, light yellow, blue green.*

Татар телендә кушма сыйфатларның зур күпчелеген төс белдерә торган сыйфатлар алып тора, төзелеше ягыннан алар аналитик, ягъни кушма сүзләрнең һәр өч структур төрендә (саф кушма, тезмә, парлы) була ала. Мәсәлән, Чем-кара, тимгел-тимгел тимер күк, алмачуар, кара-туры, арт санына кара бишмәт япкан, түшенә ак альяпкыч бөркәнгән төсле ала-кола... (Г.И.); Юлның ике ягында, бер-берсе белән янәшә, озынча, ямаулык булып, аксыл-яшькелт солы белән борай, куге яшел бодай, кан төсле алсу-кызыл карабодай жирләре калды. (Г.Б.)

Төс белдерө торган тамыр~тамырлашкан сыйфатларнын лексик составы зур түгел: ак, зөңгөр, кара, күк «шәмөхө белөн яшел арасындагы төс», көрөн «коңгырт, кофе төсендөгө», коңгырт «көрөн, ялтыравыксыз көрөн коңгыз төсендөгө», коба «аксыл-кызгылт төс», кола «аксыл-сары төс», кучкыл «каралжым (кояшта кызынудан, кояш астында күп йөргөннөн барлыкка килгән тән төсө)», сары, яшел, шәмөхө «миләүшө төсендө, сирень төсеннөн безаз куерак төс; русчасы: фиолетовый», чуар «төрле-төрле төстөгө (бизәкләр, таплар) буй сызыклардан торган, төрле төстөгө», жирән һ.б.

Парлы сыйфатның компонентлары тамыр яки тамырлашкан сүзләр булырга мөмкин: кара-сары, кара-соры, ала-кола, коңгырт-кара, коңгырт-сары, зөңгөр-соры, ал-кызыл, ал-гөл, кызыл-чуар, ачык-сары һ.б. Мәсәлән, Ул арада инде түбөрөк урыннар бөтенләй ачылып, жир өсте ала-кола була, тик басу юллары гына эреп бетә алмыйча, боргаланган соры елан булып, сыртларын тырпайтып яталар (Г.Б.); Ертык күлмәкле, ябык, кара-сары йөзле, нурсыз ач күзле бер киленчөк керде (Г.И.); Матур, үткен, агу телле, шаян дусы хәзер кулбашлары салынган, йөзе кара-сары булып кипкән, күзләре нурсыз, үзе дөртсез жай бер казакъ хатыны булып әверелгән иде (Г.И.); Көн яңгырлы, күктә кара-соры болытлар туктаусыз йөриләр, Якты-Күл ачулы тулкыннар белән өзлексез шаулы... (Г.И.); Юка гына коңгырт-сары мыегы да, кәләпүше астыннан кабарып торган бодай саламы төсле чөчө дө килешле генә, күз карашы да батыр сымак (Г.Б.); Аның суы чишмәнеке шикелле төссез түгел, коңгырт-кара төскә кереп, үзалдына куркыныч булып күренә (Г.Б.); Моржалардан туп-туры күккә таба төтен баганалары сузылган. Кайсы шәмөхө төсле, кайсы коңгырт-соры (Г.Б.); Үзе ябык, иреннәре кансыз, зөңгөр-соры күзләре бик моңсу карый (Г.Б.); Майдан беткәннән соң, өйгә кереп кенә чыктык та, ал-кызыл, яшел, зөңгөрдән киенгән чуп-чуар хатын-кызлар төркеменә иярәп, Бөйдө болынына киттек (Г.Б.); Елганың бер ягы — зур һәм карт урманлы биек таулар, икенчесе — яшел үләннәр, ал-гөл чөчәкләр белән түшәлгән зур, киң тугай (Г.И.); Әни кичке кояш яктысында берөзлексез шаулап-гөрлөп, төрле-төрле гармун көйләренә жырлаган кызыл-чуар болын өстенә карап тора-тора да хәйран булып башын чайкый (Г.Б.); ... аны каеннарның там-

чы-тамчы яфраклары, ачык-сары бадиян чөчөгө, киң колачын жэйгөн абага үлөне, йомшак кына төтөп торган вак, жылы яңгырны каршы алгандай, рэхөтлөнөп көтөп алалардай шикелле (Г.Б.) һ.б.

Еш кына парлы сыйфатларның бер компоненты төрлө дәрәжә формасында кулланыла, күпчелек очракта кимлек дәрәжәсендә: аксыл (Гади генә итеп аксыл-зәңгәрдән киенгән (Г.Б.); Кремль манарасы өстендә, аксыл-зәңгәр күкне ямьлөндөрөп, зур ал байрак жилферди (Г.Б.); Кала кешеләре-неке шикелле итеп янга аерып тараган аксыл-зәңгәр чөчө өлөгө тузып өлгөрмөгән, ул аны әледән-әле учы белән сыпырып ала ... (Г.Б.); Без караган якта, болын буена сузылып төшкөн аксыл-зәңгәр билбау төслө, тар гына житен жирләре чөчөк атып утыра (Г.Б.) һ.б.), кызгылт (Ул кешенең кечерәк кенә кызгылт-сары сакалы аз гына бөдрөлөнөп тора, шундый ук кызгылт-сары мыеги астыннан ара-тирә ап-ак тешләре күрөнгәли иде (Г.Б.); Кояшның як-ягыннан, кызгылт-сары булып, дөү-дөү колаклары тырпаеп тора (Г.Б.); Йә кызгылт-жирән булып, йә туры төскө керер... (Г.Б.); Болар кайтканда көн кичеккән, батып барган кояшның кызгылт-сары нуры белән иге-чиге күрөнгән хәтфөдөй яшел сахрадагы күлләр, алтындай ялтырап, күнелгә рөхөт, тыныч матурлык биреп торалар иде (Г.И.); Өйнең стеналары кара-кызгылт балчык белән сыланса да, ахрысы күптөнге эштер, инде буй-буй булып ярылганнар (Г.И.) һ.б.), зәңгәрсү (Зәңгәрсү-соры томан астында калган әрәмөлөк кешеләр аңламастай ниндидер серләр яшереп ятучы бүтән бер дөнья, шомлы дөнья булып күрөнә иде (Г.Б.); Көл төслө зәңгәрсү-соры, хәтфө кисәгә шикелле йомшак ирәннәре белән уч төбөннән ипи сыныклары элөктөрөп алырга өйрөндө (Г.Б.); Бер мөлнә атым, ашавыннан туктап, колакларын торгызды да зур зәңгәрсү-кара күзләре белән миңа текәлдә. (Г.Б.) һ.б.), яшькелт (Мин әтинең ачуланган вакытларда яшькелт-зәңгәр күзләрененң усал итеп, куркытып каравын, кулларының каты һәм көчле булуын хәтерлим (Г.Б.); Әнә озын мыекларын алай да болай айкап, жирдөгә оясыннан яшькелт-зәңгәр коңгыз чыгып килә (Г.Б.); Ул да түгел, чана эзләреннән чөлтерәп аккан яшькелт-сары карлы-бозлы гөрлөвекләргә күз төштө (Г.Б.) һ.б.), саргылт (Карасак, карурман артыннан бик дөү саргылт-кызыл төгөрмөч

булып тулы ай калкып килә икән (Г.Б.) һ.б.), алсу (Тырнакларың яздан бирле кына белән алсу-кызылга буявын әйткән дә юк, бүген күзләренә сөрмә дә тарткач, керфекләре тагын да озынрак булып күренә (Г.Б.); Сахра артыннан кызарып кояш күренде, дала иртәнге алсу-кызыл нурга чумды (Г.И.) һ.б.).

Парлы сыйфатның ике компоненты да кимлек дәрәжәсендә булырга мөмкин: зәңгәрсу-яшькелт (Тик апайның зәңгәрсу-яшькелт күзләре, шундый эчкерсез сөйкемле елтырый, шундый якын итеп, яратып елмая, тора-бара аның белән мин үзем дә көләргә тотынам (Г.Б.); Апай зәңгәрсу-яшькелт күзләрен бик ягымлы мөлдәрәтеп миңа таба килә (Г.Б.); Бик ягымлы һәм үз итеп, зәңгәрсу-яшькелт күзләрен мөлдәрәтеп, миңа карап тора башлады (Г.Б.) һ.б.).

Төсне белдергән, -лы/-ле кушымчасы белән ясалган сыйфатлар парлашып килү очраklары да татар телендә үзенчәлекле күренеш булып тора: яшелле-зәңгәрле~зәңгәрле-яшелле (Икенче сулышта аның зур ачылган күзләре уң яктагы таш йортка, аның ишеге янына эленгән яшелле-зәңгәрле венотларга, аларның кара тасмаларына барып текәлдә... (Г.Б.); Аның йөзен яшелле-зәңгәрле, аллы-шәмәхә дебәттән ясалган чөчөк сыман нәрсә матурлап тора (Г.Б.); Байтимер аллы-кызыллы, зәңгәрле-яшелле китапчыкларын чанасы өстенә тезеп салды (Г.Б.) һ.б.), яшелле-сарылы (Аннан соң яшелле-сарылы буялган, күбесе калайлы зур сандыкларны берәм-берәм керттеләр (Г.И.), аллы-кызыллы (Күе яшел болын уртасында зур чөчөк түтәле, почмакларында да шундый аллы-кызыллы чөчөкләр үсеп утыра (Г.Б.); Әүвәле башта, күз тимәсен өченгә, колынның маңгай чөченә артыш ботагыңнан нәни генә тияк ясап тактым, ялына аллы-кызыллы чуқлар бөйләдем (Г.Б.) һ.б.), аллы-яшелле (Башка кызларның да өсләрендә гел яңа күлмәк белән кешелеккә генә киелә торган яхшы бишмәт йә жикет, башларына күзеңнең явын алырдай аллы-яшелле шәлләр бөркәнгәннәр (Г.Б.) һ.б.), кызыллы-зәңгәрле (Битен коңгырт сакал-мыек баскан, аягында ыштыр чабата, өстендә кулдан суккан ашъяулык төсле кызыллы-зәңгәрле шакмаклы күлмәк (Г.Б.); Көмеш кәгазь эченнән хат башына чөчөкләр ясый торган кызыллы-зәңгәрле матур карандаш күренеп тора (Г.Б.) һ.б.), кызыллы-сарылы (Кызларның өстендә кызыллы-сарылы чуар сарафан, сары чөчләр күзләре

төсле зәңгәр тасмалар белән үргәннәр (Г.Б.) һ.б.), утлы-кызыллы (Әйтерсен, алар суыктан шулай утлы-кызыллы булып яналар (Г.Б.) һ.б.), сорылы-зәңгәрле (Шул арада кояш күренмәс булган, бөтен күк йөзен сорылы-зәңгәрле яңгыр болытлары каплап алган (Г.Б.) һ.б.), аллы-гөлле (Аллы-гөлле яна күлмәкләрен киеп, бидәр-бидәр эре чөчәкле чуар альпяккычлары ябып капка төпләренә курчак шикелле кечкенә кызлар килеп чыга (Г.Б.); Аллы-гөлле матур күлмәкләр киеп, көшәмир яулыклар ябынып безгә кем сулар китерер? (Г.Б.) һ.б.), сарылы-кызыллы (Өсләрендә яңа, бәйрәм күлмәкләре, башларында зәңгәрле-яшелле, сарылы-кызыллы шөляулык, кулларында көмеш беләзекләр, балдактар ялтырый (Г.Б.); сарылы-зәңгәрле (Тышка күз салсам, безнең тирәдә яңгыр туктаган, авыл өстенә утлы-яшелле, сарылы-зәңгәрле булып, бик биек, бик матур салават күпере күтәрелгән (Г.Б.) һ.б.

Төс белдерә торган парлы сыйфатларның бер тибы тамыр яки тамырлашкан сыйфат һәм -лы/-ле кушымчасы белән ясалган сыйфатлар парлашуыннан барлыкка килә: кара-кучкыллы (Әти биргән алманың да иң матурын, чиянең дә иң тәмлесен, кара-кучкыллысын аңа бирер идем... (Г.Б.); Әти белән әни, шул кара-кучкыллы авыр болытларга караштырып, печәннең чабылган кадәресен таратыргамы, әллә яңгыр узганчы сабыр итәргәме дип киңәшләп иде (Г.Б.)), аллы-шәмәхә (Аның йөзен яшелле-зәңгәрле, аллы-шәмәхә дебәттән ясалган чөчәк сыман нәрсә матурлап тора (Г.Б.) һ.б.).

Чыганактар

1. Бәширов Г.Б. Туган ягым — яшел бишек // Әсәрләр: 4 томда / Г.Б.Бәширов. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. — Т. 2. — 454 б.

2. Бәширов Г.Б. Хикәяләр // Әсәрләр: 4 томда / Г.Б.Бәширов. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. — Т. 4. — 143–331 б.

3. Ибраһимов Г.Г. Казакъ кызы. Роман, хикәя / Г.Г.Ибраһимов. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. — 191 б.

Фәнни әдәбият һәм сүзлекләр

1. Ганиев Ф.Ә. Хәзерге татар әдәби телендә сүзьясалышы. Төзәт. 2 нче басма / Ф.Ә.Ганиев. — Казан: Мәгариф, 2006. — 271 б.
2. Татар грамматикасы: 3 томда. — Мәскәү: Инсан; Казан: Фикер, 1998. — Т. 1. — 512 б.
3. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. — Казан: Матбугат йорты, 2005. — 848 б.
4. Татар теленең орфография сүзлеге. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. — 280 б.
5. Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теле. Морфология / Д.Г.Тумашева. Тулыланд. 2 нче басма. — Казан, 1978. — 222 б.
6. Хисамова Ф.М. Татар теле морфологиясе: Югары уку йортлары өчен дәреслек / Ф.М.Хисамова. — Казан: Мәгариф, 2006. — 335 б.

Шартлы кыскартылмалар

ТТАС — Татар теленең аңлатмалы сүзлеге
Г.Б. — Гомәр Бәширов
Г.И. — Галимжан Ибраһимов

УДК 53(470.41)

**ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

**FROM HISTORY OF SOCIETY OF SCIENTISTS
AT THE KAZAN UNIVERSITY**

Г.Х.Галимуллина, А.Б.Насибуллина
G.Kh.Galimullina, A.B.Nasibullina

Аннотация. Статья посвящена истории существования Общества естествоиспытателей при Казанском университете.

Ключевые слова: естествоиспытатели, Императорский Казанский университет, Николай Петрович Вагнер, устав, физика, математика, секция.

Abstract. Article is devoted to history of existence of Society of scientists at the Kazan university.

Keywords: scientists, Imperial Kazan university, Nikolay Petrovich Wagner, charter, physics, mathematics, section.

В 2019 г. исполняется 150 лет Обществу естествоиспытателей при Казанском университете. В разное время его почетными и действительными членами являлись А.М.Бутлеров и Чарльз Дарвин, Д.И.Менделеев и И.И.Мечников, В.М.Бехтерев и И.П.Павлов, О.Ю.Шмидт и Б.Н.Вишневский и целый ряд других ученых, ставших основателями целых научных школ.

Общество естествоиспытателей было создано в 1869 г. при Императорском Казанском университете. Его основными задачами были: исследование в естественно-историческом отношении восточного края России и Сибири, разработка вопросов естествознания, изучение истории местного края, распространение сведений об исследованиях и привлечение «наибольшего числа лиц к естественно-историческим исследованиям». Устав Общества естествоиспытателей был утвержден министром народного просвещения 26 апреля 1869 г., и, согласно уставу, общество не должно было иметь своих собственных коллекций и библиотеку. Все полученные экспонаты и книги должны были

передаваться в соответствующие музеи и кабинеты университета.

Основателем и первым президентом общества стал зоолог, доктор естественных наук, член-корреспондент Петербургской АН с 1898 г., почетный член Казанского университета с 1899 г., писатель Николай Петрович Вагнер (1829–1907). После окончания Казанского университета в 1849 г. до 1851 г. работал учителем естественной истории в Нижегородском дворянском институте. Был одним из основоположников научного направления по сравнительной анатомии животных, в 1851–1871 гг. работал в Казанском университете. В 1862 г. Н.П.Вагнер открыл явление педогенеза — личиночного размножения у двукрылых насекомых. Им были изданы научные труды в области зоологии: «Самопроизвольное размножение гусениц у насекомых» (Казань, 1862); «Беспозвоночные Белого моря» (СПб., 1885). Совместно с А.М.Бутлеровым и М.Я.Киттары он разработал технологию производства свечей из смол, нафталина и парафина, лампового масла из смолы, искусственной соды, писчей бумаги и др. Был активным участником в работе Казанского экономического общества. По его инициативе в 1881 г. была организована Соловецкая биологическая станция, на основе которой в 1958 г. был создан Мурманский морской биологический институт Кольского филиала АН СССР. Н.П.Вагнер писал и литературные произведения, они были изданы в 1902–1908 гг. в Санкт-Петербурге («Романы, повести, сказки и рассказы» в 7 томах).

В соответствии с уставом общество состояло из действительных членов, сотрудников, почетных членов и соревнователей. В действительные члены избирались лица, желавшие служить своими трудами и установленными денежными взносами целям общества. Члены-сотрудники служили обществу своими трудами, «не участвуя денежными взносами», в почетные члены избирались известные ученые, содействовавшие работе общества своим личным влиянием и приносявшие ему существенную пользу. В члены-соревнователи избирались лица, желавшие пожертвовать денежные средства. Ежегодно из государственного казначейства обществу выделялось 2500 рублей (контроль за их хранением и расходованием осуществляло об-

ществом), остальная часть формировалась из взносов, внесенных действительными членами. За 25 лет существования (1869–1894 гг.) обществом 151 раз выделялись средства на исследования, из них в 1871–1877 гг. (до отделения Физико-математического общества в 1890 г.) 4 раза — для физико-математической секции («Для магнитных наблюдений» И.Н.Смирнову, остальные средства были направлены для исследований в области медицины, ботаники, антропологии, зоологии и т.д.). О проведении исследовательских работ И.Н.Смирновым на заседаниях общества были сделаны сообщения «О магнитных наблюдениях в восточной полосе России» (1872–1873 гг.), «О магнитных исследованиях» и «Предварительные выводы из пятилетних (1871–1875) магнитных исследований в России» (1875–1876 гг.), «О магнитных наблюдениях» (1876–1877 гг.). На заседаниях общества также были заслушаны сообщения Ф.М.Цомакиона: «О деятельности метеорологической комиссии» (1881–1882 гг.), «О законах прохождения электричества через газы», «Главнейшие результаты исследования Э.Э.Вейнберга о распространении гроз» (1883–1884 гг.), Н.П.Слугинова «О спаиваемости твердых тел».

Общество естествоиспытателей занималось популяризацией естественных наук (читались публичные лекции, издавались печатные труды). Начиная с 1871 г. издавались «Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете». Среди почетных членов общества были Ч.Дарвин, И.Н.Сеченов. Секция физико-математических наук была организована известным астрономом М.А.Ковальским и преподавателями физико-математического факультета университета, входившими в Общество естествоиспытателей при Казанском университете (согласно постановлению общества от 26 февраля 1880 г.). Секция создавалась для того, чтобы способствовать развитию физико-математических наук (тогда к ним относились математика, физика, химия, астрономия, метеорология). Заседания секции происходили регулярно (каждый месяц, кроме летних месяцев). Протоколы ее заседаний публиковались первоначально в протоколах заседаний Общества естествоиспытателей и в «Ученых записках Императорского Казанского университета», в 1883–1890 гг. — в издававшемся подписном ежегодном журнале

«Собрание протоколов заседаний секции физико-математических наук ОЕ при ИКУ» (было издано 8 томов).

В инициативное ядро секции входили математики А.В.Васильев, Ф.М.Суворов, П.С.Порецкий, механик И.С.Громека, физики Р.А.Колли и Г.Н.Шебуев, химик Ф.М.Флавицкий и др. В секцию вовлекались учителя, инженеры, военные; число членов вскоре превысило 100 человек.

В Национальном архиве РТ хранятся документы, отражающие организацию и различные этапы развития Общества естествоиспытателей. Условно их можно разделить на две группы: материалы по учреждению общества и материалы, непосредственно связанные с его деятельностью. Они освещаются на страницах протоколов, отчетов, в переписках и «Трудах Общества...», по которым можно восстановить картину его деятельности.

Литература

1. Общество естествоиспытателей при Казанском университете. Отчет общества за первые 25 лет. — С. 92.
2. Общество естествоиспытателей при Казанском университете. Отчет общества за первые 25 лет. — С. 94.
3. Устав Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. — Казань, 1869. — С. 1.
4. Устав Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. — Казань, 1869. — С. 3.
5. Кузнецова Л.О. Документы о деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете в Национальном архиве РТ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/92vistupl/46kraeved/1estestvoisp (дата обращения: 21.04.2017).

**УСЕЧЕННЫЙ ИНФИНИТИВ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ
И ЕГО ДИАЛЕКТАХ**

**THE TRUNCATED INFINITIVE IN THE TURKISH
LANGUAGE AND ITS EQUIVALENTS IN THE TATAR
LANGUAGE AND ITS DIALECTS**

Р.Г.Закиева, Л.Р.Аскарова
R.G.Zakieva, L.R.Askarova

Аннотация. В статье дается характеристика усеченного инфинитива в турецком языке и рассматриваются его эквиваленты в татарском языке и его диалектах.

Ключевые слова: усеченный инфинитив, татарский язык, турецкий язык, неличные формы глагола, имя действия.

Abstract. The article describes a truncated infinitive in the Turkish language and considers its equivalents in the Tatar language and in its dialects.

Keywords: truncated infinitive, in the Tatar and Turkish languages, non-finite forms of verbs, nomina actions.

Одной из актуальных проблем в тюркском языкознании является комплексное исследование неспрягаемых форм глагола в татарском и турецком языках. Неспрягаемые формы глагола — глагольные формы, не изменяющиеся по лицам, временам, наклонениям, (т.е. не имеющие основных грамматических категорий глагола) инфинитив, причастие, деепричастие, имя действия. Сравнение неспрягаемых форм глагола в татарском и турецком языках является одним из наименее разработанных направлений. В данной статье дается характеристика усеченного инфинитива в турецком языке и рассматриваются его эквиваленты в татарском языке и его диалектах.

Инфинитив — форма глагола, которая называет действие вне связи с субъектом, не указывая на время, лицо, число, наклонение. Инфинитив является наиболее общим названием глагольного признака. Он, как имя действия, может склоняться, сочетаться с по-

слеслогами, но не может принимать аффиксов принадлежности и множественного числа. Его показателем в турецком языке является формант *-tak/-mek*. Как уже упоминалось, турецкий инфинитив склоняется; он не имеет лишь формы родительного падежа. Но эту форму имеет так называемый **усеченный инфинитив** (форма на *-tak* с отброшенным конечным согласным) [1, с. 257], именуемый в грамматиках тюркских языков глагольным именем, именем действия, в турецких грамматиках — *mastar: gelme`* (килу, приезд), *alma`* (алу, взятие), *okuma`* (уку, чтение). Ударение падает на аффикс *-ma/-me*, чем имя действия и отличается от отрицательной формы повелительного наклонения второго лица единственного числа (*ge`lme, a`lma, oku`ma*). Значение усеченного инфинитива в татарском языке передается формой на *-у*, именуемой в грамматиках татарского языка **исем фигыль**. Например: *кайту, бару, уку*. Как известно, употребление форм на *-ыв/-у* и *-ма* (*-та*) является квалификационным признаком кыпчакских и огузских языков. Считается, что имя действия на *-ыв/-у* характерно для северных или кыпчакских языков, а имя действия на *-ма* (*-та*) — для южных или огузских языков. Имена действия характеризуются признаками глагола и имени существительного:

а) принимают формант аспекта: *bilme – bil-me-me*; *белү* (знание) — *бел-мә-ү* (незнание);

б) имеют категорию залога: *al — al-ın-ma* (возвр. залог от глагола *al*), *şek-me — şek-il-me* (страд. залог от глагола *şekme*); *юу — ю-ын-у* (возвр. залог от глагола *юу*) — *ю-ыл-у* (страд. залог от глагола *юу*) — *ю-ыш-у* (помочь мыть) — *ю-дыр-ту* (заставление мыть);

в) в татарском языке принимают аффиксы многократности: *килү* (приход) — *кил-гәлә-ү* (приhajивание). В отличие от татарского языка, в турецком языке для выражения многократности специальных форм нет.

Имена действия проявляют нейтральность в отношении категории времени и наклонения, характеризуются признаками существительного:

а) имеют категорию падежа: *oku-ma-у1, gez-me-ye*; *кайт-у-ның, кайт-у-га*;

б) имеют категорию числа: *күченү — gelme — gel-me-ler*; *күченү-ләр*;

в) принимают аффиксы принадлежности: *килү — gelme — gel-me-nizi*; *кил-ү-ем-нең*;

Формы имени действия могут сочетаться с послеслогами. Например:

Senin burada rahat edebilmen için biraz deşiklik lazım, dedi. (R.N.Güntekin. Eski hastalık) (Для того, чтобы ты могла отдыхать здесь, — сказал он, — необходимо (произвести некоторые изменения));

Таң ату белән, эшкә йөгерәм... (жыр) (С рассветом бегу на работу... (песня)).

В татарском языке при помощи суффикса -ма-/мә образуется значительное количество научно-технических терминов. По лексико-семантическим и структурным особенностям этот суффикс связан с древним суффиксом имени действия -мак/-мәк, который в своем развитии и дал суффикс -ма-/мә.

Так, например, татарское существительное сыр+ма (телогрейка) имеет в каракалпакском языке параллельное слово сыр+мак (телогрейка) с тем же значением. Это обстоятельство, безусловно, говорит о наличии генетической связи между суффиксами -ма и -мак [2, с. 260].

Суффикс -ма, как правило, присоединяется к глагольным основам: аер+ма, ашла+ма, яр+ма, бүл+мә. Как исключение, иногда он может присоединяться и к существительным: уч+ма (пучок стеблей злаков, захваченных рукой при жатве серпом), шөлдер+мә (бубенчик).

Употребление формы на -ма в значении инфинитива наблюдается в диалектах татарского языка:

– Духтыр бу жазуны жугалтма кушмады — доктор бу язуну югалтырга кушмады (Доктор просил не терять эту записку).

В значении инфинитива форма на -ма употребляется со вспомогательными глаголами ит-, бул-, модальными словами *кирәк*, *тиеш* и имеет значение намерения, решимости лица совершить какое-либо действие: Син комбайныңны сүтмә келисең ахрысы? (Ты, кажется, хочешь разобрать свой комбайн?). Конструкция -ма кели характерна прежде всего для говоров мишарского диалекта [4, с. 247]. Форма на -ма кели спрягается по всем лицам, принимает аффиксы отрицания и вопросительной формы, которые присоединяются к вспомогательному глаголу: барма кели, барма келиме, барма келәде, барма келәсә и т.д.

Усеченный инфинитив, как и любое имя, может принимать аффиксы принадлежности (чем и отличается от инфинитива) и склоняться, функционируя в предложении в качестве:

а) подлежащего: *gelmeniz beni sevindirdi* (килуҗегез мине сөөндерде, ваш приход обрадовал меня).

б) именной части сказуемого: *maksadı bizi ayırtma idi* (максаты — безне аеру иде, его целью было разлучить нас).

3. дополнения (в вин., дат. и исх. падежах): *gitmeyi düşünüyör* (китүне уйлый, он думает уехать).

Имя действия на -у в татарском языке может быть подлежащим, сказуемым, дополнением, а также занимать позицию определения [3, с. 233].

В диалектах татарского языка форма на -ма может функционировать в предложении в качестве:

а) первого компонента составного сказуемого: Чэй эчмә вақыт жите (Настало время пить чай);

б) подлежащего: Былай утырма бикме йахшы? (Так сидеть очень хорошо?);

в) дополнения: Кешегә бирмә кызым йук минем (У меня нет дочери (чтобы) отдать кому-то);

г) обстоятельства: Сездән уңайсызланма белән качтылар (Постеснявшись Вас, убежали).

Таким образом, форма усеченного инфинитива, именуемая в грамматиках тюркских языков глагольным именем, именем действия, в турецких грамматиках — *mastar*, в татарском языке передается формой на -у, именуемой в грамматиках татарского языка *исем фиғыль*. В татарском языке при помощи суффикса -ма/-мә образуется значительное количество научно-технических терминов. Употребление формы на -ма в значении инфинитива наблюдается в диалектах татарского языка.

Литература

1. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. — М.–Л., 1941. — 293 с.
2. Татарская грамматика: в 3 т. Т. 1. — Казань, 1993. — 584 с.
3. Татарская грамматика: в 3 т. Т. 2. — Казань, 1993. — 397 с.
4. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. — Казань, 1986. — 287 с.

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АХМАД-ЗАКИ ВАЛИДИ**

THE SOURCE ACTIVITIES OF AHMAD-ZAKI VALIDI

Ф.Г.Калимуллина
F.G.Kalimullina

Аннотация. Статья посвящена изучению источниковедческой деятельности историка А.-З.Валиди. Проанализирован один из основных трудов ученого — «Краткая история тюрко-татар». Выявлен вклад А.-З.Валиди в изучение истории тюркского народа, татарское источниковедение.

Ключевые слова: А.-З.Валиди, тюрко-татары, монголы, моголы, источник, источниковедение, история.

Abstract. The article is devoted to the study of the source activities of the historian A.-Z.Validi. Analyzed one of the main works of the scientist — «a brief history of the Turko-Tatars». Revealed the contribution of A.-Z.Validi to the study of the history of the Turkic peoples, Tatar source.

Keywords: A.-Z.Validi, Turko-Tatars, Mongols, Mughals, source, source study, story.

Востоковед-тюрколог, публицист, политический деятель Ахмад-Заки Валиди (1890–1970) оставил яркий след в исторической науке. Его труды до сегодняшнего дня не потеряли своей актуальности, его идеи, рациональные замечания по многим проблемным вопросам истории татар не до конца изучены и освящены.

А.-З.Валиди родом из д. Кузяново (Көзән) Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Известно, что в деревне со времен основания проживали татары-мишаре и башкиры. Говоря о своем происхождении, А.-З.Валиди отмечал: «Татары считали нас башкирами, башкиры — татарами. Будучи даже историком, я затрудняюсь ответить на вопрос о происхождении своего рода» [19, с. 142]. Затруднения в определении этнического состава были связаны с тем, что в статистических документах досовет-

ских времен население д. Кузяново называлось обобщенным термином «типтяре», а при советской власти все жители были причислены к башкирам.

Первоначальное образование А.-З.Валиди получил в медресе «Касимия» в Казани (1908–1912). Одновременно, в 1911–1912 гг., посещал лекции Н.Ф.Катанова и В.А.Богородицкого, являлся членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

С конца 1915 г. А.-З.Валиди участвовал в работе Бюро мусульманской фракции IV Государственной думы. Он выступал против унитарного устройства Российского государства, стал лидером башкирского национально-освободительного движения. В 1917 г. тюрколог был выбран депутатом Миллэт Меджлиси, членом Учредительного собрания от башкирских федералистов. В 1917–1919 гг. (с перерывами) возглавлял башкирское правительство, воевал на стороне атамана А.Д.Дутова, затем адмирала А.В.Колчака. В начале 1919 г. перешел на сторону советской власти, вел переговоры с советским правительством о признании Башкирской республики. Не согласный с политикой, проводимой в стране, А.-З.Валиди в 1923 г. был вынужден уехать за границу. С того времени ученый стал называть себя Валиди Тоган [4, с. 15].

В эмиграции А.-З.Валиди занимался научной и преподавательской деятельностью. В 1923 г. в Иране он обнаружил и исследовал древнюю рукопись «Записки о путешествии Ибн Фадлана». В 1925–1927 гг. работал в Министерстве просвещения Турецкой Республики. С 1927 г. преподавал в Стамбульском, Боннском, Геттингенском университетах. В 1935 г. окончил Венский университет, получил ученую степень доктора философии. С 1953 г. до конца своих дней руководил Институтом исламских исследований при Стамбульском университете [13].

В 1915 г. в Казани вышла книга А.-З.Валиди «Краткая история тюрко-татар» («Кыскача төрек-татар тарихы»). Автор отметил, что она предназначена для преподавателей средних школ. «Учитывая тот факт, что в нашей исторической литературе нет специальных трудов, посвященных данной теме, свою работу мы решили подготовить не в виде пособия или учебника, а в виде научно-исследовательского труда со ссылками», — пи-

сал А.-З.Валиди в предисловии. В 1917 г. было осуществлено второе, доработанное издание труда. В 1992 г. «Краткая история тюрко-татар» была переиздана с комментариями историка Р.Амирхана [18].

«Краткая история тюрко-татар» — небольшое по своему объему издание: первый выпуск состоит из 135 страниц, второй — из 96. В тексте А.-З.Валиди подробно описал использованную им литературу (год, место издания, страницы); привел ссылки, объясняя, на какие источники он опирался (уточняя опубликованные и неопубликованные). Учитывая то обстоятельство, что многие труды татарских ученых конца XIX — начала XX в. грешат в плане оформления научно-библиографического аппарата, работа А.-З.Валиди привлекает особое внимание.

При написании труда А.-З.Валиди пользовался работами таких известных ученых и исследователей, как В.В.Бартольд, Н.А.Аристов, В.В.Радлов, В.В.Григорьев, В.В.Вельяминов-Зернов, Д.Банзаров, И.Бичурин, К.А.Иностранцев, Н.И.Веселовский, П.М.Мелиоранский, Г.Вамбери, А.А.Куник, Н.П.Загоскин, Г.Ахмеров, Х.Атласи, справочными изданиями Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона.

В книге описывается история тюркских народов с древнейших времен до завоевания Русским государством постзолотоордынских татарских ханств. Следует подчеркнуть, что работа не лишена некоторых фактологических неточностей и заблуждений. А.-З.Валиди много внимания уделяет истории Великой Монгольской империи, Золотой Орды, при этом монголов он называет тюркским народом — моголами. Такая трактовка наблюдается еще с древних летописей и известного труда русского историка Н.М.Карамзина [10, с. 257, 365]. До сегодняшнего дня в научных кругах идет полемика: являются ли монголы тюркским народом, оправдано ли использование термина «татаро-монголы» или нет. Все же в современной науке принято, что монголы не являются тюрками.

Второе, что бросается в глаза в труде, — при описании событий падения татарских ханств (середина XVI — конец XVIII в.) стиль изложения А.-З.Валиди приобретает более эмоциональный публицистический характер. Не опираясь на ис-

точники, автор использует фразы «наши народы сами стремились попасть под господство русских князей», «Сибирское, Астраханское ханства по собственной воле присоединились к Русскому государству» и т.д. Здесь следует указать, что эмоционально-негативная оценка данных событий была присуща не только А.-З.Валиди, но и ряду других татарских исследователей конца XIX — начала XX в. Авторы обвиняли татарскую знать в предательстве своего народа. Особенно выделяли они Касимовское ханство, учитывая, что оно задолго до своего завоевания попало под зависимость Русского государства [20, с. 89–90; 20, с. 80–168; 18, с. 145].

По отношению к истории Касимовского ханства А.-З.Валиди придерживался традиционного мнения: рассматривал как буферное государство под властью московских великих князей. Но в его высказываниях проскальзывает существенная новизна. Тюрколог утверждал, что на русские земли переселялись татары, находившиеся в споре со своими родственниками; чтобы отомстить за обиду, эти же переселенцы подстрекали русских правителей против татарских ханств.

А.-З.Валиди подчеркивал, что во время агрессии Русского государства на татарские ханства касимовские правители преследовали и свои цели. Многие ученые видели в этом явлении только одностороннюю выгоду русских правителей. Мнение А.-З.Валиди по этому поводу, на наш взгляд, имеет рациональную почву. Следует полагать, что за двухвековое существование Касимовского ханства его правители выдвигали великим московским князьям и свои требования. Об их неоднозначных, доходивших до союзничества отношениях свидетельствует дипломатическая переписка Ивана IV и Шах-Али в период взятия Казанского ханства [9, с. 145–147, 192–193].

Большое значение в своей книге А.-З.Валиди придавал культуре и образованию тюркских народов и монголов. Он утверждал, что принятие ислама стало для тюркских народов важным событием, толчком к процветанию просвещения и культуры.

А.-З.Валиди отметил, что в период Великой Монголии, Золотой Орды иранцы, арабы много занимались религиоведением, философией, а тюрки не придавали особого значения нау-

кам, не имеющим практической ценности. Все силы они отдавали арифметике, алгебре, геометрии, астрономии. Строили обсерватории, астрономы делали открытия мирового значения. Газан хан, Аксак Тимер, Улугбек были влюблены в историческую науку и заказывали ученым воссоздание истории своих родов. Улугбек сам написал историческую книгу — «Тарих-и-улус-и-арба'а» («История четырех улусов»; XV в.).

Опираясь на источники, А.-З.Валиди подчеркивал честность тюркских народов. Византийские купцы, проезжавшие через земли Дешт-и кыпчака, говорили: «Если по пути оставишь на земле мешок с деньгами, то до твоего прихода он там будет лежать, никто его не тронет» [18, с. 83].

А.-З.Валиди проанализировал памятник тюркского рунического письма «Кюль Тегин» (VIII в.), первую дошедшую до современности тюркоязычную поэму «Котагду белек» («Полезное образование») Юсуфа Баласагуни (XI в.), упомянул о тюркских поэтах XII в. Ахмете Ясави, Сулеймане Бакыргани.

Использованные в труде многочисленные весомые источники впечатляют. Каждый из них имеет мировое значение. Остановимся на них подробнее.

В качестве одного из важнейших источников А.-З.Валиди выделил «Шаджараи тюрок» Абульгази Бахадур хана. Данное сочинение было выпущено в 1825 г. в Казани И.И.Хальфиным [11, с. 100]. Оно было высоко оценено М.Х.Френом: «Это первое историческое сочинение на татарском языке, вышедшее из типографии университета, возвысит имя Казань... не только в Российском государстве, но и в отдельных чужих краях» [12, с. 60]. Данное издание было положительно оценено и В.В.Григорьевым, отметившим, что сочинение мало известно даже лучшим ориенталистам в Европе [12, с. 224].

Текст «Шаджараи тюрок» под названием «История моголов и татар» в 1871 г. был издан другим исследователем — управляющим отделением восточных языков Министерства иностранных дел России П.И.Демезоном в Петербурге. Книга представляла собой татарский текст, позднее П.И.Демезон издал перевод сочинения на французский язык. А.-З.Валиди отмечал, что издание П.И.Демезона по истории Абульгази — наиболее удачное. Данный вариант источника в своих трудах

использовали также В.В.Бартольд [3, с.621], Х.Атласи [16, с.446]. В этом вопросе такого же мнения придерживался и русский ориенталист В.В.Вельяминов-Зернов. Он указал, что в казанском издании 1825 г. был использован «дурной список, и имелось полно ошибок». Русский востоковед подчеркнул ценность списков, привлеченных П.И.Демезоном [5, с. 131]. Составитель использовал список, находящийся в тот момент в Азиатском музее. Текст сначала находился на руках у В.И.Даля, затем перешел к Х.М.Френу, а после его смерти был передан в музей. Кроме этого списка П.И.Демезон пользовался Берлинским и Геттингенским списками сочинения, что, по мнению В.В.Вельяминова-Зернова, намного дополнило само сочинение [21]. Следует отметить, что название труда позднее было более правильно по смыслу прочитано А.Г.Каримуллиным как «История монголов и тюрок» [11, с. 134], что внесло ясность в путанице терминов «моголы» и «монголы».

Русским переводом сочинения Абульгази с середины XIX в. занимался Г.С.Саблуков [Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 3. Д. 50. Л. 150], работа была опубликована в начале XX в. [1]. При этом им был использован вариант И.Хальфина.

Другим важным источником по истории монголов А.-З.Валиди отметил рукопись анонимного автора XVII в. «Алтан тобчи» («Золотой свод»), в которой с привлечением более древних хроник описана история монгольских ханов. Источник является уникальным наследием монгольской историографии.

«Алтан тобчи» был найден в конце 1850-х гг. в архиве МИД В.В.Вельяминовым-Зерновым [6, с. 201]. Источник был издан в 1858 г. в переводе Г.Гомбоева [2].

Еще один использованный в труде источник — «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») — историческое сочинение на персидском языке, составленное в начале XIV в. визирем государства Хулагуидов Рашид ад-Дином по приказанию ильхана Газана. «Джами ат-таварих» является важнейшим историческим источником, особенно по истории Монгольской империи и Ирана Хулагуидов. А.-З.Валиди отметил, что самым удачным является его издание 1911 г., осуществленное исследователем Блоше в Лейдене.

Много сведений А.-З.Валиди почерпнул из источника «Тарихе Раузат ас-сафа» иранского историка Мохаммед ибн Хавандшах Мирхонда (XV в.). Полное название данного сочинения — «Раузат ас-сафа фи сират аль-анбийа ва-ль-мулук ва-ль-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»). А.-З.Валиди использовал текст, изданный в Бомбее в 1903 г., и особо ценными для своего труда он считал сведения источника об ослаблении Монгольской империи [8, с. 213].

В «Краткой истории тюрко-татар» привлечено сочинение «Хебиб-эс-сиер» («Друг жизнеописаний») (начало XVI в.) внука Мирхонда — Хондемира. А.-З.Валиди пользовался изданием 1857 г., осуществленным в Бомбее. Это трехтомное сочинение по всеобщей истории, доведенное до времени самого Хондемира. Здесь есть информация по истории тюркских народов и монголов.

В работе А.-З.Валиди также был использован труд «Зафар-наме» («Книга побед») Шарафа ад-Дин Али Йазди (XV в.). Это самый полный источник сведений по истории Тимура (Тамерлана) и его потомков. Основная часть «Зафар-наме» на персидском языке была издана в Калькутте в 1887–1888 гг. [14, с. 188–196].

Самым лучшим источником, повествующим о распаде Монгольской империи и образовании Чагатайского улуса, А.-З.Валиди назвал «Бабурнаме» («Записки Бабура») — воспоминания Захир ад-дина Мухаммеда Бабура (конец XV — начало XVI в.), основателя империи Великих Моголов, потомка Тамерлана. Воспоминания написаны на чагатайском языке, в то время именовавшемся «тюрки», при этом встречаются отдельные фразы и стихотворные вставки на фарси.

А.-З.Валиди в своем труде не раз обращается к «Чингиз-наме», сочинению Утемиш-хаджи (начало XVI в.), придворного шейбаницкого историка. Известно, что единственная полная его рукопись находилась в личной библиотеке А.-З.Валиди [15, с. 140]. К тому времени данный источник еще не был опубликован, и А.-З.Валиди по праву можно считать одним из первых исследователей, введших «Чингиз-наме» в научный оборот.

Еще один источник, использованный в «Краткой истории тюрко-татар», — «Шайбани-наме» («Книга о Шайбане») пер-

сидского поэта и философа Камал-ад-дина Бинаи (2-я половина XVI — начало XVII в.). А.-З.Валиди пользовался изданием И.Н.Березина, вышедшим в свет в 1849 г. в Казани. Здесь для автора были важны сведения о борьбе Шайбани хана с тимуридами за города, расположенные на Сырдарье.

Об истории моголов и ханов-чагатаидов в Кашгарии и Могилистане повествует сочинение «Тарихи Рашиди» Мухаммад Хайдара (XVI в.). В нем говорится о расколе племен восточного Дешт-и кыпчака и Туркестана на «узбеков» и «казахов». Как отметил А.-З.Валиди, этот раскол привел к упадку и обнищанию земель Дешт-и кыпчака.

В свое время В.В.Вельяминов-Зернов отмечал, что первоначально текст «Тарихи Рашиди» хранился в фондах Казанского университета, затем был перевезен в Петербург. Он особо выделил вторую часть сочинения, отметив, что это «в своем роде единственный источник для позднейшей истории Джагатаидов». В.В.Вельяминов-Зернов оценил по достоинству добросовестность автора в изложении событий [9, с. 113]. А.-З.Валиди не уточнил, каким именно списком он пользовался при составлении своего труда. Известно, что списки источника ныне хранятся в Санкт-Петербурге, Ташкенте, Душанбе.

А.-З.Валиди привлек также труды средневековых путешественников Марко Поло (1254–1324), Плано Карпини (1182–1252), Ибне Батуты (XIV в.) и др., в которых присутствует информация о быте и вероисповедании тюркских народов.

Подводя итоги, подчеркнем, что А.-З.Валиди внес важный вклад в источниковедение истории татарского народа. «Краткая история тюрко-татар» А.-З.Валиди, несмотря на небольшой объем и отдельные недостатки, является ценным в источниковедческом плане трудом. А.-З.Валиди не только собрал воедино литературу и источники, касающиеся истории тюрко-татар, монголов, но и некоторые из них впервые ввел в научный оборот. Ученый отличался критическим подходом к источникам, был хорошо осведомлен не только об отечественных, но и о зарубежных изданиях. Раскрытие деятельности А.-З.Валиди как источниковеда требует дальнейших исследований и, на наш взгляд, представляется важным и нужным для современной исторической науки.

Литература

1. Абул-Газы-Хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисловие Г.С.Саблукова. — Казань: Типо-литография Императорского университета, 1906. — 336 с.
2. Анонимная — Алтан-Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводом Галсана Гомбоева // Труды Восточного отделения Археологического общества. — СПб., 1858. — Ч. 6. — С. 140–144.
3. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. — М.: Наука, 1963. — Т. 1. — 763 с.
4. Валиди Ахмед Заки Тоган (1890–1990): Материалы к изучению жизни и творчества. — Уфа, 1990. — 68 с.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб.: Типография Петербургской АН, 1863. — 558 с. — Ч. 1.
6. Веселовский Н.И. В.В.Вельяминов-Зернов В.В. Некролог // Журнал министерства народного просвещения. — СПб., 1904. — Ч. 352.
7. Газиз Г. История татар / Сокр. пер. с татар. С.Г. и А.Х. Губайдуллиных. — М.: Моск. лицей, 1994. — 197 с.
8. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. — 491 с.
9. Калимуллина Ф.Г. В.В.Вельяминов-Зернов как историк Касимовского ханства. — Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. — 240 с.
10. Карамзин Н.М. История государства российского. — СПб.: Типография Н.Греча, 1819. — Т. 4. — 300 с.
11. Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги. 2-е изд. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. — 206 с.
12. Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. — Казань: Фэн, 1997. — 111 с.
13. Тагиров И.Р. Валиди Ахмад-Заки // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х.Хасанов. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002. — Т. 1. — С. 529.

14. Тулибаева Ж.М. «Зафар-наме» Шараф-ад-Дина Али Йазди как исторический источник // Евразийский ежегодник. — Астана, 2005. — С. 188–196.
15. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Сборник летописей. Дафтар-и Чингиз-наме. Таварих-и Булгария. Татарские шаджара. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. — 221 с.
16. Атласи һ. Себер тарихы. Сөенбикә. Казан ханлыгы. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. — 447 б.
17. Әхмәров Г. Казан тарихы // Әхмәров Гайнетдин. Тарихи-документаль җыентык. — Казан: Жыен-ТатАрт: Хәтер, 2000. — 381 б.
18. Вәлиди Ә.-З. Кыскача төрек-татар тарихы / Төзүче, төп текстның транскрипциясен әзерләүче, библиографик исемлек, искәртмәләр һәм ахыр сүз авторы Равил Әмирхан. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. — 181 б.
19. Газиз Г. Татар тарихы. — Казан: Татгосиздат, 1922. — 184 б.
20. Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. — 415 б.
21. Desmaison. Histoire des Mogols et des Tatares // Publiee et traduite par le baron Desmaisons. — Т. 1–2. — St.-Ptb., 1871–1874.

**РАЗДЕЛ 3. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ**

УДК 94 (47)

**«ПРИГОВОРНОЕ» ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН
В 1905-1907 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СВЯЖСКОГО И
ТЕТЮШСКОГО УЕЗДОВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

**«SENTENCING» MOVEMENT OF PEASANTS
IN 1905-1907. (BASED ON THE MATERIALS OF THE
SVIYAZHSK AND TETYUSH DISTRICTS OF THE KAZAN
PROVINCE)**

Р.Р.Батыршин, М.З.Хабибуллин
R.R.Batyrshin, M.Z.Khabibullin

Аннотация. В статье рассматриваются история возникновения и содержание требований крестьян Казанской губернии, предназначенные различным правительственным органам, политическим партиям и организациям.

Ключевые слова: Российская империя, Казанская губерния, крестьянство, сельская община, приговоры, наказания.

Abstract. The article discusses the history and content of the requirements of the peasants in Kazan province allotted to various government authorities, political parties and organizations.

Keywords: Russian empire, Kazan province, peasantry, rural community, sentences, orders.

Начавшийся в 1902 г. в масштабах страны подъем крестьянского движения оказался неожиданным как для самодержавия, так и для политической оппозиции. Многие причины выступлений уходили своими корнями в крестьянское малоземелье. Большинство протестных проявлений крестьянства сопровождалось захватами помещичьих земель, взломом хлебных амбаров и вывозом зерна, поджогами усадеб, часто они носили характер восстаний с открытым сопротивлением полиции и даже войскам. В 1905 г. революционное движение крестьян также

началось с захвата хлебных запасов в помещичьих экономиях и распределения их среди населения окрестных сел, которое в очередной раз встретило весну впроголодь. Среди новых и неожиданных черт крестьянского движения в начале XX в. стали радикализм крестьянских настроений и требований. Немаловажным фактором в усилении радикализма, было участие крестьянской молодежи в погромном движении. Революция 1905–1907 гг. придала дополнительное ускорение процессу размывания традиционного уклада крестьянской повседневности, привела к дальнейшему росту преступности в Российской империи, появлению такого феномена, как хулиганство. Серьезный удар был нанесен по авторитету веры во власть отцов, общины, государства. С другой стороны, нельзя отрицать существование серьезных разногласий, раскола по возрастному признаку.

Возвращаясь к событиям Первой русской революции, необходимо отметить, что только в 1906 г. в Казанской губернии было отмечено 148 крестьянских выступлений [16]. Согласно данным Д.И.Люкшина, базирующимся на жандармской статистике, в 1906–1907 гг. в губернии было зафиксировано 43 случая крестьянских волнений [11]. Наиболее активные выступления происходили в Свияжском, Спасском, Тетюшском, Чебоксарском и Чистопольском уездах, где преимущественно проживало русское и чувашское население. Основными видами неповиновения были: порубки леса, оказание сопротивления властям — по 6 случаев, поджоги — 5 [11]. Помимо ярко выраженных радикальных проявлений крестьянского движения периода Первой российской революции, отдельные его формы носили мирный характер (участие сельчан в деятельности Всероссийского крестьянского союза, проведение в деревне политических демонстраций, создание организаций военно-политического характера и др.). Но наиболее массовой среди них в стране являлось «приговорное» движение, которое стало своеобразной визитной карточкой этого периода [15], оставившее после себя, как отметил американский исследователь Э.М.Вернер, уникальные в своем роде источники [1], позволяющие проанализировать многие элементы системы социальных представлений российского крестьянства начала XX в.

В отечественной историографии под «приговорным» движением принято понимать процесс принятия на сельских или волостных сходах, документально оформленных крестьянских обращений, содержащих в себе помимо местных, социально-экономические и политико-правовые требования общегосударственного характера. Подобные обращения, имевшие форму приговоров, наказов, прошений, петиций, заявлений, постановлений, резолюций, писем, телеграмм и т.д., именуются собирательными терминами «приговор» или «наказ» [14, с.175]. Они предназначались для отправления различным политическим партиям и организациям, в редакции газет, правительственные инстанции и т.д.

Следует напомнить, что началу «приговорного» движения положил указ Николая II правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г., который предоставил право всем «верноподданным» подавать «виды и предложения» на «высочайшее» имя «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [13, №25853, с.133]. Указ вызвал целый поток крестьянских приговоров и наказов от сельских и волостных сходов из всех уголков Российской империи.

Основные этапы приговорного крестьянского движения связаны с вышеупомянутым указом от 18 февраля 1905 г., организацией и деятельностью Всероссийского крестьянского союза (конец лета — осень 1905 г.), с выборами и деятельностью I Государственной думы (весна — лето 1906 г.), II Государственной думы (зима — весна 1907 г.). С различной степенью полноты приговоры и наказания раскрывают экономическое и социально-политическое положение крестьянских масс, многообразие конфликтных зон повседневной деятельности, конкретные причины и поводы для народного недовольства и протеста, социальной агрессивности. Содержание большинства документов комплексное, в них сочеталось политическое и экономическое, общественное и бытовое, всероссийское и местное, революционное и мирное. Они выявляли крестьянский кругозор, в них аккумулировалось общественное сознание и настроение российского крестьянства.

Наибольшую активность «приговорное» движение в Казанской губернии имело в период с середины 1905 г. по середину 1906 года. Большинство «приговоров» и «наказов» приходилось на долю русского населения губернии, из числа бывших помещичьих или государственных крестьян.

Центральной темой в текстах приговоров является описание удручающего экономического положения крестьянства. Так, из текста приговора крестьян с. Каинки Свияжского уезда следует, что неурожай 1905 г. усугубил и без того неблагоприятную экономическую ситуацию на селе. В этой связи крестьяне требовали: во-первых, приостановить с них сбор податей и других повинностей до наступления урожайного года; во-вторых, немедленно, а не после нового года (как «грозил» волостной старшина) выдать всем без исключения продовольствие из запасного магазина; в-третьих, получения дров на отопление, так как обычного топлива — ржаной соломы в связи с неурожайным годом у них не было [2]. Не стеснялись выражать свое недовольство крестьяне края в связи с ситуацией вокруг своего хозяйства. В частности, констатировалась его задавленность «малоземельем», огромными денежными налогами, а также взимаемой с них арендной платой [8].

Основное требование крестьянства — полная ликвидация помещичьей земельной собственности, передача всех конфискованных помещичьих и прочих (монастырских, удельных и т.п.) земель в пользование народу с соблюдением принципа равного права на землю для тех, кто на ней трудится, без всякого вознаграждения помещиков со стороны крестьян. Словом, земля должна быть общая, а пользоваться ею должен тот, кто сам ее обрабатывает (семьей и без использования наемного труда). Справедливость этого решения была признана и разногласий по этому вопросу в приговорах и наказах практически нет. Апеллируя к «высшей справедливости», авторы многих приговоров категорически высказывались против частной собственности на землю. «Земля — ничья, земля — божья», — писали крестьяне. Или, как говорилось в одном из приговоров, «земля — Дар Божий» [6]. Идеи насчет «божьей», «ничьей» земли и «трудового начала» при ее распределении были основными составляющими крестьянского менталитета изучаемого

периода, его моральным постулатом и программной установкой.

Поскольку отношение крестьянства к школе было неоднозначным, совершенно уникальным явлением в «приговорах» и «наказах» крестьян выступает требование введения всеобщего бесплатного обучения. Крестьяне Казанской губернии выступали за обязательное образование, предоставление земским и церковно-приходским школам для этого материальных средств [12, д.1797, л.3–5], просили немедленной помощи со стороны правительства и земства крестьянским детям, чтобы их «в школах учили всему тому, чему учат детей богатых родителей» [2]. В петиции с. Каинки Свияжского уезда отмечалось, что в ситуации, когда большинству крестьянских детей приходилось жить в городах у чужих людей — одной начальной школы оказывалось недостаточно. Поэтому, наравне с детьми других условий, для крестьянских детей должна была быть предоставлена возможность учебы во всех существовавших на то время типах средних и высших учебных заведений на бесплатной основе [3; 4; 5; 12, д.2340, л.26]. Мусульмане Казанской губернии в своих прошениях по поводу образования высказывали следующие предложения: а) в каждой школе должен быть отдельный учитель, которым мог быть и мулла в случае наличия у него свободного времени; б) в каждом районе учредить должность заведующего мусульманскими школами; в) обязательное начальное образование на родном языке; г) деньги, собираемые земством с мусульман, должны идти на мусульманские школы; д) изучение русского языка в школе не должно быть обязательным; е) в каждой губернии и уезде должно быть достаточное количество начальных и средних учебных заведений [9]. Таким образом, представители татарской интеллигенции и крестьян в области образования выступали за взаимодействие религии и образования, развитие мусульманского образования в России.

В приговорах крестьян нередко поднимался вопрос о доступном медицинском обслуживании. В вышеупомянутой петиции крестьян с. Каинки приводится пример, когда врач в некоторых участках мог жить в 30–40 верстах от отдельных деревень. В весеннюю и осеннюю распутицу это означало фактиче-

ское отсутствие доктора. Ввиду этого крестьяне высказали пожелание о назначении медицинского персонала в каждой волости [2].

Что касается требований, затрагивающих интересы мусульманского населения Казанской губернии, то среди них следует выделить: 1) необходимость ведения переписки с мусульманским населением на татарском языке; 2) совместное согласование издаваемых правительством законов; 3) учреждение временной комиссии при Духовном собрании для выработки программы для всех мусульманских школ [9].

Анализ приговоров и наказов 1905—1907 гг. показывает, что менталитет крестьянства того времени был направлен к пересмотру всех устоев общественно-экономической и политической жизни страны: от скорейшего осуществления земельных преобразований в смысле удовлетворения крестьянской нужды в земле до широкой демократизации всего государственно-политического строя России.

Важным этапом в формировании общественно-политических интересов крестьянства в период Первой русской революции было опубликование императорского Манифеста от 17 октября 1905 г. и начало работы Государственной думы. До 1905 г. в России отсутствовал какой-либо представительный законодательный орган. Его появление ускорила начавшаяся зимой этого года революция. Манифестом от 6 августа 1905 года император Николай II учредил Государственную думу, как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов» [13, №26656, с.637—638]. 11 декабря 1905 г. вышел в свет избирательный закон, который регламентировал избирательную кампанию в I Государственную думу. Для крестьян устанавливались четырехступенные выборы: 1) сельский сход; 2) волостной сход; 3) съезд уполномоченных от волостных сходов (по 2 крестьянина от каждого схода); 4) выборщики, избранные этим съездом в губернское избирательное собрание [13, №27029, с.877—882]. Таким образом, сначала крестьянский сельский сход избирал уполномоченных на

волостной сход, затем волостной сход избирал на съезд двух выборщиков, после чего на съезде избирались выборщики в губернское избирательное собрание. В губернском избирательном собрании выборщики от крестьян выдвигали из своего круга одного члена Государственной думы, после чего все собрание избирало остальных депутатов Думы.

Первые известия о Государственной думе крестьяне Казанской губернии стали получать еще летом 1905 г. благодаря газетам, в которых печаталась информация о новом государственном органе. Будущий созыв Государственной думы вызвал у большинства крестьян воодушевление, поскольку на этот представительный орган они возлагали огромные надежды. Что касается вопроса о кандидатах в депутаты Думы от крестьян, то здесь сельские жители придерживались разных позиций: например, предлагали отправить из своей среды человека, который адекватно представлял ситуацию в деревне (чтобы знал крестьянскую жизнь «от чашки до ложки»), или человека «пофартовее» и т.д. [10].

На период весна—лето 1906 г. (время деятельности I Думы) приходится максимальное количество приговоров и наказов крестьян, направленных депутатам. Согласно общероссийским данным, приведенным в монографии Л.Т.Сенчаковой, всего в адрес Государственной думы 1-го созыва поступило свыше 4000 коллективных заявлений и приговоров волостных и сельских сходов [14, с. 45, 47]. В Казанской губернии самыми активными в плане составления петиций на имя Государственной думы и ее депутатов были крестьяне Чистопольского и Тетюшского уездов (8 и 9 приговоров соответственно, из 26 со всей губернии). В большинстве петиций основное внимание было уделено политическим требованиям. Среди разнообразия политических обращений одним из приоритетных для селян являлась реализация в жизнь указанных в царском Манифесте от 17 октября 1905 г. уравнение в правах и установление демократических свобод. Более половина из этих документов содержит требование о политической амнистии, отмене смертной казни, ведении всеобщего избирательного права на основе 4-членной

формулы и полной, неограниченной свободы печати, как «необходимой выразительницы» крестьянских нужд [7].

Наличие политических требований в «приговорной» практике не позволяет говорить об их вызревании в крестьянском сознании путем длительного периода внутренней мировоззренческой эволюции. Они были привнесены извне, носили поверхностный относительно ментальности характер. Косвенным подтверждением вышесказанного является создание документов «приговорного» движения Казанской губернии в так называемый «думский» период (весна—лето 1906 г.). Иными словами активизация данной формы социальной динамики объясняется вызовом, исходящим извне, и связана с началом деятельности создаваемого органа власти, а также с представлениями деревни о функциональном предназначении Государственной думы. Мотивов, объясняющих коллективное волеизъявление крестьян, можно выделить несколько, но общей их основой будут служить традиции и привычки, сформированные в процесс тысячелетнего воспроизводства родового сознания. Исследование целого комплекса источников по «приговорному» движению в Казанской губернии в 1905—1907 гг. позволяет сделать вывод лишь о начальном этапе размывания архаичного идеала власти и усвоения новых ценностных установок в мировоззрении всего крестьянства в целом.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта (№ 16-11-16013, «Предволжье Татарстана в социально-экономическом и историко-культурном измерении (конец XVIII — начало XXI века)»).

Литература

1. Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения, и почему не следует воспринимать их буквально (По материалам Юрьевского уезда Владимирской губернии во время революции 1905 года) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): Материалы международной конференции (Москва, 14—15 июня 1994 г.). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. — С.194.

2. Волжский вестник. — 1905. — №4 (11 ноября). — С.2.

3. Волжский вестник. — 1905. — №24 (7 декабря). — С.4.
4. Волжский вестник. — 1905. — №30 (13 декабря). — С.4.
5. Волжский вестник. — 1906. — №50 (29 января). — С.4.
6. Волжский курьер. — 1906. — №99 (17 июня). — С.3.
7. Волжский курьер. — 1906. — №89 (6 июня). — С.3.
8. Волжский листок. — 1905. — №338 (20 декабря). — С.3.
9. Волжский листок. — 1906. — №371 (4 февраля). — С.3.
10. Крестьянин И.Л. [Лаврентьев И.Е.] Выборы от крестьян в Казанской губернии // К 10-летию 1-ой Государственной думы. 27 апреля 1906 — 27 апреля 1916. — Пг.: Огни, 1916. — С.16.
11. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. — М.: АИРО-XXI, 2006. — С.50.
12. Национальный архив Республики Татарстан. — Ф. 1. — Оп.4.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Ш. — СПб., 1908. — Т. XXV.
14. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания — зеркало крестьянского менталитета 1905–1907 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX): Материалы международной конференции. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996.
15. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. — М.: РООССПЭН, 2008. — С.339.
16. Циунчук Р.А. Революция 1905–1907 гг. в России // Татарская энциклопедия: В 6 т. — Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. — Т. 5. — С. 47–48.

УДК 94(47)

**СЕЛО БАЗАРНЫЕ МАТАКИ АЛЬКЕЕВСКОГО РАЙОНА:
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ**

**VILLAGE BAZARNYE MATAKI ALKEEVSKY DISTRICT:
MILESTONES**

С.Г.Белов
S.G.Belov

Аннотация. Статья посвящена основным моментам истории возникновения, заселения, экономического, культурного развития и современному состоянию крупного населенного пункта — села Базарные Матаки, являющегося районным центром Алькеевского района Республики Татарстан.

Ключевые слова: Базарные Матаки, Спасский уезд, Казанская губерния, Алькеевский район, Республика Татарстан, история села, экономическое развитие, культурное развитие.

Abstract. The article is devoted to key moments in history, settlement, economic, cultural development and current status of large settlement — the village of Bazarnye Mataki, which is the regional center of the Alkeyevsky district of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Bazarnye Mataki, Spassky uyezd, Kazan province, Alkeyevsky district, Tatarstan, the history of the village, economic development, cultural development.

Село Базарные Матаки расположено в южной части современного Татарстана в бассейне реки Актай. В радиусе 2–3 км от села археологами обнаружены остатки двух поселений (Базарно-Матакские селища I и II) [6, с. 121]. Они были основаны примерно в V–VII вв. н.э. носителями именьковской археологической культуры раннего железного века (предположительно, славяно-балтскими племенами). Также в окрестностях села выявлен курган (еще не исследован) [1, с. 89]. Эти поселения продолжали существовать на протяжении дозолотордынского булгарского периода и, по всей вероятности, были разрушены в ходе монгольского завоевания XIII в. Междоусобные войны и

нашествия конца 14 в. в еще большей степени превратили Закамье, по существу, в «дикое поле»; его повторная колонизация началась лишь в XVII в.

Современное село известно с 1710-х гг. как починок Новый Матак, первоначально основанный переселенцами из соседней чувашской деревни Старые (Средние) Матаки. [4, с. 108]] Происхождение топонима «Матак» окончательно не выяснено. Однако в Дрожжановском районе республики также есть село Матаки, названное по имени основателя — служилого чуваша Матака Манчесова. Возможно, что и в рассматриваемом нами случае название имеет схожее, по типу, происхождение.

По данным 1-й ревизии 1716–1717 гг. починок административно относился к сотне татарина Есупа Едгирякова, в нем было 13 дворов, в которых проживало 103 ясачных чуваша [4, Приложение 13]. Здесь было 3 старосты и 5 выборных, что говорит о сложном процессе заселения, так как в данном случае «столь многочисленный состав сельских управленцев, несомненно, представлял... переселенцев из разных мест» [4, с. 168].

В дальнейшем местные жители приняли христианство. Починок стал деревней; в 1781–1782 гг. в д. Новых Матаках насчитывалось 135 «душ» крещеных чуваш [3, с. 202]. В источниках начала XIX в. населенный пункт был известен уже как д. Новые Базарные Матаки, что было связано с проводившимся здесь по субботам большим базаром. В ревизских сказках 1811 г. в числе жителей наряду с ясашными крещеными чувашами названы и казенные поселяне — русские, 1816–1850 гг. — ясашные и экономические крестьяне. Таким образом, русские жители появились здесь в конце XVIII — начале XIX в. Примечательно, что по данным ревизий 1816 и 1834 гг., среди жителей указываются некие «черкесы». Позднее все эти группы вошли в категорию государственных крестьян (существовала до 1866 г.).

В 1878–1880 гг. на средства протоиерея А.М.Сельского (он же стал первым настоятелем) и местных жителей была построена теплая деревянная церковь Пресвятой Троицы с приделом в честь Рождества Христова; деревня получила статус села. К приходу Троицкой церкви также относились соседние дд. Среднее и Нижнее Биктимирово, Новые Нохраты. В то же

время около 37% жителей села составляли раскольники-старообрядцы [7, с. 374].

В 1884 г. по инициативе А.М.Сельского была открыта церковно-приходская школа, в которой стали обучаться 36 мальчиков (из них 1 чуваш) и 4 девочки; в 1903 г. училось уже 35 мальчиков и 5 девочек. Позже при содействии священника Н.Г.Ананьева для школы был построен отдельный дом. В 1903 г. также начала работать 2-классная школа Министерства народного просвещения, где обучалось 36 мальчиков и 21 девочка. Для нее было построено специальное здание. С 1907 г. до 1917 г. в селе функционировал подотдел монархической организации «Союз русского народа», имелась библиотека Общества трезвости.

Основным занятием большинства местных жителей являлось сельское хозяйство (земельный надел сельской общины в начале XX в. составлял 4482 дес.), также среди них были распространены плотничный промысел, вставка стекол. При этом огромную роль в жизни села играла торговля. Кроме упоминавшегося базара по субботам здесь проводились ежегодные крупные ярмарки — Покровская (1–4 октября, в 1888 г. — привоз на 11,5 тыс., продажа на 3,6 тыс. руб. [5, с. 47]) и Никольская. Именно торговля, во многом, определила интенсивное развитие населенного пункта. Быстро росла численность населения: в 1859 г. — 1249 (185 дворов) [2, с. 91], в 1897 г. — 1908, в 1908 г. — 2048 чел. (ок. 350 дворов). Уже в 1859 г. в селе находилась станковая квартира, т.е. размещался становой пристав, возглавлявший полицейско-административный округ (стан) из нескольких волостей. Также село стало центром Базарно-Матакской волости Спасского уезда Казанской губернии. К началу XX в. здесь располагались волостное правление, медицинский (с аптекой) и ветеринарный фельдшерские пункты. Имелось достаточно много промышленных и торговых заведений. Особенно заметное развитие получила пищевая промышленность, включавшая 2 паровые, водяную и 12 ветряных мельниц, производства круп, масла, солода. Также работали 4 кузницы, 4 кирпичных и 3 медно-лудильных мастерских, 2 шерстобойни, 6 постоянных дворов, магазины аптекарский и швейных машин, казенная винная, 3 пивные и 18 чайных, 6 мелочных лавок.

В результате, в селе возникла богатая предпринимательская прослойка. В конце XIX — начале XX в. было построено несколько каменных 2-этажных купеческих домов Деляхонова, Манякина, Соколова, Смеридова, Крылова, Лисенкова и др. (на первом этаже обычно располагалась лавка, на втором — жилые помещения). В годы Гражданской войны и разрухи, в результате политики «военного коммунизма», национализации и укрупнения большая часть предприятий прекратила существование.

В советский период село развивалось в соответствии с основными этапами общественной, политической и экономической жизни страны. В рамках проводимой «культурной революции» здесь в 1918 г. была открыта школа с 4-хлетним обучением, несколько групп ликбеза, в 1925 г. организована волостная изба-читальня с фондом из 150 книг (первый заведующий — А.Е.Сидоров). В 1935 г. школа стала 7-летней; в 1937 г. получила новый дом и статус средней. В ней также учились школьники из соседних населенных пунктов Старых Матак, Старых Нохрат, Новых и Старых Челнов, Тяжбердино.

В 1921 г. была закрыта Троицкая церковь, но по многочисленным просьбам прихожан в 1922 г. была вновь открыта, в 1936 г. — закрыта окончательно, ее помещение использовалось как зернохранилище. В 1946–1982 гг. в нем размещался сельский клуб.

В ходе реформы административно-территориального деления в 1930 г. село вошло в состав Алькеевского района. В 1937 г. было принято решение о переносе в Базарные Матаки районного центра в связи с тем, что здесь имелось больше подходящих зданий (в основном, бывших купеческих капитальных домов) для административных, партийных и др. районных учреждений [8, с. 4]. С этого времени село является центром Алькеевского района (за исключением 1963–1964 гг., когда оно было включено в Куйбышевский район). Ныне также является и центром Базарноматакского сельского поселения (включает Нижнее Биктимирово).

В ходе проведения политики сплошной коллективизации в 1930–1931 гг. организуются колхозы «Победа» (первый председатель К.И.Маслов), «Малый Актай», в 1932 г. создается первая в районе машинно-тракторная станция (20 тракторов). Го-

лод, раскулачивание, отъезд на стройки Индустриализации, репрессии и Великая Отечественная война привели к сокращению населения: в 1920 г. — 2196, в 1926 г. — 2084, в 1938 г. — 1818, в 1949 г. — 1580 чел. В 1957 г. село становится центральной усадьбой укрупненного совхоза «Актайский», объединившего целый куст близлежащих селений — Бибаво-Челны, Нижнее Биктимирово, Новое и Старое Алпарово, Новые и Старые Ургары, Новые и Старые Челны и вскоре превратившегося в одно из передовых хозяйств района и республики. Как райцентр и центральная усадьба крупного хозяйства село получает значительные капиталовложения в социальную сферу. В 1958 г. был организован Дом пионеров. В 1960 г. к клубу (бывшее здание церкви) был сделан каменный пристрой, где разместились кино- и спортзалы. В 1964 г. вводятся в эксплуатацию высоковольтная линия электропередачи и подстанция 35/10 кВ «Базарные Матаки», село было электрифицировано. В 1970 г. строится типовое здание средней школы, открывается музыкальная школа. Также в селе создается специальное профессионально-техническое училище №95 по подготовке кадров для сельского хозяйства. Строятся новые административные здания, автовокзал, аэропорт местных авиалиний.

Успешное экономическое и социальное развитие села обусловило быстрый рост численности его жителей: в 1958 г. — 2272, в 1970 г. — 2818, в 1979 г. — 2965, в 1989 г. — 4175 чел. (в основном за счет переселенцев из других населенных пунктов района). Появившееся в советский период татарское население постепенно становится преобладающим.

Эти же тенденции сохранялись и в 1990-е гг., в отличие от общей демографической ситуации в районе и республике, население села продолжало расти: в 2002 г. — 5329, в 2010 г. — 5899, в 2015 г. — 6248 чел. (ок. 70% — татары, св. 20% — русские, ок. 10% — чуваша).

В 1999 г. совхоз был преобразован в сельскохозяйственный производственный кооператив «Актай». В 2003 г. его угодья и производственные мощности были переданы крупному инвестору — холдингу ОАО «Красный Восток — Агро». В 2005 г. данное ОАО ввело здесь в эксплуатацию оснащенный современным оборудованием один из крупнейших в республике эле-

ваторов вместимостью до 130 тыс. т хлеба. Также данному ОАО в селе принадлежат комбикормовый завод и предприятие по ремонту сельскохозяйственной техники, полеводческие и животноводческие подразделения.

Основным направлением промышленности в с.Базарные Матаки остается переработка сельскохозяйственной продукции. Действуют молокозавод, хлебопекарня, колбасное производство. Кроме того в социально-экономической сфере работают асфальтобетонный завод АО «Алексеевскдорстрой», дирекция Алькеевского лесхоза (организован в 1996 г.) и Алькеевское лесничество (с 2007 г.). В последние годы село асфальтировано, газифицировано.

В селе созданы достаточно комфортные условия жизни. Имеются торговый центр, около 50 магазинов и заведений общественного питания. Образовательные услуги оказывают средняя школа №1, новая гимназия им. Н.Даули с татарским языком обучения (с 2006 г., открыта в 2001 г. как средняя школа №2), 4 детских сада, учреждение начального профессионального образования — филиал Алексеевского агроколледжа, музыкальная школа и дом детского творчества (оба учреждения с 2010 г. располагаются в специально построенном здании), детско-юношеская спортивная школа (с 2000 г.). Социально-культурная инфраструктура села также представлена районным домом культуры (при нем работают 3 коллектива, имеющих звание «народных»: русский вокальный ансамбль «Рябинушка», театральный коллектив «Ташкыннар» («Потоки»), вокально-инструментальный ансамбль «От Афгана до Чечни»; а также вокальный ансамбль ветеранов «Сударушка», вокально-инструментальный ансамбль «16 Регион», фольклорный ансамбль «Элки мишерлерэ» («Алькеевские мишаре»), вокальное трио «Сэмбеле», чувашский вокальный ансамбль «Пилеш» («Рябина»)), районной и детской библиотеками, кинотеатром «Колос», универсальным спортивным залом «Алина» (назван в честь олимпийской чемпионки по художественной гимнастике А.Кабаевой, которая участвовала в его открытии в 2010 г.; ее предки — выходцы из Алькеевского района), детским оздоровительным лагерем «Дубки», центральной районной больницей. Ежегодно в Базарных Матаках проводятся общерайонные фес-

тивали: самодеятельных исполнителей среди ветеранов «Балкыш» («Сияние»), молодежный фестиваль-конкурс народного творчества «Ватан» («Родина»). В Базарных Матаках возведены мемориальные комплексы: 1) воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. с Вечным огнем (открыт в 1969 г.); 2) участникам Афганской и других локальных войн. Имеется Центральный парк им. Ленина. В 2007 г. открыт архитектурно-парковый комплекс «Добрый ангел мира».

В 2004 г. основан Историко-краеведческий музей им. С.М.Лисенкова (расположен в доме, принадлежавшем купцу С.М.Лисенкову; организатором и первым директором музея стал Ю.М.Зарипов). Основное собрание музейных коллекций включает свыше 10 тыс. экспонатов — предметы археологии, нумизматики, этнографии, естественно-научной коллекции, истории техники, изделия прикладного искусства, скульптуры, графики, живописи, редкие книги, документы, оружие. В музее располагается единственный в РТ Зал космонавтики.

В 1995 г. здание Троицкой церкви возвращено верующим (находится в аварийном состоянии). С 2003 г. ведется строительство новой двухпрестольной церкви Троицы Живоначальной. В селе построены и действуют новые мечети: с 1993 г. — «Актай», с 1996 г. — «Мидхат», с 1999 г. — «Шаукат».

Уроженцы с. Базарных Матак внесли большой вклад в разных областях общественной жизни: военной, политической, научной и др. Среди них — С.М.Крайнов (1920–2005) — Герой Советского Союза, танкист, гвардии майор; А.В.Гнеденков (1921–1998) — административно-партийный руководитель, 1-й секретарь Аксубаевского райкома (в 1956–1961 гг.), завотделом организационно-партийной работы Татарского обкома КПСС (в 1961–1981 гг.), депутат ВС ТАССР (в 1963–1985 гг.); Л.И.Никошин (1923–1989) — доктор медицинских наук, профессор Казанского ГИДУВа, заведующий кафедрами оперативной хирургии и топографической анатомии, гистологии Мордовского университета; И.Н.Залялов (р. 1953) — доктор ветеринарных наук, заслуженный ветеринарный врач РТ, профессор кафедры патологической анатомии Казанской академии ветеринарной медицины; Р.С.Хисматуллин (р. 1953) — кандидат биологических наук, заслуженный работник сельского хозяйства РТ, РФ,

руководитель ряда предприятий АПК, заместитель министра сельского хозяйства и продовольствия РТ (в 1992–1995 гг.), гендиректор АО «Холдинговая компания «Ак Барс» (с 2011).

Литература

1. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники ТАССР. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.
2. Казанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. — СПб.: Центральный статкомитет МВД, 1866.
3. Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края в 18 в. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1908.
4. Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI — начале XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Казань, 2006.
5. Памятная книжка Казанской губернии за 1889–1890 г.: в 2 ч. — Казань: Губ. стат. комитет, 1980. — Ч.2. — С.47.
6. Свод памятников археологии РТ: в 3 т. — Казань: Институт истории АН РТ, 2007. — Т.3.
7. Справочная книга Казанской епархии. — Казань: Казанская духовная консистория, 1904.
8. Яруллина Р.Г. «Деревенька моя, неприметная глазу». История сел Алькеевского района. — Базарные Матаки: Информационно-методический центр, 2008.

**ПОЧВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАНСКОЙ
ГУБЕРНИИ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX в.**

**STUDY OF THE SOILS OF THE KAZAN PROVINCE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Ф.Г.Бурганов, Р.А.Асрутдинова
F.G.Burganov, R.A.Asrutdinova

Аннотация. В России первые сведения о почвах появились в связи с введением в 1838 г. земельного кадастра для определения качества и доходности пахотных земель. В 1851 г. в «Хозяйственно-статистическом атласе Европейской России» издается первая сводная почвенная карта европейской части России в масштабе 200 верст в дюйме. Со второй половины XIX в. организуются почвенные экспедиции в различные районы страны. С.И.Коржинский изучал почвы и растительность северной части черноземной полосы в восточной области Европейской России. Обществом естествоиспытателей при Казанском университете были организованы естественно-исторические исследования Казанской губернии (геологические, почвенные, ботанические), выполнение почвенной и ботанической части которых было поручено почвоведу Р.В.Ризположенскому и ботанику А.Я.Гордягину. Первые почвенная и геологическая карты Казанской губернии были опубликованы в 1861 г. в «Материалах для географии и статистики России...», составленных Департаментом Генерального штаба Военного Министерства под руководством М.Лаптева.

Ключевые слова: почва, земельный кадастр, почвенные карты, почвообразование, чернозем, почвенные экспедиции, лесная формация, степная формация, теория деградации чернозема, Казанская губерния, Казанская геоботаническая школа.

Abstract. In Russia, the first information on soils appeared in connection with the introduction in 1838 of a land cadastre for determining the quality and yield of arable land. In 1851 in the "Eco-

onomic and Statistical Atlas of European Russia" the first composite soil map of the European part of Russia is published at a scale of 200 versts per inch. From the second half of the 19th century. Soil expeditions are organized in different parts of the country. SI Korzhinsky studied the soil and vegetation of the northern part of the chernozem belt in the eastern part of European Russia. The Society of Naturalists at the Kazan University organized the natural historical studies of the Kazan province (geological, soil, botanical), the soil and botanical parts of which were assigned to the soil scientist RV Rizpolozhensky and the botanist A.Ya. Gordyagin. The first soil and geological maps of the Kazan province were published in 1861 in "Materials for Geography and Statistics of Russia ..." compiled by the Department of the General Staff of the Military Ministry under the leadership of M. Laptev.

Keywords: soil, land cadastre, soil maps, soil formation, humus, soil expeditions, forest formation, a steppe formation, the theory of the degradation of black soil, Kazan province, the Kazan geobotanic school.

С 1838 г. в России начались работы по оценке земель в целях уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. В 1851 г. появилась первая почвенная карта европейской части России в масштабе 200 верст в дюйме (1: 8400000), составленная экономистом и климатологом К.С.Веселовским. Особенно большое развитие работы по изучению почв получили во второй половине XIX в., когда после проведения «крестьянской реформы» 1861 г. феодально-крепостническая Россия встала на путь быстрого развития капиталистической формации. С заменой феодальных форм хозяйства капиталистическими отношениями, с ростом промышленных центров и появлением новых рынков усилился спрос на сельскохозяйственную продукцию и ее вывоз на внутренние и внешние рынки. Вместе с тем усилилась необходимость изучения почв для изыскания новых путей их использования. К этому времени относится организация ряда почвенных экспедиций в различные районы страны.

Первое, относительно подробное описание почв Казанской губернии появилось в 1861 г. в работе «Материалы для геогра-

фии и статистики России...», изданной Департаментом Генерального штаба Военного Министерства под руководством М.Лаптева [5]. В материалах были даны физико-географическая характеристика губернии (рельеф, гидрография, климат, почвы, растительность, животный мир), пути сообщения, демографическое состояние, этнографический состав, промышленность, хлебопашество, образование, религия, населенные пункты. Отдельный раздел отводится описанию почвенного покрова в связи с геологическим строением и рельефом территории [5, с.46–53]. Прилагались почвенная и геогностическая карты Казанской губернии. М.Лаптев по составу почв территорию губернии разделяет на две части — северную и южную, ограниченную реками Волга и Кама. По мнению автора, в северной части распространены песок и глина (ныне песок и глина рассматриваются как гранулометрический состав почвы), в южной части преобладающее положение занимают черноземы. Южная полоса губернии также подразделяется долиной Волги на две зоны — западную (Ядринский, Цивильский, Свияжский, Тетюшский и частично Козьмодемьянский и Чебоксарский уезды) и восточную (Спасский, Чистопольский и частично Лаишевский уезды), различающиеся по структуре почвенного покрова. Восточная, более черноземная, половина отличается равнинным рельефом. Начиная с северной границы цвет чернозема постепенно меняется к югу от серого до совершенно черного, улучшаются свойства почвы. Таким образом, из этого вывода следует, что М.Лаптев к черноземам относил также и серые лесные почвы.

Российский ботаник Ф.И.Рупрехт показал, что распространение черноземов тесно связано с географией растений. Он определил, что южная граница распространения ели совпадает с северной границей черноземов. Обследовав почвы между Челнами и Мензелинском, указывает о распространении чернозема на красной глине мощностью «черного слоя» до двух футов (71 см) и отсутствии его под лесом из лиственных пород без примеси хвойных. «Почвы черного цвета и не унавоживаются... Страна имеет вид обработанной степи», — пишет он. Автор пришел к выводу: «Чернозем не есть морской ил, ни лесная почва, ни образовался из торфа, ни из сгнивших водных расте-

ний... Дерновая почва весьма близко подходит к чернозему». Рассматривая вопрос о северной границе черноземной почвы, Рупрехт заключает: «Это явление не объясняется климатом, а растительностью. Чернозем начинается вместе со степью луговых трав и совпадает с изменением растительности на Оке южнее Москвы и на Каме южнее Казани» [7].

В 1877–1881 гг. В.В.Докучаев по заданию Вольного экономического общества проводил исследования черноземной полосы России. В пределах Казанской и соседних губерний им подробно исследовались почвы правобережья Волги в районе Буинска — Тетюш и Буинска — Казани, левобережья Камы в пределах Чистополя — Мысовых, Челнов — Бугульмы, также Спасского уезда с отбором почвенных образцов и последующим их химическим анализом. Рассматривая вопрос о северной границе распространения черноземов, В.В.Докучаев отмечает, что «...нет никакой границы, есть только ряд более менее постепенных переходов» в их географии [4, с. 58]. Был собран обширный материал о строении, свойствах, распространении и условиях образования черноземных почв. Выводы и обобщения были изложены в монографии В.В.Докучаева «Русский чернозем», опубликованной в 1883 г. (в том же году Докучаев по материалам исследований защитил в Петербургском университете диссертацию на ученую степень доктора геологии). В своей монографии Докучаев определяет почву как особое естественное природное тело, которое образуется при взаимодействии факторов почвообразования: материнской породы, климата, растительности и животных, рельефа и геологического возраста страны.

В 1885–1888 гг. С.И.Коржинский проводит большой цикл исследований взаимоотношений между лесной и степной растительностью, нашедший отражение в его важнейших работах о северной границе черноземно-степной области восточной полосы европейской части России в ботанико-географическом и почвенном отношении [3, с. 3–4]. Результаты этих работ были опубликованы в «Трудах общества естествоиспытателей при Казанском университете» (1887–1891). С.И.Коржинский пришел к выводу, что распространение типов почв не зависит непосредственно ни от климата, ни от материнских пород, ни от

топографических условий и рельефа, а только от растительных формаций и их взаимной смены. В свою очередь, распространение растительных формаций тоже обуславливается не климатом, а борьбой более примитивной степной растительности с более мощной и совершенной лесной формацией. Эта борьба, по Коржинскому, приводит к победе лесной формации, вследствие чего леса надвигаются на степи. Наступление леса на степь приводит к поселению леса на черноземе, который под лесной растительностью деградирует, разрушается, теряя свой гумус и зернистую структуру. Окружающие условия — климат, рельеф, состав материнских пород могут только замедлить или ускорить процесс облесения степи и деградации черноземов. Эта теория деградации чернозема не была принята Докучаевым: «...лес дает серые лесные земли... ковыль, тонконоги и им подобные растения дают чернозем». В те же годы казанский почвовед Р.В.Ризположенский подверг критике определение почвы, данное В.В.Докучаевым. Ризположенский указал, что в этом определении нет «самого основного, самого существенного почвенного признака — созидательной роли организмов, и в нем смешиваются непосредственные участники почвообразования с внешними условиями почвообразовательного процесса». По мнению Ризположенского, основными моментами, определяющими свойства всякой почвы, являются: во-первых, организмы, точнее, их качество, количество и интенсивность деятельности и, во-вторых, горные породы, т.е. физико-химические свойства и их положение в пространстве [6, с. 59, 69]. В 1888–1890 гг. Р.В.Ризположенский совместно с другим казанским ботаником А.Я.Гордягиным провели обследование почв большей части Казанской губернии. Итоги исследований были опубликованы в работе «Естественно-историческое описание Казанской губернии» с приложением почвенной карты 10-верстного масштаба. Объединение почвенных исследований с геоботаническими в дальнейшем представляло характерную черту казанской геоботанической школы. Позднее в 1901 г. А.Я.Гордягин, впоследствии профессор Казанского университета, опубликовал работу «Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири» [1].

Таким образом, во второй половине XIX в. были заложены теоретические основы почвоведения как науки, рассматривающей почву как самостоятельное естественноисторическое природное тело, возникающее и развивающееся в верхних слоях литосферы под действием биотических, абиотических факторов. Основоположителем генетического почвоведения является В.В.Докучаев, геолог, профессор Петербургского университета, руководивший в 1882–1888 гг. Нижегородской почвенной экспедицией, в результате которой был составлен научный отчет с двумя картами — геологической и почвенной. Первые и важнейшие работы в истории изучения почв в России связаны с проведением земельно-кадастровых работ и изданием в 1851 г. под руководством К.С.Веселовского общей почвенной карты России. Первые сведения о почвах Казанской губернии приводятся в работах М.Лаптева (1861) «Материалы для географии и статистики России...», Ф.И.Рупрехта (1866), показавшего что распространение черноземов тесно связано с географией растений, В.В.Докучаева, исследовавшего черноземы Казанской губернии. Вклад в изучение почв и становление почвоведения как отрасли естествознания внесли представители казанской геоботанической школы — С.И.Коржинский, А.Я.Гордягин, Р.В.Ризположинский.

Литература

1. Гордягин А.Я., Ризположенский Р.В. Почвенная карта Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Казан. ун-те. — 1892. — Т. 24, вып. 6. — С. 28–37.

2. Докучаев В.В. Русский чернозем. Избр. соч., т. 1; Сельхозгиз, 1848. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественноисторическая часть. Вып. 1–14. — СПб., 1884–1886.

3. Коржинский С.И. Северная граница черноземно-степной области восточной полосы европейской России в ботанико-географическом и почвенном отношении // Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Казан. ун-те. — 1888. — Т. 18, вып. 5. — С. 1–253.

4. Коржинский С.И. Северная граница черноземно-степной области восточной полосы европейской России в бота-

нико-географическом и почвенном отношении, ч. 2 // Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Казан. ун-те. — 1891. — Т. 22, вып. 6. — С. 1–201.

5. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния / Сост. М.Лаптев. — СПб, 1861. — 613 с.

6. Ризположенский Р.В. Почвы Казанской губернии, гл. 1 // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете — 1892. — Т. XXIV, вып. 6; Докучаев В.В. Русский чернозем // Докучаев В.В. Избр. соч. — Т. 1. — Сельхозгиз, 1848.

7. Рупрехт Ф.И. Геоботанические исследования о черноземе: с картой распространения чернозема в Европейской России. — СПб., 1866. — 131 с.

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
УСТРОЙСТВО ПРЕДВОЛЖЬЯ ТАТАРСТАНА
(XVI – НАЧАЛО XX ВВ.)***

**THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DEVICE
OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN PREDVOLZHYE
(XVI – EARLY XX CENTURIES)**

*И.А.Гилязов, Л.М.Айнутдинова, М.З.Хабидуллин,
Б.Л.Хамидуллин, Ф.Г.Ялалов*
*I.A.Gilyazov, L.M.Aynutdinova, M.Z.Khabibullin,
B.L.Khamidullin, F.G.Yalalov*

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о становлении и развитии административного устройства Предволжья Татарстана с момента вхождения данной территории в состав Российского государства в середине XVI в. до 1917 г.

Ключевые слова: Татарстан, Предволжье, административно-территориальное устройство, уезд, Казанская губерния, Симбирская губерния.

Abstract. The question of the formation and development of the administrative structure of Predvolzhye of Tatarstan since entering the territory of the Russian state in the middle of the XVI century to 1917.

Keywords: Tatarstan, the pre-Volga region, administrative-territorial division, district, Kazan province, Simbirsk province.

Административно-территориальное устройство Российской Федерации и отдельных ее регионов – тема интересная и сложная. Она привлекает внимание специалистов разных направлений – историков, географов, экономистов, политологов. В целом, для такой большой страны, как современная Россия, интерес к тематике административно-территориального устройства, как на уровне всего государства, так и отдельных территорий, совершенно не удивителен – важно понимание исторического опыта в этой сфере, его опыт в современных процессах обустройства и территориального разделения. В конечном счете, эта

тема связана с поиском наиболее эффективных форм и способов управления страной. Регион Среднего Поволжья, в том числе Предволжья, для России уникален с самых разных сторон – своеобразным историческим прошлым, составом населения, национальными традициями, ролью и местом, которое эта территория играла и играет в жизни России. Интересно также рассмотреть вопрос о том, как происходило становление административного устройства этой территории особенно после того, как Среднее Поволжье вошло в состав Русского государства.

Одним из первых шагов русской власти после завоевания территории Среднего Поволжья в 1552 г. стало то, что все государственные институты Казанского ханства были уничтожены. Новая власть сразу же начала проводить мероприятия по своему закреплению в беспокойном крае, в том числе и по созданию новой системы административно-территориального деления и управления.

После завоевания Казанского ханства эта территория стала именоваться в русских документах по-разному: «Казанское царство», «Казанская земля», «Казанские места» или даже просто «Казань». Область в Московском государстве нередко именовалась по имени ее главного города. Но постепенно все чаще стал применяться термин «Казанская земля». Неофициально вся территория бывшего ханства подразделялась на три части, или стороны: Горную, Луговую и Арскую, иногда упоминается и Побережная. Горная сторона – это правобережная часть территории бывшего ханства – Свияжск и прилегающие к нему районы (территория Предволжья). Луговая, Арская и Побережная стороны – это левобережье Волги. Можно полагать, что Побережная сторона – это территория вдоль берега Волги к югу от Казани (до устья реки Камы), Луговая – территория к западу и северо-востоку от Казани, Арская сторона – территория по течению реки Казанки (к северо-востоку и востоку от Казани) вплоть до среднего течения реки Вятки [4, с. 60].

В то же время официально территория бывшего ханства была подразделена на два уезда – Казанский и Свияжский. К ним соответственно были отнесены левобережная и правобережная стороны Волги. В основу управления уездами был положен вое-

водский принцип. Впервые в русской истории именно в Среднем Поволжье воеводы наделялись не только военной, но и гражданской властью. Оба воеводства на первых порах считались независимыми друг от друга и равноправными в отношении с центральной властью. Но постепенно все заметнее и заметнее ведущую роль начинают играть, особенно в XVII в., казанские воеводы. Своеобразно оценил причины разделения этой территории на два воеводства русский историк XVIII в. М.М.Щербатов: царь «такое разделил вновь завоеванных народов между наместников своих Казанского и Свияжского, и самым сим разделением отлуча их от единого начальства и следовательно... старался и между сими самими народами меньше сообщения произвести» [2, с.14].

Внешние границы Казанского и Свияжского уездов вплоть до середины XVII в. были очень неопределенными, особенно с юга и юго-востока. Постепенно в крае начинают появляться новые уезды – уже в 60-е годы XVI в. упоминается Чувашский уезд (по-видимому, будущий Чебоксарский), в 80-е годы – Тетюшский уезд. По данным исследователей, в конце XVI в. в Среднем Поволжье существовало не менее 15 уездов, а к середине XVII в. их стало не менее 22 [5, С.9–10]. Связано это было с освоением и введением в хозяйственный оборот новых земель, особенно в южных районах Среднего Поволжья, и необходимостью укрепления в этих районах местной администрации. Тогда же активно шло строительство новых городов и укрепленных линий (так называемых засечных черт). Засечные черты представляли собой укрепленные линии в виде валов, рвов, лесных засек со сторожевой службой. Первоначально эти укрепления – в них входили также города, остроги и крепости – служили для защиты от набегов кочевников с юга. В дальнейшем они стали опорными пунктами колонизации в Поволжье. Первая засечная черта начала возводиться от Темникова к Алатырю и Тетюшам в 1578 г.

Внутреннее деление уездов также было довольно запутанным. Они подразделялись на волости и станы, но иногда вместо понятия «волость» употреблялось и понятие «четверть». Правда, постепенно понятие волости как территориально-административной единицы становится более употребляемым.

В некоторых районах Среднего Поволжья вместо волости применяли понятие «стан». Что интересно, термины «стан» и «волость» больше применялись в районах, находившихся вблизи от исконно русских земель, входивших уже в XV в. в состав Московского государства, т.е. в тех районах, где большинство населения составляли русские. Как полагают исследователи, понятия «стан» и «волость» зачастую являлись синонимами: «поселения владельческих крестьян объединялись в станы, а поселения черносошных и дворцовых крестьян – в волости» [1, с.139].

В центральных районах бывшего Казанского ханства продолжали, как уже упоминалось выше, чаще употреблять термин «дороги». Об этом свидетельствуют такие важные источники, как Писцовые книги Казанского уезда 1565–1568 гг. и 1602–1603 гг. Но и здесь параллельно употребляется понятие «волость». Скажем, по источникам Уржумский уезд состоял только из волостей, а в Казанском уезде дороги перемежались с волостями [4, с.10].

Для укрепления новой системы разделения края и новой администрации во 2-й половине XVI в. быстрыми темпами идет строительство новых крепостей, многие из которых впоследствии становились важными административными центрами. Некоторые из них выстраивались на месте прежних татарских городов. Вскоре после завоевания территории Среднего Поволжья здесь были построены такие крепости, как Чебоксары (1555 г.), Лаишев (1557 г.), Тетюши (1558 г.), Кокшайск (1573 г.), Козьмодемьянск (1583 г.), Царевосанчурск (1584 г.), Царевококшайск (1584 г.), Цивильск (1584 г.), Уржум (1584 г.), Малмыж (1584 г.), Уфа (1586 г.).

Проведение Петром I губернской реформы коренным образом изменило систему местного управления в России. В 1708 г. на географической карте России впервые появляется Казанская губерния, одна из 8 губерний, созданных по указу Петра Великого от 18 декабря. Она включала в себя огромные территории бывших Казанского и Астраханского ханств, т.е. практически все Среднее и Нижнее Поволжье (в т.ч. и территория Предволжья). Всего в состав Казанской губернии было включено 37 городов: Казань, Яик, Терек, Астрахань, Царицын, Дмитровской,

Саратов, Уфа, Самара, Симбирск, Царевосанчурск, Кокшайск, Свияжск, Царевококшайск, Алатырь, Цивильск, Чебоксары, Кашпир, Ядрин, Козьмодемьянск, Яранск, Василь (Васильсурск), Курмыш, Темников, Нижний Новгород, Арзамас, Кадом, Елатьма, Касимов, Гороховец, Муром, Мокшанск, Уржум, Балахна, Вязники, Юрьевец-Повольской, Пенза.

Управлять подобными образованиями при той степени развития коммуникаций было очень трудно из одного центра. Поэтому еще при Петре I начался пересмотр губернского деления территории России в сторону уменьшения их площадей – «вторая областная реформа». И в 1717 г., например, из состава Казанской губернии была образована губерния Астраханская, а в 1719 г. – Нижегородская. К Астраханской губернии отошли города: Астрахань с пригородами, Терск, Яик, Царицын, Дмитровск, Саратов, Самара, Симбирск с пригородами, к Нижегородской – Нижний Новгород, Арзамас, Алатырь, Ядрин, Балахна и Юрьевец-Повольской. Часть городов была передана в состав Азовской губернии (Темников, Кадом, Елатьма и Касимов) и Московской губернии (Гороховец и Муром). В Казанской губернии остались города: Казань, Уфа, Царевосанчурск, Кокшайск, Царевококшайск, Свияжск, Цивильск, Чебоксары, Козьмодемьянск, Яранск, Васильгород, Пенза, Мокшанск, Уржум [9].

В 1727 г. была проведена очередная реформа местного управления, в результате которой Казанская губерния приобрела приблизительно те же границы, что существовали впоследствии до 1775 г. Состав ее был следующий: Казанская провинция (города с уездами: Казань, Уржум); Вятская провинция (города с уездами: Вятка, Кайгород, Кунгур); Соликамская провинция (города с уездами: Соль-Камская, Пермь Великая, Чердынь); Свияжская провинция (города с уездами: Свияжск, Кокшайск, Царевококшайск, Цивильск, Чебоксары, Яранск, Царевосанчурск, Василь, Козьмодемьянск); Пензенская провинция (города с уездами: Пенза, Мокшанск, Саранск, пригородок Рамзаевский); Уфимская провинция (город Уфа с уездом) [3, с.110]. Спустя год Уфимская провинция была выведена из подчинения Казанской губернии, а в 30-е годы в состав губернии включена Симбирская провинция.

Таким образом, к 1775 г., к моменту издания «Учреждения для управления губерний» императрицы Екатерины II, вся территория, которая определяется сегодня как Среднее Поволжье, входила в состав Казанской губернии, состоявшей из шести провинций с уездами: Казанская (уездные города – Казань, Уржум; пригородки – Тиинск, Малмыж, Тетюши, Арск, Заинск, Мензелинск, Маинск, Старошешминск, Новошешминск, Биллярск, Оса); Вятская (уездные города – Вятка, Слободской, Котельнич, Орлов, Кай); Пермская (уездные города – Пермь, Соль-Камская, Кунгур); Свяжская (уездные города – Свяжск, Царевококшайск, Цивиль, Чебоксары, Козьмодемьянск, Яранск); Пензенская (уездные города – Пенза, Саранск); Симбирская (уездные города – Симбирск, Сызрань, Петровск) [3, С.123–124].

Как видно, и эти административные единицы были немалыми по своей площади. Управление многочисленными уездами, их различие в экономических структурах, необходимость обеспечения наиболее эффективного экономического, военного, фискального управления территорией заставляли правительство пересмотреть существующее деление страны.

7 ноября 1775 г. появилось «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» [10]. Закон предусматривал введение нового разделения территории страны в течение последующих десяти лет. Была установлена максимальная численность населения для каждой губернии – 300–400 тысяч душ мужского пола, для каждого уезда – 20–30 тысяч душ мужского пола. Определялись принципы построения и функционирования органов власти на местах – полиции, судов, финансового управления. Указом проводилось значительное увеличение числа губерний и деление прежде существовавших. Если в 1762 г. Россия делилась на 16 губерний, в 1766 г. – на 20, то после проведения в жизнь указанного «Учреждения...», т.е. к середине 1785 г. число российских губерний достигло 41.

При проведении реформы наибольшее внимание было уделено численности населения губерний, его достаточно жесткому нормированию, а меньшее – учету национального состава новых административно-территориальных образований. Так что нерусское население Среднего Поволжья в результате ре-

формы оказалось проживающим в нескольких губерниях. Территория современного Предволжья Татарстана так же была поделена между двумя губерниями: Казанской и Симбирской. В состав Казанской губернии вошли Тетюшский и Свияжский уезды, в состав Симбирской – Буинский уезд.

Структурная организация, переустройство губернского деления – географическое и административное – продолжались вплоть до начала XIX в. Это, в основном, касалось приграничных районов некоторых губерний. Так, например, несколько раз в конце XVIII в. отдельные части Тетюшского и Свияжского уездов Казанской губернии отходили к Симбирской губернии, это отражено в документах провинциальных канцелярий. Административно-территориальное деление 2-й половины XVIII в. было вызвано довольно активным процессом социально-экономической жизни в регионах, и, в конечном итоге, преследовало цель заменить громоздкую структуру управления более гибкой порайонной. Хотя это мероприятие проводилось во многом формально, без учета, например, некоторых социальных и этнических факторов, без учета сложившихся исторических традиций в разных регионах, оно оказалось достаточно эффективным и жизнеспособным. Губернское деление, проведенное императрицей Екатериной II, в общих чертах сохранилось вплоть до советского времени.

Территориально в состав современного Предволжья Татарстана вошли три уезда: Буинский, Свияжский и Тетюшский. Буинский уезд административно-территориально входил в составе Симбирской губернии. Центр располагался в городе Буинск. Уезд был сформирован из части земель Симбирского уезда Казанской губернии по рекам Свияга, Була, Карла, Сура, Кирей, Бездна, Якла. До 1780 г. юридически входил в состав Казанской губернии. Граничил на севере со Свияжским уездом Казанской губернии, на западе – с Алатырским, на юго-западе – с Корсунским уездами, на юге – с Симбирским уездом Симбирской губернии, на северо-востоке – с Тетюшским уездом Казанской губернии. В конце XIX в. площадь уезда составляла 4,8 тыс. верст. На территории уезда в 1897 г. проживало 222,9 тыс. человек. Национальный состав: 44,3% составляли чуваша, 34,6% – татары, 17,2% – русские. Территориально уезд делился

на 2 стана, состоявших из 21 волости: к первому стану с центром в д. Убей относились Архангельская, Бурундуковская, Городищенская, Дрожжановская, Кишаковская (часть), Мочалеевская, Ново-Какерлинская, Помаевская, Старо-Студенецкая (часть), Убеевская, Чукальская, Шамкинская, Шемуршинская (часть) волости; ко второму стану с центром в д. Б.Батырево – Батыревская, Кишаковская (часть), Муратовская, Рунгинская, Старо-Студенецкая (часть), Тархановская, Тимбаевская, Хомбус-Батыревская, Шемуршинская (часть), Шихирданская, Энтугановская волости [6]. Население занималось преимущественно хлебопашеством (возделывали рожь, ячмень, пшеницу, просо, горох), а также скотоводством, пчеловодством, различными ремеслами (изготовлением саней, телег, колес, ободьев, рам, деревянной посуды), обработкой продуктов сельскохозяйственного производства (салотопенное, шерсточесальное, маслобойное), бурлачеством, плотничным, портняжным и отхожими промыслами. В XIX в. на территории уезда работало свыше 50 промышленных предприятий, в т.ч. суконная фабрика, винокуренный, поташные, кирпичные, лесопильные заводы, мукомольные мельницы. В селах Городищи, Киять, Промзино проводились ярмарки. Хотелось бы отметить, что во 2-й половине XIX в. в уезде функционировала разветвленная система народного образования, представленная уездным училищем, приходским мужским и женским инородческим училищем в с.Кошки; 43 мужскими и 24 женскими школами. К началу XX в. в уезде насчитывалось 95 школ, в т.ч. 56 татарских.

Свияжский уезд также включал 2 стана, 11 волостей. К первому стану с центром в с. Куралово относились Верхнеуслонская (Услонская), Иванаевская (Ивановская), Клянчинская, Ташевская, Теньковская, Юматовская волости; ко второму стану с центром в с.Косяково (после 1881 г. центр перевели в д.Русские Азелеи) – Азелеевская, Косяковская, Кушманская, Ульяновская, Ширдановская волости. В 1894 г. в уезде насчитывалось 42 села и 140 деревень. С 1914 г. уезд делился на 3 стана, 11 волостей: к первому стану (центр – с.Шеланга) относились Верхнеуслонская (Услонская), Иванаевская, Ташевская, Теньковская волости, ко второму стану (г.Свияжск) – Клянчинская, Ширдановская, Юматовская волости, к третьему

стану (д.Русские Азелеи) – Азелеевская, Косяковская, Кушманская, Ульяновская волости [7]. Население уезда занималось преимущественно хлебопашеством (возделывались рожь, овёс, ячмень, пшеница, просо, гречиха), скотоводством, огородничеством, садоводством, пчеловодством, рыболовством; мукомольным, судовым и кирпичным промыслами, заготовкой (ломкой) известкового, алебастрового и бутового камня, обжигом извести, изготовлением деревянных ведер, заготовкой и торговлей лесом и дровами, содержанием постоянных дворов, а также отхожими промыслами. Промышленность в уезде была развита незначительно. В начале XX в. в уезде функционировали 12 мелких фабрик и заводов: керосиновый (нефтеперегонный), пивоваренный и поташные заводы, спичечная фабрика и др.; 5 мельниц. Из уезда вывозились хлеб, крупы, льняное семя, яблоки, ягоды, гипс (алебастр), известь, опочный камень (в гг. Казань, Елабуга, Саратов, Астрахань). На рубеже XIX–XX вв. в уезде насчитывалось 50 начальных народных училищ, 34 церковно-приходские школы, 3 миссионерские начальные школы Братства святителя Гурия, 54 медресе и мектебы. В Свияжске действовали двухклассное городское, уездное и начальное приходское училища, татарское училище с обучением русскому языку.

Тетюшский уезд с 1781 г. – самостоятельная административная единица в составе Казанского наместничества. В 1796 г. был упразднён, его территория передана в состав Казанского уезда, восстановлен в 1802 г. в составе Казанской губернии. На западе граничил с Цивильским, на севере – со Свияжским, на северо-востоке – с Лаишевским, на востоке – со Спасским уездами, на юге – с Буинским уездом Симбирской губернии. Включал земли по рр. Волга, Свияга, Черемшан, Кильна, Картели, Карла, Улема, Була, Грязнуха, Тояба. Площадь уезда составляла около 3,5 тыс. кв. верст. В 1900 г. на территории уезда проживало 195,6 тыс. чел., из них 51,1% татар, 28,9% русских, 16,5% чувашей, 3,5% мордвы. В административном отношении делился на 17 волостей [8]. Население занималось хлебопашеством, пчеловодством, садоводством, рыболовством. На рубеже XIX–XX вв. функционировало 216 школ, в т.ч. 103 – татарские.

Как видно, административное устройство Среднего Поволжья прошло на протяжении нескольких веков довольно сложный путь развития. Официальная власть всегда стремилась осуществлять неослабный контроль над этой территорией. При осуществлении реформ управления было заметно стремление ее к унификации управления регионами, и все-таки этническое своеобразие региона не могло не накладывать своего отпечатка на устремления власти, что уже особенно явственно сыграло свою роль в советское время.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №16-11-16013 «Предволжье Татарстана в социально-экономическом и историко-культурном измерении (конец XVIII — начало XXI вв.)».

Литература

1. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв.: Численность, сословно-классовый состав, размещение. – М., 1977. – 263 с.
2. Галлямов Р.Ф. После падения Казани... Этносоциальная история Предкамья (вторая половина XVI – начало XVII вв. – Казань, 2001. – 143 с.
3. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. – М., 1913. – Т.1. – 492 с.
4. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв.: Управление Казанским краем. – Казань, 1982. – 220 с.
5. Ермолаев И.П. Территориально-административная сфера деятельности Приказа Казанского дворца // Классы и сословия России в период абсолютизма. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев, 1989. – 196 с.
6. Мустафина Д.А. Буинский уезд // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т.1. – С.478.
7. Мустафина Д.А. Свяжский уезд // Татарская энциклопедия. – Казань, 2010. – Т.6. – С.281.
8. Мустафина Д.А. Тетюшский уезд // Татарская энциклопедия. – Казань, 2010. – Т.5. – С.631.
9. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Изд. 1. – Т.5. – № 3380.
10. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Изд. 1. – Т.20. – № 14392.

**ЗАПОВЕДНИК «БОЛЬШАЯ КОКШАГА»:
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРИРОДНЫЕ
КОМПЛЕКСЫ**

**THE RESERVE «BOLCHAYA KOKSHAGA»:
THE HISTORY OF FORMATION AND NATURAL
SYSTEMS**

O.V.Eregin
O.V.Eregin

Аннотация. В статье исследуются основные этапы истории создания заповедника «Большая Кокшага». Рассмотрены особенности природы заповедного леса.

Ключевые слова: заповедник, пойма, дубравы, лес, тайга, растительность, охрана природы, ландшафты.

Abstract. The article examines the main stages of the history of polish in vadnica of the «Bolshaya Kokshaga». The features of the nature of the protected forest.

Keywords: reserve, floodplains, oak, forest, taiga, vegetation, protection of nature, landspapes.

В настоящее время воздействие человека на биосферу Земли приобрело глобальный характер и продолжает неуклонно возрастать. Масштабы и темпы этого воздействия опережают адаптационные способности организмов. Для решения проблем сохранения устойчивости биосферы и обеспечения стабильного существования человечества необходимо развивать фундаментальные и прикладные научные исследования процессов, протекающих в различных экосистемах. Важную роль в этом вопросе призваны сыграть заповедники, целью создания и деятельности которых является не только сохранение природных комплексов в их естественном состоянии, но и детальное изучение факторов динамики их параметров, а также протекания биоценологических процессов [5, с. 11].

Одной из таких охраняемых природных территорий является заповедник «Большая Кокшага», расположенный в Республике

Марий Эл на территории, ранее входившей в состав Казанской губернии. Находится в бассейне реки Большой Кокшаги в 40 км западнее г. Йошкар-Олы на территории Килемарского и Медведевского районов. Имеет форму близкую к квадрату, площадь 214 кв. км.

На территории современного заповедника обнаружены самые древние находки, связанные с жизнью первобытного человека и датируемые 5 тысячелетием до н.э. [4, с. 20]. Леса являлись надежной защитой от набегов кочевников, а река служила естественным путем для связи с внешним миром. Древние племена занимались охотой и рыболовством, собирали грибы и ягоды. Бедные малоплодородные почвы сдерживали развитие земледелия в этих краях.

Большое влияние на образ жизни местного народа оказало и Казанское ханство, воины которого временами совершали набеги, поэтому и в средние века охота и собирательство также доминировали над скотоводством и земледелием. Поселений людей здесь было очень мало.

С развитием промышленности в Казанской губернии река Большая Кокшага стала использоваться для лесосплава. На территории нынешнего заповедника, как и в других лесах Царевкокшайского уезда, проводилась система сплошных рубок. После этого лес возобновлялся в основном естественным образом, а его посадка велась в малых объемах. В XX в. лес сильно пострадал от засух 1924 и 1972 гг. За последние полтора века породная и возрастная структура лесов претерпела существенные изменения: доля хвойных лесов сократилась с 95% до 52%, доля лиственных увеличилась с 5% до 48% (из них 32% составляют березняки). Спелые и перестойные экземпляры составляют лишь 5,2% древостоя. Лесом покрыта большая часть заповедной территории (94%). Остальную часть заповедника занимают луга, местами зарастающие сеянцами деревьев. По степени распространения доминируют сосняки (44%), березняки (32%), ельники (8%), черноольшанники (6%), дубравы (5%), осинники (3%), липняки (2%) [2].

Организация нового государственного природного заповедника «Большая Кокшага» была начата по инициативе Министерства экологии и природопользования Марийской АССР,

подготовлено распоряжение об основных направлениях развития особо охраняемых природных территорий, утвержденное Советом Министров республики 8 октября 1991 г. Этим документом была создана комиссия по обоснованию выбора территории заповедника, в состав которой вошли специалисты Минэкологии, Марийского университета и Марийского политехнического института, а также главы администраций Звениговского, Килемарского и Медведевского районов. После всестороннего изучения было выбрано 2 варианта: в бассейнах рек Рутки и Большой Кокшаги. Экспертная комиссия под руководством первого заместителя министра экологии А.В.Кусакина провела осмотр обеих территорий. На основании заключения экспертов, Совмин республики 11 июня 1991 г. принял решение об организации заповедника в бассейне реки Большой Кокшаги с приданием заповеднику одноименного названия. Постановление Правительства РФ «О создании государственного природного заповедника «Большая Кокшага» вышло 14 марта 1993 г. Первым директором стал Попов Алексей Иванович, ранее работавший инженером-экологом национального парка «Марий Чодра». С 1994 г. начался набор инспекторов охраны. Территория заповедника была поделена на северный и южный участки.

Основными ландшафтами заповедника являются дюнно-бугристые и пологоволнистые задровые равнины, покрытые в основном сосняками и березняками, а также пойменные урочища вдоль реки Большой Кокшаги, занятые дубово-липовыми насаждениями [1, с. 69]. Почвенный покров разнообразен, но преобладают дерново-подзолистые почвы. В понижениях, в условиях повышенной влажности, формируются подзолистоглеевые и торфяно-болотные почвы. Территория заповедника относится к зоне подтаежных смешанных лесов, занимает часть слабодренлируемой Марийской низменности с равнинным рельефом, сложенную из плейстоценовых флювиогляцильных (водно-ледниковых) и озерных песчаных и супесчаных отложений с глинистыми и суглинистыми прослоями. Слабая расчлененность территории обуславливает близкое залегание к поверхности грунтовых вод и развитие процессов заболачивания. Расположение заповедника на границе зон южной тайги и хвойно-широколиственных лесов обуславливает большое видовое раз-

нообразии растительности. Оно характеризуется смешением бореальных (таежных) видов и неморальных (дубравных) видов с незначительным количеством степных растений. На территории заповедника произрастает более половины всех видов растений, произрастающих в Республике Марий Эл [1, с. 88].

Наибольшую ценность заповедника представляют дубравы. Леса данного типа приурочены к долине реки Большой Кокшаги и вытянуты полосой вдоль нее [3, с. 115]. Дубравы занимают участки пойм, обычно охваченные дугообразно изогнутыми старицами. Такие участки возникли как песчано-глинистые отложения, когда старица еще была руслом. На более возвышенных участках (гривах и останцах) дуб произрастает совместно с липой, елью и пихтой. На водоразделах дуб редок и встречается единично. Наиболее широкая полоса дубрав — в районе озера Шушиер, где надпойменные террасы далеко отступают от русла. В таких условиях дуб чувствует себя хорошо, т.к. легко переносит временное затопление и у него мало конкурентов-деревьев других видов. Благодаря труднодоступности заповедного участка и удаленности его от населенных пунктов, здесь сохранились отдельные дубы возрастом до 400 лет, высотой до 30 м. Дуб хорошо возобновляется, много молодых деревьев. В пойме Кокшаги растет также осокорь, или тополь черный. Его семена, созревающие в мае, попадают в воду разлившейся реки и переносятся течением на десятки км, а затем, когда вода спадает, прорастают на пойме. Оскорники наиболее распространенный тип пойменного леса. На заливных лугах произрастают также очень редкие виды растений: гроздовник много-раздельный, куманика, плаун-баранец, росянка длиннолистная, пальчатокоренник балтийский, надбородник безлистный, венерин башмачок, 11 видов орхидей.

Украшением заповедника являются сосновые боры. На возвышенных участках — лишайниковые, подлесок в них редкий, состоит из ракитника, бересклета, волчегонника. Травянистый покров образуют засухоустойчивые растения: вейник, толокнянка, кошачья лапка, смолка. Земля покрыта различными видами лишайников. В более пониженных местах, где ближе грунтовые воды, вместе с сосной произрастают ольха и береза, а земля покрыта кукушкиным льном и другими зелеными мха-

ми [5, с. 18], здесь произрастают черника и голубика. В еще более влажных местах сосняки зарастают сфагнумом, появляются брусника и клюква, местами морошка; в подлеске — ива, береза, крушина ломкая.

В прибрежных частях малых рек имеются обширные участки, поросшие тростником и ивовым кустарником, низкорослыми соснами и березами. В таких недоступных местах, среди топей, гнездятся журавли. Сочетание лесов и открытой воды привлекает в заповедник хищных рыбоядных птиц — скопу и орлана-белохвоста. На обрывистых склонах рек, в норах гнездится зимородок, также питающийся рыбой. На многих притоках Большой Кокшаги делают плотины селящиеся здесь бобры. В результате подтопления одни виды растений заменяются другими, более влаголюбивыми [4, с. 20]. Северную половину заповедника занимают еловые леса с примесью пихты, входящие в зону южной тайги. Здесь обитают филин, рябчик, глухарь, бурундук, белка, лось, волк, медведь.

«Большая Кокшага» является одним из немногих в Европе мест, где сохранились нетронутыми уникальные пойменные дубравы и клюквенные моховые болота. В 2008 г. вокруг заповедника создана охранная зона площадью 132 кв. км. По территории проложены пешие и водные экскурсионные маршруты.

Заповедники являются эталоном состояния дикой природы, где она развивается по своим законам, без вмешательства человека. Благодаря заповедникам, можно сравнить и проанализировать, насколько человек и цивилизация повлияли на природу, какой она могла быть без его воздействия. Особо охраняемые лесные территории Республики Марий Эл благотворно влияют на экологическую обстановку региона и сопредельных территорий, в том числе и Республики Татарстан.

Литература

1. Бекмансуров М.В., Афанасьев К.Е., Богданов Г.А. Растительный покров южной части заповедника // Научные труды государственного заповедника «Большая Кокшага». — Йошкар-Ола, 2008. — Вып.3. — С. 68–100.

2. Демаков Ю.П. Структура лесов и земель заповедника // Научные труды государственного заповедника «Большая Кокшага». — Йошкар-Ола, 2007. — Вып. 2. — С. 5–50.
3. Денисов А.К. Пойменные дубравы // Природа Марийской АССР. — Йошкар-Ола, 1957.
4. Заповедник «Большая Кокшага» // Наша флора и фауна. — 2015. — №116. — 30 с.
5. Полевщиков А.В. Страницы истории территории заповедника // Научные труды государственного заповедника «Большая Кокшага». — Йошкар-Ола, 2005. — Вып. 1. — С. 5–23.

**ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ЖӘНЛЕКЛӘРЕ
(«ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ КЫЗЫЛ КИТАБЫ»
БУЕНЧА)**

**ЖИВОТНЫЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
(ПО «КРАСНОЙ КНИГЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»)**

**THE ANIMALS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN
(ACCORDING TO «THE RED BOOK OF THE REPUBLIC
OF TATARSTAN»)**

*Ф.Г.Камальтдинова, Ф.Г.Гиниятуллина, В.А.Габдрахманова
F.G.Kamaltdinova, F.S.Giniyatullina, V.A.Gabdrakhmanova*

Аннотация. В статье рассматриваются млекопитающие животные, занесенные в «Красную книгу Республики Татарстан».

Ключевые слова: Татарстан, животные, Красная книга, ушастый еж, водяная ночница, заяц беляк, крапчатый суслик, бурый медведь.

Abstract. The article focuses on mammals registered in the Red Book of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Tatarstan, animals, the Red Book, long-eared hedgehog, daubenton`s bat, mountain hare, speckled ground squirrel, brown bear.

Татарстан Республикасы Көнчыгыш Европа тигезлегендә, иң зур ике елга — Идел һәм Кама (Чулман) кушылган жирдә, урман һәм урман-дала зоналарында урнашкан. Республика ландшафтының төрлелеге хайваннар дөньясының төр байлыгын билгели. Татарстанда тайга, яфраклы урман, дала, су һәм су тирәлегенә умырткалы хайваннарының 470 төре билгелә: балыклар — 52, жир-су хайваннары — 11, сөйрәлүчеләр — 8, кошлар — очып керүчеләр белән 321, имезүчеләр 77–79 төр [5, 380 б.]. Россиянең Европа өлешенә хас булган бүре, төлке, кәрпә, пошилар яши, шулай ук сирәк кенә булса да аю, селәүсен, урман сусары, аслар очрый. Төньяк-көнчыгыштан бирегә төньяк хайван төрләре — камалар, борындыклар үтеп

керә. Урман кимерүчелөрәннән ак куян, нарат агачларында һәм катнаш урманнарда яшәүче тиеннәр күп очрый. Су һәм су тирәлеген үз итүче жофар, кама, чөшке, ондатралар бар. Республикада төлке, тиен, кәрпе киң таралган. Әмма юкка чыккан һәм юкка чыгу куркынычы алдында торучы сирәк төрләр дә бар. Галимнәр фикеренчә, 1600 елдан башлап, Жир шарында якынча 150 төр бөтенләй юкка чыккан. Шунуң яртысы соңгы илле елда гына. Мәсәлән, кыргый ат — тарпан юкка чыккан хайваннар рәтенә керә. Татарстан территориясендә дә юкка чыгу куркынычы алдында торучы жәнлекләр бар. Алар саклауга мохтаж һәм аерым игътибар сорый. Сирәк очраучы һәм юкка чыгу алдында торучы хайван һәм үсемлекләрне саклау максаты белән ТР Министрлар кабинетының «Татарстан Республикасының Кызыл китабы турында» карары нигезендә (25 октябрь, 1993 ел), 1995 елда, Татарстанда «Татарстан Республикасы Кызыл китабы»ның беренче басмасы (умырткалы һәм умырткасыз хайваннар — 236 төр), ун елдан соң, 2006 елда икенче басмасы (умырткалы һәм умырткасыз хайваннар — 258 төр) дөнья күрә.

Кызыл китап — хайваннар һәм үсемлекләр дөньясы мәгълүматларын туплаучы, тиешле саклау һәм торгызу чараларын күрсәтүче рәсми документ. Кызыл китапка кертелгән хайваннар 5 категориядә бирелә: 0 категория — югалган булырга мөмкин төрләр, ТР территориясендә соңгы 100 (умырткасыз хайваннар өчен) һәм 50 елда (умырткалы хайваннар өчен) бер тапкыр да билгеләнмәгән; I категория — юкка чыгу куркынычы янаган, саны критик дәрәжәдә, аларны саклауда махсус чаралар күрелә; III категория — аз санлы яки билгеле бер территориядә генә очраучы сирәк төрләр; IV категория — саны, халәте турында мәгълүмат аз булу сәбәплә теге яки бу категориягә кергү мөмкин булмаган; V категория — табигый сәбәпләр яки күрелгән чаралар нәтижәсендә саны яңадан торгызылган, әмма кәсәбәчелек өчен куллану тыела. Һәрбер объектка төсле рәсем, карта-схема, таралышы, саны, экология һәм биологиясе, санын чикләүче факторлар, саклау чаралары турында мәгълүматлар бирелә.

2016 елда чыккан өченче Кызыл китапка умырткалы һәм умырткасыз хайваннарның 224 төре кергән, шунуң 33-е

имезүчеләр классыннан. Хайваннарның имезүчеләр төркеме биологик һәм эстетик әһәмияте буенча республика фаунасында үзенә бер аерым урын алып тора. Төрләрәнең һәм санының күплеге ягыннан беренче урында кимерүче хайваннар тора. Кызыл китапка очкалак тиен, Азия борындыгы, тимгелле йомран, урман йоклачы, бакча йоклачы, зур йоклач, чикләвеклек йоклачы, дала тычканчыгы, урман тычканчыгы, зур кушаяк, Эврсманн әрләне, соры әрлән, кызыл кыр тычканы, дала чуары кертелгән. Тимгелле йомран — кимерүчеләр отрядындагы тиенсыманнар семьялыгыннан, III категориягә керүче жәнлек. Кими баручы төр. XX йөз башында Тәтеш районында 1 гектарга — 22 пар, 1980 елда — 15 пар, XX йөз ахырында 9 пар гына жәнлек теркәлгән. Соңгы елларда күп кенә яшәү урыннарыннан юкка чыга, 1 гектарга 1–2 пар гына туры килә. Төрле үләнле далаларда, урмансыз тау битләрендә, елга тугайларында, юл буйларында яши. Үсемлекләр белән туклана. Суыклар башлангач, кышкы йокыга тала. Температура югары булып үсемлекләр корыса, жәен дә йокыга талырга мөмкин. Кимү сәбәпләре: туфракның тунуы, көтү йөрү, кыргый этләр, ерткыч имезүчеләр һәм кошлар. Саклау чаралары: халык арасында аңлату эшләре алып бару. ТРның Кызыл китабына кертелгән [4, 28–29 б.].

Урман табигый комплексларында бөжәк ашаучылар әһәмиятле хайваннардан санала. Кызыл китапка бу отрядтан колаклы керпе, гади шолган, нәни көрәнтеш кертелгән. Колаклы керпе — бөжәк ашаучылар отрядындагы кerpеләр семьялыгыннан, III категориягә керүче жәнлек. Чүпрәле, Тәтеш, Буа, Апас районнарының далаланган участкаларында теркәлгән. 2003–2004 елларда 10 км аралыкта 3–5 колаклы керпе очраса, 2010–2011 елларда 1–2 генә очрый. Якты, ачык, далалы урыннарда яши. Гади кerpедән колак яфрагының зуррак булуы белән аерыла. Колагының биеклегә 3–5 см га кадәр. Төрле коңгызларны, корткыч бөжәкләрне ашый. Кимү сәбәпләре: чирәм жирләрне сукалау, кыр ышыккау урман полосаларын кисү, агулы химикатлар куллану. Саклау чаралары: кыр ышыккау урман полосалары янында агулы химикатлар куллануны чикләү. Татарстан һәм Башкортстан Республикалары Кызыл китапларына кертелгән [4, 13 б.].

Ярканатлар бик файдалы жәнлекләр. Эңгер-менгердә, төнлө урманнарға, бакчаларға зарар китерүче һәм төрле йогышлы авырулар таратучы канатлы бөжәкләрне бетерәләр. Кызыл китапка кулканатлылар отрядыннан Наттерер төн ярканаты, мыеклач төн ярканаты, Бранд төн ярканаты, буа төн ярканаты, су төн ярканаты, зур колаклы көрән ярканат, гигант төнге ярканат, көрлө ярканат, урман ярканаты, төньяк кызыл ярканат, ике төсле кушканат кертелгән. Су төн ярканаты — кулканатлылар отрядындагы шома борынлы ярканатлар семьялыгыннан, III категориягә керүче жәнлек. Тәтеш, Кайбыч, Югары Ослан, Яшел Үзән, Лаеш, Әлки, Әлмәт, Лениногорск, Алабуга һәм Түбән Кама районнарында теркәлгән. Бик аз өйрәнелгән төр. Сулык ярлары буенда утрак яшәү рәвеше алып бара. Агач куышларында, текә ярлардагы ярыкларда яши. Елга 1 бала тудыра. Кимү сәбәпләре: өлгергән урманнарның киселүе, кеше эшчәнлеге. Саклау чаралары: куышлары булган агачларны саклау, жәйге һәм кышкы яшеренү урыннарында кеше йөрүне чикләү. Татарстан, Башкортстан, Марий Эл, Мордовия, Чуаш Республикалары Кызыл китапларына кертелгән [4, 19–20 б.].

Куянсыманнар отрядындагы имезүче хайваннарның күпчелеге ау кәсепчелеге жәнлекләре. Кызыл китапка ак куян кертелгән. Ак куян — куянсыманнар отрядындагы куяннар семьялыгыннан, V категориягә керүче жәнлек. Татарстанда кин таралган була, әмма соңгы 40 елда кисәк кими. 1975 елда саны 70 мең тәшкил итсә, 2015 елда 7 мең тирәсе генә кала. Зур елга тугайларын, аеруча болын, елга үзәннәре белән кисәкәләнгән урманнарны үз итә. Шулай ук торак пунктлар тирәсендә дә очрый. Күбесенчә эңгер-менгердә һәм төнлө активлар. Язын һәм жәен яшел үсемлекләрнең яшел өлешләре, кышын тупас азык — төрле агачларның ботак һәм кайрылары белән туклана. Елына 2–3 тапкыр үрчем бирә. Кимү сәбәпләре: табигый биотопларның бозылуы — урман һәм куаклыкларны кисү (азык һәм яшеренү урыннары кими); браконьерлык. ТРның Кызыл китабына кертелгән [4, 25–26 б.].

Ерткычлар отрядыннан Кызыл китапка көрән аю, таш сусары, чәшке, кама кертелгән. Көрән аю — ерткычлар отрядындагы аюлар семьялыгыннан, IV категориягә керүче жәнлек. XIX йөздә Казан губернасының барлык урманнарында таралган

була. XX йөз урталарында Югары Ослан, Тәтеш, Биектау, Яшел Үзән районнарында очраштыргалый. 1980 еллардан соң, саны үсә башлый, республикада ареалы киңәя. Аучылык хужалыклары мәгълүматлары буенча Татарстанда 90 аю яши, чиктәш төбәкләрдән керүчеләр белән 120 гә житә. Сазлыкы, аланлы урманнарда яши. Соңгы вакытта сусаклагыч һәм авыл хужалыгы жирләрендә күрергә мөмкин. Язын кырмыска оялары, үлөксә, тояклылар; июнь–июльдә бөжәкләр, яфраклар, кош йомыркалары; жөй ахырында һәм көзен жиләкләр, кимерүчеләр белән туклана. Эңгер-меңгер һәм төнлә яшәү рәвешен алып бара. Октябрь–ноябрьдән апрель–майга кадәр йоклый. Кышын 1–2 баласы туа. Кешегә һөжүм итәргә мөмкин. Кимү сәбәпләре: туган елында үлү очраклары күп; урманнарның киселүе, браконьерлык. Көнбатыш һәм көньякка таралуына зур сулыклар комачаулый. Саклау чаралары: браконьерлык белән көрәш. ТРның Кызыл Китабына кертелгән [4, 41–42 б.].

Илебездә кыргый хайваннарны тоту һәм аулау тиешле кагыйдәләр һәм катгый режим буенча алып барыла. Татарстанда 6309,4 мең га мөйдәндә аучылык итәргә мөмкин. Шунның 1164 мең гектарын урманнар, 518,7 мең гектарын сулыклар, сазлыклар тәшкил итә. 95 аучылык хужалыгы бар. Татарстанда пошины, кабан дунгызы, төлкене махсус рөхсәт кәгазе булганда гына ауларга ярый. Күп кенә жәнлекләргә билгеле бер вакытта һәм чикле күләмдә генә аулау рөхсәт ителә. Ау кәсепчеләге хайваннарының санын саклау һәм үрчәтү өчен чаралар күрелә, браконьерларга каршы көрәш алып барыла. Татарстан Республикасының хайваннар дөньясы объектларын саклау 1әм файдалану идарәсе тарафыннан Зөя аучылык хужалыгында Алтай маралын һәм Себер кыр кәжәсе ярым ирекле шартларда үрчәтү программасы тормышка ашырыла. 4 октябрь — Халыкара хайваннарны саклау көне. Хайваннарны саклау көне жәмәгатьчелеккә тирә-як мохитне һәм андагы тереклекне яклау кирәклеген төшендерер өчен билгеләнә. Жанлы һәм жансыз табигатьне саклау – һәркемнең бурычы һәм вазифасы.

Әдәбият

1. Биологический русско-татарский толковый словарь / Под ред. Ф.Г.Ситдикова, Р.К.Закиева. — Казань: Магариф, 1998. — 655 с.
2. Красная книга Республики Татарстан: животные, растения, грибы = Татарстан Республикасы Кызыл китабы / Гл. ред. А.И.Щеповских. — Казань: Природа, 1995. — 454 с.
3. Красная книга Республики Татарстан: животные, растения, грибы = Татарстан Республикасы Кызыл китабы: хайваннар, үсемлекләр, гөмбәләр / Гл. ред. А.И.Щеповских. Изд. 2-е. — Казань: Идел-Пресс, 2006. — 832 с.
4. Красная книга Республики Татарстан: животные, растения, грибы = Татарстан Республикасы Кызыл китабы: хайваннар, үсемлекләр, гөмбәләр / Гл. ред. А.А.Назирова. Изд. 3-е. — Казань: Идел-Пресс, 2016. — 760 с.
5. Татарская энциклопедия. Т.2. — Казань, 2014. — 719 с.

УДК 94(=1.470.41)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА «ЗАБЫТЫЕ
ДЕРЕВНИ» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЕЛ
ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНИ)**

**THE STATE PROGRAM «THE FORGOTTEN VILLAGES»
IN THE CONTEXT OF STUDYING THE HISTORY OF
VILLAGES IN THE CITY LIMITS (ON MATERIALS OF
KAZAN)**

Б.И.Сибгатов, Л.М.Сахавова
B.I.Sibgatov, L.M.Sahavova

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основы изучения населенных пунктов, вошедших в состав города Казани, в рамках государственной программы «Забытые деревни».

Ключевые слова: населенные пункты, деревня, село, поселок, Казань, городская черта, забытые деревни.

Abstract. The article discusses the conceptual basis of the study settlements, which became part of Kazan city in the framework of the state program «The forgotten villages».

Keywords: settlements, hamlets, villages, townships, Kazan, the city line, the forgotten village.

В 2012 г. в России стартовал новый проект «Забытые деревни», основной целью которого является сохранение истории исчезнувших и исчезающих деревень городского округа. Среди задач проекта: поиск сведений об исчезнувших деревнях; сбор материальных свидетельств, обработка и сохранение информации, создание летописи населенного пункта; привлечение молодежи, других жителей округа к исследовательской деятельности, создание единой информационной базы об ушедших и уходящих деревнях; создание «Книги памяти исчезнувших деревень»; установка в городах памятных знаков на месте исчезнувших деревень.

Этот проект имеет особую актуальность и для Казани, за долгую историю которой множество деревень, сел и поселков вошли в состав города. Всего в течение XX–XXI вв. потеряли свою самобытность и оказались в составе Казани более 100 сельских населенных пунктов [1, с. 6].

Быстрое расширение Казани и поглощение близлежащих населенных пунктов началось в 1920-х гг., несмотря на то, что за годы Гражданской войны население города сократилось на четверть. Так, в 1920 г. из поселков, находящихся за рекой Казанкой (территория современного Кировского района Казани) и Адмиралтейской слободы был образован Объединенно-Слободской район, который в 1925 г. был переименован в Зареченский, в 1931 г. — в Пролетарский, а в 1934 г. из его состава был выделен Кировский. В состав Кировского района вошли более десятка населенных пунктов, таких как Залесный, Новое Юдино (Беляевский), Займище, Куземетьево, Красная Горка, Новое Аракчино, Калинина, Старое Аракчино, Игумново-Лагерная, Лебязье.

В 1934 г. из восточной части Пролетарского района был образован Ленинский район. В его северной части было построено 11 крупных промышленных объектов, в том числе и по производству авиакосмической техники. Поэтому, когда в 1994 г. район был разделен надвое, северная его часть получила соответствующее название — Авиастроительного. В состав Авиастроительного района вошли такие населенные пункты, как поселки Северный, Ново-Караваево, Авиастроитель, Сухая река, Грабарский, Кадышево, Щербаково, Борисоглебское, Крутушка. История некоторых из них начинается со Средневековья. К примеру, еще в период Казанского ханства был основан современный поселок Кадышево. С 1557 г., после выселения татар, в селе стали проживать русские. В 1565 г. оно было передано во владение князьям Ю.Засецкому и П.А.Булгакову, но позже вернулось в состав дворцовых владений. Население относилось к категории дворцовых, а с 1797 по 1860 гг. — удельных крестьян. Занимались земледелием, разведением скота, колесным и лыко-мочальным промыслами. С 1841 г. в Кадышево работала школа Департамента уделов (в 1870 г. переведена в с.Борисоглебское). В начале XX в. здесь располагалось воло-

стное правление, функционировали Тихвинская церковь (построена в 1891 г.), земская школа (открыта в 1887 г.), 3 мелочные лавки. В этот период земельный надел сельской общины составлял 1217,4 дес. До 1920 г. село являлось центром Каймарской волости Казанского уезда Казанской губернии. С 1920 г. находилось в составе Арского кантона Татарской АССР. С 1927 г. Кадышево относилось к Казанскому сельскому, с 1938 г. — Юдинскому, с 1958 г. — Высокогорскому, с 1963 г. — Зеленодольскому, с 1965 г. — Высокогорскому району Татарской АССР. Лишь в 1998 г. село вошло в состав Авиастроительного района Казани.

Не менее интересна история села Борисоглебское. Оно было основано в 1599 г. В XVII в. считалось государевым дворцовым селом, позже здесь появились помещичьи владения и крестьяне. Наряду с земледелием и разведением скота жители занимались колесным, валяльным и кузнечным промыслами, торговали в Казани овощами и мясом, работали на водяных мельницах. Первая деревянная церковь в Борисоглебском была построена в 1600 г., последняя — Борисоглебская (каменная) — в 1889–97 гг. (возобновила работу в 1993 г., памятник архитектуры). В 1861 г. в селе открылась женская школа, в 1870 г. сюда была переведена также школа удельного ведомства из с. Кадышево. В 1888 г. обе школы объединены в одну земскую. В начале XX в. в селе действовали 3 мелочные лавки, земельный надел сельской общины составлял 814,2 дес. До 1920 г. село входило в Каймарскую волость Казанского уезда Казанской губернии. С 1920 г. в составе Арского кантона Татарской АССР. С 14.02.1927 г. в Казанском сельском, с 04.08.1938 г. в Юдинском, с 12.07.1958 г. в Высокогорском, с 01.02.1963 г. в Зеленодольском, с 12.01.1965 г. в Высокогорском районах, с 25.11.1998 г. в подчинении Авиастроительного районного совета г.Казани.

В 1994 г. из южной части Ленинского района был образован Ново-Савиновский район. Название района происходит от возникшего еще в XVII в. села Савинова. На территории района до вхождения в состав Казани находилось множество деревень, сел, починков, а также поселков и слобод. Некоторые из них и

ныне существуют в качестве поселков-микрорайонов, к примеру — Брикетный, Дружба, Савиново.

В 1973 г. путем выделения в самостоятельную структуру из состава Ленинского района был образован Московский район. Он занимает северо-западную часть г. Казани. На данной территории еще с XVII в. существовало две слободы — Козья и Кизическая. Козья слобода возникла в XVII в. из одноименной деревни, располагавшейся за Казанкой, к северо-западу от крепостного моста, по шоссе в Кизический монастырь. История возникновения Кизической слободы заслуживает отдельного внимания. В XVII в. в город вспыхнула эпидемия легочной чумы. В июне 1654 г. в наскоро построенную деревянную часовню к иконе Смоленской Божьей Матери, прославившейся исцелением от всех болезней и специально привезенной из Великого Устюга, шли люди, молясь о спасении города. Эпидемия миновала, город был спасен. 9 июля 1654 г. был основан Кизический монастырь. Из деревни при Кизическом монастыре и возникла Кизическая слобода. На сегодняшний день в состав Московского района входят 3 поселка: Левченко, Краснооктябрьский и Урицкий.

В предвоенные годы интенсивной индустриализации были созданы новые промышленные площадки в заречной, восточной и южной частях города. В командно-административном порядке в город привлекались трудовые ресурсы для строительства и последующей работы на новых заводах и фабриках. Население города увеличилось в два раза. Так, с первой половины XX в. активно развивался современный Приволжский район. В 1918 г. были учреждены Железнодорожный (западная незаречная часть города) и Плетеневский (южная часть города) районы. В 1919 г. Железнодорожный район был переименован в Забулачный. В 1920 г. Забулачный и Плетеневский районы были объединены в Забулачно-Плетеневский, который в 1926 г. был переименован в Нижегородский, а в 1931 г. — в Сталинский. В 1924 г. из северо-восточной части Сталинского района был выделен Свердловский район. В 1956 г. Свердловский район был присоединен обратно к Сталинскому, который был переименован в Приволжский. В состав района вошли близлежа-

щие населенные пункты, такие как Малые Отары, Петровский, Салмачи, Чернопенье.

На сегодняшний день самым большим по численности населения является Советский район г. Казани — детище индустриализации страны, начавшейся в 1920–1930-е гг. Бурно растущий город расширялся, и одним из магистральных направлений стало освоение Арских полей. Когда-то с каторжников, отправлявшихся в остроги по знаменитому Сибирскому тракту, уже за Варваринской церковью снимали кандалы: считалось, что далее бежать уже некуда. Сегодня вдоль улицы Сибирский тракт выросли жилые массивы, здания институтов и объекты социального значения. Десятки населенных пунктов вошли в состав Казани. В 1940-е гг. это поселки Царицыно, в 1950-е — Чингиз, в 1980-е — Акинская Поляна, Большие Дербышки, Санаторий Крутушка, в 1990-е — Аки, Большие Клыки, Борисоглебское, Киндери, Малые Дербышки, Малые Клыки, Новая Сосновка, деревня Вознесенское, в 2000-е — деревня Вишневка, село Чебакса.

На сегодняшний день город Казань с населением более 1200000 человек находится на шестом месте в списке самых многолюдных городов России. Столица Татарстана продолжает разрастаться, присоединяя к себе близлежащие деревни, села и поселки. Так, в 1998 г. к городу были присоединены 14 населенных пунктов с общим населением в 14 тысяч человек, в 2001 — 2 населенных пункта с населением в 2 тысячи человек, в 2008 — 5 поселков с населением в 4 тысячи человек. Кроме того, планируется дальнейшее разрастание Казани в западном направлении (Залесный — Ореховка — Васильево). В рамках данного плана с 2012 г. началось строительство спального многоэтажного жилого комплекса «Салават Купере». Жилой комплекс расположен после поселка Залесный. Помимо этого предполагается строительство между г. Зеленодольск и пгт Васильево города-спутника «Зеленый Дол» на 157 тыс. человек. Это делает возможным в будущем присоединение к Казани из ее агломерации не только Ореховки, Васильево, но также и данного города-спутника и 100-тысячного Зеленодольска. На сегодняшний день важно исследовать историю каждого насе-

ленного пункта, вошедшего в состав Казани, и сохранить память о них для будущих поколений.

Литература

Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан: справочник / Р.В.Шайдуллин, Б.И.Сибгатов, Л.М.Сахавова; под ред. Р.В.Шайдуллина. — Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. — 308 с.

УДК 94(470.41)

**ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСКОЙ АССР И
КЛЮЧЕВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЕЕ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ДЕЛЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ.**

**THE FORMATION OF THE TERRITORY OF THE TATAR
ASSR AND THE KEY CHANGES IN THE SYSTEM ITS
ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION THE FIRST
HALF OF THE 1920 S.**

С.А.Файзуллин
S.A.Faizullin

Аннотация. В статье рассматривается территориальный и национальный состав Татарской АССР, анализируются основные внешние и внутренние административно-территориальные преобразования, происходившие в республике в первое пятилетие ее существования.

Ключевые слова: ВЦИК, ТатЦИК, ТАССР, комиссия административных единиц, волость, кантон.

Abstract. The article discusses the territorial and national composition of the Tatar ASSR, and analyzes the main internal and external administrative-territorial transformations that took place in the Republic in the first five years of its existence.

Keywords: VTsIK, TatTSIK, TASSR, committee of administrative units, volost, canton.

Декретом Всероссийского ЦИК (ВЦИК) (председатель М.И.Калинин) и СНК РСФСР (председатель В.И.Ленин) от 27 мая 1920 г. была образована Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика [7, №51, ст. 222].

В соответствии с декретом ее территориальный состав формировался из частей пяти губерний, из которых ряд уездов включался целиком, другие — частично. Так, полностью вошли: Казанский, Лаишевский, Мамадышский, Свияжский, Тетюшский и Чистопольский уезды Казанской губернии и Мензелинский уезд Уфимской губернии; неполностью: Спасский (без двух во-

лостей), Елабужский (две волости) и Краснококшайский (Царевококшайский до 1918 г.) (две волости) уезды Казанской губернии; Бугульминский уезд (двадцать шесть волостей) Самарской губернии, Малмыжский уезд (семь волостей) Вятской губернии, Буинский (одиннадцать волостей) и Симбирский (три волости) уезды Симбирской губернии (в дореволюционных границах).

В результате, удельный вес губерний в составе Татарской АССР распределился следующим образом: Казанская — 56,21%, Уфимская — 19,23%, Самарская — 13,16%, Вятская — 7,5% и Симбирская — 3,9%, а доли проживающего там татарского населения так: Вятская — 69,4%, Уфимская — 68,4%, Самарская — 62,3%, Казанская — 58,9%, Симбирская — 55,9% [10, с.172]. Количество населения республики по переписи 1917 г. составило 3 129 215 человек, при следующем национальном составе: татар — 51%, русских — 39,2%, чувашей — 6,4%, мордвы — 1,8%, марийцев — 0,6%, удмуртов — 0,6%, прочих — 0,4% [1, с. 3]

Столицей ТАССР была определена Казань с учетом ее «большого экономического, культурного и исторического значения, а также ввиду большой близости к Москве и удобства [сообщения] с последней» [2, л. 55].

В августе 1920 г. приступила к работе созданная при республиканском отделе НКВД Всетатарская комиссия административных единиц, на которую возлагались задачи по предварительной проработке изменений внешних границ и по рассмотрению всех внутренних административно-территориальных преобразований [5, с. 391]. Результатом ее большой работы по уточнению республиканских рубежей стали несколько соответствующих постановлений ВЦИК. Январским декретом 1921 г. территория республики увеличилась за счет включения в нее из Вятской губернии г. Елабуга и восьми волостей одноименного уезда, а также двух волостей Сарапульского уезда [8, №3, ст.22], что явилось наиболее ощутимым территориальным расширением ТАССР после ее учреждения. Сентябрьским постановлением 1921 г. были детализированы республиканские границы с Марийской и Чувашской автономными областями, а также с Самарской и Симбирской губерниями [8, №66, ст. 501–504], а октябрьским — с Вотской автономной областью и Вят-

ской губернией [8, №67, ст. 520, 521]. В последующие годы подобные изменения также имели место, однако уже не носили массового характера.

Одним из первых изменений во внутреннем административно-территориальном устройстве республики стал растянувшийся на два месяца процесс преобразования входящих в ее состав уездов в кантоны, необходимый для подчеркивания ее положения как национальной республики. Кроме того Казанский кантон был переименован в Арский с переводом его центра в одноименный город.

В итоге, с осени 1920 г. Татарская АССР делилась на следующие кантоны: Арский, Бугульминский, Буинский, Лаишевский, Мамадышский, Мензелинский, Свияжский, Спасский, Тетюшский и Чистопольский.

В 1921 г. ТатЦИК своими постановлениями провел ряд преобразований, вследствие которых количество кантонных единиц достигло своего максимума — тринадцати и оставалось стабильным более двух лет. Так, в июне 1921 г. из территорий, включенных в январе того же года в состав ТАССР из Вятской губернии, а также с присоединением по одной волости из Мамадышского и Мензелинского кантонов, был учрежден Елабужский кантон. Этим же решением из Мамадышского кантона в Арский было перечислено две волости, а из Лаишевского в Чистопольский — одна [5, с.414]. В июле, с целью приближения органов государственной власти к населению, из восемнадцати волостей Мензелинского кантона создается Челнинский кантон [5, с.416], а в декабре — из пяти волостей Елабужского кантона — Агрызский [5, с.444]. В среднем на один кантон приходилось 17 волостей и 262 селения.

Таблица 1

Административное деление ТАССР по состоянию на июнь 1923 г. [4, л.418]

№ п/п	Кантон	Количество	
		волостей	селений
1	Агрызский	5	65
2	Арский	31	594
3	Бугульминский	26	314

4	Буинский	17	163
5	Елабужский	8	150
6	Лаишевский	18	289
7	Мамадышский	17	281
8	Мензелинский	16	265
9	Свияжский	13	207
10	Спасский	14	209
11	Тетюшский	17	200
12	Челнинский	18	335
13	Чистопольский	23	337
	Итого	223	3409

С апреля 1924 г. начинается новый этап в системе административно-территориального деления республики.

Учитывая общее тяжелое положение Агрызского кантона, ТатЦИК вернул его в состав Елабужского кантона-донора, из которого он ранее был выделен [3, л.30].

В мае того же года постановлением ВЦИК [9, №4, ст. 414] в ТАССР была проведена общереспубликанская оптимизация волостной сети, призванная улучшить финансовое положение волостей и создать в тех из них, где преобладало татарское население, необходимые условия по введению родного языка в делопроизводство. Ранее подобные изменения также проводились, но были локальными и разноплановыми.

В результате реформы общее число волостей сократилось на 98 единиц (на 43%), а их среднее количество по кантонам уменьшилось с 17 до 10.

Таблица 2

Распределение волостей по кантонам ТАССР [6, л.68; л.56]

№ п/п	Кантон	Количество волостей	
		до реформы	после реформы
1	Агрызский	5	–
2	Арский	31	19
3	Бугульминский	26	14
4	Буинский	17	7

5	Елабужский	8	7
6	Лаишевский	18	9
7	Мамадышский	17	9
8	Мензелинский	16	9
9	Свияжский	13	8
10	Спасский	14	8
11	Тетюшский	17	7
12	Челнинский	18	11
13	Чистопольский	23	17
	Итого	223	125

Таким образом, в системе административно-территориального деления республики за первые пять лет ее существования можно выделить два основных периода.

В первый период (1920 — 1921-е гг.) происходило активное формирование внешних границ ТАССР с массовыми взаимными перечислениями населенных пунктов между соседними субъектами РСФСР, с целью включения в свои территории максимального количества приграничных селений с титульным составом населения. Внутренние преобразования заключались сначала в формировании кантонной сети, а затем — в ее расширении для лучшего удовлетворения нужд населения, но без учета финансовых возможностей республики.

Во второй период (1924 г.) происходило сокращение количества административных единиц, в первую очередь, волостного уровня, позволившее несколько улучшить их хозяйственное положение и начать перевод делопроизводства в волостях с преобладанием татарского населения на родной язык. На кантонном уровне решение о ликвидации Агрызского кантона положило начало грядущему сокращению числа маломощных кантонов для оздоровления финансового состояния республики.

Литература

1. Бюллетень Статистического управления Татарской Социалистической Советской Республики. — Казань, 1920. — №3.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. Р-5677. Оп.1. Д.294.

3. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). — Ф. Р-732. — Оп. 1. Д. 550.
4. НА РТ. — Ф. Р-732. — Оп. 1. — Д. 260.
5. Образование Татарской АССР: сб. документов и материалов / Под ред. И.М.Климова, М.К.Мухарямова. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. — 504 с.
6. Составлено по данным: ГА РФ. — Ф. Р-5677. — Оп. 4. — Д. 381; НА РТ. — Ф. Р-732. — Оп. 1. — Д. 659.
7. СУ РСФСР. 1920.
8. СУ РСФСР. 1921.
9. СУ РСФСР. 1924.
10. Фазлуллин Г. В. Образование Татарской АССР и этапы ее административно-территориального районирования // Ученые записки Казанского университета. — 1955. — Т. 115, кн. 2. — С. 167–188.

**ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕРЕВНИ ТАТАРСТАНА
В НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ**

**THE VANISHED VILLAGE OF TATARSTAN IN THE
NATIONAL CONTEXT**

Р.В.Шайдуллин, Л.М.Сахавова
R. V. Shaydullin, L. M. Sachavova

Аннотация. В статье анализируются проблемы, связанные с исчезновением сел и деревень в Татарстане в XX в. и депопуляцией сельских территорий. Особое внимание уделяется статистическому анализу динамики сокращения национальных деревень в республике. Рассматривается также деятельность научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ в плане изучения проблемы исчезновения российских деревень.

Ключевые слова: Россия, Татарстан, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, исчезнувшие населенные пункты, национальные деревни, депопуляция территорий, политика оптимизации.

Abstract. The article analyzes the problems associated with the disappearance of villages in Tatarstan in the XX century and the depopulation of rural areas. Special attention is paid to statistical analysis of the dynamics of the reduction of the national villages in the country. We also consider the activities of the scientific staff of the Institute of Tatar encyclopedia, and regional studies Academy of Sciences of RT in terms of studying the problem of the disappearance of the Russian villages.

Keywords: Russia, Tatarstan, Institute of Tatar encyclopedia and regional studies RT, vanished settlements.

Многие десятилетия XX в., вплоть до начала XXI в., в России и Татарстане мало кто занимался изучением истории исчезнувших сельских поселений. Многим специалистам казалось, что эта проблема представляет собой мелкотемье и не имеет научной перспективы для системного исследования. Самодея-

тельные краеведы в основном были заняты изучением истории существующих деревень, поскольку материалы о них были им малодоступны. Виной этому была и устоявшаяся советская идеология о ведущей роли коммунистической партии в социалистическом преобразовании деревни, которая сдерживала комплексные научно-исследовательские поиски в этой области. В результате исследователи были вынуждены часто умалчивать о негативных сторонах деятельности государственно-партийных структур в аграрном секторе России и Татарстана, в итоге приведшей к массовому исчезновению деревень. По этой причине молодое поколение не имело представления о тех деревнях и селах, которые когда-то существовали в окрестностях их населенных пунктов. На проблему исчезнувших деревень и сел большое внимание начали обращать только после распада СССР и разрушения колхозно-совхозного производства в 1990-е гг., поскольку на повестке дня встал вопрос о сохранении сельских населенных пунктов не только как колыбели самобытных традиций и этнической культуры народов России и Татарстана, но и как производственно-хозяйственных единиц.

Деревни и села, как люди, имеют свою судьбу: возникают, отстраиваются, расширяются, расцветают, экономически или демографически ослабевают и порой исчезают. Даже бесследно исчезнув, многие деревни на долгие годы остаются в сердцах и памяти селян. Рассказы сельских жителей об истории, культуре и традициях их родных деревень — это нотка грусти, присутствующая в их воспоминаниях, и можно представить, какими дорогими и прекрасными они были для них. К сожалению, их ценные воспоминания до сих пор остаются невостребованными. Поэтому для многих исследователей из различных отраслей научных знаний, прежде всего гуманитариев, написание работ о сельских населенных пунктах, в том числе об исчезнувших деревнях, является долгом.

Сегодня Россию называют страной вымирающих деревень. Массовое вымирание деревни является одной из острых социально-экономических и этнокультурных проблем современной России. Многие исследователи подробно разбирают генезис этого процесса, описывая, каким образом сложились социально-демографические и институциональные механизмы, при-

ведшие к постепенному опустению российской деревни. Начало этому процессу было положено в конце 1940-х — начале 1950-х гг., когда в стране был взят курс на укрупнение колхозов. Тенденция продолжилась после введения политики оценки «перспективности» деревень в 1960-е гг. Вплоть до 1990-х гг. тенденция вымирания деревень сохранялась, а после была только усилена неолиберальной политикой «оптимизации» [1]. Нигде в цивилизованном мире, кроме как в советской России, не наблюдалось столь циничное и варварское отношение властей к своим освоенным национальным территориям и проживавшим там этническим социумам. Полное пренебрежительное отношение к затратам (часто многовековым) на освоение территорий, причем не только финансовым, но и физическим и творческим усилиям, вложенным в развитие сельской культуры, обычаев и традиций местного населения. Заметим, что только в России было такое уничижительное партийно-чиновничье пренебрежение страданиями миллионов сельских жителей, вынужденных покинуть так называемые «неперспективные» деревни и уходить с детьми и стариками в соседние крупные деревни или города или на «великие стройки», где их никто не ждал и не создавал для них даже минимума необходимых для жизни социальных благ.

Самое трагичное заключается в том, что с исчезновением деревни утрачиваются родственные и культурные связи, самобытные традиции народов, сложившиеся столетиями, которые трудно поддаются возрождению. Все это вызывает множество вопросов. Как и почему происходит вымирание российских деревень? Кто виноват? Что делать? Когда, как и почему появились эти города, села и хутора? Кто там жил и как там жили? Россияне и татарстанцы должны это знать. Это наше прошлое. «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет своего будущего». Россия велика и бескрайна, но ближе всем нам, выходцам из сельской местности, наша малая родина — деревня, то место, откуда наши корни. Особенно это актуально при систематических репрессиях властей о возрождении деревни и сельского хозяйства.

Научные сотрудники Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Рес-

публики Татарстан (Р.В.Шайдуллин, Б.И.Сибгатов, Л.М.Сахавава и др.) в рамках реализации государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)» комплексно изучили этот вопрос. Опираясь на научную литературу, статистические данные, результаты социологических и демографических исследований, они подготовили и выпустили ряд работ [2]. Научные сотрудники центра, таким образом, попытались ответить на вопрос: как и почему происходит вымирание татарстанских деревень?

В течение последних 80 лет XX — начала XXI в. произошло массовое сокращение численности сельского населения Татарстана как за счет естественной убыли населения (смертность превышает рождаемость), так и за счет интенсивного миграционного оттока. Процесс депопуляции сельских территорий в республике был настолько активен, что постоянно увеличивалось число заброшенных сельских населенных пунктов, а также количество деревень с небольшим числом жителей. В Татарстане за этот период исчезли более 1200 сельских населенных пунктов, примерно около 1 млн чел. по какой-либо причине покинули свои родовые сельские дома [3]. К 2017 г. на грани вымирания находятся около 300 сельских поселений (численность их жителей не более 10–15 чел.) из 3058 сельских населенных пунктов. Многие мелкие деревни республики существуют только благодаря патриотам-энтузиастам или тем, кому некуда идти, среди которых значительное место занимают пенсионеры.

Конечно, процесс депопуляции сельских территорий не является уникальным российским или татарстанским явлением, он во многом схож с аналогичными процессами в других странах. При этом процессы депопуляции и экономической деградации сельских территорий идут в Татарстане по сравнительно негативному сценарию, связанному с гиперконцентрацией населения в столичных и крупных городах. Причем депопуляция в республике происходила не только территориально, но и этнически. В заявленный период наблюдалась интенсивная депопуляция русских населенных пунктов (см. табл.).

Исчезнувшие сельские населенные пункты в Татарстане в 1930–2010-е гг.*

национальные деревни	количество деревень	
	всего	в %
русские	760	71,8
татарские	228	21,5
чувашские	37	3,5
мордовские	11	1,0
марийские	8	0,7
удмуртские	6	0,5
немецкие	2	0,2
украинские	1	0,1
смешанные	8	0,7
итого:	1061	100

* Таблица составлена по данным: Шайдуллин Р.В., Сибгатов Б.И., Сахавова Л.М. Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан: справочник. — Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. — 308 с.

Из данных таблицы видно, что значительную часть исчезнувших деревень в Татарстане составляют русские поселения, свыше 70% от общей численности всех селений. При этом процент исчезнувших татарских селений составляет только 21,5%, что более чем в 3,6 раза меньше количества русских. Причем татары количественно превышают русских и представителей других этносов, проживающих в республике (свыше 50% от общей численности населения). Другие национальные группы коренного населения Татарстана (чуваши, мордва, марийцы и удмурты) в совокупности потеряли незначительное количество деревень (5,7%).

Основные причины уменьшения численности отдельных национальных групп сельского населения лежат сугубо в социально-экономической плоскости: для населенных пунктов был всегда характерен более низкий уровень жизни и сравнительно высокий уровень безработицы. В результате наиболее активная часть трудоспособного населения уезжала в города, что в свою очередь способствовало дальнейшему социально-экономическому застою, деградации и депопуляции сельских

территорий. Другая проблема, являющаяся одной из причин оттока сельского населения из деревни, — низкая доступность объектов социальной инфраструктуры (образовательной, медицинской, досуговой, транспортной и др.) и основных услуг (прежде всего государственных и муниципальных), а также жилищных условий и недостаточная обеспеченность жилищно-коммунальными благами.

Депопуляция сельских национальных территорий латентно развивается и в начале XXI в. В частности, выявлено, что за последние 20 лет сельские населенные пункты Татарстана не только не нарастили, но и в значительной степени утратили социальную инфраструктуру из-за процессов «оптимизации» сельской социально-культурной инфраструктуры, которая особенно сильно затронула глубинные сельские территории. За последние 15–20 лет в России количество сельских школ уменьшилось примерно в 1,7 раза, больничных учреждений — в 4 раза, амбулаторно-поликлинических заведений — в 2,7 раза [3]. И в Татарстане была проведена точно такая же «оптимизация», в результате которой значительно сократилось количество средних и неполных средних общеобразовательных школ, больничных и социально-культурных учреждений.

Сегодня отдельные меры по сдерживанию депопуляции сельских территорий в России и Татарстане предусмотрены на уровне государственных программ, в которых обращается внимание также на сохранение национальных деревень и их самобытной культуры. Однако следует признать, что общее направление государственной политики ведет в основном к концентрации финансов, рабочих мест и, как следствие, населения в столичных и других крупных городах. Попытки сохранения численности национальных групп сельского населения и стимулирования миграции горожан в сельскую местность не работают, поскольку точечные меры проваливаются из-за отсутствия надлежащих условий для экономического и социокультурного развития сельских территорий и традиционных культур народов. В результате происходит расширение областей депрессивных сельских территорий, для которых характерно сокращение численности и замедление темпов воспроизводства сельского населения. Как известно, для простого воспроизвод-

ства населения на каждую тысячу жителей должно рождаться 14,3 ребенка. В этом плане в России неблагоприятно: всего 9,8 новорожденных на 1 тыс. жителей, в то же время в Азербайджане — 29,3, в Армении — 22,8, в Грузии — 18,7, в Казахстане — 23,4, в Киргизии — 30,1, в Таджикистане — 43,7, в Туркменистане — 34,3, в Узбекистане — 32,8 [4].

Конечно, ни в какой стране мира не существует хозяйственных систем, развивающихся без каких-либо экономических и социокультурных потерь и системных реорганизаций. Потери закономерны, во-первых, если речь идет о физически и морально изношенных объектах, и, во-вторых, при стратегическом обеспечении их модернизационной компенсацией при воспроизводстве необходимых условий для экономического и социокультурного развития территорий. Сегодня российским и татарстанским властям следует отказаться от политики борьбы с неэффективными сельскими поселениями методом «нет деревни — нет проблемы». Поскольку в процессе движения по самоедскому пути дискриминации сельской округи с последующей «оптимизацией» ее хозяйственной и социально-культурной инфраструктуры с целью превращения Казани и ряда других крупных городов Татарстана в агломерацию фактически формируется «черная дыра», поглощающая национальные историко-культурные и хозяйственно-бытовые традиции народов многоэтничной республики.

Литература

1. Никитина Г.А. Вымершие деревни как устойчивый феномен современности (на примере Удмуртии) // Историческая этнография: сборник научных статей. — СПб., 2014. — Вып. 5. — С. 102–106.

2. Шайдуллин Р.В. Деревня Татарстана в призме реформаций и трансформаций XX в. // Татарские населенные пункты и махали: история и проблемы возрождения: сборник научных статей / Под ред. Д.А.Шагавиева и М.Р.Гайнановой. — Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2015. — С. 168–181; Шайдуллин Р.В. К проблеме исчезнувших сельских населенных пунктов Республики Татарстан (XX — начало XXI вв.) // Проблемы региональной истории и музейно-краеведческая работа

в Татарстане: научный сборник / Под ред. А.А.Бурханова. — Казань, 2016. — С. 104–108; Шайдуллин Р.В. Разработка справочного издания «Исчезнувшие сельские населенные пункты Республики Татарстан»: научные методы сбора и обработки материалов // Региональные энциклопедии в современной научной инфокоммуникационной системе России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 29–30 сентября 2016 г.). — Уфа: Башк. энцикл., 2016. — С.149–153; Шайдуллин Р.В., Сибгатов Б.И., Сахавова Л.М. Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан: справочник. — Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. — 308 с. и др.

3. «Россия — страна умирающих деревень». Результаты исследования ЦЭПР. 13.12.2016. Пресс-служба ЦК КПрФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.opentown.org/news/135639/>.

4. Россия за последние 20 лет ... [Электронный ресурс]. — URL: <http://trueinform.ru/modules.php?name=News&sid=4001>.

УДК 94(=1.470.41-22)

**ИСТОЧНИКОВАЯ ОСНОВА СПРАВОЧНИКА
«ИСЧЕЗНУВШИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»**

**THE SOURCE BASE OF DIRECTORY «DISAPPEARED
SETTLEMENTS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN»**

Р.Ф.Шарипова
R.F.Sharipova

Аннотация. В статье рассматриваются историко-справочные и статистические материалы, использованные при написании справочника «Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан», в контексте источниковой презентабельности, дается краткий источниковедческий анализ изданиям, посвященным административно-территориальному делению Татарстана, за 1930–2000-е гг.

Ключевые слова: Татарстан, справочник, исчезнувшие населенные пункты, статистические источники.

Abstract. The article deals with historical reference and statistical materials used in the writing of the directory «Disappeared settlements of the Republic of Tatarstan» in the context of the source presentable, it provides a brief source analysis publications on administrative and territorial divisions Tatarstan is 1930–2000-ies.

Keywords: Tatarstan Republic, the directory, vanished settlements, statistical sources.

Каждое село, каждая деревня имеют свою историю. Когда и каким образом, почему появилась деревня? Почему ее не стало? Попала в зону затопления гидроэлектростанции или в промышленную зону, попала в разряд «неперспективных деревень» или в селении просто закрыли образовательное учреждение или магазин? По динамике исчезновения сел можно проследить картину общественно-политической обстановки в стране. Разберем процесс исчезновения сел по десятилетиям, начиная с периода коллективизации крестьянских хозяйств, когда исчезла большая часть мелких селений (хутора, выселки и др.). Толчок массово-

му исчезновению деревень дала политическая кампания по укрупнению колхозов в 1949–1953 гг. и последующая за ней борьба с «неперспективными деревнями» в 1950–1970-е гг. Причины исчезновения деревень для всех очевидны. Форсированная урбанизация и ряд других социально-экономических и общественно-политических факторов стали причиной исчезновения более чем 1200 населенных пунктов Республики Татарстан [1, с. 3]. Сегодня о многих деревнях и селах напоминают только заброшенные кладбища.

Для изучения исторических процессов и явлений, связанных с исчезновением населенных пунктов России и Татарстана, большое значение имеют статистические источники. Статистические источники — это довольно точный инструмент познания процессов, происходящих в обществе. Статистика имеет много разновидностей в зависимости от того, в каких отраслях она применяется (промышленная, сельскохозяйственная, демографическая, социальная, административная, военная, торговая и др.). Благодаря статистическим материалам мы имеем представление о национальном, социальном и половозрастном составе населения, состоянии городов и сел, географическом расположении населенных пунктов, обеспечении населения землей; они содержат сведения о лесах, сенокосах, проведении ярмарок и др. Наличие качественных статистических источников, отражавших развитие Российского государства и его различных национальных и административных субъектов, открывает перспективы для создания фундаментальных трудов по истории Российской Федерации и Республики Татарстан.

При подготовке справочника «Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан» [1], реализуемого в рамках Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)», были использованы разнообразные источники, среди которых наиболее научно значимыми были статистические издания об административно-территориальном делении Республики Татарстан, увидевшие свет в 1930–2000-е гг. [2]. Они являются важными источниками по истории населенных пунктов Татарстана, каждый из них несет в себе определенную долю информации о сельских поселениях, населяющих их народах. В каждом издании этих спра-

вочников приводится полный список населенных пунктов и сельских советов Татарстана, по которым можно проследить изменения в административно-территориальном делении республики. В них содержатся собранные местной администрацией данные о поселенческом статусе того или иного населенного пункта (село, деревня и др.), о расстоянии до ближайших административных центров, железнодорожных станций и речных пристаней и др. Причем большой интерес представляют данные о национальном составе населенных пунктов и количестве населения в них. В этом плане более подробная информация имеется только в издании 1930 г., составленном на базе данных Всесоюзной демографической переписи 1926 г. [3]. Кроме того, однотипность описаний населенных пунктов Татарстана в течение длительного периода предоставляет возможность охарактеризовать процесс развития каждого населенного пункта, сравнивая информацию по нескольким временным срезам. Сравнивая показатели количества населенных пунктов и численности их населения, а также анализируя сведения о наличии тех или иных элементов административной, хозяйственной, социокультурной инфраструктуры в разные годы, можно охарактеризовать развитие народонаселения и района в целом. Статистические сборники об административно-территориальном делении Татарстана дают достаточно интересную информацию о названии населенных пунктов республики.

На основе комплексного анализа статистических материалов этих сборников можно уточнить примерное время исчезновения многих населенных пунктов Татарстана. Но здесь есть и определенные трудности, прежде всего связанные с частыми районно-территориальными реорганизациями. В течение 40 лет (1930–1970-е гг.) территория Татарстана несколько раз подвергалась районному размежеванию, в процессе которого количество районов то увеличивалось до 70 (1944 г.), то уменьшалось до 18 (1963 г.) [4, с. 11]. Одновременно такая же чехарда реорганизаций происходила и с сельсоветами: то они укрупнялись, то, наоборот, делились. В ходе этих реорганизаций нарушалась устоявшаяся районно-административная сеть подчиненности населенных пунктов, часто деревни переходили из одного района или сельсовета в другой. Эти административно-

реорганизационные процессы происходили именно в период борьбы с «неперспективными деревнями», что еще больше осложняло поисковую работу исследователей, занимающихся составлением списка исчезнувших населенных пунктов. Достаточно интересна и эволюция наименований населенных пунктов. В изучаемый период деревни часто переименовывались в честь советских коммунистических бонзов (В.И.Ленин, И.В.Сталин, М.И.Калинин, К.Е.Ворошилов, Л.М.Каганович и др.), или им вновь возвращались прежние названия, особенно интенсивно это происходило после разоблачения культа личности Сталина, что также создавало определенную путаницу при поиске исчезнувших деревень. К тому же в Татарстане много деревень с однотипными названиями, которые находились в составе смежных районов, граничавших друг с другом.

Говоря вообще об изданиях об административно-территориальном делении Татарстана, следует отметить, что ни в одном из них не даны сведения об общем количестве населенных пунктов республики, в том числе в национальной динамике. В большей части справочников отсутствуют данные о количественном составе населения деревень и сел. К тому же не все издания содержат полные сведения о наличных населенных пунктах, к примеру, в них отсутствуют некоторые существующие мелкие поселения. Это объясняется тем, что в справочниках даны сведения только о деревнях и селах, зафиксированных в республиканском административно-территориальном реестре.

Важнейшими источниками являются также статистические материалы всесоюзных и всероссийских переписей населения СССР и Российской Федерации, в том числе Татарстана, хранящиеся в фондах Национального архива Республики Татарстан, в которых содержатся ценные сведения о численности жителей, размещении их по населенным пунктам, национальном составе и др.

Таким образом, комплексное использование разнообразных источников, как опубликованных, так и не опубликованных (архивных), позволило создать добротную документальную основу для написания справочника «Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан», который, несомненно, обладает

научной новизной, поскольку является первым опытом систематизации и обобщения материалов по истории исчезнувших сельских населенных пунктов Республики Татарстан.

Литература

1. Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан. — Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения Республики Татарстан», 2016. — 309 с.

2. Татарская АССР: Административно-территориальное деление на 1 июня 1940 года / Сост. Б.Абдуллин. — Казань: Таткнигоиздат, 1940. — 203 с.; Татарская АССР: Административно-территориальное деление на 1 января 1948 года / Сост. Г.С.Губайдуллин. — Казань: Татгосиздат, 1948. — 220 с.; Татарская АССР: административно-территориальное деление на 1 января 1956 года / Президиум Верховного Совета ТАССР; Сост. Б.М.Еникеев. — Казань: Таткнигоиздат, 1956. — 415 с.; Татарская АССР: Административно-территориальное деление на 1 марта 1960 года / Сост. И.Ш.Усманов. — Казань: Таткнигоиздат, 1960. — 307 с.; Татарская АССР: Административно-территориальное деление на 1 сентября 1963 года / Сост. И.Ш.Усманов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. — 356 с.; Татарская АССР: Административно-территориальное деление на 1 января 1966 года / Сост. И.Ш.Усманов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1966. — 364 с.; Татарская АССР: Административно-территориальное деление на 1 января 1972 года / Сост. И.Ш.Усманов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. — 340 с.; Татарская АССР: Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года / Сост. И.Ш.Усманов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. — 312 с.; Татарстан: Административно-территориальное деление на 1 января 1992 года / Сост. Б.Х.Сыромолотов. — Казань: Барс, 1992. — 317 с.; Административно-территориальное деление Республики Татарстан: Стат. сб. / Госкомстат РТ. — Казань, 1997. — 127 с.; Административно-территориальное деление Республики Татарстан / Федерал. служба гос. статистики; Госкомстат. — Казань: Комгосстат РТ, 2004. — 157 с.; Административно-территориальное деление Республики Татарстан (справ. по сост. на 1 апр. 2005 г.) / Кабинет РТ. — Казань: Центр инновационных технологий, 2005. —

457 с.; Численность и размещение населения Республики Татарстан / Федерал. служба гос. статистики, Ком. гос. статистики РТ. — Казань, 2004. — 15 с.; Списки сельсоветов и населенных пунктов по районам Т.А.С.С.Р. / ТАССР; Гос. Плановая Комиссия; Стат. сектор. — Казань, 1930. — 160 с. и др.

3. Списки сельсоветов и населенных пунктов по районам Т.А.С.С.Р. / ТАССР; Гос. Плановая Комиссия; Стат. сектор. — Казань, 1930. — 160 с.

4. Республика Татарстан: природа, история, экономика, культура, наука. — Казань: ГУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ», 2010. — 194 с.

**РАЗДЕЛ 4. ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ
БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

УДК 908

**А.М.АЛМАЕВА КАК ОРГАНИЗАТОР
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТАТАР
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

**A.M.ALMAJEVA AS THE ORGANIZER OF THE
NATIONAL-CULTURAL LIFE OF THE TATAR
OF THE CHELYABINSK REGION**

Г.М.Габдулхакова, Л.К.Галиева
G.M.Gabdulhakova, L.K.Galieva

Аннотация. В последние годы усилился интерес к изучению регионов компактного проживания татар. При этом обнаруживаются личности, достойные того, чтобы о них стало известно и за пределами этих регионов. Так, при ознакомлении с материалами по Челябинской области РФ мы узнали о талантливой и многогранной личности — Л.М.Алмаевой, которая своей активной жизненной позицией делает много для своего народа.

Ключевые слова: историк, учитель, общественный деятель, демократизация, национально-культурные объединения, регион, землячество, тюркские народы.

Abstract. In recent years, interest in studying the regions of compact living of Tatars has increased. At the same time, individuals who are worthy of being known about them outside of these regions are found out. So, when acquainted with materials on the Chelyabinsk region of the Russian Federation, we learned about the talented and multifaceted personality — L.M.Almayeva, who, with her active life position, does a lot for her people.

Keywords: historian, teacher, public figure, democratization, national-cultural associations, region, community, Turkic peoples.

Почти все регионы компактного проживания наших соплеменников можно назвать татарскими краями. Здесь живет немало людей, которые всей душой болеют за сохранение нации, языка, культуры, религии, не забывают свою историческую родину. Одной из таких является наша героиня — Л.М.Алмаева.

Алмаева Луиза Махмутовна — историк, политолог, научный консультант и член Исполнительного комитета Конгресса татар Челябинской области, член областной Общественной палаты.

Она родилась в 1942 г. в д. Нижней Кунашакского района Челябинской области. С детства мечтала стать историком, а еще точнее — ученым-историком. Окончив в 1959 г. Нижнедеревенскую среднюю школу, она приехала поступать в Челябинский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет. Но, написав сочинение по литературе на «тройку», вынуждена была уехать домой. Уже тогда в ее характере проявились целеустремленность, упрямство и максимализм. В сентябре 1959 г. она устроилась на работу старшей пионервожатой в Ново-Буринскую среднюю школу, поставив при этом перед собой две задачи: проверить, сможет ли работать учителем, быть педагогом; и «набить руку», чтобы написать сочинение только на «отлично». И весь учебный год вожатая вместе со своими воспитанниками писала все сочинения, которые только были во всех классах школы, при этом просила, чтобы учителя ставили ей оценки со всей строгостью.

Результат такого упорства не замедлил сказаться: пройдя немалый конкурс, она становится студенткой желанного факультета.

Все пять лет учебы студентка Алмаева в гуще событий: слушатель школы молодого лектора; с третьего курса на общественных началах учитель истории в школе №25 г.Челябинска; солистка академического хора института; участница соревнований по лыжам в сборной факультета и института.

По результатам государственного экзамена комиссия рекомендует Л.М.Алмаеву в аспирантуру, но она, гордо заявив, что не зря училась педагогике 5 лет, уезжает по распределению в свою родную деревню учителем истории и обществоведения.

Через полгода ее избирают депутатом в Кунашакский районный Совет народных депутатов. В школе Луиза Махмутовна

организует школьный хор, который становится победителем областного конкурса детских художественных коллективов; через год районное руководство предлагает ей должность секретаря по идеологии РК ВЛКСМ, а позже — секретаря по идеологии РК КПСС, но она категорически отказывается, т.к. цель по-прежнему четкая — стать ученым-историком. Два года учительства в селе Усть-Багаряк оставили заметный след в памяти земляков: многие из ее выпускников поступили в институты, успешно определились в жизни.

В октябре 1967 г. Л.М.Алмаева поступила в аспирантуру Челябинского государственного педагогического института. Научный руководитель Николай Кузьмич Лисовский, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, крупный ученый Урала и Сибири, предложил ей заняться проблемой национальной политики на Южном Урале. В ноябре 1973 г. в Казани ей присвоили ученое звание кандидата исторических наук после защиты диссертации на тему «Осуществление национальной политики на Южном Урале в 1917–1922 гг.».

45 лет проработала Луиза Махмутовна в вузах города Челябинска, успела поработать проректором по учебной работе, на других руководящих постах. Ею опубликовано достаточно много статей, монографий, методических и научных разработок, пособий для студентов. Большим признанием ее профессионализма, отличного педагогического мастерства было присвоение в 1989 г. ученого звания «доцент», а в 2006 году — звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Л.М.Алмаева всю свою общественную деятельность посвятила проблеме возрождения и развития народов России и, прежде всего, татар.

Все началось с темы кандидатской диссертации. Работая в течение трех лет в архивах Уфы, Оренбурга, Челябинска, Москвы, Санкт-Петербурга, общаясь с жителями области татарской и башкирской национальностей, она все больше и глубже понимала, насколько актуальными являются вопросы национальной политики, характера межнациональных отношений для многонационального государства. В советское время говорить,

тем более писать в докторской диссертации, а были и такие планы после защиты кандидатской, о противоречиях в национальных отношениях, о политике государства по ассимиляции народов и русификации наций, было категорически нельзя. Потому что официально был утвержден тезис: в СССР национальный вопрос решен полностью, окончательно и бесповоротно. Систематически проводились политические кампании в юбилейные годы образования СССР, союзных и автономных республик, на которых и демонстрировалась дружба народов, отсутствие проблем в развитии наций.

В те годы Л.М.Алмаева выступала с лекциями по линии общества «Знание» на различных семинарах и научных конференциях, проводимых партийными органами всех уровней, т.к. считалась специалистом по национальным отношениям на Южном Урале. объездила всю область, выступала перед самой различной аудиторией (школьники, студенты, преподаватели, партийные работники, рабочие цехов и заводов, полевые станы колхозов и совхозов и даже в местах заключения). И пыталась при этом эзоповым языком донести до слушателей, что не все так идеально в национальной политике КПСС. До сих пор люди удивляются, как ее тогда не наказали: видимо, аудитория уже была другая, не доносили. Такая общественная активность оценивалась высоко: у нее целая папка с почетными грамотами самых разных достоинств.

Не случайно пик общественно-политической деятельности Алмаевой Луизы Махмутовны приходится на конец 1980-х и 1990-е гг. Она была полностью готова и к горбачевской перестройке, и к бурным реформам 1990-х.

Демократизация общества вызвала бурный рост национального самосознания, впервые за всю историю России нерусские народы стали заявлять о себе, о своих правах. Можно было уже не стесняться своей национальности. Массовым проявлением почти что «взрывной» активности народов России была организация повсеместно национально-культурных объединений. Первым в Челябинской области в апреле 1988 г. возник татаро-башкирский культурный центр, основателем которого наряду с другими была и Л.М.Алмаева. Она же разработала его первый Устав. Позже свои центры создали и представители других на-

циональностей. Их общей целью было возрождение и развитие национальных культур, изучение родного языка, сохранение народных обычаев, традиций и др.

В январе 1993 г. Л.М.Алмаева разработала «Концепцию программы национального возрождения Кунашакского района Челябинской области», т.к. на его территории компактно проживали татары и башкиры (82,7% от общего числа жителей района). В мае того же года на ее основе руководством района была утверждена Программа развития Кунашакского района, рассчитанная «на длительную перспективу».

В дальнейшем общественная деятельность Л.М.Алмаевой приобрела государственный масштаб. Это связано с тем, что в 1990-е гг. правительство приступило к активному осуществлению национальной политики, планировалось разработать документы, определяющие основы национальной политики Российской Федерации, в том числе государственные программы возрождения и развития народов страны: межрегиональные, региональные и каждого этноса. В мае 1994 г. Правительство РФ за подписью В.С.Черномырдина издало распоряжение «Поручить... до конца 1 квартала 1995 года разработать и внести в Правительство проект Государственной программы возрождения и развития тюркских народов». Министерство по делам национальностей разослало указы по всем субъектам РФ, чтобы на местах разработали свои региональные программы и после этого составить общегосударственную.

Администрация Челябинской области поручила это ответственное дело Л.М.Алмаевой. К декабрю 1994 г. она представила «Концепцию программы возрождения и развития тюркских народов Челябинской области», а уже на ее основе администрация области разработала Программу с конкретными разделами, пунктами, цифрами и т.д.

Представители Министерства РФ по делам национальностей и региональной политике регулярно выезжали на места, чтобы обсудить ход работы над Программой. В конце 1994 г. такое совещание состоялось в Челябинске, где и было сказано, что из всех представленных проектов 29 субъектов одной из лучших признана Концепция Алмаевой Луизы Махмутовны. Одновре-

менно шла подготовка к созданию общественной организации по объединению тюркских народов.

В апреле 1996 г. состоялось учредительное собрание регионального отделения Конгресса тюркских народов России. Л.М.Алмаева выступила с докладом, она же разработала Устав, который был принят собранием. Председателем правления была избрана Л.М.Алмаева.

В сентябре 1995 г. состоялся I Учредительный съезд Конгресса тюркских народов Российской Федерации. Челябинская делегация была одной из многочисленных, а Л.М.Алмаева была избрана в состав исполкома Конгресса.

В ноябре 1996 г. Министерство РФ по делам национальностей и региональной политике приняло решение о создании Международной тюркской академии (МТА). На учредительное собрание в Москву от Челябинска была командирована Л.М.Алмаева. Одним из учредителей академии был и Челябинский областной татаро-башкирский культурный центр (1988). Луиза Махмутовна была избрана действительным членом МТА. После приезда из Москвы она организовала проведение Учредительного собрания по созданию Челябинского отделения МТА. Основной целью деятельности академии было определено «Содействие в проведении фундаментальных и прикладных научных исследований, направленных на решение актуальных проблем тюркских народов и межнациональных отношений» (из свидетельства о регистрации МТА Министерством Юстиции РФ от 16 января 1997 года).

В конце 1996 г. Государственная программа РФ «Возрождение и развитие тюркских народов» (на 1996–2005 гг.) окончательно была разработана и внесена на утверждение Правительства. Но Премьер-министр В.С.Черномырдин ушел в отставку и не успел ее подписать. Впоследствии в стране произошли кризисные события, закончившиеся дефолтом 1998 г., и Программа так и не была реализована. Под различными предлогами Министерством РФ Конгресс тюркских народов РФ не был зарегистрирован.

Вскоре Л.М.Алмаеву назначают консультантом по национальным вопросам администрации Челябинской области, что означало признание ее как специалиста в вопросах националь-

ной политики. В июле 1995 г. в этом качестве она едет на парламентские слушания в Москву, где обсуждались вопросы национальной программы действий в области социальной политики.

Тем временем в деятельности национально-культурных объединений стали проявляться тенденции к обособлению, что объяснялось трудностями работы «в одиночку». Вот тогда и возникла идея объединения всех центров в некую общую организацию, где, при сохранении их автономности, можно было координировать, согласовывать свои действия. Первым шагом к этому стало проведение областного научно-практического семинара в июне 1995 г. «Основные проблемы национально-культурной политики». С основным докладом выступила Л.М.Алмаева. Представители центров предложили создать среди ученых постоянно действующий научно-практический центр; организовать отдел по делам национальностей при областной администрации и др. Но по ряду причин они не реализовались. На помощь пришел выход важнейшего документа, которого ждали лидеры национального движения страны. Это «Концепция государственной национальной политики Российской Федерации», подписанная Президентом РФ Б.Н.Ельциным в июне 1996 г., в которой указывалось о необходимости создания ассамблей народов в субъектах Федерации.

Челябинцы немедленно прореагировали на это. В декабре состоялась Учредительная конференция представителей 11-ти областных национальных объединений, где с основным докладом выступила Л.М.Алмаева. Не удивительно, что она была одним из авторов Устава и всех резолюций конференции. Было принято решение о создании Ассамблеи народов Челябинской области, избран Совет, его председателем единогласно выбрали Л.М.Алмаеву. В течение 3-х лет она руководила Ассамблеей.

Знаменательно, что Челябинская Ассамблея была одной из первых среди субъектов Федерации. Их опыт использовали и другие регионы. В январе 1998 г. Луизу Махмутовну пригласили в Москву в Белый дом на заседание Консультативного совета по делам национально-культурных автономий при Правительстве Российской Федерации. Там она выступила с докладом «Об опыте организации и деятельности Ассамблеи народов Че-

лябинской области». В июне 1998 г. в г. Челябинск приезжает председатель Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ В.Ю.Зорин и встречается с Алмаевой, чтобы обсудить вопрос о создании Ассамблеи народов России. В июле того же года в Москве состоялась Учредительная конференция по созданию всероссийской Ассамблеи, где Алмаева вошла в состав оргкомитета и была избрана членом Совета. В течение 4-х лет она была одним из заместителей председателя совета Ассамблеи народов России Абдуллатипова Рамазана Гаджимуратовича.

В августе 1997 г. Челябинская делегация присутствовала на II Всемирном конгрессе татар в г.Казани, где Л.М.Алмаева сообщила в своем выступлении о положении татар, проживающих за пределами Республики Татарстан. Тогда и родилась идея у всех членов делегации об организации областного Конгресса татар.

В марте 1998 г. состоялось заседание I Областного конгресса татар Челябинской области. Основные документы разработала Л.М.Алмаева. Главным документом Конгресса стала «Программа национального возрождения татар Челябинской области», автором которой была Алмаева. В настоящее время она является научным консультантом Конгресса и участвует в проведении многих мероприятий.

В 2000-е гг. Л.М.Алмаева продолжает принимать активное участие в национальном движении. Выделим основные вехи ее активной деятельности:

- член Общественного совета по национальным вопросам при Законодательном собрании Челябинской области, входит в группу ученых по разработке «Концепции региональной национальной политики Челябинской области»;

- входит в состав официальной делегации для поездки в Казань во время проведения дней Челябинской области в Республике Татарстан;

- член делегации (принимающая сторона) во время проведения дней Республики Татарстан в Челябинской области.

Все эти годы Л.М.Алмаева выступает по областному телевидению, публикует множество статей на страницах городских и областных газет по вопросам межнациональных отношений,

деятельности общественных организаций — участников национального движения, о роли государства в национальной политике.

За свою многолетнюю деятельность Л.М.Алмаева награждена многочисленными грамотами Ассамблеи народов Челябинской области, Областного и Всемирного конгресса татар, правительства и губернатора области, благодарственными письмами Законодательного собрания Челябинской области. В 2014 г. администрация г. Челябинска провела конкурс «Ее величество — женщина». Л.М.Алмаева стала победителем в номинации «Лидер общественного движения».

Л.М.Алмаева и сегодня остается одним из лидеров в движении за развитие всех народов, населяющих Челябинскую область, оказывая всестороннюю помощь в работе Областного конгресса татар, других национально-культурных объединений, Ассамблеи народов Челябинской области, являясь членом ее Совета.

**ТАТАРСКАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
1940–1950 ГГ.***

**TATAR CREATIVE INTELLIGENTSIA OF THE
INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY
1940–1950**

А.Ф.Закиров
A.F.Zakirov

Аннотация. В статье анализируются особенности работы Татарской творческой интеллигенции Института языка, литературы и истории 1940–1950 гг., а также научная и творческая деятельность научных работников ИЯЛИ по изучению истории, этнографии, языка, литературы и культуры татарского народа.

Ключевые слова: Казанский филиал Академии наук СССР, Институт языка, литературы и истории, ТАССР, история, наука, литература, исследования, ученые, Великая Отечественная война.

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the work of the Tatar creative intelligentsia of the Institute of Language, Literature and History of the 1940-1950 years, as well as the scientific and creative activities of the researchers of the Institute of Language, Literature and History on the history, ethnography, language, literature and culture of the Tatar people.

Keywords: Kazan branch of the Academy of Sciences of the USSR, Institute of Language, Literature and History, TASSR, history, science, literature, research, scientists, Great Patriotic War.

Во второй половине XIX и начале XX в. исследования гуманитарных проблем местного края проводились в основном в Казанском университете, а по мере открытия других учебных заведений в Казани, Уфе, Оренбурге и др. городах — и в них. В связи с образованием в мае 1920 г. Татарской Республики исследования значительно расширяются, выходят за рамки вузов, организуются специальные научно-исследовательские общества и центры. Самым значительным из них был Академический

центр, образованный при Наркомпросе Татарстана в 1921 г. Ученые, объединенные вокруг этого центра, выпускали журналы «Вестник научного общества татароведения», «Татарстан», монографии, учебники и учебные пособия [5, с. 28].

В 1929 г. руководство республики признает необходимость создания Татарского НИИ, которому суждено было открыться лишь через 10 лет — в октябре 1939 г. в виде НИИ языка и литературы при Совнаркоме Татарстана. Вскоре на него были возложены и задачи исследования проблем истории татарского народа и местного края. Так, с февраля 1941 г. Институт приобрел статус Татарского НИИ языка, литературы и истории. Большую работу, направленную на идеологическое вооружение советских людей, проводили работники гуманитарного профиля, прежде всего, ученые кафедр общественных наук и Института языка, литературы и истории. Перед учеными стояла задача создания подлинной истории татарского народа и региона. В 1943 г. Татарским обкомом ВКП (б) и СНК при Институте языка, литературы и истории была создана комиссия по сбору и изучению материалов Великой Отечественной войны. Это придало системность и регулярность в сборе источников. Научные работники Института занялись сбором и сохранением личных и публичных писем воинов Красной Армии, выявляли публикации центральной печати, которые касались истории республики и фронтовиков, призванных из ТАССР, велся поиск документов. Были установлены связи с редакциями татарских фронтовых газет. Такая работа была поставлена на научную основу и находила отражение в исследованиях. Ученые стремились осмыслить происходящие события и явления. К данной работе подключился Союз писателей ТАССР. Результатом совместной работы было издание в 1946 г. «Книги героев (О героизме татарского народа в Великой Отечественной войне)» «Жину юлы». Общественность была ознакомлена с подвигами земляков — Героев Советского Союза — Магубы Сыртлановой, Газинура Гафиатуллина, военных подвигах и ратном труде на фронтах войны под Москвой, Сталинградом, Курском, Ленинградом [4, с. 173].

В связи с ростом патриотических настроений в стране активизировалась работа по изучению героических страниц в на-

циональной истории. Это вызвало резкую реакцию со стороны центральных властей, увидевших в данной тенденции «рост буржуазного национализма». Ситуация усугублялась принятием постановления ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. Гуманитарные исследования в республике проводились в Институте языка, литературы им. Г.Ибрагимова. В институте трудилась плеяда выдающихся деятелей литературы татарского народа. Такой синтез научной и писательской деятельности позволял широко представлять на суд общественности как научные, так и литературные труды. В этом заключалась уникальность института.

Некоторые ученые института, за некоторым исключением, имели по несколько фундаментальных научных трудов (как опубликованных, так и в рукописи). Так например, доктор исторических наук профессор Н.И.Воробьев опубликовал монографии: «Казанские татары», «Чувашия» и несколько десятков статей. Старший научный сотрудник Х.Г.Гимади — автор ряда глав и ответственный редактор «Истории ТАССР», вместе с М.К.Мухарямовым издал книгу «Советская Татария — детище октября».

Например, Я.Х.Агишев со дня основания работал в институте старшим научным сотрудником, с 1946 по 1951 гг. на кафедре татарской литературы Казанского педагогического института. Занимаясь литературно-творческой деятельностью, научной разработкой важных проблем татарской литературы и татарского литературоведения, он создает ряд трудов, научных монографий литературно-критических статей по вопросам татарской литературы. В монографии «Творчество Габдуллы Тукая (общественно-политические мотивы)» [1, с. 48] в соавторстве с И.Пехтелевым была представлена эволюция творчества поэта во взаимосвязи с фактами биографии, было раскрыто историческое значение творчества Габдуллы Тукая. Следует заметить, что Я.Агишев параллельно занимался педагогической деятельностью, он принимал деятельное участие в разработке учебных программ по татарскому языку и литературе, составлении учебников и хрестоматий для VI–X классов общеобразователь-

ных школ. Также он внес большой вклад в исследование вопроса периодизации истории многовековой татарской литературы.

Многие научные сотрудники Института языка, литературы и истории являлись членами Союза писателей ТАССР. Один из старейших писателей М.Гали, наряду с созданием рассказов, пьес и романов обогатил татарское литературоведение исследованиями, монографиями, литературно-критическими статьями по истории татарской литературы, созданием литературных портретов отдельных писателей прошлого и современников. М.Гали принадлежит более 70 различных работ по литературе, литературоведению и литературной критике. Наибольший интерес представляет его монография о выдающемся драматурге татарского народа Г.Камале — «Г.Камал. Жизнь, творчество, значение его в татарской литературе и татарской культуре». Также М.Гали написал многочисленные статьи о просветителях татарского народа — Ибрагиме Хальфине, Ш.Марджани [2, с. 41], о поэтах XVIII в. — Акмулле, Эмми Камале. Также он исследовал творчество языковеда, педагога и каллиграфа Гали Махмуда, творчество Мажита Гафури. Заведя отделом рукописей в Институте языка, литературы и истории, М.Гали ввел в научный оборот неизданные рукописи Каюма Насыри. Важным вкладом в татарское литературоведение являются его научные исследования — «Краткие очерки по истории татарской литературы XVIII века», «Просветители конца XVIII и начала XIX веков», «Перспектив по истории татарской литературы XVIII и XIX веков» и другие. Также М.Гали работал в сфере переводов — им переведены на татарский язык произведения И.С.Тургенева, Жюль Верна.

С 1949 г., после окончания аспирантуры в Институте языка, литературы и истории трудится Байян Гиззат, который сочетает, как и многие научные сотрудники института, научно-исследовательскую работу с общественной деятельностью. Достаточно сказать, что Б.Гиззат был заместителем партбюро Казанского филиала Академии наук СССР, депутатом городского совета, возглавлял секцию в Татарском отделении Всесоюзного общества «Знание». В тот период оно именовалось «Общество по распространению политических и научных знаний». Еще в довоенный период Б.Гиззат публиковал в молодеж-

ной печати стихотворения, а после окончания Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) занялся научной работой. Сферой его научных интересов явилась история татарской литературы, проблемы татарского литературоведения. Он внес большой вклад в исследование творчества первого пролетарского писателя, классика татарской литературы, видного общественного деятеля Гафура Кулахметова (1881–1918 гг.). Большая часть исследования, в виде очерка «Гафур Кулахметов» вошла в коллективную монографию «Татарская литература начала XX века» (авторы Г.Халит, Х.Хисматуллин, Б.Гиззат) [2, с. 281]. В данном очерке Б.Гиззат исследует эволюцию взглядов и мировоззрения Г.Кулахметова, рассматривает его деятельность в социал-демократических организациях, участие в революционных событиях. В историческом аспекте с использованием хронологического принципа Б.Гиззат проводит обзор произведений и публицистических статей, выявляет их значимость. Автор изучил большой массив периодической печати, архивных материалов, мемуарной литературы, поэтому ему удалось достичь глубины исследования политических и литературных взглядов Г.Кулахметова.

Следующим направлением научных интересов Б.Гиззата было исследование поэзии революционного периода, а также изучение татарской драматургии. Б.Гиззат уделяет большое внимание творчеству известного татарского драматурга Тази Гиззата. В результате, им была написана монография «Драматург Тази Гиззат». Тази Гиззат известный артист и драматург, познав сценическое мастерство, он достиг художественного мастерства. За период 30-летней артистической деятельности он создал не только сценические образы, но и написал выдающиеся пьесы. Среди них знаменитые: музыкальная драма «Наемщик» (1925), музыкальная комедия «Башмачки» (1942), которые завоевали широкую популярность, не только в республике. Следует отметить, что они до сих пор не сходят с театральных афиш. Б.Гиззат уловил национальный характер данных произведений, и его исследование актуально и в настоящее время.

Большой вклад в развитие татарского литературоведения и критики внес Гали Халит, который с 1943 г. работал старшим

научным сотрудником Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР. Научный интерес привел его к исследованию творчества старейшего татарского писателя Мажита Гафури. Он внес ценный вклад в развитие татарской критики и библиографии. Им проанализированы драма М.Файзи «Галиябану», повести Ш.Камала, драмы Г.Камала. Научные интересы Гали Халита были обширны, и его исследования не прекращались и в годы Великой Отечественной войны. В 1941 г. он поднял теоретические проблемы татарской современной литературной критики, в 1942 г. подвел в статье краткие итоги развития татарской литературы за 25 лет, как бы дополняя предыдущие исследования. В послевоенный период он анализировал творчество известных поэтов-фронтовиков — Ш.Мударриса, Ф.Карима. Им была написана статья «Татарская литература в годы Отечественной войны» (1945) [7, с. 45]. Его волновали вопросы татарской критики и литературоведения, теоретические проблемы движения татарской литературы. Некоторые его статьи вошли в сборник «Вопросы реализма в татарской литературе» (1948). Главным трудом его жизни было изучение творчества и литературного наследия классика татарской и башкирской литературы Мажита Гафури. Он был первым литературоведом, который обратился к титанической фигуре, принадлежащей двум народам. Впервые был обобщен и систематизирован фактический материал жизни и творчества писателя, дан анализ мировоззрения в контексте исторических и политических событий в стране, в тесной связи с развитием многонациональной литературы, путь от мелкобуржуазных взглядов до принятия революции 1917 г. Творчество Мажита Гафури охватывает почти все литературные жанры, поэтому исследование ученого многогранно и цельно. Гали Халит обратил внимание на взаимоотношения двух корифеев татарской литературы Мажита Гафури и Габдуллы Тукая. Г.Халит внес большой вклад в изучение творческой и общественной деятельности Габдуллы Тукая. В 1956 г. была издана монография «Габдулла Тукай и татарское литературное движение в начале XX века». Он принимает участие в составлении и редактировании академических изданий сочинений классиков татарской литературы — Мажита Гафури, Габдуллы Тукая, Галимжана Ибрагимова и др.

Академические ученые ТАССР не только занимались исследованиями, но вносили большой вклад в образовательный процесс. Как было видно выше, многие занимались общественной деятельностью, творчеством, преподаванием. Гали Халит принимает активное участие в создании учебных программ и пособий по литературе для средней общеобразовательной школы.

Материалы и результаты проведенных научно-исследовательских работ по истории Татарии 1947/1948 учебного года стали использоваться при преподавании истории в средних школах и вузах Татарской республики. К примеру, исследования по татарской диалектологии использованы при составлении учебника по диалектологии татарского языка для татарских педагогических училищ, который был издан Министерством просвещения ТАССР в 1947 г. Уже с 1948 г. они применялись при составлении программы, при чтении курса лекции по татарской диалектологии на историко-филологическом факультете Казанского университета и на факультете татарского языка и литературы Казанского педагогического института. Широко использовались при обучении на этих факультетах результаты научно-исследовательских работ по истории татарской литературы, морфологии татарского языка, грамматике русского и татарского языка в сравнительном их освещении, татарскому фольклору. Результаты работ по морфологии татарского языка, истории татарской литературы, татарскому фольклору нашли отражение в программах по татарскому языку, татарской литературе, русскому языку для 5—10 классов татарских средних школ, изданных Министерством просвещения ТАССР в 1948—1950 гг. А также были широко использованы авторами при составлении учебника по морфологии татарского языка (издан в 1947 г.), учебников и хрестоматий по татарской литературе для 5—10-го классов татарской средней школы, изданных Министерством просвещения ТАССР и «Татиздатом» в 1947—1948 и 1950 гг. [13, с. 32—33].

Другой яркой фигурой является Хамит Ярми. Задолго до занятий непосредственно научной работой Хамит Ярми проявляет интерес к татарскому фольклору. В 1939 г. он переходит работать в Институт языка, литературы и истории в качестве научного сотрудника по фольклору, где организует ряд фольк-

лорных экспедиций в районы республики, а также за пределы ТАССР, изучая фольклор сибирских татар. С 1945 г. он занимается сбором, систематизацией и исследованием устно-поэтического творчества татарского народа. В тесном сотрудничестве с писателями Г.Башировым, А.Шамовым, Х.Усмановым, А.Ахметовым он подготовил ряд фольклорных сборников — «Народное творчество», «Татарские народные сказки», «Татарские народные песни», «Татарское народное творчество», «Татарские загадки». Некоторые сборники были переведены не только на русский, но и на китайский языки. Данные сборники сразу же завоевали популярность у вдумчивого и требовательного читателя. Хамит Ярми является автором научных работ и статей, в которых он произвел периодизацию развития татарского фольклора, выявил актуальные проблемы изучения, а также исследовал творчество отдельных писателей.

Хамит Ярми освещал и исследовал различные этапы развития татарского фольклора, выявлял проблемы, характерные для того или иного периода, которые часто были обусловлены историческими событиями, происходящими в стране и находящими отклики в народном творчестве. В них выражалось отношение народа, его восприятие тех или иных событий, которые преломлялись в народном, общественном сознании. Среди его работ можно выделить «Баиты первой империалистической войны [9, с. 42], которые были опубликованы в 1942 г. Целью публикации было пробудить патриотические чувства, которые мобилизовали народ на отпор врага. Хамит Ярми и в военные годы занимался сбором устного народного творчества, в результате его деятельности в 1946 г. были опубликованы в соавторстве с писателем Гумаром Башировым статья «Фольклор Великой Отечественной войны» [10, с. 46]. Такой деятельности способствовало и постановление правительства ТАССР о сборе материалов о Великой Отечественной войне (1943 г.). Среди известных публикаций Хамита Ярми можно назвать «Татарский народный поэт Габдулла Тукай и фольклор» [11, с. 48], «Деятельность Каюма Насыри в области собирания и изучения татарского фольклора» [12, с. 129], «Народный поэт М.Гафури и фольклор».

Таким образом, Хамит Ярми широко охватывал проблематику фольклора, видел в нем истоки творчества татарских писателей. Поэтому источником народности творчества он видел в фольклоре, опоре на нацию. И в этом, по его мнению, популярность Габдуллы Тукая, Мажита Гафури. Ученые Института языка, литературы и истории всегда, как видим выше, были многогранны и не ограничивались только научной работой. Также и Хамит Ярми занимался педагогической деятельностью, являясь неизменным автором разделов по татарскому фольклору в учебниках для общеобразовательной школы. Хамит Ярми известен и тем, что является переводчиком гимна Советского Союза на татарский язык.

Среди историков Института языка, литературы и истории можно назвать Х.Г.Гимади, Г.М.Хисамутдинова, А.Х.Халикова. После постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. изучение истории Татарской АССР и татарского народа было деформировано. Многие темы замалчивались, но появились темы, изучение которых поощрялось. Поэтому в этот период в основном проводятся исследования, которые не касаются запретных тем. Х.Гимади разрабатывал тему положения Татарии в Первой мировой войне, также исследовал проблему Февральской буржуазно-демократической революции на территории Татарстана, изучал историю Татарской АССР за 40 лет. Х.Хасанов исследовал деятельность социал-демократа Хусаина Ямашева. Х.Гимади, Г.М.Хисамутдинов приняли участие в подготовке фундаментального исследования Н.Ф.Калинина «Казань. Исторический очерк».

Татарские лингвисты издали «Толковый словарь татарского языка» в трех томах. Наиболее плодотворный этап в деятельности литературоведов института начинается с 50-х годов. С 1953 г. Институт языка, литературы и истории возглавил Хасан Хайри. Литературная деятельность Хасана Хайри началась в 1930-е гг., он писал стихи, очерки, статьи на актуальные темы периода индустриализации во время первых пятилеток. Хасан Хайри вошел в татарское литературоведение как талантливый критик. Его перу принадлежат более ста критических статей, рецензий. Литературно-критические статьи Хасана Хайри вошли в сборники «Искание» и «Литература и жизнь» (1953). Ха-

сан Хайри исследовал теоретические проблемы развития социалистического реализма как господствующего литературного метода, принятого в СССР; связи с основоположником метода социалистического реализма Максимом Горьким и его роли в становлении национальных литератур, обогащение метода литературы; Хасаном Хайри были подняты актуальные проблемы теории поэзии и формализма в творчестве. Им были созданы очерки об Аделе Кутуе, Нур Баяне, Фатихе Кариме, Сибгате Хакиме плеяде татарских поэтов-фронтовиков. Известны статьи Хасана Хайри о творчестве акына казахского народа Джамбуле, о литературном критике Б.Г.Белинском, А.С.Пушкине, М.Е.Салтыкове-Щедрине, великом русском драматурге А.Н.Островском.

Хасан Хайри известен как исследователь жизни и творчества классика татарской поэзии Хади Такташа. Научная монография «Хади Такташ» — это результат многолетних исследовательских изысканий, итог изучения литературно-творческой деятельности поэта. Здесь следует заметить, что поэтическая фигура и факты биографии Хади Такташа противоречивы и не всегда вписывались в марксистско-ленинские каноны социалистического реализма. Некоторые выводы, сделанные в монографии, требуют дополнительного исследования, но являясь поэтом — символистом, ученым литературоведам удалось сохранить наследие поэта для татарского народа, поэтому приходилось некоторые факты замалчивать [8, с. 56]. Хасан Хайри является автором всех изданий учебников и хрестоматий для 9 и 10 классов татарских школ.

С этого времени ученые приступают к осуществлению уникальной задачи по созданию научной многовековой истории татарской литературы. В 1954 г. выходит коллективная монография «Татарская литература начала XX века» (авторы Г.Халит, Х.Хисматуллин, Ф.Гизатуллин), в которой впервые сделана попытка раскрыть идейно-эстетическое богатство национальной литературы этого периода [6, с. 281]. Заметной вехой в деятельности лексикографов является издание в 1955–1959 гг. большого четырехтомного «Русско-татарского словаря», составленного коллективом ученых: Р.Газизовым, Л.Т.Махмутовой, М.Г.Гимадиевым и Г.С.Амировым. Большую работу, направленную на идеологическое вооружение советских людей, проводили работники гумани-

тарного профиля, прежде всего, ученые кафедр общественных наук и Института языка, литературы и истории. Среди них: Х.Г.Гимади, Н.Ф.Калинин, В.Н.Хангильдин, М.Х.Гайнуллин, Л.З.Заяй и др. Усилиями татарских фольклористов были созданы 12 томов научного свода «Татарское народное творчество» — сокровищницы устных преданий народа. Татарские лингвисты издали «Голковый словарь татарского языка» в трех томах [3, с. 175–176].

Таким образом, можно сделать вывод, что вклад академической науки в развитие научного потенциала республики, культуры и образования в рассматриваемый период был плодотворен и огромен. Исследования ученых в ТАССР в годы Великой Отечественной войны работали, прежде всего, на оборону. В данном случае можно выделить два направления: естественно-техническое и гуманитарное. Если в области естественно-технических наук исследования носили практико-ориентированный характер и обеспечивали нужды народного хозяйства страны, то в сфере гуманитарных наук — поднимали моральный дух советских людей, ориентировали на Победу. Руководство страны больше поддерживало технические (инженерные) изыскания, поощряя их и видя в них решение стоящих перед страной задач — поиск нефти, развитие химии и т.п.

В сфере гуманитарных наук ученые не могли в полную силу реализоваться, так как темы исследования не только навязывались сверху, но и регулировалось проблемное поле исследования, а некоторые «научные» выводы уже заранее были сделаны в партийных кабинетах. Поэтому тематика исследований носила односторонний характер, в русле постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Ученым предлагалось пересмотреть свой взгляд на этногенез татарского народа, игнорировать роль Золотой Орды в истории татарского народа и обратить внимание на факты сближения с русским народом. По сути, историки превращались в пропагандистов пресловутого постановления. Данное постановление вызвало «внутреннюю эмиграцию» у историков. Тем не менее, был сделан большой вклад в создание учебников и пособий. Во многом данные плоды есть ре-

зультат содружества академических, вузовских ученых, творческой интеллигенции.

* Исследование осуществлено в рамках реализации проекта № 13-48-хГ/2017 «Народы Татарстана в контексте становления и развития академической науки в Татарстане в 1930 — 1950-е гг.»

Литература

1. Агишев Я., Пехтелев И. Творчество Габдуллы Тукая. Общественно-политические мотивы. — Казань: Таткнигоиздат, 1948.

2. Гали М. Ибрагим Халфин и Марджани // Совет эдэбияты. — 1940. — №4; Книга Эмми Камала // Совет эдэбияты. — 1941. — №5.

3. Кабирова А.Ш. Сороковые — роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. — Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011.

4. Книга героев (Татарский народ в Великой Отечественной войне) / Сб. под ред. К.Наджми. — Казань: Таткнигоиздат, 1946.

5. Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Академический центр Татарии: 1920-е годы. — Казань, 2002.

6. Халит Г., Хисматуллин Х., Гиззат Б. Татарская литература начала XX века. — Казань: Таткнигоиздат, 1954.

7. Халит Г. Татар эдэбияты Ватан сугыш елларында // Совет эдэбияты. — 1945. — №6.

8. Хайри Х. Хади Такташ о литературной критике // Совет эдэбияты. — 1956. — №6.

9. Ярми Х. Байты первой империалистической войны // Совет эдэбияты. — 1942. — №3.

10. Ярми Х., Баширов Г. Фольклор Великой Отечественной войны // Совет эдэбияты. — 1946. — №5.

11. Ярми Х. Татарский народный поэт Габдулла Тукай и фольклор: Сб. материалов научной сессии ИЯЛИ. — Казань, 1948.

12. Ярми Х. Деятельность Каюма Насыри в области собирания и изучения татарского фольклора: Материалы научной сессии, посвященной 120-летию со дня рождения. — Казань: Изд-во ИЯЛИ КФАН, 1948. — С. 129.

13. Центральный Государственный архив историко-политической документации РТ. — Ф. 4557. — Оп. 1. — Ед. хр. 22.

УДК 94(394)

**МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР КАЗАХСТАНА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**MUSICAL CULTURE OF THE TATARS OF KAZAKHSTAN:
HISTORY AND MODERNITY**

Ф.Г.Миниханов
F.G.Minikhanov

Аннотация. Статья посвящена анализу этнокультурных процессов, происходящих в татарской диаспоре Казахстана. На примере развития музыкальной культуры, как составной части духовной жизни общества, автор выявляет важнейшие факторы и тенденции, которые играют определяющую роль в развитии национальной культуры.

Ключевые слова: ансамбли, диаспора, духовная культура, искусство, казахи, лауреаты, международный, музыка, национальная культура, татары, фольклор.

Abstract. This article analyzes the ethno-cultural processes taking place in the Tatar Diaspora of Kazakhstan. For example, the development of musical culture as an integral part of spiritual life of society, the author identifies critical factors and trends that play a crucial role in the development of national culture.

Keywords: ensembles, Diaspora, spiritual culture, art, Kazakhs, laureates of international music, national culture, Tatar folklore.

История татарского народа, проживающего вне своей исторической родины, относится к одной из малоизученных тем отечественной историографии. Изучение этнических групп, дисперсно проживающих в разных частях света, в том числе и в Республике Казахстан, является одним из приоритетных направлений исторической науки и регионоведения. Эта задача актуальна и тем, что после распада СССР татары Казахстана получили статус диаспоры.

Массовое переселение татар на территории современного Казахстана относится к концу XVIII — началу XIX в. [7, с. 126–127]. Первоначальными местами их расселения были Уральск и

крепости Иртышской линии — Петропавловск и Семипалатинск. [3, с. 170]. Вместе с элементами материальной культуры они привнесли и духовную, в том числе музыкальную культуру [см. 5, 10]. Особо отметим, что музыкальная культура казахстанских татар неоднородна. В музыкальном творчестве семипалатинских татар наиболее ярко проявляются черты взаимовлияния казахской и русской культурных традиций. Музыкальная культура «китайских» татар, переселившихся в Казахстан в 1950–60-е гг., отличается бережным сохранением наиболее старинных образцов татарских мелодий и в то же время большим количеством мелодий нового фольклора, песен-ассимилянтов. В музыкальном творчестве уральских татар — потомков наиболее ранних переселенцев, а также чимкентских татар тесно переплелись традиции исконно национальные и среднеазиатских культур. Кроме того, на развитие татарской музыкальной культуры оказывали влияние множество факторов: сходство и близость языков тюркоязычных народов, интенсивность контактов с татарами других районов России, прежде всего с татарами Поволжья и Приуралья, наличие национальных культурно-образовательных институтов в местах компактного проживания татар и др. Татарская музыкальная культура оказывала благотворное влияние на развитие музыкальной культуры коренных народов Средней Азии. Оно связано «с наличием европейской городской культуры у татарских переселенцев, а также определенных точек соприкосновения во взаимодействующих культурах татарского и казахского народов» [10, с. 240]. Интерес к татарской культуре казахов в конце XIX — начале XX в. был вызван и общей тенденцией к усилению связей с русской и европейской культурами. Татарская литература, театр и музыка стали связующим звеном в освоении казахами специфических форм европейской культуры.

Первоначально музыкальная культура казахстанских татар развивалась в рамках семейно-традиционных отношений. Среди основных форм татарской песенной культуры переселенцев широкое распространение получили песенные стили озын кэй (протяжная мелодия) и кыска кэй (короткая мелодия), а также традиция чтения нараспев стихотворных произведений (баитов, дастанов, такмаков и др.), включающая вокальное интонирование

ние. Особо важную роль в развитии музыкальной культуры играла культура чтения Корана нараспев, которой шакирды обучались в медресе и мектебах, а также в домашних условиях. Песнями, плясками, театрализованными сценками сопровождалась свадебные обряды. Сохранился у татар–переселенцев еще и такой вид семейно-обрядовых напевов, как гостевые песни, исполняющиеся во время застолий. Это «кодалар кэе, межлис кэе, исполнение колыбельных песен — бишек жырлары и др.» [8, с. 28–30]. С формированием джадидизма в татарском обществе на рубеже XIX–XX вв. музыкальная культура татар «постепенно стала приобретать общественный досуговый характер» [10, с. 240]. Концерты татарской музыки входили в программы литературных вечеров татарской общественности, проходившие в различных городах.

В 1906 г. в Уральске, Семипалатинске и других городах стали проводиться литературно-музыкальные вечера, которые в течение значительного времени оставались излюбленной формой музыкального просветительства, характерной для татарской культуры. Разнообразный репертуар имел певец и общественный деятель уралец Камил Мотыги, который не только пел, но и читал стихи, иногда исполнял русские песни и песни других народов в переводе на татарский язык [9, с. 37]. Активным организатором и участником таких вечеров был Габдулла Тукай, которого «уже в медресе Мутыйгия прозвали певцом». «Из этой с детства зародившейся в моей душе любви к песням развилась у меня и любовь к родному слову», — писал поэт, вспоминая уральский период своей жизни и творчества [6, с.322–323]. Молодого поэта интересовали не только татарская музыка, татарские песни, но и творчество других народов, особенно казахское песенное творчество. Он записывал в синюю тетрадь казахские сказания, песни, видел их исполнение, слушал кюи. Позднее, в Казани, Тукай использует собранный материал для выступления с лекцией в «Восточном клубе»: «Как у казахов, — говорил он, — так и у нас до сих пор бытует обычай отвечать друг другу песней на песню. Но у нас такие песенные диалоги выходят не столь складно и гладко, как у казахов» [6, с. 322]. Нужно отметить, что о музыкальных вечерах, проводимых в Уральске, писали издания, где работал молодой Тукай:

«Фикер», «Аль-Гаср аль-джадит», «Уклар», которые распространялись в Казани, Уфе, Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани, Оренбурге. В одном из номеров журнала «Аль-Гаср аль-джадит» Г.Тукай опубликовал свою статью «Эдэбият ахшамы, яки литературно-музыкальный вечер» [10, с. 378].

В период строительства социализма в СССР многие народы страны, в том числе и татары, утратили большинство национальных, культурно-сценических институтов. В 1940–1970-е гг. были закрыты национальные школы, свернута деятельность театральных трупп и концертных ансамблей, действовавших в Казахстане. Это привело к сужению музыкальной культуры татар до семейно-бытового уровня, а также к оттоку значительной части татарских композиторов, музыкантов и представителей других видов сценического искусства в Казань, Москву, Уфу и др. российские города.

В этих условиях «национальное искусство татар становится отдельной, «узкой» областью в общей музыкальной культуре Казахстана» [10, с. 240]. Музыкальная культура перестала быть составляющей высокой духовности. По мнению ряда исследователей, в советское время татарская национальная культура в регионах России и тогдашнего СССР фактически прекратила свое существование [3, с. 74]. А татарская музыка, татарские песни преимущественно исполнялись лишь на различных культурно-массовых мероприятиях, концертах национальной музыки, семейных торжествах.

Возрождение национальной, в том числе музыкальной, культуры татарской диаспоры Казахстана связано с началом политики «перестройки» во второй половине 1980-х гг. Отметим, что основой для создания условий для возрождения татар стали качественные изменения в самом Татарстане, создание Всемирного конгресса татар, который осуществляет координацию деятельности национально-культурных организаций и татарских общин регионов Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья. Перестроечные ветры вернули интерес к своей культуре. Люди стали объединяться в общественные и культурные организации, постепенно интерес к национальной культуре стал приобретать осмысленные формы. Об этом свидетельствует появление многочисленных самодеятельных коллек-

тивов. Так, в 1989–1990 гг. в Семипалатинске (ныне г. Семей) начали функционировать татарский народный фольклорно-этнографический ансамбль «Истэлек», детский вокальный и хореографический и инструментальный ансамбль «Кунелле балачак», татарские народные ансамбли баянистов «Ильхам», песни и танца «Иртыш моннары» [12, с. 346]. Основателем и первым художественным руководителем этих музыкальных коллективов является заслуженный работник культуры Республики Татарстан, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, видный татарский общественный деятель, меценат, педагог, музыкант Г.Г.Ахунжанов [4, с. 19, 24]. В середине 1990-х гг. в Шымкенте были созданы эстрадные коллективы «Торна тавышлары», «Сарман», «Дуслык нурлары», ансамбль песни и танца «Идель» [см. 11, 12]. Большую роль в пропаганде татарского музыкального искусства играют: хореографический ансамбль «Яшьлек», детский вокально-хореографический ансамбль «Умырзая» (г. Алматы), вокально-хореографический ансамбль «Чишма», ансамбли «Мирас», «Чишма», «Яшь канатлар» (г. Павлодар), «Язгы моннар» (г. Актобе), «Муннар», «Сююмбике» (Караганда), «Яшьлык» (Абай). [10, с. 346].

Последнее время культурную активность татар Казахстана вызывают масштабные фестивали татарского искусства, конкурсы национальной музыки и песни, которые проходят в различных областях Казахстана, а также во многих регионах России: «Уйнагыз, гармуннар!», «Татар жыры» (Казань), «Кэзге Иртыш моннары», «Беловодье», «Юный музыкант» (Семипалатинск, Караганда), «Наследники Сююмбике» (Ялта), «Сибирская чайхана», «Сибирское созвездие» (Новосибирск), «Искер Джиен» (Тобольск), «Душа России» (Омск), «Тан йолдызы», «Сибирские татары» (Тюмень) и др.

Такие фестивали, безусловно, пробуждают интерес к родной культуре, способствуют выявлению талантов. Своим национальным колоритом, разнообразием жанров, красочными костюмами молодые таланты из разных городов пропагандируют национальное музыкальное искусство.

Особо важную роль в развитии музыкальной культуры казахстанских татар играет Татарская школа искусств, основанная в 1992 г. Г.Ахунжановым [10, с. 344–346]. Это единственная

в Казахстане иноязычная школа искусств, где обучение ведется на татарском языке. В школе преподаются такие предметы, как хоровой и сольный вокал, теория музыки, хореография, поэтика, композиция, изобразительное и декоративно-прикладное искусство. Большой популярностью у учеников пользуются занятия по игре на музыкальных инструментах: баяне, фортепиано, гитаре, домбре, скрипке, флейте. Кроме того, углубленно изучаются песенное, инструментальное и танцевальное искусство татарского народа, казахская и русская музыка и классика. За годы своего существования школа успешно готовит музыкантов мирового уровня. К их числу относятся Руслан Тураев, Дания Хайбуллина, а также Тимур Абдикеев, Эльдар Абдуллов, Камилла Нурбекова, Альбина Хайбуллина, Ринат Сайфутдинов, Вадим Зарипов. «Все они составляют гордость Казахстана и Татарстана», — сказал Премьер-министр Республики Татарстан Ильдар Халиков на встрече с активом татаро-башкирских этнокультурных объединений Казахстана в г. Актобе в июле 2012 г. [10, с. 345]. Школа воспитала десятки лауреатов республиканских конкурсов и фестивалей. Есть примеры и международного признания ряда исполнителей. Так, Дания Хайбуллина (класс фортепиано) стала обладательницей Гран-при международного конкурса в Казани, диплома I Международного конкурса пианистов в Сан-Марино-2004 (Италия), завоевала 1-е место на Международном конкурсе им. Артабалевской в Москве. С большим успехом прошли концерты Диаза Мусалимова в Италии, Испании, Франции, Китае, Швеции. В 2010 г. баянист Эльдар Абдуллов занял 1-е место на Международном конкурсе «Астана-Мерей». Многие выпускники являются студентами Казахского национального университета искусств, Алматинской государственной консерватории им. Курмангазы, Новосибирской государственной консерватории им. Глинки, Российской академии музыки им. Гнессиных (Москва) [10, с. 345].

Школа ежегодно иницирует, организует и проводит Международный фестиваль-конкурс татарского искусства «Көзге Иртыш моңары» («Осенние мелодии Иртыша»). Дети и их педагоги участвовали и стали лауреатами фестивалей в городах Казахстана, а также в Казани, Ялте, Новосибирске, Омске, Санкт-Петербурге, Уфе, Тюмени, Тобольске, Бердске и др.

Совместно с Татарской школой искусств успешно сотрудничают три татарских народных коллектива городского Дворца культуры: ансамбль баянистов «Ильхам», ансамбль песни и танца «Иртыш моннары», фольклорно-этнографический ансамбль «Горлэвек» («Ручеек»), детский вокальный ансамбль «Борчаклар». Школа участвует во всех городских культурно-массовых мероприятиях, национальных праздниках, проводит благотворительные шефские концерты в средних общеобразовательных школах, детских домах, Доме престарелых и инвалидов, является инициатором постоянно действующего цикла литературно-музыкальных вечеров «Семием — туган калам» «Семипалатинск — Родина моя», посвященных выдающимся семипалатинцам-семейчанам всех национальностей [10, с. 346].

Большой вклад в развитие татарской музыкальной культуры вносят татарские общественные, татаро-башкирские культурные центры областей и городов Казахстана. Активной пропагандой и популяризацией музыкального и сценического культурного наследия татарского народа занимаются видные татарские энтузиасты и меценаты Г.Г.Ахунжанов, А.Г.Гараева, Р.Н.Валиуллина, Г.Измайлова, М. и Н. Ниязовы, Р.Манашев, Р.Закиров, Г. и И. Сибгатуллины, Р.Насыров и др. [10, с. 346–347]. Отметим особую роль Галимжана Ахунзянова, лидера Татарского общественного центра Семипалатинска, который принимает самое активное участие в общественно-политической и культурной жизни татар Казахстана [4]. Он является основателем и художественным руководителем, спонсором татарского народного ансамбля песни и танца «Иртыш моннары», татарского детского вокально-хореографического и инструментального ансамбля «Кунелле балачак», татарского фольклорно-этнографического ансамбля «Истэлэк». В 1996 г. им основан музей татарской культуры в Семипалатинске, в 2006 г. — частный фонд «Международный фестиваль татарского искусства «Иртыш моннары». В 2001 и 2003 гг. он подготовил к печати и издал песенники казахстанских татар «Жиде Пулат. Иртыш моннары» [1]. Благодаря усилиям Г.Ахунжанова удалось зарегистрировать и сохранить единственную в Казахстане иноязычную школу искусств [3, с.170].

В последнее время для финансовой поддержки самодеятельных коллективов и талантливой музыкально одаренной молодежи стали создаваться общественные фонды (Центр татарской культуры «Золотая тюрков колыбель», «Международный фестиваль татарского искусства «Иртыш моннары» и др.) [10, с. 435].

В заключении отметим, что возрождение национального и культурного наследия, утерянных элементов музыкальной и духовной культуры татар Казахстана является актуальной задачей. Большой вклад в дело сохранения и развития музыкальной культуры вносят татаро-башкирские национально-культурные общества, музыкально-сценические коллективы, татарская школа искусств, меценаты, благотворители, спонсоры, а также самодеятельные художественные коллективы, которые являются постоянными участниками городских, областных, республиканских концертных программ, мероприятий, проводимых Ассамблеей народа Казахстана, татаро-башкирскими культурными центрами, местными органами власти. Их яркие выступления можно увидеть на праздниках: Сабантуй, Науруз, День родного языка, День единства народа Казахстана, День победы. В трогательной обстановке проходят благотворительные концерты ансамблей в детских домах, домах-интернатах, перед инвалидами и ветеранами войны и труда, в школах, колледжах республики. В целом, татарская диаспора Казахстана достигла значительных успехов в сохранении, развитии и обогащении своей духовной культуры, прилагает большие усилия для сохранения национальной идентичности в сложных условиях современного мира.

Литература

1. Ахунжанов Г.Г. Жиде Пулат. Иртыш моннары. Песенник. — Семипалатинск: Ямашевские ворота, 2001. — 71 с.
2. Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах. — СПб: Типография Мин-ва внутр. дел, 1887. — 60 с.
3. Закиров Р.З. Татары в меняющемся мире. Очерки этнополитической истории в XX — начале XXI вв. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. — 207 с.

4. Купцова В.Э. Замечательный татарин. — Семей: Ямашевские ворота, 2011. — 99 с.
5. Махмутов З.А. Татары Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы. — Казань: Яз, 2015. — 156 с.
6. Миниханов Ф.Г. Поэтическая родина Тукая: уральский период жизни и творчества поэта (1895–1907) // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований. — Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2016. — Вып. 8. — 366 с.
7. Миниханов Ф.Г., Хабибуллин М.З. Татаро-киргизские культурные связи во второй половине XIX — в начале XX вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры. — 2014. — № 3. — С. 126–130.
8. Сайдашева З.Н. В мире татарской музыки: Сборник статей. — Казань: Казан. государственная консерватория, 1995. — 220 с.
9. Салитова Ф.Ш. Очерки истории татарской музыкальной культуры: Учебное пособие / Казан. пед. ун-т. — Казань, 1997. — 119 с.
10. Татары Казахстана: иллюстрированный энциклопедический справочник / Под ред. Р.В.Шайдуллина. — Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. — 480 с.
11. Татаро-башкирский культурный центр, г.Шымкент [Электронный ресурс]. — URL: www.tatar-centre.ucoz.kz (дата обращения: 12.04.2017).
12. Ассоциация татарских и татаро-башкирских культурных центров РК [Электронный ресурс]. — URL: www.idel.kz (дата обращения: 12.04.2017).

**ИЗВЕСТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ТАТАРСКОЙ
ДИАСПОРЫ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

**FAMOUS REPRESENTATIVES OF THE TATAR DIASPORA
OF THE TOMSK REGION**

Л.Р.Халилова
L.R.Khalilova

Аннотация. Героизм, любовь татарского народа к своей Родине, Отечеству в полной мере проявились в Великой Отечественной войне. Плечом к плечу с сынами многих других национальностей многомиллионного советского народа воин-татарин сражался, проявляя отвагу и мужество таких высот, каких достигали подлинные герои. Им присваивалось самое высокое в нашей стране звание — Герой Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Герой Советского Союза, Красная Армия, Центральный фронт, Курская дуга, р.Днепр.

Abstract. The heroism, love of the Tatar people to the Homeland, the Fatherland were fully shown in the Great Patriotic War. Shoulder to shoulder the Tatar soldier battled against sons of many other nationalities of the multimillion Soviet people, showing courage and courage of such heights what were reached by true heroes. It gave the highest rank in our country — the Hero of the Soviet Union.

Keywords: Great Patriotic War, Hero of the Soviet Union, Red Army, Central front, Kursk arch, Dnieper River.

Звание Героя Советского Союза — высшая степень отличия — учреждено Постановлением ЦИК СССР от 16 апреля 1934 г. Присваивалось за личные или коллективные заслуги перед Советским государством и обществом, связанные с совершением героического подвига. Герою Советского Союза вручались: высшая награда СССР — орден Ленина, знак особого

отличия — медаль «Золотая Звезда» и грамота Президиума Верховного Совета СССР [7, с. 9]

Во время ВОВ удостоены звания Героя Советского Союза 11519 человек. Среди Героев Советского Союза — представители большинства наций и народностей СССР, в том числе русских — 8160 человек, украинцев — 2069, белорусов — 309, татар — 161, евреев — 108, казахов — 96, грузин — 90, армян — 90, узбеков — 69, мордвинов — 61, чувашей — 44, азербайджанцев — 43, башкир — 39, осетин — 32, марийцев — 18, туркмен — 18, литовцев — 15, таджиков — 14, латышей — 13, киргизов — 12, удмуртов — 10, карелов — 9, эстонцев — 8, калмыков — 8, кабардинцев — 7, адыгейцев — 6, абхазцев — 5, якутов — 3, молдаван — 2 [1, с. 205].

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала величайшим сопротивлением для страны, для всех ее народов. Потребовались героические усилия, чтобы отразить нашествие завоевателей — фашистских агрессоров. Все народы СССР оказались едины в том, чтобы, несмотря ни на что, отстоять независимость этой огромной страны. В героической и самоотверженной борьбе татарский народ не был исключением. Данная статья на примере отдельного человека рассматривает вклад татарской нации, в частности томских татар, в дело защиты общего Отечества. Наравне с другими городами Томск принял участие в войне и оставил свой след в истории страны. Почти 50 тысяч человек (треть довоенного населения Томска), около 40 промышленных предприятий, 15 учреждений, 16 научно-исследовательских институтов и вузов были эвакуированы в город. 129 тысяч жителей Томска и районов области мобилизованы на фронт. Большинство томичей уходило на фронт маршевыми ротами, отдельными батальонами и командами. Томские формирования принимали участие в крупнейших сражениях, томичи дошли до Берлина, воевали на Дальнем Востоке. Более 60 тысяч человек погибли [4].

Среди прославленных имен, получивших высокие звания Героев Советского Союза, звучат имена татарских героев-томичан Фарраха Камалдинова, Шамиля Рахматуллина, Хамзы Мухамадиева.

Героический подвиг этих бойцов проявился в крупнейших битвах в истории Второй мировой войны. Одна из них — Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 г.). Поражение немецко-фашистских войск в Сталинградской битве и в ходе наступления советских войск зимой 1942–1943 гг. подорвали военную мощь и моральный дух армии Германии. Но гитлеровское командование не теряло надежды переломить ход войны в свою пользу. В Германии провели всеобщую мобилизацию, армию оснастили новой боевой техникой (танки «Тигр», «Пантера», самоходные орудия «Фердинанд»). Направлением удара фашисты избрали Курский выступ, где просматривалась возможность окружить войска Центрального и Воронежского фронтов и разгромить их внезапным ударом. Однако советское командование на основании данных разведки разгадало это намерение и сосредоточило крупные силы для отпора и последующего наступления. На рассвете 5 июля 1943 г. на противника неожиданно обрушился огонь «катюш», орудий и минометов, а 12 июля войска перешли в наступление. В этот же день в районе ст. Прохоровки состоялось грандиозное танковое сражение, завершившееся победой советских танкистов. Окончательным итогом Курской битвы можно считать освобождение городов Орел и Белгород (5 августа), а 23 августа был взят Харьков [1, с. 392].

В борьбе на Курской дуге прославил свое имя уроженец д.Нуркай Томского уезда Томской губернии (ныне Кривошеинского района Томской области) старший лейтенант Фаррах Камалдинов. В феврале 1934 г. он ушел в Красную Армию через Томский горвоенкомат добровольцем. Служил в береговой обороне на Камчатке, участвовал в боях с японскими войсками у оз. Хасан в 1938 г., в составе лыжного батальона в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. На фронтах Великой Отечественной войны с июня 1941 г. В составе войск Западного, Центрального, Воронежского и 1-го Украинского фронтов принимал участие в Смоленском сражении (1941 г.), Курской битве (1943 г.), боях за р. Днепр (1943 г.), за освобождение Украины и Польши, в Берлинской и Пражской (обе — 1945 г.) наступательных операциях [8, с. 201]. К июлю 1943 г. младший лейтенант Фаррах Камалдинов командовал взводом автоматчиков

410-го стрелкового полка 81-й стрелковой дивизии 13-й армии. В ночь с 4 на 5 июля 1943 г. в районе г. Малоархангельска взвод Камалдинова отразил немецкие контратаки на вверенном ему участке обороны. Три раза Камалдинов поднимал своих бойцов в контрнаступление. В тех боях взвод уничтожил 6 тяжелых и 1 легкий танк, а также около 200 солдат и офицеров противника. Будучи раненым Камалдинов продолжал командовать взводом. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» младший лейтенант Фаррах Камалдинов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [3]. Командование присвоило ему звание лейтенант и назначило командиром роты. Камалдинов награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями. В 1946 г. уволен в запас. С 1980 г. жил в г. Темиртау Карагандинской области (Республика Казахстан). Имя Ф.Г. Камалдинова увековечено на родине в селе Кривошеино Кривошеинского района Томской области на мемориале воинам-землякам, павшим в годы Великой Отечественной войны, памятной стеле, на Мемориале «Вечный огонь» в г. Караганде.

В эти суровые дни проявил героизм уроженец д. Серебряковки Томского уезда Томской губернии [5] гвардии старший сержант Хамза Нурсалимович Мухамадиев (по другим данным, место рождения — с. Таргын, ныне Уланского р-на Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан). 26 июля 1941 г. мобилизован Уланским РВК Восточно-Казахстанской области. В составе войск Центрального, Воронежского и 1-го Украинского фронтов принимал участие в битвах по освобождению Правобережной Украины и Польши, в Берлинской и Пражской (обе — 1945 г.) наступательных операциях [9, с. 303]. Помощник командира взвода 205 гвардейского стрелкового полка 70-й гвардейской стрелковой дивизии 13-й армии старший сержант Хамза Мухамадиев 6 июля 1943 г. заменил в бою погибшего командира взвода и в сражениях у с. Самодуровки Курской области с 6 по 15 июля 1943 г. лично поджег 8 танков противника. Руководимый Мухамадиевым взвод уничтожил 27 вражеских

танков и истребил 397 солдат и офицеров противника. В тех боях он был контужен, но остался в строю. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 г. гвардии старшему сержанту Х.М.Мухамадиеву присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» [11, с. 79]. Среди других наград — орден Отечественной войны 1-й степени, медали. Имя Героя Советского Союза Х.М.Мухамадиева увековечено на Аллее Героев у Монумента славы в г.Новосибирске.

После разгрома фашистских войск на Курской дуге Советская Армия перешла в наступление на огромном фронте от Великих Лук до Черного моря. С 22 сентября по 6 ноября 1943 г. произошла грандиозная битва, вошедшая в историю под название «Форсирование Днепра». В первой половине сентября 1943 г. войска Центрального фронта прорезали немецкий фронт и выдвинулись к Днепру. 21 сентября первыми вышли к берегу и на следующий день с ходу форсировали Днепр силами 13-й армии Центрального фронта в районе Чернобыля. В течение всего октября немцы безуспешно пытались выбить наши войска с захваченных плацдармов. Бои шли жестокие, т.к. противник располагал явным преимуществом в технике и снабжении. К концу октября генерал Ватутин произвел скрытую для противника перегруппировку, перебросив часть войск с Букринского плацдарма в Лютеж. Усиленная таким образом ударная группа прорвала оборону противника и 6 ноября вошла в Киев. Путь к освобождению Правобережной Украины был открыт [12].

В наступательной операции по захвату и удержанию плацдарма на р.Днепре совершил подвиг гвардии капитан Шамиль Саидович Рахматуллин. Уроженец г.Томска до Великой Отечественной войны жил в Казани. В Красной Армии с 1939 г. На фронтах войны с 1941 г., командовал артиллерийской батареей 275-го кавалерийского полка 112-й Башкирской добровольческой кавалерийской дивизии. В составе войск Центрального фронта участвовал в Сталинградской битве (1942–1943), в Ворошиловградской и Черниговско-Припятской операциях (обе — 1943). В сентябре 1943 г. назначен командиром 146 артиллерийско-минометного полка 14-й гвардейской кавалерийской

дивизии 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. 30 сентября 1943 г. в районе пгт Лоева (Гомельская область, Белорусская ССР) его артиллерийско-минометный полк под огнем противника переправился на правый берег и на захваченном плацдарме более суток отражал контратаки вражеской пехоты, что способствовало переправе через Днепр всей кавалерийской дивизии. Плацдарм на западном берегу р.Днепра был удержан благодаря отваге и мужеству артиллеристов и личному героизму гвардии капитана Рахматуллина, не покинувшего своего наблюдательного пункта, несмотря на массированный огонь артиллерии противника и бомбежку с воздуха. Погиб в бою 01.10.1943 г. в результате прямого попадания снаряда самоходной пушки «Фердинанд» в наблюдательный пункт [6]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1944 г. за образцовое выполнение боевого задания командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [11, с. 95]. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды. Похоронен в братской могиле в Чернигове (Украина). Его именем названы улица и переулок в Чернигове, улица в Казани. Имя Ш.С.Рахматуллина высечено на мемориальных досках вместе с именами всех 78 героев Советского Союза 112-й Башкирской (16-й гвардейской Черниговской) кавалерийской дивизии, установленных в Национальном музее Республики Башкортостан и в Музее 112-й (16-й гвардейской) Башкирской кавалерийской дивизии в г.Уфе [10, с. 42].

В заключении отметим, что в рамках одной статьи невозможно вспомнить всех поименно, тем более раскрыть, как во всем величии проявилась духовная мощь советского народа, упорного в бою за правое дело, способного на любые жертвы и лишения во имя процветания Отечества. Война оставила свой след в каждом отдельном доме, в каждой конкретной семье. Однако и горечь поражений, и радость победы были всеобщими. В память о воинах-гомичах, погибших в годы войны, в Лагерном саду г.Томска сооружен грандиозный Монумент славы. Среди высеченных фамилий пехотинцев, артиллеристов, летчиков, танкистов, партизанов значатся имена Ф.Г.Камалдинова,

Х.Н.Мухамадиева, Ш.С.Рахматуллина. Ежегодно в День Победы сюда приходят тысячи жителей города, чтобы почтить память павших защитников.

Литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 832 с.
2. Золотые Звезды томичей: биобиблиограф. указ. — Томск: Ветер, 2009. — 200 с.
3. Камалдинов Фарах Гимадеевич [Электронный ресурс]. — URL: [http:// warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7069](http://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7069) (дата обращения: 20.09.2017).
4. Каравалева А.Г. Достойные страны победителей [Электронный ресурс]. — URL: <http://gato.tomica.ru/publications/region/archive2000–2009> (дата обращения: 23.09.2017).
5. Латыпова Т.З. Бестрашный сын татарского народа [Электронный ресурс]. — URL: [http://myvistory.ru/ latypova/fearless-son](http://myvistory.ru/latypova/fearless-son) (дата обращения: 05.10.2017).
6. Рахматуллин Шамиль Саидович [Электронный ресурс]. — URL: [http:// pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek-nagrazhdenie150027678](http://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek-nagrazhdenie150027678) (дата обращения: 01.10.2017).
7. Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. — М.: Известия, 1984. — 304 с.
8. Татарская энциклопедия. Т. 3. — Казань, 2006. — 664 с.
9. Татарская энциклопедия. Т. 4. — Казань, 2008. — 768 с.
10. Татарская энциклопедия. Т. 5. — Казань, 2010. — 736 с.
11. Томск в судьбе Героев: Краткий биографический справочник Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы I степени. — Томск: Издательский дом D-Print, 2005. — 168 с.
12. Форсирование Днепра войсками Центрального фронта (Киевская наступательная операция 1943 года) [Электронный ресурс]. — URL: <http://old.duma.tomsk.ru/page/24469> (дата обращения: 01.10.2017).

РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

ГАЗИ КАШШАФ — РЕЦЕНЗИЯ ОСТАСЫ

ГАЗИ КАШШАФ — МАСТЕР РЕЦЕНЗИЙ

GAZI KASHSHAF IS A WIZARD OF REVIEWS

Ф.Р.Бадрутдинова, А.Г.Яруллина
F.R.Badrutdinova, A.G.Yarullina

Аннотация. В статье рассматривается творчество известного татарского театрального критика Гази Кашшафа как мастера рецензий.

Ключевые слова: Г.Кашшаф, театр, спектакль, критик, режиссура, актерское мастерство.

Abstract. The article is devoted to the creativity of the well-known Tatar theatrical critic Gazi Kashshav as a wizard of reviews.

Keywords: G. Kashshav, theatre, performance, critic, stage direction, acting technique

Татар мәдәниятенә ярты гасырга якын фидакарьләрчә хезмәт иткән Гази Кашшаф — хаклы рәвештә «Татар энциклопедиясе» битләрендә урын алган шәхес. Әдәбият галиме, әдәбият һәм театр тәнкыйтчесе, педагог һәм дәрәслекләр авторы, журналист һәм жәлилче буларак танылу алган әдип мирасыннан театрның гомуми мәсьәләләренә караган өлеше яктыртылган мәкалә дөнья күргәннән соң [3, 292–304 б.], аның ижатын әлеге юнәлештә өйрәнүне дәвам итәргә булдык, чөнки мәкаләнең йомгагында әйтелгәнчә, Г.Кашшаф — спектакльне карау белән үз фикерен озакка сузмыйча, еш кына шул ук төнне кәгазьгә төшереп, матбугат аша укучыга житкереп барган, спектакльне зур коллективның: режиссер, аның ярдәмчесе, ассистентлары, рәссам, композитор, актерлар, шулай ук күпсанлы ярдәмче хезмәткәрләр — яктыртучылар, сәхнә машинистлары, сәхнә эшчеләре, гримерлар,

костюмерлар, парикмахерлар һ.б.ның уртак хезмәт нәтижәсе итеп караган һәм тикшерү объекты иткән тәнкыйтьче. Эдипнең ижатын тирәнтен өйрәнгән галимә Л.Ш.Бәдретдинова: «...тәнкыйтьченең ижатында театр мохитен, драматургия үсешен яктырткан мәкаләләр саны йөзгә якын», — дип билгеләп үтә [2, 126 б.].

Әлеге мәкаләбездә Г.Кашшафның театр рецензияләренә багышлана. Үзенең бу жанрга караган язмаларында тәнкыйтьче режиссура мәсьәләләренә киң туктала. Ул пьесаның төп идеясен, аның эчтәлеген һәм юнәлешен, һәр эпизодның мәгънәсен аңлауда режиссерның роле, аның тирән һәм дөрөс фикерләве бик мөһим дип саный. «Режиссер — спектакльнең иң кирәкле көче. Тик ул көч төрле жирләргә чәчелгәндә генә тамашачыга барып җитә ала, — дип яза ул сугышка кадәр рецензияләренең берсендә. — Режиссер — авторга һәм артистларга тиешле ижат юнәлеше бирергә тиешле кеше» [13].

Г.Кашшаф спектакльнең жанр чишелеше, аның тышкы формасы, стиле, пьеса стиле белән спектакль стиле арасындагы уртаклык һәм аерманың да тулаем диалект режиссер күзаллавыннан торына һәрвакыт басым ясып. «Чикләвек төше» рецензиясендә тәнкыйтьче: «Безнең карашыбызча, сәхнәләштерелгән әсәренң һәм постановканың бердәм стиле юк. Моннан бер нәтижә ясыпсыбыз килә: татар театрының тормыш-көнчүреш драма-комедияләрен куюда ярты гасырдан артык традициясе бар. Һәм шул традиция режиссерны әсир иткән. Ә героик әсәрләр куюда, ни әйтсәң дә, безнең традициябез бай түгел. Күбрәк схемалар, штамплар белән генә чикләнәбез», — дип яза [15]. Тәнкыйтьче, шуннан чыгып, режиссер пьесаның эчтәлегенә үтеп керә алса, аны тулаем һәм детальләрдә дөрөс аңласа гына, дөрөс жанр һәм стиль чишелешен таба, алай гына түгел, автор әйтергә теләгәнне киңәйтә һәм тирәнәйтә, авторның фикерен алга таба үстерә ала дигән нәтижәгә килә. Әгәр театр драматургны аңламаса яки әсәргә берьяклы гына якын килсә, спектакльнең ялгыш юнәлештә китүе, хәтта аның жанры да үзгәрүе мөмкин. Авторның драмасы режиссер ялгыш аңлаганга гына сәхнәгә комедия булып чыккан, автор тамашачыны уйландырырга,

дулкынландырырга телэгән урыннарда режиссер фатихасы белән залда күнелле көлү яңгыраган чаклар аз түгел.

Драматург һәм язучы А.Гыйләжевның гажәеп үзенчәлекле һәм тирән эчтәлекле пьесаларының режиссер тарафыннан ялгыш укылуы аркасында начар спектакльләргә әйләнүе турында Г.Кашшаф зур бер ачыну белән яза: «Режиссер һәм драматург. Болар икесе дә әсәрне яхшы яки начар итеп күрсәтә ала торган ижат кешеләре. Яшь язучы А.Гыйләжев бер сезонда ике драма тәкъдим итте. Ләкин аның ике драмасы да тиешле югарылыкта куелмады. Беренче чиратта аңа режиссер ярдәме булмады. Режиссер Р.Тумашев һәм Ш.Сарымсаков иптәшләр яшь язучы алып килә торган яңалыкны, яңа сүзне, яңа идеяне аңлап бетерә алмадылар һәм шуна күрә драмаларның зур идеясе залда тиешенчә яңгырый алмады» [8].

Икенче бер рецензиясендә тәнкыйтьче бу күренешкә капмакаршысы очраклары турында «әгәр сәхнәгә куючы ижади якин килсә, күптән таныш әсәр дә өр-яңа яктан ачылып китәргә мөмкин, үз карамагында булган һәртөрле алымнар һәм дәрәс чаралар — музыкаль эффект, яктырту, спектакльнең темпы һәм ритмы, мизансценалар ярдәмендә талантлы режиссер сәхнә әсәренә яңа гомер бирә ала» [12, 128 б.] дигән фикер уздыра.

Режиссер кулланган алымнар — уңышлымы, уңышсызлымы — тәнкыйтьченең һәрвакыт игътибар үзәгендә. Аны бу алымнарның тышкы эффекты түгел, ә эчке мәгънәсе кызыксындыра: пьесада яктыртылган тормышны тагын да тирәнрәк чагылдыруга хезмәт итәме ул, яки житәрлек уйланмаган бер күренеш, чираттагы «шаккатризм» гынамы? «Сәхнәгә яктылык төшкәнче караңгылык эченнән Рокьяның шәл бөркәнгән башы күренә. Ул, һәрбер картина саен кыска-кыска монологлар сөйләп, вакыйгалар арасындагы бушлыкны тутыра. Бу — уңышлы табылган алым, һәм без шул монологлардан Рокьяның < ... > характерын аңлайбыз», — дип яза тәнкыйтьче «Чикләвек төше» рецензиясендә [15]. Режиссер белән актерның тырышлыгы бер ноктага юнәлгән очракта гына, тәнкыйтьче режиссер тапкан алымнарның тагын да уңышлы һәм отышлы кулланылуы турында әйтә. Тагын бер рецензиядән мисал: «... икенче пәрдәдә Самсон йомышчы малайны, орышып, типкәләп жибәрә, малай нәкъ приказчик Лазарь янына очып барып төшә.

Лазарь /Р.Шәрәфиев/ исә, шуны гына көтеп торган төсле, малайны икенче якка тибеп жибәрә. Монда театраль эффект кына түгел, ялагай приказчикның характеры да яхшы чагыла» [9, 167 б.].

Гази Кашшаф, тәҗрибәле тәнкыйтьче буларак, режиссерның ижади эзләнүләрендәге күлөгәле яklarны да тиз күреп ала. Илһамланып, мавыгып китү аркасында чама чиген узып китү күренешләре, эстетик нормалардан ашкан кыланулар, арзанлы көлү уята торган «тозлы» сүзләрнең «ләззәтенә» бирелүләр һәрвакыт тәнкыйтьченең кискен бәясен ала килә. «Сәнгатьтә чама тойгысы дигән нәрсә бар. Чак-чак кына арттырып жибәрсәң дә, чак-чак кына китереп житкәрмәсәң дә, сәнгатькә зарар килә. Я тупас натурализм борын төртә, я зәвыксызлык килеп чыга», — дип яза ул спектакльнең бердәм, тигез агышын ямьсезләүче күренешләр турында [11].

Сәхнә алымнары, режиссерның теге яки бу «курсивы» сәхнәләштерүчегә спектакльне жанландыру, аны чын театраль тамаша итү өчен генә кирәк дип уйларга ярамый. Андый курсивларга мөрәҗғәгать итү икенче максатны да күздә тотат: ул режиссерга бердәнбер дәрәс булып тоелган фикерне, геройларга, аларның холкына, эш-фигыленә булган мөнәсәбәттен тамашачыга түкми-чәчми житкәрү. Бу очракта сүз бик нечкә алымнар, кечкенә генә бер деталь, беренче карашка бөтенләй күзгә ташланмый торган штрихлар белән күпне житкәрү мөмкинлеге турында бара.

Г.Кашшаф, югарыда әйтелгәнчә, кечкенә генә детальләргә дә гаять игътибарлы. Ул аларны күреп ала һәм укучыга житкәрә белә. «Юбилей спектакле» рецензиясендә ул персонажның характерына ятышмаган бер деталь турында искәртеп уза. Спектакль герое Вәли Хәсәнов үзенең совхоз директоры итеп билгеләнүен ишеткәч, хатыны белән яшьләрчә шаярып ала. Мондый үбү, кочу күренешләре инде беренче картинада ук, Камали образында очрый. Бу образ өчен уңышлы булган әлеге «буяуны» автор Вәлигә дә күчәрә. Тәнкыйтьче фикеренчә, «бу күчешне режиссер сизми калган һәм уздырып жибәргән» [16].

Бер генә деталь эшләнми калса да, спектакльнең тигезлеге, тулылыгы, «йөрәк тибеше» үзгәрергә мөмкин. Аның үз

чиратында, башка күнелсезлекләр тудырып, байтак якларны тамашачыга китереп житкөрмәвә бар. «Гөлбану үлгәнче кыз чактагы чәмчәлә читекләрәннән йөри. Закирның һәм кайнанасы Сабираның колына әверелгән Гөлбану, чабатага калмаса да, гадирәк, арзанлырак киёмнәргә күчәргә тиеш иде, — дип яза тәнкыйтьче. — Спектакльдә, билгеле, шундый вак күренешләргә дә игътибар итәргә кирәк, чөнки вак детальләренң әһәмияте зур, урыны белән ул «вак» нәрсә мелодраматизм тенденциясе алып килә» [12, 130 б.]. Г.Кашшаф «постановканың һәр деталеннән идеяләр, олы хисләр пафосы бөркелеп торырга тиеш, шул вакытта гына гармониялә хезмәтнең соклангыч нәтижәләре күренәчәк» дигән фикердә тора.

Режуссура ул — кешеләр, характерлар, язмышларның сәхнәдәгә «төенә». Бу төеннең табигате аны «төйнәүче» режиссердан, ул кулланган алымнардан, аның фантазиясе, фикер йөртү мөмкинлекләреннән тора. Ике кеше нәкъ бер төрле уйлы һәм фикер йөртә алмаган кебек, ике бер төрле постановка да булмый. Г.Кашшаф үзенң рецензияләрендә төрле режиссерларның үзенчәлекләрен, ижат алымнарын күрсәтүгә дә зур урын бирә.

Утызынчы елларның икенче яртысыннан татар театрында ике күренекле режиссер — Г.Исмәгыйлев һәм Ш.Сарымсаков эшли башлый. Бу режиссерларның татар театрына алып килгән яңалыгын Г.Кашшаф аларның театры элекке реалистик ысулга кайтаруларында күрә. Ш.Камалның «Габбас Галин», Т.Гыйззәтнең «Ташкыннар», Ф.Вольфның «Профессор Мамлок», В.Киршонның «Икмәк», Р.Ишморатның «Мактаулы заман» һәм башка пьесаларның сәхнәгә күтәрелүе шушы режиссерлар эшчәнлегә белән бәйле. Алар татар театрына Станиславский системасына, Мәскәү художество театры ысулларына мөхәббәт алып киләләр. Сәхнәгә уңай герой — дөньяны үзгәртә һәм шул процесста үзе дә үсә, үзгәрә баручы герой менә. Аның психологиясе конкретлаша, ул үзе дә индивидуальләшә бара.

Г.Кашшаф үзенң ярты гасырдан артыкка сузылган тәнкыйть эшчәнлегендә бик күп режиссерлар: Р.Ишморат,

С.Вәлиев-Сулва, Х.Уразиков, П.Исәнбәт һ.б. ның ижатын яктырта һәм бәя бирә.

1965 елда Татар дәүләт академия театрына баш режиссер итеп М.Сәлимжанов билгеләнә. Г.Кашшаф яңа режиссерның спектакльләр куюга яңача карашын шунда ук күреп ала, аның эшчәнлеген беренче адымнарыннан башлап татар мәдәнияте елъязмасына терки бара. Ул яшь режиссер турында М.Сәлимжанов әле ГИТИС дипломанты булган чакта, аның ТДАТ сәхнәсендә А.Островскийның «Котырган акчалар» комедиясен сәхнәләштерүе уңае белән телгә ала. Дипломантның беренче зур хезмәтендә үк актерлар алдына яңа бурычлар куюын, пьеса постановкасының элекке шаблон аңлатмаларыннан читкә тайпылып, һәр образны яңача күрергә омтылуын искәртә. Тәнкыйтьче М.Сәлимжановның төп үзенчәлегә итеп аның актерлар белән яңача эшләү алымнарын күрсәтә: режиссер башкаручыдан рольнең эчке техникасын бирүне генә түгел, аның тирән социаль-психологик эчтәлегенә төшенүне дә таләп итә. Ул, татар театрының иң яхшы традицияләрен дәвам иткән хәлдә, актерлар алдына образны пластик, ритмик, төрле яклап киң итеп ачу бурычын куя, аларны, реаль тормышның бөтен ваклыкларын кабатлаган натураль сәхнәдән алып, шартлы дөньяга күчәрә, шуның нәтижәсендә сәхнә кичерешләренә логик бәйләлегенә һәм эзлеклелегенә ирешә. Г.Кашшаф замандаш татар авторлары пьесаларына да, тәржемә әсәрләргә дә, милли классика үрнәкләренә дә мөрәжәгать итүче баш режиссерның репертуар сайлауда үтә талымлы булуына басым ясый.

Тәнкыйтьче режиссерның тамашачыга булган ихтирамлы мөнәсәбәтенә дә игътибар итә. Фикерен раслап, М.Сәлимжановның түбәндәге сүзләрен китерә: «Әсәр тамашачыга яхшы таныш һәм без аның образны үзә тулыландыруына да исәп тоттык. ...Тамашачы күңеленән образны жанландырып, өзек урыннарга үзә күпер салып барсын» [16]. Г.Кашшаф М.Сәлимжановны зур, кабатланмас режиссер иткән нәрсә яңа формалар эзләү, жанр төрлелегенә омтылу гына түгел, аның актерларның үсүенә ярдәм, канга сеңгән элекке штампларны жимерүе, актерларны уйларга, эзләргә, яңаны татып карарга омтылуы дип нәтижә ясый.

Әдипнең бер рецензиясендә шундый фикергә юлыгабыз: «Режиссерлар Сарымсаков трактовкасы белән Вәлиев-Сулъва трактовкасы нык аерыла. Ишморат икесеннән дә аерыла. Ә артистлар кулдан-кулга күчеп йөриләр. Ләкин бер режиссерның ижат методы икенчесен юкка чыгара икән, ижат көче сүнәргә мөмкин. Бу мәсьәләдә игътибарлырак булырга вакыт түгел микән инде?» [13]. Моңың белән Г.Кашшаф һич тә барлык режиссерларның эзләнү алымнарын һәм табышларын бер жепкә тезәргә, бер калыпка салырга кирәк дими. Режиссер концепцияләре күптөрле булганда яхшы. Тәнкыйтьченең әйтергә теләгәне башка: постановкага кайсы гына режиссер тотынса да, ул иң элек актерның индивидуальеге, аның ижади мөмкинлекләре һәм аларны үстерү турында уйларга тиеш. Бу — тәнкыйтьченең төп таләбе, чөнки әсәрне язган драматург, аны сәхнәгә куйган режиссер үзләре сәхнә артында кала, спектакльнең идеясен, эчтәлеген тамашачыга турыдан-туры актер житкерә.

Г.Кашшафның ижади портрет жанрына караган, аерым актерның ижат алымнарына киң тукталган хезмәтләрәннән «Беренче артистка» китабын аерып күрсәтергә була [7]. Ә рецензияләрендә артистлар, гадәттә, билгеле бер роль башкару уңаеннан бәяләнәләр. Ләкин укучы шушы йөгәрек кенә ясалган күзәтүләрдә аерым актер ижатындагы уңышлы һәм кимчелекле яктар, аның үзенчәлеге, эволюциясе турында байтак мәгълүмат туплап һәм үзе өчен ачыш ясап калырга өлгәрә. Тәнкыйтьченең татар театры артистларының уртак ижат алымнарын ачудагы табышлары да бәхәссез.

«Сәхнә сәнгате — игелексез сәнгать, — дип язган В.Г.Белинский, — чөнки ул ижат минутында гына яши, безнең жаныбызга шул мизгелдә көчле тәәсир итсә дә, аны соңыннан кайтарып алып булмый» [4, 348 б.]. Ижат мизгеленен кабатланмаслыгы, актер ижатының сәнгатьнең күп төрләре белән бәйләнгән булуы тәнкыйтьчегә өстәмә кыенлыктар тудыра. Актер уены турында фикер әйтү өчен, спектакльне берничә тапкыр карарга, вариантларын чагыштырырга кирәк була. Театрның бүгенгесе турында язу өчен аның үткәннен дә белү зарури. Театр сәнгате бик тере, үзгәрүчән процесс булса да, монда бер нәрсә дә үзәннән-үзе генә барлыкка килми. Һәр

чор үзенә генә хас якларны туплаган идеал тудыра. Бүгенге идеал, ничшиксез, кичә табылганны да эченә ала, аны бүгенге табышлар белән баета.

«... татар театрының нык аерылып торган уен алымы булган һәм ул бар, — дип яза театр белгече И.Илялова. — Безнең актерлар ижатының иң төп, иң ачык сыйфаты — тормыш-көнкүреш дәрәҗәсигә. Бу — татар артистларының реалистик традицияләрдә тәрбияләнгән үз мәктәбе» [5, 128 б.]. Г.Кашшаф актер ижатын һәрвакыт шушы мәктәп фонына куеп бәяли, аның бүгенге уңышын айсбергның күренеп торган өлеше дип карый. Аныңча, уңышларның нигезе — татар театрының үткәнендә, ныклы традицияләрендә. Шуңа күрә вакытта актер бүгенге тамашачыны борчыган сорауларга җавап бирергә, үз чорының алдынгы карашлы кешесенә булырга тиеш. Сәхнәдәге образның мәгънәви йөгә актердан профессиональ осталык, яхшы башкаруны гына түгел, пьесада күтәрелгән тормыш материалын, конфликтны үз күңеленә аша үткөрүне таләп итә. Бу актер халык мәнфәгатьләре белән яшәсә генә, тормышның тирәндә бара торган процессларын, гомуми хәрәкәт тенденцияләрен аңлай алса гына мөмкин. Г.Кашшаф шундый актер гына чын заман художнигы була ала дип санып һәм актер ижатына шушы критерийлардан чыгып якын килә.

«...ТАССРның халык артисты Гали Надрюковның Жибанша картны бик матур сурәтләвен әйтергә кирәк. Ул Г.Ибраһимов тудырган образның бөек рухын аңлап, аның эчке матурлыгын, рухи байлыгын ачты, шуңа күрә вакытта әйләнә-тирәдәге вакыйгалар өчен борчылып та йөри торган изге күңелле, горур табигатьле карт булып та күз алдына басты» [16]. «Рокья — әсәрдә иң тулы ачылган, катлаулы характерлы итеп жанланган образ. Н.Ихсанова күрсәتكән образларның моңысы, минемчә, иң отышлысы... Рокьяның һәрбер сулышы, һәрбер психологик рәсемнең органик кичереше, табигый сулышы булып кабул итәрлек иде. Ихсанова Рокья ролендә үзенә ижади мөмкинлекләре мөллә һәм иркен акканын күрсәтте» [15]. Бу мисалларда тәнкыйгәчә актерның эзләнүен, ижади эшләвен билгеләп үтә. Әнә шулай рольнең эчке мәгънәсенә төшенеп, аны тормышның үзеннән алып уйнаганда гына онытылмас образ тудырырга мөмкинлеген әйтә. Г.Кашшаф реалистик актер

уенын алга сөрә. Станиславский системасында бөтен тулылыгы белән ачыла торган әлеге уен рәвешенә нигезе — «кичерешләр сәнгате», икенче төрлө әйткәндә сәхнәдә герой булып яшәү, тулаем аңа күчеп бетү осталыгы. Рецензияләрендә әдип татар театрының иң көчле актерларының геройларның эчке дөньясына үтеп керү, тышкы сурәтләү алымнарын саран гына кулланып, тирән психологизмга ирешү осталыкларына туктала. «Ул һәрбер образның үзенә хас табигатен, гадәтен, характерныансларын таба белә, — дип яза тәнкыйтьче ТДАТ артисты Габдулла Шамуков турында. — Менә ул шаулап-ярсый, энесенең өйләнүенә шатланып та, туйга чакырмаган өчен борчылып та, сәхнәгә атылып керә. Үзенә башкаларны да ияртә. Ул ара да булмый, яшьләрне үз бүлмәләренә бикләп, мәжлес тә оештырып жиберә. Кинәт сәхнә жанланып китә, туй тантанасы рухы жәелә. Менә ул сикереп диванга менә, ишек өстендәге пыяла аша яшьләргә карый, рюмкасын чәкегән була... Бу хәрәкәтләренң берсе дә драма текстында юк, болар актерның табышы. Һәм ул истә кала» [11].

Актерның сәхнә коралы — сүз һәм хәрәкәт. Тәнкыйтьче геройларның барлык эмоцияләрен ачып сала, фикерләрен чагылдыра, характерлар бөрелешен китереп чыгара торган бу ике компонентның бер дулкында булырга тиешлеген һәрдаим истә тотта. Тәнкыйтьче беренче карашка күгә ташланмый торган бик күп моментларны искәрә: актерның һәр сүзе, һәр хәрәкәте залга барып житсә генә жанлылык уята, шул чакта гына тамашачы спектакльдән эстетик ләззәт ала; талантлы актер башкаларны тыңлай, кирәк чакта дәшми кала белүе, сәхнәдә уйлау осталыгы белән кайчак бик күп нәрсә әйтә; актерның бер күз карашы, мимикасы образны ачуга бик зур хезмәт итәргә мөмкин, кайчак саран гына бер хәрәкәт тә бөтен монолог белән әйтеп бирә алмаслык мәгънә бирә ала һ.б. ижатын яктырта. Г.Кашшаф актер осталыгы алымнарын аерып күрсәтеп: «Зөбәеров хәрәкәтләр ясауга да саран, ләкин аңарда мимика көчле, ул бөтен гәүдәсә белән, бөтен торышы белән уйный, ул бер сүзнә әйткәндә аның мәгънәсен, тирәнлеген, хислелеген актерның күзләре дә, йөзе дә, иреннәренәң ниндидер бер үзгә рәвештә кыймылдый башлаулары да сиздереп тора. Гади генә

сөйләмнең ул бер сүзен аерып ала да, аңа мәгънә оттеногы ясьй. Бу бик көчле чыга», — дип яза [14].

Сәхнәдә барысы да мөһим: актер тарафыннан нинди сүз әйтелү генә түгел, сүз артында нәрсә ятуы да, рольнең «подтексты», ягъни сүз әйтелми, әмма герой әйтелми калган шушы сүзне бик яхшы тоя торган моментлар да. Г.Кашшаф мондый моментларга тамашачының игътибарын юнәлтә килә. «Кайчак хәрәкәт, мимикадан тыш та күп нәрсә әйтеп була икән, — дип яза тәнкыйтьче бу турыда. — Гөлниса ролендәге Мәръям Сульва белән шулай булды. Беренче пәрдәдә Биктимер карт яшь вакытларын искә төшереп сөйли. Бәрәңге арчып утырган Гөлниса кинәт тынып кала, бәрәңге һәм пычак тоткан куллары салынып төшөләр, үзе аска карап уйга чума. Бер төрле хәрәкәт, кыймылдау, йөз чыгу һ.б. юк, ләкин шул чактагы Гөлнисаның кыяфәте бик күп нәрсә сөйли: без — тамашачылар — шул секундта Гөлнисаның тормыш юлын күз алдыннан кичерәбез, аның тынып калган кыяфәте безгә күбрәк сөйли, тормышның Гөлниса өчен нинди авыр сукмактардан акканын аңларга булыша» [9, 32 б.].

«Талантлы актер өчен олы роль, кечкенә роль юк». Кечкенә рольләрдә чыккан артистлар уенына зур урын бирә килеп, тәнкыйтьче бу фикерне бик күп резензияләрендә кабатлый. Ул төп рольләрдә генә түгел, зур булмаган эпизодик рольләрдә уйнап та уңыш казанган артистлар Г.Шамуков, Ф.Ильская, Ф.Халитовлар уены турында сокланып яза һәм реаль тормышны ихлас тоя, сәнгатьчә дәрәслек белән гәүдәләндерә белгәндә, эпизодик рольләргә дә чын сәнгать югарылыгына күтәрергә мөмкин булуны мисаллар белән раслый: «Ф.Ильская бер генә картинада күрәнгән Мәргыйзә образын һич онытылмаслык итеп башкара... Нинди генә кыяфәткә керми ул, нинди генә тавыш чыкмый аңардан һәм бер сүз әйтмәгәндә дә Ильскаяга карап утыруы күңелле. Чөнки ул образның рухы белән яши, ул тавышы белән генә түгел, күзләре, кашлары белән дә, гомумән, бөтен организмы белән уйный. Бу образ — Ильскаяның уңышы!» [9, 80 б.].

Безнең театрларда бер үк образларны ике актер гәүдәләндерә. Г.Кашшаф бер үк рольне башкарган актерларның уен алымнарына да туктала. Аның төп таләбе — артистлар бер-

берләрен кабатламасын, һәркайсының үз трактовокасы булсын, һәр артист образны үзенчә ачсын. «Садыйк-Шакиров күбрәк уйланучан, ә Садыйк-Биктимеровның уендагы — телендә һәм ул үзен иркенрәк тотта, ышанычлырак хәрәкәт итә. Шунысын да әйтк, тамашачылар арасында һәрбер артистның үз табынучысы житәрлек» [9, 128 б.]. Тәнкыйтьче нәтижә ясаганча, кайбер вариантларның бик үк уңышлы булып чыкмавын исәпкә алганда да, театр барыбер ота, яңа образлар белән байый.

Г.Кашшафның аерым артистларга багышланган күләмле хезмәтләре санаулы гына, әмма аның бу темага язганнарын мозаика белән чагыштырырга мөмкин. Тәнкыйтьченең төрле хезмәтләрендә таралып яткан үткен һәм оригиналь, төгәл һәм туры фикерләрен бергә жыйсаң, татар театрының гомуми актерлык ижаты портреты, актерлык осталыгы мәктәбе турында зур полотно барлыкка килер иде.

Г.Кашшаф спектакльне тудыручы башка компонентларга — сәхнә һәм музыка бизәлешенә, тавыш, яктылык эффектларына, костюмнарга, грим, бутафория һәм башкаларга һәрвакыт игътибарлы була, спектакльнең идеясен тамашачыга житкерүдә бу аларның зур әһәмияткә ия булуларына басым ясый.

Пәрдә күтөрелгәч тамашачы кичергән беренче тәэсир рәссам эше белән билгеләнә: иң элек декорацияләр, сәхнәнән күренеше, костюмнарга күзгә ташлана һәм болар барысы да уртак фикер белән төенләнгән бербөтен картинаны алга чыгарып куя. Күп вакыт шушы тәэссорат спектакльне тулаем аңлауда беренчел роль уйный. Сәхнә атмосферасын булдыруда рәссам хезмәтенә әһәмияте искеткеч зур. Сәхнәдән әле бер сүз яңгырарга өлгерми, ә декорация, яктылык һәм башка тышкы детальләр спектакльнең эчтәлегә өчен эшли башлый. Кайвакыт рәссам фантазиясе белән тудырылган деталь спектакльнең башка бер компоненты белән дә күрсәтеп булмаганны әйтеп бирә. Г.Кашшаф — әнә шундый уңышлы тотып алынган һәр детальне күрә белгән, аны тиешенчә бәяли белгән тәнкыйтьче. Ул декорацияне, вакыйганың обстановкасын, башкаручыларның костюмнарын спектакльнең башка компонентлары — аерым эпизод һәм күренешләрнең режиссер тапкан сәнгатьчә сурәтләнү алымнары, музыка һәм башка тавыш эффектлары, актерлар уены белән тыгыз бердәмлегендә карый. «Режиссер

һәм художник спектакльдә бер-берсен тулыландыралар, оформление постановкага бик нык ярдәм итә, аны ачыклай, тон бирә, — дип яза ул «Декада спектакле» рецензиясендә. — Ширяздан Сарымсаковның кыю һәм бай постановкасына художник Әнәс Тумашевның оформлениесе бик нык булыша, спектакльнең настроениесе сиздереп тора, вакыйгаларның авыр һәм киеренкелеген тоярга ярдәм итә. Әсәрне сәхнәгә куючы режиссер һәм художник реалистик планда иркен хәрәкәт иткәннәр һәм күңелгә ятышлы, тигез ритмлы спектакль булдырганнар» [9, 32 б.].

Икенче бер рецензиясендә ул пьеса эчтәлеген ачуга хезмәт итми торган жансыз бизәлеш турында яза. Бизәлештә эзләнүнең, бер идеяне тулыландыруга омтылуның юклыгына игътибар юнәлтә. Бу һич тә рәссамның эше язма авторының зәвыгына туры килмәгәннән түгел, тәнкыйтьче үз фикерен төпле аргументлар белән дәлилли [10]. «Костюмнар турында да шул сүзне әйтергә кирәк. Костюмнарның ярлылыгы күзгә ташлана. Нателланың костюмы грузин кызына хас түгел», — дип искәртеп, Г.Кашшаф шундый нәтижәгә килә: бу төр житешсезлекләр спектакльнең гомуми дәрәжәсен төшерә, аның тамашачы тарафыннан кабул ителүенә тискәре йогынты ясай.

Узган гасырның соңгы чирегендә сәхнә бизәлешендә шартлылык арта. Гази Кашшаф шартлылык спектакльнең эчтәлегенә туры килсә генә үзен акый дигән фикердә тора. Ул «Акчарлактар» спектакленә багышланган рецензиясендә сәхнә бизәлешендәге шартлылыкны бик үк уңышлы түгел дип күрсәтә. «Артта да, янда да чиксез бушлык пәйда була. Шул бушлык уртасында балыкчылар барагының шыксыз сәкеләре. Болар, билгеле, вакыйгаларның кырыслыгын, перспективасызлыгын аңларга булышалар. Ләкин әсәр лирик драма төсендә тәкъдим ителгән. Шулай булгач, тагын нидер сорала кебек» [9, 159 б.].

Театр дөнъясын эчтән тирәнтен аңлаган, сәхнә арты белән дә яхшы таныш кеше буларак, Г.Кашшаф сәхнә бизәлеше һәм жыр-моң, музыка эффектларының бер бәйләмдә каралырга тиешлеген белеп эш итә. Жыр-моң декорациягә контраст булганда яисә ятышып торганда, вакыйгаларның лирик яңгырашы көчәя, аңа басым ясала дип күрсәтә. Ә инде аның музыка бизәлешенә карата куйган төп таләпләренә килгәндә, ул

тамаша барышында яңгыраган музыка тамашачыга вакыйгалар барышын күнелдән кичерергә булышырга, әсәрнең эчтәлегенә тирәнрәк карарга ярдәм итә торган рухта ижат ителергә тиеш дип саный һәм спектакльнең уңышын тәмин итүдә тамаша барышында яңгыраган жыр-музыканың әһәмиятен күрсәтүне кирәк таба: «Халык көе «Кәләү Гайшә» мотивларын мул файдаланып, тәэсир итүчән, моңлы һәм татар хатынының фажигасен аңлатып бирә торган музыкаль оформлениене Заһид Хәбибуллин эшләгән. Шәп, әйбәт һәм бик кирәкле урында гына яңгырый ул!» [12, 132 б.].

Сәхнәне яктырту һәм, гомумән, яктылык эффекты шулай ук тәнкыйтьченең игътибарынан читтә калмый. Белеп, уйлап кулланганда, яктылык эффекты — режиссер кулында көчле корал. Аның искәруенчә, «Акчарлаklar» спектаклендә бу алым бик оста кулланыла: караңгылык, яктылык шәүлөләренен уйнавы, урыны-урыны белән балыкчыларның силуэтларын чагылдырып алу катлаулы шартлардагы бердәм ижади хезмәт процессын сүзсез дә аңлатып бирә [9, 159 б.]. «Татар хатыны ниләр күрми?» спектакленең финалындагы караңгылык картинасы яктылык нурының бөтенләй сүнүенә ишарә, ул перспективаның караңгылыгына басым ясый. «Сәхнәдәге һәрбер күренеш нәрсәдер аңлатырга тиеш булса, без — тамашачылар — бу символик күренешләрдән тирән мәгънә аңлыйбыз. Димәк, перспектива юк, димәк, татар хатынының язмышы берәүне дә борчымый. Безгә бары күз яше түгәргә генә кала! Нәрсә генә булмасын, моның белән килешсә килми!» — дип нәтижә ясый тәнкыйтьче беренче карашка вак нәрсә булып тоелган яктырту эффектының әсәрнең тулаем идея эчтәлегенә тәэсире турында [12, 129 б.].

Г.Кашшаф үзенең рецензияләрендә театр сәнгатендә «вак» нәрсәләренең булмавын раслый. Шулай ук «вак» яклар нечкәләп уйланылганда, бөтен компонентлары бер-берсенә ярашып, бер-берсен тулыландырып торганда гына чын сәнгать әсәре булган спектакль туачагын исбатлый, шулай ук чакта гына драматург алып килгән, режиссер һәм актерларның ижади эзләнүләре нәтижәсендә ачыкланган тема һәм идеянең тамашачыга барып ирешкән, аны тәэсирләндергән, анда фикер уятачагын асызыклай. Шулай вакытта гына сәнгатьнең үз хасиятенә туры-

лыклы булып калачагына, үз вазифасын үти алачагына инандыра.

«Рецензия — ул резонанс, әгәр талантлы һәм тулы язылган булса, зур ярдәм дә», — дип яза СССРның халык артисты Р.Я.Плятт [17, 57 б.]. Г.Кашшафның тәнкыйтьче буларак театрга ярдәме — әле үз агымына төшеп житмәгән спектакльләрнең кимчелеген күрсәтүдә, «чарланып» бетмәгән рольләргә бәя бирүдә, пьеса һәм аның образларын жентекләп тикшерүдә. Бу тәнкыйть әсәрләре укучы өчен иң элек спектакльне тәкъдим итү, эстетик юл күрсәтүче. Пьесаның эчтәлеге белән кыскачагына таныштырып киткәннән соң, тәнкыйтьче булачак тамашачының игътибарын спектакльнең фабуласыннан режиссер күзаллавына, актерлар уенына, бизәлеш элементларына юнәлтә, тамаша барышын аңлы һәм тирән күзәтүгә ярдәм итә, сәнгатьнең эстетик сыйфатларын үзләштерүне жиңеләйтә.

Г.Кашшафның тәнкыйди хезмәтләренә принципиальлек, фикер тирәнлеге, гадилек һәм ышандыру көче хас. Пьесаның үзен, режиссураны, артистлар унын, спектакльне тудыручы барлык компонентларны белеп язу тәнкыйтьчегә театрның ижат коллективы һәм һәр останың эшен дәрәс бәяләргә, аларга алга таба үсү юлларын дәрәс күрсәтергә мөмкинлек бирә. Ул уңышлы спектакльне төчеләнми һәм артык хисләнми генә мактый. Кимчелекләрне бу хәлгә чиксез борчылып, такт белән, арзанлы сенсация алымнары кулланмыйча күрсәтә белә, катнашучыларга (һәм укучыга да) аңлаешлы формада спектакльнең уңышсызлыгы сәбәпләрен аңлата. Шунисына басым ясап әйтү кирәк: Г.Кашшаф беркайчан да жәмәгәтьчелеккә үз зөвыгынагына таянып чыгарылган хөкем тәкъдим итми, аның тәнкыйть әсәрләре һәрвакыт объектив.

Әдәбият

1. Әгъзамов Ф. Якты эз // Социалистик Татарстан. — 1977. — 14 апрель.
2. Бәдретдинова Л. Гази Кашшафның әдәби-тәнкыйди һәм гыйльми эшчәнлеге. — Казан, 2014. — 216 б.
3. Бәдретдинова Ф. Гази Кашшаф — театр тәнкыйтьчесе: татар театрының гомуми мәсьәләләре // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических

исследований: сборник статей итоговой научной конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ (г.Казань, 28–29 сентября 2016 г.) / Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. — Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2016. — Вып. 8. — С. 292–304.

4. Белинский В. Собрание сочинений в трех томах. Т.1. — Москва: ОГИЗ, 1948. — 800 с.

5. Илялова И. Актер остальгы // Казан утлары. — 1975. — №12. — 128–133 б.

6. Илялова И. Актерское искусство современного татарского театра. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. — 144 с.

7. Кашшаф Г. Беренче артистка. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1958. — 50 б.

8. Кашшаф Г. Драматург һәм режиссер // Социалистик Татарстан. — 1961. — 30 май.

9. Кашшаф Г. Күңел көзгесе. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. — 206 б.

10. Кашшаф Г. Намус // Кызыл Татарстан. — 1938. — 21 ноябрь.

11. Кашшаф Г. Нәрсә өчен яшисең? // Социалистик Татарстан. — 1970. — 9 июнь.

12. Кашшаф Г. Татар хатыны ниләр күрми? // Совет әдәбияты. — 1960. — № 5. — 128–133 б.

13. Кашшаф Г. Театр сезоны ябылу уңае белән // Кызыл Татарстан. — 1939. — 15 май.

14. Кашшаф Г. Халыкчан һәм тормышчан // Совет Татарстаны. — 1958. — 6 июнь.

15. Кашшаф Г. Чикләвек төше // Социалистик Татарстан. — 1973. — 22 ноябрь.

16. Кашшаф Г. Юбилей спектакле // Социалистик Татарстан. — 1969. — 19 декабрь.

17. Плятт Р. О рецензии // Театр. — 1963. — № 5. — С. 54–57.

18. Татар энциклопедиясе: 6 томда / Казан: «ТР ФАнэн Татар энциклопедиясе институты» дәүләт учреждениесе. — 2012. — 3 т.: К–Л. — 716 б.

**ТАТАР ҺӘМ РУС КОМЕДИЯЛӘРЕНДӘ ӨЙЛӘНҮ
ТЕМАТИКАСЫ БЕЛӘН БӘЙЛЕ ОХШАШ КҮРЕНЕШЛӘР
ҺӘМ ПЕРСОНАЖЛАР (Г.КАМАЛ, К.ТИНЧУРИН,
Н.ГОГОЛЬ КОМЕДИЯЛӘРЕ МИСАЛЫНДА)**

**ПОХОЖИЕ ЯВЛЕНИЯ И ПЕРСОНАЖИ, СВЯЗАННЫЕ
С ТЕМАТИКОЙ ЖЕНИТЬБЫ, В ТАТАРСКИХ
И РУССКИХ КОМЕДИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КОМЕДИЙ
Г.КАМАЛА, К.ТИНЧУРИНА, Н.ГОГОЛЯ)**

**THE SIMILAR SITUATIONS AND CHARACTERS
ASSOCIATED WITH THE THEME OF MARRIAGE IN THE
TATAR AND RUSSIAN COMEDIES
(AS AN EXAMPLE THE COMEDIES OF G.KAMAL,
K.TINCHURIN, N.GOGOL)**

*Г.И.Каюмова
G.I.Kayumova*

Аннотация. В статье сравнительно анализируются комедии известных татарских драматургов Г.Камала, К.Тинчурина и видного русского писателя Н.Гоголя с точки зрения высвечивания тематики женитьбы с целью выявления схожих ситуаций и персонажей в их произведениях.

Ключевые слова: татарская комедия, русская комедия, Г.Камал, К.Тинчурин, Н.Гоголь, женитьба, сатирический образ, схожие комедийные персонажи, похожие явления.

Abstract. The article comparatively analyzes the comedies of the well-known Tatar playwrights G. Kamal, K. Tinchurin and the famous Russian writer N.Gogol from the point of view of the highlighting the theme of marriage with the aim of identifying similar situations and characters in their works.

Keywords: Tatar comedy, Russian comedy, G.Kamal, K.Tinchurin, N.Gogol, marriage, satirical character, similar comedy characters, similar situations.

XIX гасыр урталарына кадәр, нигездә, Шәрәк әдәбиятлары йогынтысында үсеш-үзгәреш кичергән татар әдәбияты, рус-Европа дөнъясына, мәданиятенә йөз белән борылгач, бу багланышлар XX гасыр башында әдәбият үсеше өчен мөһим күрсәткечләрнең берсенә әверелә. Татар әдипләре ижатында рус һәм чит ил язучылары әсәрләре белән аваздаш сюжет сызыклары, уртак тема-проблемалар, шуңа бәйләп рәвештә охшаш күренешләр һәм персонажлар барлыкка килү әлеге багланышларның уңай нәтижәсе булып тора. Бу охшашлык ижтимагый-социаль кимчеләкләрне, жәмгыятьтәге тискәре күренешләрне, кеше характерындагы ятышсыз якларны жиңелчә яки ачы көлеп сурәтләүче комедия әсәрләрендә аеруча күзгә ташлана. Шулай уңайдан, демократик үзгәрешләр һәм милли яңарыш дулкыны белән сыйфатланган XX гасыр башында әдәбият мәйданына килеп, актив ижат эше белән шөгыйльләнгән Г.Камал, К.Тинчурин һәм XIX гасырда рус әдәбиятында аеруча реализм юнәлешендә көчле сатирик әсәрләр тудырган Н.Гоголь пьесаларын карап китү урынлы булып. Кешене социаль берәмлек буларак бәяләүче, аның ижтимагый тормыштагы ролен үзәккә алып яктыртучы тәнкыйди реализм кысаларында ижат ителгән «Бүләк өчен» (Г.Камал, 1909), «Назлы кияү» (К.Тинчурин, 1916) сатирик комедияләрендә XX гасыр башы татар жәмгыяте тормышы сурәтләнә, патриархаль рухта тәрбияләнгән сәүдәгәр-мещаннар мохите вәкилләренең истә калырлык образлары гәүдәләнә. Н.Гогольнең патша Россиясендә чәчәк аткан ижтимагый-социаль кимчеләкләрне фаш итүгә юнәлдерелгән ижаты рус тәнкыйди реализмы үсешенә мөһим бер этабы булып тора. Әдипнең «Өйләнү» («Женитьба», 1842) пьесасы — шушы юнәлештә язылган уңышлы әсәрләреннән берсе. Анда XIX гасырның беренче яртысы — XIX гасыр уртасындагы рус жәмгыяте вәкилләре — сәүдәгәрләр һәм вак чиновниклар тормышы, көнкүреше һәм теләк-омтылышлары бөтен нечкәләкләре белән тасвирлана.

Игътибар үзәгендәге әсәрләргә берләштерүче төп мотив — өйләнү мотивы. Дөнъя әдәбиятында әлеге тематиканы яктырткан комедияләр шактый: «Тискәрегә авызлык» («Укрощение строптивой», У.Шекспир), «Тартюф», «Ирекседән өйләнү» («Брак поневоле», Ж.Мольер), «Севилья чәчтәрәшы», «Шау-

шулы көн, яки Фигароның өйлөнүе» («Севильский цирюльник», «Безумный день, или Женитьба Фигаро», П.Бомарше), «Бальзаминовның өйлөнүе» («Женитьба Бальзамина», А.Островский) «Белугинның өйлөнүе» («Женитьба Белугина», А.Островский, Н.Соловьев) һ.б. Гадәттә, әдәби әсәрләрдәге өйлөнү белән бәйле сюжетларда жәмгыятьнең үсеш моделе гәүдәләнә. Аларда илдә хөкем сөргән иң ямьсез күренешләр, ижтимагый кимчелекләр ачыла, сатирик персонажларның чын йөзләре фаш ителә. Г.Камал, К.Тинчурин һәм Н.Гоголь комедияләре дә — шуның ачык мисаллары. Өч әсәр дә егетләргә өйләндерү белән бәйле күренештән башланып китә, әмма, аларда өйлөнү тематикасы яктыртылса да, берсендә дә сүз мөхәббәт, сөю, саф хисләр кебек изге төшенчәләр турында бармый. «Бүләк өчен» пьесасында Хәмидә авызыннан сүз уңаеннан гына ычкынган «мөхәббәтләре генә булсын» дигән сүзләр дә көлке яңгырый һәм аның чын йөзөн тулырак ачу өчен генә хезмәт итә. «Назлы кияү»дәге Төркестаннан Казанга Европача тәрбия алган татар кызына өйлөнү максаты белән кайткан татар бае Рәшиткә һәм аның туганнарына да бай кәләш кирәк. В.Сахновский-Панкеев ассызыклап үткәнчә, ««Өйлөнү» пьесасында кәләшне беренче тапкыр ярәшер алдыннан гына күргән геройларны да мөхәббәт хисе түгел, ә табыш китерә торган кавышу гына кызыксындыра» [6, 34 б.].

«Бүләк өчен» пьесасында кияү егетә — Казан бае Әхмәт-җанның 22 яшьлек улы Габдуллаҗан. Ул актив герой түгел. Өйлөнү-өйләндерү мәсьәләсенә килгәндә, комедиядә егетнең әнисе Хәмидә зур активлык күрсәтә, бу мәсьәләне тулысынча үзе хәл итәргә тели. Ул — үзенең комсыз теләкләрен һәм ихтыяжларын бар нәрсәдән дә өстен куючы сатирик образ. Аның янәшәсендә хәтта бу эшләр белән турыдан-туры шөгьльләнәргә тиешле яучы хатын да күлгәдәрәк кала. Зур бирнә алу теләге белән янган Хәмидә улын Хисами байның кызына өйләндерәргә тели. Кызның төс-кыяфәтенә дә артык исе китми: «Кыз матур түгел диләр. Аның матурлыгы пычагымамыни?.. Матур да булса, бие-сыны да кешенеке төсле булса, андый бай кешеләр, шулкадәр бүләкләр бирә-бирә, кызларын безгә этеп-төртеп бирмәсләр иде. Баланы егерме ел

үстөрөп тә, бер жүнле, яхшы бирнә дә киеп калмагач, дөнъяда торганың ни дә, тормаганың ни!.. Кодагый булган кешенә ашлы-сулы, бай булганы күңелле» [3, 75 б.], — ди. Күрәбез: аның өчен чибәрлек, мөхәббәт бирнә белән бәйләп аңлатыла. Монологында, улы һәм ире белән диалогында шактый ук ачыла башлаган Хәмидә, яучы хатыннан булачак кодагыларның «күлмәклек асыл» урынына «күлмәклек жон» гына бирәчәкләре турында хәбәр алгач, тулысынча фаш була. «Жон бирнә киярлек булгач, Хисами кызын алалар иде, ди. Аның карачкы шикелле кызын алмасам, дөнъяда кыз беткән иде, ди... Аларның колга шикелле озын, шадра, төссез, ямьсез, кыек авызлы, кәкре аяклы кызларына, бүлгә дә булмагач, эт барсынмыни?» [3, 81, 82 б.] — ди ярып. Соңрак Хисами кодаларның асраулары килеп, алдагы хәбәрнең ялгыш булуын әйткәч, «жон түгел, чачагы-чугы белән күлмәклек ука тирәкле асыл икән»легә [3, 82 б.] ачыклангач, Хәмидә тагын үзгәрәп куя: «...мин ул сүзләргә ачуымнан гына ялгыш сөйләп жибәрдем. Кодагый бик мәнле, бик һәйбәт кеше, эшнәң жаен бик белә торган кеше, кыз да ямьсез түгел, бик сөйкәмле кыз...» [3, 82 б.], — ди, акланган кыяфәттә. Яучы сүзләрендә дә ул хатынның мал колы булуы раслана: «Бу жүләр дә инде, минем шикелле, бүлүккә кызыгып, кызның начар икәннән белә торып, бергәләшәп мактый» [3, 80 б.]. Шулар рәвешчә әлегә образ үзә һәм башкалар тарафыннан тулысынча фаш ителә. Пьесада яучы — интрига тудыручы. Югарыда әйтелгәннәрдән аңлашылганча, интрига — сатирик персонажның, безнең очракта Хәмидәнәң, чын йөзән күрсәтү өчен кулай алым. Комедиядә Н.Гоголь әсәре турында да искә алына: «Мин беркөн «Өйләнү» дигән бер китап укыдым. Анда алачак кызның ни төстә икәннән, холкын-фигылен белеп алырга кушкан» [3, 76 б.], — ди Габдуллаҗан әнисенә. Аңлашыла ки, Г.Камал бу комедиясен Н.Гоголь әсәренә нигезләнеп иҗат итә. Гомумән, Г.Камал комедияләре Н.Гоголь комедияләрен хәтерләтә дисәк тә ялгыш булмас.

Н.Гоголь әсәрендәгә надворный советник Подколесин үзүзәнә артык гашыйк, тәкәббер, өйләнергә хыянган кызның исемен дә белмәс дәрәжәдә мәнсез, бер нәрсәгә карата да үз фикере булмаган, бер чиктән икенчесенә ташланучан социаль-психологик тип буларак ачыла. Ул — тормышта нинди дә булса

төвөккөллөк, кыюлык һәм жаваплылык таләп иткән үзгәрешләргә өзөр булмаган максатсыз, селкәнергә, хәрәкәтләнәргә бер дә яратмаучы сүлпән, таркау, рухи ялкау (И.Л.Вишневская гыйбарәсе), булдыксыз, «теле белән тегермән корып», хыяллар белән генә яшәүче сатирик тип. Подколесин үзен шул дәрәжәдә ярата ки, егеткә аның өйләнү ниятен бөтен кеше күтәрәп алырга, аңа сокланырга, хәтта аны тагын да ныграк хөрмәт итә башларга тиешләр кебек тоела. Н.Л.Степанов билгеләп үткәнчә, «Подколесинда корткычларча көн күрүчеләргә хас типик сыйфатларның барысы да бар» [7, 318 б.]. Андыйларның бөтен өстенлеген дворяннар катлавыннан булу гына билгели. Алар шуннан файдаланып, түш киереп яшәргә өйрәнгән. Бу бәндәнең бар шөгылә, Кочкарев сүзләре белән әйтсәк, «көн буе байбак шикелле яту», чөнки ул, әсәрдән аңлашылганча, авызына трубкасын кабып, көнозын диванда сузылып ятудан башка бернигә дә яраксыз. Өе дә хужасының күнелә кебек үк буш һәм бөтен жирендә тәртипсезлек хөкөм сөрә. Әлегә образ белән «Назлы кияү»дәгә Рәшит арасында охшашлык зур. Рәшит тә Подколесин кебек үк үзенә бик мәкибән, сатирик образга хас булганча, ул да «чын культурадан, бөөк демократик идеаллардан ерак, шулай да үзен алдынгы карашлы кеше дип санып, хөрмәт итүләрен дөгъвалый» [4, 443 б.]. Егетләренең икесе дә акчалы, икесе дә дан-шөһрәт ярата, чибәр дә, бай да булган иң яхшы кыз да бары тик аларга булырга тиеш, бик озак сайланалар. Алар фикеренчә, ярәшелә торган кыз, һичшиксез, французча беләргә тиеш, өстәвенә борынының да кечкенә булуы мәһим. Подколесин яучы хатынны, төгәл генә жавабын бирә алмыйча, өч ай буе йөртә икән инде. Рәшиткә дә әле берсе ошамый, әле икенчәсе: берсенең борыны зур, шуна өйләнә алмый; икенчә кыз «арык, шүрәлә төслә, сөякләре шалтыр-шолтыр килә» икән, өченчәсенең аяклары кәкрә, дүртенчәсе пианинода уйный белми, имеш. Борынга килгәндә, «Өйләнү» пьесасындагы башка кияү егетләре күзенә ярәшелә торган сәүдәгәр кызы Агафья Тихоновнаның борыны зур булып күренгәч, Подколесин да шуна игътибар итә һәм алар фикере белән килешә, кәләш дигәннәре аңа ошамый башлай, дустанә Кочкарев бик мактагач кына, кыз аңа тагын матурланып киткән кебек тоела. Бу — егет-

нең үз фикере юклыгын раслаучы күренешләрнең берсе. Рәшит тә кем нәрсә әйтә шуңа ышанып йөрүчеләр рәтендә. «Зыялылар» битлеге кигән аферистларның егеттән булдыра алган кадәр күбрәк акча каеру максаты белән аңа дан-шөһрәт вәгъдә итүләренә ышанып, ахырдан бөлүе дә шуны раслый. Кызның французча белергә тиешлеге мәсьәләсенә килгәндә, кияү егетләре аның нигә кирәклеген үзләре дә белми. Подколесин фикеренчә, ансыз ул «тиешле дәрәжәсенә барып житә алмый» [2, 132 б.], имеш. «Бүләк өчен» комедиясендәге Габдуллажан да өйләнергә бер дә теләк белдерми, әмма ул, Рәшит белән Подколесиннан аермалы буларак, пьесада тискәре персонаж итеп бирелми, аңарда уңай башлангыч яралгыларын күрергә мөмкин. Аның пассивлыгы үзенең капма-каршысы булган әнисенең артык активлыгына каршы куела. Егетнең өйләнү мәсьәләсендә, аеруча моңарчы күрмәгән, белмәгән һәм һич тә күңеле тартмаган кызга өйләнгә килгәндә активлык күрсәтмәве, киресенчә көчлөп өйләндерергә теләгән әнисенә: «Син, үзең асыл бирнәләр килсен өчен, минем башымны колга, тилиграм баганасы, белмим, тагын әллә нәрсә шикелле озын, ямьсез, шадра, кыек авызлы, кәкре аяклы бер кызга бәйләмәкче булган икәнсең. Юк инде, хәзер торып тор, ул эшләр бик тиз генә эләкмәс! Хуш, сау булыгыз!» [3, 82 б.] — дип чыгып китүе жәмгыятьтә хөкем сөргән иске тәртипләренә, горөф-гадәтләренә, иске яшәеш кануннарын кире кагуы буларак аңлашыла. Габдуллажанның комедиядә көлү объекты булган анасы Хәмидә исә, «карашлары тар һәм заман агышыннан ерак булу сәбәпле, гаиләсендә дә, тирәлегендә дә, тамашачыларда да теләктәшлек таба алмый, көлкегә кала» [9, 373 б.]. «Өйләнү» комедиясе дә алдагы пьесаның белән охшаш чишелеш ала: Подколесин, өйләнмәс өчен, тәрәзәдән чыгып кача, әмма бу аның куркаклыгы, жаваплылык таләп ителгән житди адымнарға сәләтсез булуы белән аңлатыла. Әлеге комедиядә, алда искәртелгәнчә, Подколесин кебек бушкык кияү егетләре берничә. Әйтерсең, бюрократик система шартларында андыйлар икеләтә тизлек белән үрчи. Әсәрдәге сатирик типлар галереясын кәләшкә «аның бирнәсенә өстәлеп бирелә торган котылгысыз бер нәрсә» [7, 320 б.] буларак кына караучы коллежский ассессор, экзекутор Яичница; күп сөйләүче,

сөйләмөндө рухи ярлылыгы ярылып яткан, хатын-кызның тышкы кыяфәтөннән тыш, аның күнел дөнъясы да булырга мөмкинлеген башына да китермөгән отставкадагы диңгез хезмәте лейтенанты Жевакин; эчке чиновник, титуляр советник Пантелеев, тагын да берсе француз телен белүче «зыялылар» арасына элөгү хыялы белән янган, зыялы кыз, һичшиксез, француз телен белергә тиеш дип санаган отставкадагы пехота офицеры Анучкин тулыландыра. Исеменә күрә жисемә дигөндөй, берсеннән-берсе кызык фамилияле әлеге затлар барысы да кызның асылын сайларга килгән, кайсыдыр узып барышлы гына кереп чыгарга кирәк тапкан. Ни дисәң дә, һәркайсын бер теләк — французчасы булган чибөр һәм бай кыз белән танышып алу теләгә китергән. Аларның һәр сүзендә, үз-үзләрен тотышында жәмгыятькә бик тө кирәкле, алыштыргысыз кешеләр булуына басым ясала. Кияүләрнең һәммәсен дә кәләшнәң үзеннән бигрәк бирнәсе кызыксындыра. Әлеге персонажлар карап торышка барысы да төрлө кебек: һәркайсы — төрлө һөнәр иясе, тышкы кыяфәтләре белән дә аерылалар, әмма максат-омтылышлары, кызыксынулары охшаш. Теләкләр охшашлыгы берләштергән комедия персонажларының тышкы аермалары аларның эчке охшашлыкларын көчөйтә генә. Әсәрдән аңлашылганча, бу адәмнәрне өйлөнү теләгә түгел, ө жәмгыять чиренә әверелгән байлыкка хирыслык, хөсетлек, мин-минлек, ясалмалылык, шушы сыйфат билгеләре тудырган рухи бушлык, рухи тарлык кебек күнел чире, берьяклы караш-омтылышлар охшашлыгы берләштерә. Яучы Фекла кияүләргә характеристика биргәндө үк аларның бөтен тискәре сыйфатларын унай сыйфатлар кебек гөүдөләндереп, мактап сөйли. Әйттик, Яичница турында: «Шундый күркәм кыяфәтле, үзе юан; миңа шундый итеп акырды: «...син миңа турыдан-туры шуны әйт, аның маллары, байлыгы, өй жиһазлары күпме?» [2, 117 б.] — ди яки «бу ишеккә көчкә-көчкә генә сыяр — шундый күркәм» [2, 118 б.]. Тагын берсе турында: «...Атна бие исерек булмый бит ул: айнык кайткан көннәре дә булгалый»... [2, 119 б.]. Сатирик персонажларның унай сыйфатлары булмау — гадәти күренеш; булмагач, каян табасың. Яхшы яктан гына күрсәтелергә тиешле кияүләргә аларны бөтенләй капма-каршы яктан ачучы

характеристика — комедия әсәрендә үтергеч көлүнөң бер алымы. Агафья Тихоновна сүзләрәннән аңлашылганча, һәркайсының берәр сыйфатын жыеп, аерым бер кеше ясарга мөмкин булган, бер генә дә унай яклары булмаган, яучы хатын әйтмешли, «ахмак гыйлемнәре ақылдан шаштырган» [2, 142 б.] әлеге «кысыр» кияүләр күнелләре шыр ялангач «үле жаннар» буларак күзалланалар. Бу уңайдан көләшнөң апасы Арина Пантелеймоновнаның яучыга әйткөн сүзләре дә игътибарга лаек: «Дөрөсен әйткөндә, синөң алты дворяның бер купецка тормый» [2, 119 б.]. Зур бирнәле бай көләшкә саранча кебек ябышырга әзер торган әлеге кияүләр К.Тинчурин комедиясендәге, Рәшитнөң ақчасына кызыгып, аны бикәчле итү теләге белән «янып йөргән» «могтәбәр» затларны хәтерләтәләр, ситуациясе генә башка. Пьесада Агафья үзе дә сөүдәгәрләр мохитен гәүдәләндерүче тар карашлы, сай белемле, төрле багуларга, ырым-шырымнарга ышанып көн күрүче эшлексез сатирик образ, типик характер буларак ачыла.

Өч әсәрдә дә яучыларны бер максат — үз көсепләрәннән күп табыш алырга омтылу берләштерә. «Бүләк өчен» комедиясендәге яучы Мәхүпжамал сүзләре дә моны раслый: «Бары тик эш кенә булсын да, үземә тиешле сәдака-хәерне генә күбрәк алым» [3, 80 б.]. «Назлы кияү»дәге бер-берсенә бүре күзе белән караучы яучы карчыклар, һәркайсы үз «товарын» уздыру өчен, хәтта якалашуга кадәр барып житәләр. «Өйләнү» пьесасындагы яучы хатын Фекла гадәттән тыш актив көндөше Кочкаревны күрә алмас дәрәжәдә сөйми. Г.Камал әсәрендәге Хәмидә, К.Тинчурин комедиясендәге хирыс, хольксыз яучылар, Н.Гоголь пьесасындагы дустан өйләндерү теләге белән янган Кочкарев, комедия персонажларына хас булганча, заманның көчләрән юкка артык сарыф итүче, шул яклары белән бер-берсенә охшаш сатирик типлары буларак гәүдәләнәләр. Әсәрләрнөң берсе дә туй күренеше белән тәмамланмый: Габдуллажан, ишеген каты итеп ябып, өннән чыгып китә, Подколесин тәрәзәдән сикерә, Рәшит очрагында исә егет, кемгә өйләнергә тиешлеген аңламыйча йөри торгач, асрау Гайнине кочаклап кала, анысы да үз чиратында, тегене кызык итеп, элекке танышы Камәретдингә барачагы турында хәбәр итә. Моннан шундый нәтижә ясарга мөмкин: мәхәббәт уртақ саф

сөю хисләрәннән генә яралырга тиеш, башкача булганда аның киләчәге юк.

Югарыда карап үтелгән әсәрләрдән аңлашылганча, өйлөнү тематикасы XIX гасыр рус драматургиясендә һәм XX гасыр башы татар драматургиясендә, аерым алганда комедияләрдә, шушы чорлардагы татар һәм рус жәмгыятьләренең рухи, ижтимагый һәм социаль каршылыкларын ачуга хезмәт итә. Белүбезчә, комедия чынбарлыкны көлү категориясеннән чыгып гәүдәләндерә. Аеруча сатирик әсәрләрдә «көлү — хурлыкка калдыру, юкка чыгару коралы: ул мыскыллы көлүгә дучар ителгәннәрнең уйдорма абруйларын һәм ялган бөеклекләрен юкка чыгара» [5, 31 б.]. Безнең игътибар үзәгендә булган комедияләрдәгә сатирик персонажлар да — шундый көлү капкынына элэккән чор корбаннары. Әдипләр әсәрләрендә, табигатләре белән бер-берсенә охшаш антагонистларны бергә жыйнап, аларны төрле яктан ачып, татар һәм рус жәмгыятьләрендә тамыр жәйгән иң ямьсез, иң тискәре күренешләргә фаш итәләр, кеше характерындагы социаль тирәлек эз салган кимчелекләргә сатира камчысы белән камчылыйлар. Шул рәвешчә социаль-ижтимагый тормыш чирләренең берсенә әверелгән рухи бушлыктан, рухи гариплектән арындырырга омтылалар.

Әдәбият

1. Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. — М.: Наука, 1976. — 254 с.
2. Гоголь Н.В. Өйлөнү: Пьесалар / Г.Шамуков тәржемәсе. — Казан: Татгосиздат, 1952. — 101–162 б.
3. Камал Г.Г. Бүләк өчен // Әсәрләр: 3 томда. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. — 1 т. — 71–83 б.
4. Каюмова Г.И. Кәрим Тинчуринның «Назлы кияү», «Сакла, шартламасын!..» комедияләрендә конфликт һәм характерлар гәүдәләнешә // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции научных сотрудников Института Татарской энциклопедии АН РТ (Казань, 25–26 июня 2014 г.) / Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ. — Казань: Фолиант, 2014. — Вып. 6. — С. 436–451.

5. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. — М.: Искусство, 1976. — 183 с.
6. Сахновский-Панкеев В. О комедии. — Л.–М.: Искусство, 1964. — 224 с.
7. Степанов Н.Л. Н.В.Гоголь. Творческий путь. — М., 1955. — 588 с.
8. Татар әдәбияты: Теория. Тарих / Төз.: Д.Ф.Заһидуллина, Ә.М.Закиржанов, Т.Ш.Гыйләжев, Н.М.Йосыпова. Тулыл. 2нче басма. — Казан: Мәгариф, 2006. — 319 б.
9. Татар әдәбияты тарихы: 8 томда. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. — 4 т. — 533 б.
10. Тинчурин К. Назлы кияү // Драмалар һәм комедияләр: 3 томда. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. — 1 т. — 94–171 б.

ТАТАРЛЫГЫН ЮГАЛТМАГАН МИЛЛӘТТӘШЕБЕЗ

ПРЕДАННЫЙ СЫН ТАТАРСКОГО НАРОДА

THE LOYAL SON OF THE TATAR PEOPLE

Ф.С.Гиниятуллина, Ф.Г.Камальтдинова, В.А.Габдрахманова
F.S.Giniyatullina, F.G.Kamaltdinova, V.A.Gabdrakhmanova

Аннотация. Насур Юрушбаев — журналист, режиссер, сценарист. В 90-х судьба занесла его в Германию. Будучи вдали от родины он не переставал думать о родном народе. В многочисленных немецких библиотеках и архивах он нашел много документов, касающихся татарского народа. Все, что нашел, он привез и официально передал Республике Татарстан.

Ключевые слова: Насур Юрушбаев, Германия, Саксония, Дрезден, журналист, первая печатная книга, библиотека, телевидение, документаль фильм.

Abstract. The article is about — journalist, a film maker, a screenwriter Nasur Yurushbaev. In the early 90s the fate brought him to Germany. Being away from the home and, he never stopped thinking about the native people. In many German libraries and archives he found many documents relating to the Tatar people. All he had found he brought and officially transferred to the Republic of Tatarstan.

Keywords: Nasur Yurushbaev, Germany, Saxony, Dresden, journalist, the first printed book, library, television, documental film.

Татар халкының бөтендөньяга сибелгән хэзинәсен барлаучы, журналист, милләтпәрвәр, режиссер, сценарий, жырлар авторы, республикабызның асыл заты, группадашым Нәсүр Йөрешбаев белән аралашып, сөйләшеп, аны тыңлап үткән һәр мизгел миңа кадерле дә, якты да. Аның әйткән һәр сүзе тормышның һәр вакыйгасы минем өчен бик кыйммәтле. Язмыш сынауларын бер-бер артлы кичеп, һәр өлкәдә үзен танытучы, унышка ирешү

белән дә, тормышның кадерен белеп, татар халкына хезмәт итүе белән дә затлы һәм зыялы, гади һәм бөек шәхес ул Нәсүр.

1961 елда гайнә татарларының мәркәзе булган Пермь төбәгенәң Барда районы Бакчавыл авылында туган егет 1978 елда урта мәктәпне тәмамлап, Оса зооветеринария техникумына укырга керә. 1981 елда Армия сафларына алына һәм Ерак Көнчыгышта хезмәт итә. Хәрби хезмәттән соң журналистика белән кызыксына һәм районның «Таң» газетасында хәбәрче булып эшли башлый. Кызыксынучанлыгы, һәр яктан камил белемгә омтылуы аны 1984 елда Татарстанның башкаласы Казанга алып килә. Казан дәүләт университетының журналистика бүлегендә укый. Күңелә хөрлеккә, карашлары киң офыкларга ымсынган егет ижат дөнъясына кереп чума. Укыган вакытта ук күп йөри, газета-журналларга мәкаләләр яза, жырлар ижат итә, рәсем ясау белән шөгьльләнә һәм телләр өйрәнә.

Яш чыгында чит илдә яшәүне күз алдына да китермәгән егетне язмыш Германиягә алып китә. Университетта укыганда алман кызы белән танышып гаилә кора һәм Башкорт дәүләт университетына аспирантурага укырга керергә жыенган Нәсүрнең язмышы бөтенләй икенче якка үзгәрә. Берлин дивары жимерелә. Гаиләсен алырга барган жиреннән ул да Германиядә калырга мәжбүр була.

Авыл капкасыннан, ата-ана нигезеннән аерылып олы юлга чыгып киткәннән соң, алда нәрсә көткәнне беребез дә белми. Нәкъ менә Нәсүр дә алман жиренә аяк басканда үзенәң язмышының киләчәген белмәгәндер. Германиядә аны кырыс язмыш бик нык сынаса да ул бирешми. Аңа төрле жирләрдә эшләргә туры килә. Тик ул үз максатыннан баш тартмый. Акылын, рухын, белемен, кешелеген һәм иң мөһиме — татарлыгын югалтмый. Татар милләте өчен янып яши, татарны бөтендөнъяга таныта. Зур тырышлык белән Саксония телевидениесендә оператор булып эшли башлый. Телевидениедә саллы, абруйлы, эчтәлекле тапшырулар әзерли. Аннары документаль фильмнар төшерү эшенә керешә. Архивларда эшләгән вакытта исә татар милләтенәң Германиядә зур эз калдырганына инана. Үзенәң документаль фильмнары аша бөтендөнъяга төрки халыклар, татар, башкортларның үз сүзе, моңы, китабы, мәдәнияте, язмышы, бай һәм данлы тарихы барлыгын күрсәтә. Шулу

сәбәпле документаль фильмнары Европада зур казаныш тудыра һәм Россия экраннарында да үзенең лаеклы урынын ала. «Сена елгасы буенда курай моңы» исемле ижади эше татар, башкортларның 1812 елгы Ватан сугышында катнашып, бөтен Европа аша Парижга барып житүләре турындагы документаль фильмы моңа ачык дәлил. «Әтиемнең тавышы», «Трасса», «Ике әсир: Жәвит һәм Вальтер», «Капка» һ.б. фильмнары «Мөселман киносы» фестивальләрендә катнашып барлык милләт халкы тарафыннан жылы кабул ителде. Шуңа рәвешле Нәсүр дөньяви темалар белән эш итеп, тарихи мирасыбызны барлый. Н.Йөрешбаев һәрвакыт юлда, эзләнүдә һәм аның тырышлыгының нәтижәсе — табуда. Изге эшләр эшләп, Европа буйлап чәчелгән һәм 1812 елгы Ватан сугышында, Беренче һәм икенче бөтендөнья сугышы корбаннарының, хәтта чит-ят жирләрдә үлеп калган милләттәшләребезнең каберләрен барлап, карап тора.

Университетта укыган вакытларда Нәсүр Йөрешбаев Әбрар Кәримуллин язмалары аша татар басма китапларын эзләү һәм барлау белән шөгыйләнә. Аның бу хыялы чыңга аша. Ул Европа китапханәләреннән татар чыганакларын эзләп, аларны Татарстанга, татар халкына кайтару максаты белән тырышып йөрүче журналист. Бу өлкәдә дә ул әһәмиятле ачыш ясы. Саксониянең элек-электән «китап басучылар шәһәре» буларак даны чыккан Лейпцигта 1612 елда басылган беренче төрки-татар басма китабын таба. Австрия галиме Иероним Мергизер тарафыннан «Төрки тел нигезе» дип аталган алман телендә язылган һәм төрки-татар теле грамматикасын, фонетикасын өйрәнгән, мәкаль-әйтмәннәр, дога тәржемәләрен туплаган саллы жыентык. Китап Бөек Рим империясенә заказы буенча язылган булырга тиешле хәрби сер дәрәжәсендәге басма. Кайчандыр бөтендөньяны яулап алу хыялы белән яшәгән Европаның бер улы буларак, Мергизер үзе дә искәрмичә, төрки-татарларга беренче басма китап бүлүк итә. Нәсүр Йөрешбаев бу мөһим басманың нөсхәләрен Казанга Бөтентатар конгрессына делегат булып килгәндә алып кайта һәм аны Татарстанның беренче Президенты М.Ш.Шәймиевкә бирәләр. Бу китап Татарстан Фәннәр академиясендә жентекләп өйрәнелеп дөнья күрдә. Кызганычка каршы, яңа китап Нәсүрнең исемен телгә

алмыйча гына нәшер ителә. Югыйсә ерак чорның кадерле мирасы Татарстанга кайтарылуда Нәсүр Йөрешбаевның өлеше бик зур бит. Әлеге китап галимнәр өчен XVII йөздәге татар телен өйрәнү буенча менә дигән әсбап. Берлин китапханәләрендә күп эзләнүләрдән соң ул немец галиме Готтхольд Вайльның «Татар текстлары» китабын таба. Пластинкалар буенча эшләнгән китап булгач аларның пластинкалары булуын да ачыклай. Беренче Бөтендөнья сугышында катнашкан татар егетләренең тавышларын яздырган 43 пластинкага юлыга. Әлеге пластинкаларда алманнар әсирләрдән безнең жырларны, мәкаль, мөзәк, бәетләрне яздырып алалар. Монда әсирләр турында барлык мәгълүмат тупланган борынгы көйләр, жырлар исә саф татарча, әсирләрнең төрле уен коралларында уйнаганнары да яздырылган. Ул вакыттагы башкару рәвеше, тавыш, сөйләм, халык теленең лексик байлыгы — жыр белән кайта. Без бу байлыкны Нәсүр тырышлыгы белән халкыбызның зур тарихи мирасы итеп кабул итәргә тиешбез. Ул әлеге байлыкны Казанга алып кайтып Дәүләт архивларына тапшыра һәм Татарстан Мәдәният министрлыгы каршындагы фольклор үзәгендә русча һәм татарча тәржемә итеп бастырып чыгаруда зур хезмәт куя. Бу китап та Нәсүр Йөрешбаевның тәржемәче икәнлеген искәртмичә генә дөнья күрә. Чит илдә яшәп, гомере буе татарга хезмәт итүче милләттәшбезнең ачышларын, табышларын күрә белсәләр, бу аның өчен әйтеп бетергесез горурлык булып иде. Дрезден шәһәре китапханәсендә табылган, немец галиме Фляшейр эшләгән «Кулъязмалар каталогы»нда төрки-татар дастан вариантларының барлык нөсхәләрен дә туган илгә кайтара алсак, һичшиксез, татар әдәбиятына, тарихына, мәдәниятенә яңа сәхифәләр өстәр иде. Әлеге каталогта 400 дән артык безнең тарихка караган документлар теркәлгән. Алар арасында — «Йосыф һәм Зөләйха», «Дастани Жәмжәмә» бар.

Нәсүрнең тагын иң зур максаты — татар киносы аша татарның бөеклеген бөтендөньяга таныту. Шунның өчен ул Германия, Австрия, Англия, Франция, галимнәре белән хезмәттәшлек итә. Аның бу максатын тормышка ашыру өчен Татарстан вәкилләре дә ярдәм итәр, аның эшләгән эшләренә югары бәя бирелер дигән өметтә каласы килә. Көнбатыш

Европа халыклары каршында татар милләтенен никадәр акыллы, талантлы, тугры, кешелекле, иманлы булуын раслап яшәүче Нәсүр туган авылы, Казан белән дә тыгыз элемтәдә тора. Ел саен «Мөселман киносы» фестивалендә катнаша, татарларның мәдәнияте, яшәеше турында язган «Хикәяләр, публицистика, сценарий, шигырьләр», «Сценарий һәм пьесалар», балалар өчен «Бәхет миңа нәрсә ул?» китаплары авторы. Ижат иткән жырлары, шигырьләре, репортажлары республиканың иң мәртәбәле газета-журналларында басыла. Күргәнебезчә, басылган язмалары үзләренәң актуальгә белән бүгенгә көнгә аваздаш. Шунның өчен киң катлам укучылар тарафыннан яратып укыла. Хәзергә көндә Нәсүр үзенең 10 томлык жыентыгын, ике фәлсәфи пьесасын һәм 20 дән артык жырларын китап итеп чыгару белән мәшгуль. Чиләбе өлкәсендәге Лейпциг авылында аның житәкчелегендә «Халыклар дуслыгы» һәйкәле ачылачак. «Россиянең ачык капкалары» дигән Россия күләмендәге проект өстендә эшли. Ул татар авылларының югалган авыл капкаларын яңадан кайтару. Капка татарларда бик көчле символик мәгънәгә ия. Татарның бөтен тормышы капка аша уза. Авыл капкасы булмаса — авыл бәхетсез. Пермь өлкәсенең Бакчавыл һәм Күгия авылларында инде ике капка утыра. Әлегә проект буенча эш быел Татарстанда да башланды.

Үз теле, моңы, гореф-гадәте, йолалары белән татар халкы бүген яши икән, моңа, әлбәттә, каләмдәшем Нәсүрнең дә өлеше зур дип саныйм. Шулай икәнлеген Саксония, Франция, Башкортстан дәүләтләре тарафыннан биргән медаль һәм Мактау грамоталары да раслый. 1812 елның Бөек Ватан сугышы тарихында эзләнүләре өчен Мәскәүдә «Кызыл Хач»ордены белән бүләкләнә. «Мөселман киносы»нда катнашкан «Әтием тавышы» документаль фильмга Конгресс тарафыннан Мактау грамотасы бирелә. Ижади уңышлар сиңа татарлыгын югалтмаган милләттәшебез. Үз акчасына шундый эшләр ижат иткән Нәсүр Йөрешбаевка рәхмәттән башка сүз юк.

Әдәбият

1. Кәримуллин Ә.Г. Китап дөньясына сәяхәт: (Татар басма сүзенең сәхифәләреннән). — Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. — 208 б.
2. Мөхәммәтшин Р. Н.Юрушбаев белән әңгәмә // Безнең мирас. — 2016. — №8.
3. Татар журналистикасы — халыкка хезмәттә: фәнни мәкаләләр жынтыгы / төзүче-мөхәррирләр В.З.Гарифуллин, Р.М.Зәйни. — Казан: Казан ун-ты нәшр., 2016. — 296 с.
4. Уразов А. «Рядом из страны открытых ворот» // Таң. — 2015. — № 30. — С.2.
5. Юрушбаев Н.А. Рассказы, публицистика, сценарий, стихи. — Казань: Ихлас, 2013. — 208 с.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ ПЕТЕРБУРГТА

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

GABDULLA TUKAY IN SAINT-PETERSBURG

А.Д.Закиров

A.D.Zakirov

Аннотация. Рассматриваются некоторые факты пребывания великого татарского поэта Габдуллы Тукая в 1912 году в г. Санкт-Петербурге. Впервые публикуются подробные сведения метеорологических наблюдений в те дни. Дается краткая справка о зданиях, посещавшихся Тукаем и о людях, встречавшихся с ним.

Ключевые слова: Габдулла Тукай, Тукаевские места, Санкт-Петербург, погода Петербурга.

Abstract. Some facts of the stay of the great Tatar poet Gabdulla Tukay in 1912 in St. Petersburg are considered. For the first time detailed information of meteorological observations of these days is published. A brief reference is given on the buildings visited by Tukay and about the people who met with him.

Keywords: Gabdulla Tukay, Tukay's places, St. Petersburg, the weather of St. Petersburg.

Габдулла Тукайның 1912 елның апрель аенда Петербург шәһәрәндә булуы турында күп язылган, бу вакыйгалар Тукайның көндәлекләрендә дә урын алган [5, 65–75 бб.]. Беренче язма — Шәриф Әхмәтжановның «Искә төшерү (Габдулла Тукаев Петербургта)» язмасы «Сибиря» газетасының 1913 ел 26 май санында дөнья күрә [14, 200–206 бб.]. 1914 елның 2–15 апрелдә «Вақыт» газетасының 5 санында Кәбир Бәкеровның язмасы басыла [15, 602–662 бб.]. Шул ук 1914 елның 2 апрелдә «Ил» газетасында Хәбибрахман Зәбириненң «Габдулла әфәнденең Уфадан Петербургка баруы» дигән истәлекләре [15, 668–670 бб.], Кәрим Сәгыйтнең (Габделкәрим Мөхәммәтша

улы Сәгыйтев) «Тукай тормышыннан истә калганнар» дигән хатирәләре 1920 елларда нәшер ителә [14, 168–175 бб.]. Ибраһим Нуруллин 1979 елда чыккан «Габуллa Тукай» исемле китабында Тукайның Петербургка баруына тукталып үтә [4].

Тукайның кыска гына гомерендә бу вакыйга зур урын алмаса да, аның сәфәренең кайбер якларын тагын бер ачыклап узарга була. Беренчедән, Тукай Петербургка үпкә авыруыннан нык интеккән хәләттә килгәнлектән, төньяк шәһәрнең үзенчәлекле һава торышының да аның сәләмәтлегенә тәэсире сизелерлек булгандыр. Санкт-Петербурктагы Воейков исемендәге Баш геофизик обсерваториядә 1912 елдагы һава торышын күзәтүләрененә төгәл мәгълүматлары сакланган [8]; алар обсерваториядә күп еллар эшләүче галим, Рус география жәмгыятенә метеорология комиссиясе рәисе, милләттәшебез Камил Шәех улы Хәйруллин ярдәме белән алынды. 20нче апрельдән бнчы майга кадәрге мәгълүматлар кушымтадагы таблицада бирелә.

1912 елның апреле башка еллардан суык көннәре һәм яңгырларның ешрак булуы белән аерылып тора. Ул елда көнбатыш, төньяк-көнбатыш төбәкләрдә салкын көннәр айның икенче яртысында, бигрәктә өченче ункөнлектә булган. Яңгырлар күбрәк айның беренче яртысында булып, икенче яртысында сирәгәйгәннәр. Нева елгасы 18 апрельдә ачылган, боз агуы башланган, гадәти елларда бу күренеш 21 апрельдә башлана торган булган. Әлегә елда табигать, башка елга караганда 10–12 көнгә соңрак уянган, язгы чөчү эшләре дә ике атнага соңрак башланган.

Муса Бигиевның Сергиевская урамында (хәзер Чайковский урамы) урнашкан 81нче йорттагы фатирына тукталып, биш көн (дүрт кич куна) шунда яшәгәндә Тукай күп уңайсызлыklar кичерә, бигрәк тә аралашырга кеше булмаудан — чөнки М.Бигиевның фатирында, аның үзеннән башка, хатын-кызлар гына була. И.Нуруллин язганча, Бестужев курсларында укучы, фатир хужасына туган тиешле Мәрьям исемле кыз да шунда яшәгән; Бигиевның хатыны Әсма ханымның сөйлесе, шулай ук Бестужев курсларында укучы Гөлсем Камалова да еш килеп йөргән. Яшь, сәләмәт бу кызларның Тукайга карата мөнәсәбәтләре самими булса да, алар өчен бу очрашу бер истәлекле вакыйга буларак кына кабул ителгәндер. Шаулап, көлешеп утырган курсисткалар бүлмәсе һәм кухня аркылы йөрү мөжбүрилеге авыру кеше

өчен уңайсыз булган, билгеле [15, 669 б.]. Метеорология күзәтүләреннән күренгәнчә, ул көннәрдә һава температурасы әлләни югары күтәрелмәсә дә, кояшлы көннәр булгалаган, яңгыр да яумаган. Шулай да, авыру Тукайның Уфадан Петербургка кадәрге озын юлдан соң хәле жиңел булмаганга, ул М.Бигиев фатирыннан яқындагы Таврический бакчасына сирәк чыгып йөргәндер, дия алабыз.

Гөлсем Камалова турында аерым язып узу да урынлы, чөнки ул сокланырлык һәм аяныч язмышлы шәхес. Өммегөлсем Закир кызы Камалова 1889 елда Казанда (кайбер чыганаclarда Чистайда) туган. Этисе, заманында күренекле дин әһеле Закир ишан иртә үлеп киткәч, абыйсы Ибраһим Камалов гаиләсендә яши. Башлангыч белемне Чистайның «Әмирхания» мәдрәсендә ала. Соңыннан Чистай, Казан гимназияләрендә укый. 1911 елда Санкт-Петербургның югары Бестужев курсларына укырга керә. 1912 елда Балкан сугышы башлангач, Өммөгөлсем белән тагын өч кыз (ике курсистка, бер медицина хезмәткәре) Төркия хөкүмәте чакыруы буенча, сугышта яраланган солдатларга ярдәм итү теләге белән, Истанбулга китәләр. Шул вакытта төшкән фоторәсеме 2015 елда Казан Кремлендәге Ислам мәдәнияте музеена тапшырылды [13]. Төркиядә Өммегөлсем Камалова татар газеталарына мөкаләләр дә яза. 1913 елда Казанга кайта, фабрикант Габдулла Акчуринга кияүгә чыга. Гражданныр сугышы вакытында аклар ягында булалар, сугыштан соң Ленинград шәһәрендә яшиләр. Ире кулга алына, төрмәдә үлә, 1937 елда улы Яхъя да кулга алына һәм атып үтерелә. Иренең туганнары шулай ук репрессия корбаннары булалар. Ул үзе халык дошманнары хатыны тамгасы белән зур авырлыklar кичереп яши. Шулай да, ике кызын укытып дөнъяга чыгара. 1957 елда Казанда вафат була.

Өммегөлсем Камалова белән 1912 елда Төркиягә шәфкать туташы булып киткән дүрт мөселман кызының тагын өчесе: Мәръям Паташева (Паташ Мәръям) — Ростов шәһәреннән, татар бае кызы, Петербургта медицина хезмәткәренә укыган; Мәръям Якупова — Ташкент шәһәреннән, Рукия Юнусова — Петербургтан [16]. Өммегөлсемнең ахирәтләре буларак, бу кызларга да Тукай белән очрашырга туры килгәндер дигән уй килә.

Тукай белән аралашучылырның берсе — Лотфулла Исаков [9], ул вакытта Петербургта дүртенче мөхәллә мулласы, мөселмән мәктәпләре мөдире. Аның да язмышы сикәлтәле. Лотфулла хәзрәт Иркутск мәчете имам-хатибы була, Петербургка күченә, 1900 елларда Финляндиядәге татарлар белән аралаша. 1916 елда патша хөкүмәте аны панисламизмда гаепләп төрмөгә утырта. Советлар заманында, 1922 елда, Финляндиягә күчеп китә, анда татар мәктәпләрендә укыта, татар кызлары өчен мәктәпләр ачуда катнаша. 1925 елда Төркиягә барганда юлда вафат була. 1945 елда Финляндиядә аңа багышлап «Имам Лотфулла Исакаый хәзрәт» дигән китап чыгарыла.

Тукай Санкт-Петербургта танышкан, аның белән бик еш аралашкан кешеләрдән Мөхәммәтсафа Баязитовны да атап була. Аның әтисе Гатаулла Баязитов [2] — касыйм татары, Баймурат, Кышкар мәдрәсәләрендә белем ала. 1871 елдан Петербургның 2нче мөхәлләсен житәкли. Шәһәрдә мәчет булмау сәбәпле, жомга намазлары, дини бәйрәмнәр ул яшәгән Мойка елгасы яры буе урамы, 22 йортта уздырыла. Гатаулла Баязитов Россиянең Тышкы эшләр министрлыгы Азия департаментының укыту бүлегендә укытучы һәм тәржемәче булып эшли, шулай ук Петербург гарнизонында хәрби ахун эшен башкара. 1881 елда Петербургта мәчет төзү өчен рөхсәт сорап хөкүмәткә мөрәжәгать итә. Бары тик 1906 елда мәчет төзелешенә рөхсәт алына, акча жыйнау һәм төзелеш башлана. Иң мөһиме, Гатаулла Баязитов 1905 елның 2 сентябрендә Петербургта беренче татар вакытлы матбугат басмасын — «Нур» газетасын чыгара башлый. Аның басмаханәсе Зур проспекттагы 45нче йортта урнашкан була. 1911 елда, Гатаулла Баязитов үлгәч, аның эшен улы Мөхәммәтсафа Баязитов дәвам итә.

Сафа Баязитов [9] Казанда «Мөхәммәдия» мәдрәсәсендә белем ала, 1900–1903 елларда Петербургта Гуревич гимназиясендә укый. 1903 елда Петербург университетының Шәрәкь телләре бүлегенә укырга керә; кызганычка каршы, укуын тәмәмләмәй. Әтисе вафатыннан соң Петербургның 2нче мөхәлләсе имамы итеп билгеләнә. Шулай ук Петербург хәрби округы имамы булып тора, хәрби укыту йортларында дин белеме укыта, Россиянең Тышкы эшләр министрлыгында тәржемәче булып эшли. 1915 елда мөселманнарның Оренбург Диния идарәсе

мөфти итеп билгеләнә. 1918 елда Петербург мөчете имамы вазифасын башкара. 1932 елда совет хакимиятенә каршылыкта гаепләп, 5 елга төрмөгә утырталар. 1936 елдан Казанда, кызы Вәлидәдә яши. Хакимият аны муллалыкны ташларга мәжбүр итә, хисапчы курсларында укый. 1937 елның 6 декабрдә тагын кулга алалар, муллалыкта гаепләнә, 1937 елның 26 декабрдә Татарстан НКВДсы карары белән атып үтерелә.

Петербургның 1912 елдагы адреслар китабына [3] карап фикер йөртсәк, Тукай килгән вакытта «Нур» газетасы басмаханәсенә бнчы Рождественская урамындагы 7нче йортта урнашуы ихтимал, ул йортта шулай ук Сафа Баязитов гаиләсе дә яшәгән. Йорт адреслар китабында Сафаның хатыны Зөләйха Рәхмәтулла кызы Халитова исеменә язылган, аңа бирнә булып килгән йорт була. Бу йортка Тукай бик еш килеп йөри, шунда граммофон аша «Евгений Онегин» операсын яратып тыңлый, үзенә яңа бер дөнья ача. Бу турыда Тукайның көндәлекләрендә бик жылы язылган. Тукай бик көнәгать булып, операны театрда тыңларга теләк белдерә. Билетлар алына. Мариинский театры музеенә белешмәләреннән күренгәнчә, 1912 елның апрелдә «Евгений Онегин» операсы өч мәртәбә — айның 3, 10 һәм 26 нчы көннәрендә күрсәтелә [1]. Тукай Петербуртта булган көннәрдән 26 апрель генә туры килә. Ләкин аның хәле авыраеп китеп, театрга бара алмыйлар. Метеорология күзәтүләре таблицасында теркәлгән 26 апрельдәге һава торышына күз салсак, ул көннең үпкә авырулы кеше өчен бик килешми торган, салкын җилле, болытлы булуына игътибар итәрбез. Төнлә яңгыр сибәләгән. Икенче көнне үк, Тукайның хәле авыраюын күреп, дуслары табибка күренергә үгетлиләр. Университет студенты Шакир Мөхәммәдъяров Александр Польне алып килә. Табибның Тукайны каравы турында күп язылган, язмалар бер-берсенә бик охшаш. Шуларга өстәп, Санкт-Петербург шәһәре архивында А.Р.Поль турында сакланган кайбер мәгълүматларны тәкъдим итәбез [7].

Александр Робертович Поль 1876 елның 29 сентябрдә дөньяга килә. Эти-әнисе һөнәрчелек белән шөгелләнә. 1900 елда Хәрби медицина академиясен тәмамлый, лекарь исемә ала. Хәрби ведомство стипендиясе алып укыганы өчен, 4 ел һәм ун ай ярым дәвамда хәрби хезмәт узарга тиеш була, хәрби

хезмәттә 1906 елга кадәр була. Башта 14нче Литва драгун полкында, соңыннан Лейб-гвардия Литва полкында, Варшава шәһәрәндә хезмәт итә. 1900 елда Софья Николаевна Ермоловага өйләнә. 1901 елда уллары Николай, 1904 елда Валентин, 1911 елда Мстислав туа. Хәрби хезмәттән азат булгач, Санкт-Петербург университетында табиб булып урнаша. Эшенә якын һәм ашыгыч ярдәм күрсәтүдә тоткарлык булмасын өчен, университет житәкчелеге аңа эш урынында ук торак бирә (адресы: Васильев утравы, Университетская набережная урамы, 9 йорт). А.Р.Поль 1923 елның 12 августында эш урынында кинәт үлеп китә. Петербургта Волков зиратында жирләнә, хәзергә каберен таба алмадык. Г.Тукайның А.Р.Поль шәхесенә биргән бәясә гаять зур, ул аны «Үлгән тәнгә рух өрә торган фәрештә» дип атый, Петербургтан Уфага кайткач Кәбир Бәкергә юллаган хатында «Шакирга шундый пәйгамбәр төсле кешесе өчен рәхмәтемне, ни генә әйтим» дип яза.

Шакир Зариф улы Мөхәмәтъяров [12, 4нче том] Орск шәһәрәндә 1883 елда гади һөнәрче гаиләсендә туа. Яштән үк бик зирәк бала була. Жәдитчә укуыткан мәдрәсәдә бер елда өч сыйныфны уза. 1901–1905 елларда Казанда укуытучылар мәктәбендә, Хөсәен Ямашев, Гаяз Исхакый, Гафур Колахметов белән бергә укый. 1905 елгы Революция чуалышларында катнашканы өчен кулга алына, Казаннан сөрелә. 1911 елда Петербург университетының юридик бүлеген тәмамлай. Дәүләт алдында ышанычсыз саналганлыктан, чыгарылыш имтиханнарын тапшырырга рөхсәт бирмиләр. Бары тик 1915 елда гына, имтиханнарын тапшырып, юрист дипломы ала. Казанда юридик палатага эшкә урнаша. 1916 елда Оренбург губернаторы кацеляриясендә юрист булып эшли [16]. Революция вакытында сәяси, соңрак төрле эшләрдә. 1930 елдан Ташкентта милиция мәктәбендә укыта. Казанга кайтканда Хөсәен Туфан, Әмирхан Еники белән аралашуы билгеле. 1967 елда Ташкентта вафат була.

Кәбир Кәрим улы Бәкерев (Кәбир Бәкер) — журналист, язучы, драматург, әдәбият һәм театр тәнкыйтчесе, педагог. Тукай белән Казанда ук таныш була, Петербургта аның белән тыгыз аралаша; 1914 елда бу турыда хатирәләрен бастыра [12, 1нче том]. Ул 1885 елда Оренбург өлкәсендә туа, 1905 елдан Петербургта «Нур» газетасында, аннары Казанда Габдулла Тукай, Фатих

Әмирхан һәм Шәехзәдә Бабич һ.б. белән бергә «әл-Ислах», Оренбургта «Вақыт» газеталарында, «Шура» журналында эшли һәм языша. 1912 елда Балкан сугышы вақытында Петербургтан Төркиягә барып, яралы сугышчыларга ярдәм итүдә катнаша. Революциядән соң Ташкентта эшли, «Олуг Төркестан» газетасын оештыра һәм аның мөхәррире була [16]. 1926 елда Себергә, 1930 елда Соловкига сөргенгә жибәрелә. 1944 елда Куйбышев (хәзерге Самара) шәһәрәндә вафат була.

Петербургта Тукай белән аралашкан кешеләрдән Манатов (Монатов) Шәриф Әхмәтжан улы [10] 1887 елда Оренбург губернасында мулла гаиләсендә туа. «Галия» мәдрәсендә укый, Семипалатинск семинариясендә урта белем ала. Санкт-Петербург Психоневрология институтының педогогия факультетында тарих фәннәрен өйрәнә. Тукай Петербургка килган вақытта Ш.Манатов «Нур» газетасында эшли, Тукай белән еш аралаша. 1914 елда Стамбул университетында укый, 1916 елда Цюрихта Ленин белән очраша. Революция һәм Гражданнар сугышы вақытында Башкортстан автономиясе өчен көрәшә. 1918 елда ВКП(б) сафларына керә, 1919 елда Төркиягә Коммунистлар партиясе төзүдә булышлык итәргә жибәрелә, 1920 елда туган иленә кайта, төрле төбәкләрдә партия, хөкүмәт эшләре, укыту өлкәләрендә хезмәт куя. 1935 елда контрреволюцион гамәлләрдә гаепләнәп партиядән чыгырла, 1936 елда Башкортстанда авырудан вафат була.

Кәрим Мөхәммәтша улы Сәгыйтов та — Тукай Петербургка килгәч, аның белән еш аралашкан кеше [11]. 1888 елда туа, журналист, төрки телләр белгече. Кәрим Сәгыйт Тукай белән 1905 елдан бирле хатлар аша таныш булалар. 1910 елда Казанда алар арасында кыска гына очрашып сөйләшу була. 1912 елда дусларының киңәше буенча, Петербургта берәр яхшы табиб табу теләге белән, аннан «Сүз» дип аталган татар газетасы чыгаруда катнашырга чакырулар да килгәч, Тукай Петербургка сәфәр чыгарга була. Югарыда әйтелгәнчә, К.Сәгыйтнең «Тукай тормышыннан истә калганнар» хатирәләре 1920 еллар тирәсендә язылган [14, 168–175 бб.]. Ул 1918 елда «Шималь ягы» дигән татарча газета чыгара, аның мөхәррире була. 1920 елларда Казан басмаларында аның милли мәдәният һәм икътисадка багышланган мәкаләләре еш басыла. 1934 елдан Ленинградта

СССР Фәннәр Академиясенең Көнчыгышны өйрәнү институтында һәм Тарих-археология институтында эшли. Төрки кулъязмалар жыйнау, аларны өйрәнү белән шөгөлләнә. 1936 елның февраль аенда халык дошманы дип кулга алына, 1939 елда авыр эштән, авырудан һәм ачлыктан БАМЛАГта (Свободный шөһәрәндә) вафат була.

Тукай белән очрашуга укучы балалар алып килгән мөгаллим Мәхмүт Сипаев турында мәгълүмат бик аз. Беренче бөтендөнъя сугышында хәрби мулла буларак катнашкан булырга мөмкин.

Петербургта Г.Тукай М.Бигиев фатирыннан Казанская урамындагы 5нче йортка күчкәч, гел Сафа Баязитов йортына ашарга йөрүне авырсынып, үзе урнашкан бүлмәнең тәрәзәсеннән күренеп торган бер ресторанга кереп ашый торган булалар. Безнең уйлавыбызча, ресторан Казанская урамындагы 6нчы йортта урнашкан булган. 1912 елгы адреслар китабы буенча, Тукай торган бүлмәнең тәрәзәсеннән күренгән ресторан шул гына булырга тиеш, якин-тирәдә башкасы юк. 1912 елгы бу язмаларда ресторанның исеме күрсәтелмәгән, хужасы Михаил Кузьмич Назаров булуы мәгълүм [3]. Хәзер бу урында шулай ук ресторан эшли.

Чыганаclarга караганда, Габдулла Тукай Петербургка 20 апрельдә килгән булса, китүен төрлечә язалар. Тукай көндәлекләрендә Петербургта 13 көн булдым дип яза. И.Нуруллин 2 майда Петербургтан китте дисә, Габдулла Тукай энциклопедиясендә Тукай 6 май төнлә поезд белән Уфага китә дип язылган [6, 106 һәм 516 бб.]. Билет бәяләре 1912 ел мәгълүматларынан күренгәнчә, Петербургтан Мәскәүгә 3нче класслы плацкарт урын 6 сум 40 тиен торган [3]. Турыдан-туры санаганда, шул урыннар Петербургтан Уфага 14 сум чамасы булгандыр.

Без, Петербург татарлары өчен Габдулла Тукайның Петербургка кыска вакытка булса да килеп китүе, аның биографиясе бөек шөһәрәбез белән бәйлә булуы зур горурлык. Бу безне Татарстаныбыз белән тагын да якынайта торган вакыйгаларның берсе. Шуңа күрә Тукайның биографиясе һәм ижаты, бигрәк тә аның Петербургта булуы белән кызыксыну һәм өйрәнү тукталмый, яна фактлар, архив документлары, шөһәрнең бүгенге адресларын Тукай булган урыннарга бәйләү дәвам итә. Шөһәрәбездә Кронверк проспектындагы скверда бөек шагыйрәбезгә

һәйкәл куелган. Аның Казанская урамындагы 5нче йортта кунакханәдә яшәвен билгеләп, бу бинага гранит таштан истәлек тактасы эленгән. Сергиевская (хәзер Чайковский) урамындагы 81нче йортка да Тукайның Муса Бигиев фатирында яшәве турында шундый истәлек ташы куярга кирәктер.

Кушымта.

Санкт-Петербургта 1912 елдагы һава торышы күрсәткечләре (Воейков исемендәге Баш геофизик обсерватория архивыннан).

Дата	Вакыт	Атмосфера басымы	Темп.	Күк торышы (0 – аяз)	Жил юнәлеше һәм көче	Явым-төшем, башка күренешләр
20.04	7.00	774,4	2,8	3	ТКч 1	–
20.04	13.00	774,8	15,7	2	ТКч 1	–
20.04	21.00	775,9	10,0	0	Т 2	–
21.04	7.00	778,0	4,1	0	ТКч 2	боз китү
21.04	13.00	773,9	9,8	0	ТКч 2	–
21.04	21.00	779,1	4,6	0	Т 2	–
22.04	7.00	779,2	1,8	0	Кч 0	–
22.04	13.00	777,0	6,9	3	ТКб 2	–
22.04	21.00	773,8	2,4	0	ТКб 2	–
23.04	7.00	773,1	1,8	0	Кб 0	–
23.04	13.00	770,9	7,6	4	ТКб 1	–
23.04	21.00	768,1	4,0	4	ТКб 0	–
24.04	7.00	766,1	2,3	0	Кб 0	–
24.04	13.00	764,5	7,9	3	ТКб 1	–
24.04	21.00	762,3	4,0	0	ТКб 0	–
25.04	7.00	763,3	1,3	3	Т 2	–
25.04	13.00	764,9	–0,2	4	ТКч 2	–
25.04	21.00	763,5	–0,5	4	ТКч 0	–
26.04	7.00	759,5	–0,8	4	ККб 2	боз китү
26.04	13.00	755,5	3,6	4	К 2	–
26.04	21.00	751,0	2,6	4	ККб 0	–
27.04	7.00	749,7	1,4	4	ККб 0	яңгыр, 2 мм, боз китү
27.04	13.00	750,7	3,3	4	Кб 2	–
27.04	21.00	750,6	1,7	4	Кб 1	–
28.04	7.00	751,1	1,3	3	Кб 0	–

Дата	Вақыт	Атмосфера басымы	Темп.	Күк торышы (0 – аяз)	Жил юнөлеше һәм көче	Явым-төшем, башка күренешләр
28.04	13.00	752,0	4,1	2	Кб 0	–
28.04	21.00	753,1	1,2	3	ТКб 1	–
29.04	7.00	753,8	–0,4	4	Кб 1	кар, 1 мм
29.04	13.00	756,2	2,0	4	ТКб 1	–
29.04	21.00	759,3	2,0	4	ТКб 1	–
30.04	7.00	762,1	–0,5	4	ТКч 1	яңгыр, 1 мм
30.04	13.00	762,9	3,0	3	ТКч 1	–
30.04	21.00	762,2	–0,1	1	ККч 1	–
1.05	7.00	761,2	1,2	0	ККб 1	боз китү
1.05	13.00	759,9	6,3	1	ТКб 1	–
1.05	21.00	758,9	2,2	4	ТКб 1	–
2.05	7.00	760,0	1,8	0	Кч 1	–
2.05	13.00	760,2	4,7	0	ТКч 2	–
2.05	21.00	760,8	1,8	1	ТКб 1	–
3.05	7.00	761,2	1,0	4	Кч 0	–
3.05	13.00	760,7	3,2	4	Кч 0	–
3.05	21.00	758,8	0,7	0	Кч 0	–
4.05	7.00	753,8	–0,5	4	ККч 1	кар, 1 мм
4.05	13.00	750,9	4,2	4	ККч 2	–
4.05	21.00	748,5	5,7	4	К 2	–
5.05	7.00	747,5	4,4	4	ККб 1	яңгыр, 1 мм
5.05	13.00	749,3	3,1	4	ТКб 1	яңгыр
5.05	21.00	755,4	1,2	4	ТКб 2	–
6.05	7.00	760,7	1,3	4	ТКб 2	яңгыр, 1 мм
6.05	13.00	763,5	3,3	4	Кб 2	–
6.05	21.00	764,7	1,8	4	ТКб 2	–

Әдәбият

1. Архив Мариинского театра г.Санкт-Петербурга. Репертуарная книга 1912 года.

2. Баязитов Гатаулла / Р.Мухаметшин. — Электронный ресурс: http://www.islam-portal.ru/learn/characters/?ELEMENT_ID=945, дата обращения 20.04.2017.

3. Весь Петербург на 1912 год: адресная и справочная книга г.С.-Петербурга. — [СПб.]: издание А.С.Суворина, [1912]. — 1209 с., 2492 стб.

4. Габдулла Тукай / И.Нуруллин. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. — 304 б.

5. Габдулла Тукай. Дневники. — Казань: «Смена», 2016. — 116 с.

6. Габдулла Тукай. Энциклопедия / Баш мөх. З.З.Рәмиев. — Казан: Г.Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. — 864 б.

7. Государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10012.

8. Журнал метеорологических наблюдений Главной геофизической обсерватории им. Воейкова. 1912 год. г.Санкт-Петербург.

9. Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. и отв. редактор — Д.З.Хайретдинов. — М.: Издательский дом «Медина», 2009. — 308 с.

10. Манатов Шариф Ахметзянович (Ахмедович) / Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917–1991). — Электронный ресурс: <http://memory.pvost.org/pages/manatov.html>, дата обращения 20.04.2017.

11. Татарская община Санкт-Петербурга: к 300-летию города / Рахим Теляшов. — СПб., 2003. — 510 с.

12. Татар энциклопедиясе: 6 томда.— Казан: ТР ФАнәң Татар энциклопедиясе институты. — 1 т.: А–В. — 2008. — 720 б.; 4 т.: М–П. — 2014. — 632 б.

13. Татарский привет с Балканской войны / Гульназ Бадретдин. — Электронный ресурс: <http://www.islam-portal.ru/novosti/105/5883/>, опубликовано: 24.06.2015, дата обращения 20.04.2017.

14. Тукай турында истәлекләр / И.Нуруллин, Р.Якупов. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. — 256 б.

15. Тукай — ядкярләрдә: 2 томда. 1 том / Р.Исламов, Ж.Миңнуллин. — Казан: «Жыен», 2015. — 968 б.

16. Шәехзәдә Бабич. Зәңгәр жырлар. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. — 543 б.

УДК 82.512.145

МИРКАСЫЙМ ГОСМАНОВ — ӘДӘБИЯТ БЕЛГЕЧЕ

МИРКАСЫМ УСМАНОВ — ЛИТЕРАТУРОВЕД

MIRKASIM GOSMANOV IS A LITERATURE SCIENTIST

Р.Ф.Исламов

R.F.Islamov

Аннотация. Статья посвящена научной деятельности видного ученого Миркасыма Абдулахатовича Усманова в области татарской литературы.

Ключевые слова: М.Усманов, татарская литература, поэт, литературовед.

Abstract. The article is devoted to the scientific life of a prominent scientist Mirkasim Abdulahatovich Usmanov, his work in the Tatar literature.

Keywords: M.Usmanov, tatar literature, poet, literature scientist.

Танылган тарихчы һәм археограф, киң эрудицияле һәм күпкырлы галим, тарих фәннәре докторы, профессор, Татарстан Фәннәр академиясенен хакыйкый әгъзасы, мөгаллим һәм остаз, актив жәмәгать эшлеклесе, Казан шәһәренен шәрәфле гражданы Миркасым Габделәхәт улы Госманов (1934–2010) татар әдәбиятын өйрәнү өлкәсендә дә тирән эз калдырган шәхесләрнен берсе.

М.Г.Госмановның татар әдәбияты тарихын өйрәнү өлкәсендәге эшчәнлеге хронологик яктан XIII гасырдан алып хәзерге чорны эченә ала. Билгеле булганча, 1983 елда Кол Галинен тууына 800, «Кыйссаи Йосыф» поэмасы ижат ителүгә 750 ел тулу уңаеннан Казанда юбилей тантаналары һәм фәнни конференция булды. Миркасым ага бу зур мәдәни чарага багышлап, филология фәннәре кандидаты Фазыл Фәсиев тарафыннан әзерләнәп нәшер ителгән «Кыйссаи Йосыф» басмасының махсус мөхәррир булды [1]. Матбугатта мәкаләләр

белән чыкты, конференциядә тирән эчтәлекле доклад ясады. Әлеге әсәрнең халык арасындагы популярлыгын болай аңлатты: «Кол Галинең әсәренә халыкның шундый мөхәббәтә нәрсә белән аңлатыла соң? Бу киләчәк буыннар өчен «документаль» образ булган нинди дә булса «изге»нең тормышы мавыктыргыч тасвирланган агиографик әсәр түгел ләбаса. Дингә ышанучыларның көндәлек ихтыяжларын канәгатьләндерә торган «универсаль» характердагы дини китап та түгел. Кол Гали әдәби әсәр иҗат иткән» [2, с. 44].

Казан ханлыгы чоры шагыйре Мөхәммәдъяр да галимнең игътибар үзәгендә булды. Борынгы әдәбият белгече Шакир Абилов тарафыннан бастырылган «Мөхәммәдъяр. Төхфәи мәрдан. Нуры содур» дигән җыентыкка ул төфсиллә бөяләмә язып чыкты. Шагыйрь әсәрләренең икенче басмасында исә «Мөхәммәдъяр: бөеклек фажигәсе» дигән мәкаләсә белән катнашты. Галим әдип мирасына тирән анализ ясап, болай ди: «Кайбер бәхәслә мәсьәләләргә тыныч юл белән, хәзергечә әйтсәк, «цивилизациялә чаралар белән» хәл кылырга өмет бар иде әле. Дәрәс, ил эчәндәге үз аксөяк катламнарның башбаштаклыгы — гаделлектән, ояттан, тугрылыктан, намуслылыктан ерак торулары гына борчый. Бәлки аларны үгет-нәсыйхәт юлы белән тугры юлга күндереп булыр?.. Дәрәсләк һәрвакытта жиңеп чыккан кебек, шул зур хакыйкәтнең бер өлешә булган гаделлек тә өстен чыгарга тиештер бит?!. Әллә шагыйрьнең мондый иманда торырга хакы юк идеме?!. Идеаллары гомүкешеләк югарылыгында торган ихләс гуманистның фикер иясә буларак бөекләгә дә, конкрет шәхәс — билгелә чор вәкилә буларак фажигәсә дә шулай барлыкка килгән иде» [3, 332 б.].

Шагыйрь, фикер иясә, дин эшләкләсә Габдерәхим Утыз Имәни — әдәбиятәбәз һәм мәдәниятәбәз тарихында тирән эз калдырган шәхәсләргә берсә. Аның мирасын тикшерү юнәлешәндә нәтижәлә эш алып барып, М.Г.Госманов болай язды: «озын гомәренә икә өлешә икә гасырга бер дәрәжәдә диярләк тигез килгән әдип иҗаты тарихыбыздагы икә чорның каршылыклы сыйфатларын, үзәнчәләкләрен берьюлы чагылдыра, хәтта аларны чишелмәсләк төән рәвешәндә бергә укмаштырып бирә. Шул ягы белән ул әлегә икә чор арасындагы күпернә, ягъни рухи дөнъябызның искәдән яңага, торгынлыктан хәрә-

кәткә, аннарда хөкем сөргән динилектән дөньявилыкка күчү процессындагы бер этапны тәшкит итә» [4, 338 б.].

Г.Утыз Имәнинең әдәбият галиме Әнвәр Шәрипов тарафыннан әзерләнеп нәшер ителгән «Шигырьләр, поэмалар» бертомлыгының фәнни мөхәррире һәм махсус мәкаләләр авторы да М.Госманов булды. Ул анда әдип мирасының әһәмиятен түбәндөгечә бәяләде: «Татар ижтимагый фикере үсешендә, шул күренешнең аерылгысыз өлешен тәшкит иткән әдәби процессыбызда Габдерәхим Госман углы Утыз Имәни әл-Болгари тоткан шөбһәсез олы урын, аның узгандагы прогрессыбыз өчен бөхәссез әһәмиятен билгеләгән шикелле, бу катлаулы, бай мирасның бүгенге тормышыбыздагы тарихи кыйммәтен дә тәэмин итә» [4, 387 б.].

Габделжәббар Кандаый ижатын өйрәнүгә галим гомеренен шактый елларын багышлады. Ул аның моңарчы билгеле булмаган шактый шигырьләрен табып, фәнни әйләнешкә кертте. Шагыйрьнең шәхси тормышына караган кайбер мәсьәләләргә ачыклады. Ижат стилинең гажәеп сирәк очрый торган үзенчәлеген тәфсиллә өйрәнеп, «Урта гасырларга хас консерватив романтизм һәм идеалистик дидактизм традицияләре белән башлап, аннары халыкчанлык нигезенә күчкән, яңа дәвәр мәгърифәтчеләге идеяләренә корылган демократик принципларны алга сөргән, шул принципларга бәйле рәвештә реализм методын үзләштерә башлау югарылыгына күтәрелә язган» булуын билгеләде.

Максатчан эзләнүләренә һәм тикшеренүләренә бәрәкәтле нәтижәсе буларак, Миркасыйм ага 1988 елда Г.Кандаыйның «Шигырьләр һәм поэмалар» китабын төзеп бастырды [5]. Аның кереш мәкаләсе һәм фәнни аппараты гына да зур көч салып башкарылган саллы бер гыйльми хезмәт булып тора. «Шагыйрь мирасын мөмкин кадәр һәрьяклап барлау, әсәрләренә табылган, аныкы булуы расланган хәтлесен әдәби һәм фәнни хәрәкәткә кертү бурычын алга куйган бу китап егерме елдан артык эзләнү, материаллар туплау нәтижәсендә шушы кыяфәтен алды» [6, 67 б.], — дип язды ул бу китап турында.

М.Г.Госманов Казан дәүләт университетында аспирантурада укыган чагында ук Уфадагы Диния нәзарәте архивында күренекле мәгърифәтче, дин эшлеклесе, журналист һәм педагог

Ризәтдин Фәхрәтдиннең кулъязма хәлендә сакланган хезмәтләре белән танышканда «Асәр»нең 4 нче томында шагыйрь Мифтахетдин Акмулла турында зур күләмле биографик очерк, аның шул вакытта киң катлам укучыга билгеле булмаган берничә яңа шигыре һәм бер хаты турында мәгълүмат барлыгын ачыклай [7]. Әлеге юнәлештә эзләнүләрен дәвам иттереп, ул шул чорда Акмулла исеме белән йөргән тагын берничә шагыйрь булганлыгын аныклайды. Галим шулай ук әдип ижатының төрле аспектларын, шигырьләренең төп үзенчәлекләрен, аның татар, башкорт, казах, әдәбияте тарихындагы урынын һәм ролен киң яктыртты.

М.Г.Госманов археографик экспедицияләрдә Акмулла шигырьләренең табылган байтак күчмәләрен фәнни нигездә анализлап, болай дип язды: «Табылган текстлар безгә Мифтахетдин Акмулла мирасын тирәнрәк өйрәнергә дә, гомумән мәгърифәтчелек чоры татар поэзиясен этрафлырак иңләргә дә яңа материаллар, кызыклы мәгълүматлар бирә икән» [8, 169 б.]. Нәтижәле тикшеренүләре нигезендә галим шагыйрьнең Алма-Ата, Уфа шәһәрләрендә нәшер ителгән жыеңтыкларында урын алган житди төгәлсезлекләргә дәлилләп күрсәтте.

М.Г.Госманов хезмәтләре аша без шагыйрьнең казах шәкертләреннән берсе булган Дусмаил хажиди Качкынбаев һәм тел галиме, фольклорчы, педагог Хәсән Гали язып калдырган истәлекләр белән тулысынча диалект таныша алдык. Шуниси да игътибарга лаек, беренчесенә хатирәләргә Акмулланың чын физик сурәтен күзалларга мөмкинлек бирә. Бу унайдан шуны да әйтәргә кирәк, 2007нче елда рәссам Зөфәр Гыймаев нәкъ шул чыганак буенча аның яңа портретын ясады.

Галим билгеләп үткәнчә, «Акмулла шигырьләренең төп өлеше башкорт сөйләм теленә кайбер элементлары урын алган татар-казакъ катнаш үзенчәлекле телдә, ә күбесе традицион татар иске әдәби телдә язылган. Шагыйрь үзе «казакъ телендә» дигәннәрендә дә әнә шул шул әйтелгән татар әдәби теленә көчле йогынтысы күренеп тора» [9, с. 32].

Акмулла фажигалә рәвештә вафат булганнан соң аның каберенә шәех Зәйнулла Рәсүли тарафыннан куйдырылган әүвәлгә ташның сурәте һәм андагы мәгълүмат шулай ук М.Г.Госманов тырышлыгы белән генә тарихка кереп калды.

Ә «Асәр»нең 3нче томында исә ул татар әдәбиятенең тагын бер күренекле вәкиле Дәрдемәнд турында да шактый бай материал табып ала. Ул үзенең бу табышлары хақында матбугатта әтрафлы мәкалә белән бергә Акмулланың 2, Дәрдемәнднең 6 шигырен беренче тапкыр киң катлам укучы игътибарына тәкъдим итә.

Илдә үзгәртеп кору еллары башлангач, ниһаять, күренекле әдип, жәмәгать эшлеклесе Гаяз Исхакыйның да мирасы халыкка кире кайта башлады. Бу уңайдан М.Г.Госманов әдипнең «Ике йөз елдан соң инкыйраз» әсәренең үз вакытында цензор Василий Смирнов тарафыннан төшереп калдырылган текстларын табып, матбугатта игълан итте [10]. Ул язганча, беренче чиратта цензор «китап авторының үз халкына ясаган иң кырыс кисәтүләрен йомшартырга, көчсезләндерергә» тырышкан. Икенче төркемне исә «болгар-рус мөнәсәбәтләре»нә карый торган өлешләр тәшкил итә.

М.Г.Госманов танылган язучы, драматург, фольклорчы Нәкый Исәнбәт, әдәбиятчы Рәшат Гайнанов, язучылар Аяз Гыйләжев, Лирон Хәмидуллин, археограф Альберт Фәтхи, шагыйрьләр Равил Фәйзуллин, Разил Вәлиев һәм башкаларның тормышы һәм иҗат эшчәнлеге турында әтрафлы мәкаләләр язды. 2006 елда исә «Казан утлары» журналында «Гыйбрәтле язмышлар» дигән махсус цикл да башлап жибергән иде. Ул анда, беренче чиратта, үзенең остазлары — әдәбият галимнәре Хәй Хисмәтуллин [11], Якуб Агишев [12], Мөхәммәт Гайнуллин [13], Хатип Госман [14], тәржемәче, библиограф, әдәбиятче, текстолог Рәис Даутов [15] турында хатирәләрен яңартты, аларның рухи тормышыбызда тоткан урынын тәфсилле яктыртты. Шәхесләргә карата ихтирам һәм самими жылы хисләр белән язылган ул мөгълүматлар, тирән инануымча, киләчәктә әдәбият тарихын язганда ышанычлы чыганаclar була ала.

«Рухият» һәм «Жыен» нәшриятләрендә «Шәхесләребез» сериясендә нашир, жәмәгать эшлеклесе, язучы Фатих Кәрим, тарихчы, публицист Газиз Гобәйдуллин, язучы, әдәбият галиме Гали Рәхим, әдәбиятчы Габдрахман Сәгъди, тел һәм әдәбият галиме, педагог, публицист, жәмәгать эшлеклесе Жәмәлетдин Вәлиди турында дөнья күргән китапларда (М.Г.Госманов алар-

ның фәнни мөхәррире дә иде) галим, бу зыялыларның күпкырлы эшчәнлеге белән бергә, аларның әдәби мирасы, татар әдәбияты белемен үстерүгә куйган хезмәте хакында да бәян итте.

Алманиядә, Эстониядә, Әстерхан якларында, Кытай Халык Республикасының Шенжаң-Уйгыр автономияле районында, Болгариядә, Молдовада, Румыниядә, Төркиядә гомер итүче милләттәшләребез турында язучы Тәфикь Әйди нәшер иткән китапларны, шулай ук үзенә генә хас стиль белән анализлап, галим аларга югары бәя бирде [16].

Әдәби мирасыбызны барлау-туплау, аны гыйльми нигездә өйрәнәп янә халкыбызга кайтару юнәлешендә М.Г.Госманов тарафыннан башкарылган бәрәкәтле эш 1963 елда Казан дәүләт университетында махсус археография экспедициясе оештырылу һәм ул аның житәкчесе итеп билгеләнү белән дә бәйле [17]. Хәзерге вакытта Казан федераль университеты фәнни китапханәнең сирәк китаплар һәм кулъязмалар бүлегендә саклана торган «Кыйссаи Йосыф» (ике йөздән артык), «Кыйссаи Сәкам», «Кыйссаи авык», «Жәмжәмә солтан» дастаны, «Нәһжел-фәрадис», Әхмәт Ясәви, Бакыргани, Рабгузиниң «Кыйссасел-әнбия», Мөхәммәдъярның «Төхфәи мәрдан», «Нуры содур» поэмалары, Габделжәббар Кандалий, Габдерәхим Утыз Имәни, Гали Чокрый, Нибәтулла Салихов һәм башкаларның әсәрләренән күп кенә күчермәләр турыдан-туры М.Г.Госманов катнашлыгында үткәрелгән экспедицияләрдә жыйналган. Биредә андый әдәби ядкярләренә барысын да санап чыгу мөмкин түгел. Ә фарсы, гарәп, төрек телләрендәгеләре әле бөтенләй телгә алынмады.

М.Г.Госманов фәнни һәм публицистик стильләренә берләштереп, фәһемле, мавиктыргыч язу осталыгына ия иде. Галимнең әдәби мирасыбызны өйрәнүгә керткән өлешен бер мәкаләдә генә колачлап бетерү мөмкин түгел. Шуңа күрә бу юнәлештә эш татар әдәбияты тарихы турында язылачак хезмәтләрдә тагын да кинрәк яктыртылыр дип ышанасы килә.

Әдәбият

1. Кол Гали. Кыйссаи Йосыф / Төп текстны (транскрипцияне) әзерләүче, кереш мәкаләне, искәrmә һәм аңлатмаларны, кулъязмаларның тасвирламасын язучы филология фәннәре

кандидаты Фәсиев Ф.С. Махсус редакторы тарих фәннәре докторы проф. Госманов М.Г. — Казан: Татар. кит. нәшр, 1983. — 543 б.

2. Усманов М. Кул Гали — основоположник болгаро-татарской письменной литературы // Поэт-гуманист Кул Гали: Материалы юбилейных торжеств и научной конференции, посвященных 800-летию со дня рождения и 750-летию его поэмы «Кысса-и Йусуф». — Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. — 264 с.

3. Госманов М. Мөхәммәдьяр: бөеклек фажигасе // Мөхәммәдьяр. Нуры содур. Поэмалар, шигърь / Мөхәммәдьяр әсәрләренә тәнкыйди нөсхәсен, хәзерге телгә тәржемәсен, кереш сүзене, искәртмәләр һәм аңлатмаларны Шакир Абилов башкарды. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. — 336 б.

4. Госманов М. Габдерәхим Утыз Имәни әл-Болгари: чор, иҗат һәм мирас // Габдерәхим Утыз Имәни әл-Болгари. Шигърьләр, поэмалар / Жыентыкны төзүче, текст һәм искәртмәләргә әзерләүче, кереш сүз авторы, юлга-юл тәржемәләргә эшләүче — филология фәннәре кандидаты Әнвәр Шәрипов. Фәнни редактор һәм махсус мәкалә авторы — тарих фәннәре докторы. Профессор Миркасыйм Госманов. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. — 397 б.

5. Габделжәббар Кандалий. Шигърьләр һәм поэмалар / Жыентыкны төзүче, текст һәм фәнни аппаратны хәзерләүче, кереш сүз авторы тарих фәннәре докторы Миркасыйм Госманов. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. — 558 б.

6. Госманов М. Габделжәббар Кандалий: бер гомердә ике чор // Габделжәббар Кандалий. Шигърьләр һәм поэмалар / Жыентыкны төзүче, текст һәм фәнни аппаратны хәзерләүче, кереш сүз авторы тарих фәннәре докторы Миркасыйм Госманов. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. — 558 б.

7. Госманов М. Яңа табылган әдәби, тарихи истәлекләр / М.Госманов // Казан утлары. — 1966. — №7. — Б.118–122.

8. Госманов М.Г. Акмулла мирасын өйрәнүгә яңа материаллар // Мәгърифәтче шагыйрь Акмулла: Тууына 150 ел тулуга багышланган юбилей тантаналары һәм фәнни конференция материаллары. — Казан, 1983. — 200 б.

9. Усманов М.А. Истоки общественного мировоззрения и наследие Мифтахетдина Акмуллы // Мәғърифәтче шагыйрь Акмулла: Тууына 150 ел тулуга багышланган юбилей тантаналары һәм фәнни конференция материаллары. — Казан, 1983. — 200 б.
10. Госманов М. Гаяз Исхакый: «Ике йөз елдан соң инкыйраз» һәм патша цензурасы: (Ижатының яңа сәхифәләре ачылу) / М.Госманов // Казан утлары. — 1995. — №10. — Б. 152–181.
11. Госманов М. Гыйбрәтле язмышлар / М.Госман // Казан утлары. — 2006. — №6. — Б. 167–174.
12. Госманов М. Гыйбрәтле язмышлар / М.Госманов // Казан утлары. — 2006. — №7. — Б. 149–166.
13. Госманов М. Сират күперендә уйланулар / М.Госманов // Казан утлары. — 2006. — №12. — Б. 149–161.
14. Госманов М. Остаз кайгысы / М.Госманов // Казан утлары. — 2008. — №5. — Б. 132–149.
15. Госманов М. Затлылык / М.Госманов // Казан утлары. — 2008. — №3. — Б. 135–146.
16. Госманов М. Жаннарның язмышы һәм яңаруы / М.Госманов // Казан утлары. — 2001. — № 1. — Б. 161–168.
17. Бу хакта тулырак: Госманов М. Каурый каләм эзеннән: Археограф язмалары. Тулыл. икенче басма / М.Госманов. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. — 464 б.

ЗАГАДКА ТВОРЧЕСТВА ИЛЬДАРА ЗАРИПОВА

**THE MYSTERY OF THE CREATIVITY
OF ILDAR ZARIPOV**

Р.Ш.Сарчин
R.Sh.Sarchin

Аннотация. Статья посвящена постановке проблемы изучения художественного мира татарского художника Ильдара Зарипова. Основное место в статье отведено рассмотрению ключевых тем и мотивов его живописи.

Ключевые слова: Ильдар Зарипов, изобразительное искусство, живопись, тема, мотив.

Abstract. The article is devoted to the formulation of the problem the study of the art world Tatar artist Idar Zaripov. The main part of the article is devoted to consideration of key themes and motifs of his paintings.

Keywords: Idar Zaripov, fine art, painting, theme, motive.

Ильдар Касимович Зарипов не из тех художников, кто был обижен вниманием зрителей и искусствоведов. О нем писали много. Но по прочтении всего остается убеждение, что загадка его творчества так и не была раскрыта. Ничуть не претендуя на окончательность своих суждений, попробуем сделать это на основе своих наблюдений над некоторыми наиболее известными и зрелыми его полотнами.

За три года до окончания Казанского художественного училища И.Зарипов создает картину, которую, пожалуй, можно назвать первой по-настоящему состоявшейся работой художника, — «В Шигалях» (1958). При всем «ученическом» характере произведения, здесь уже угадываются черты зрелого зариповского творчества — с излюбленными деревенской тематикой, женским образом, с некоторой наивностью, «детскостью» восприятия, с лирической открытостью и проникновенностью пейзажа. Эта работа удивительным образом перекликается с картинами казанского художника А.И.Тумашева, на которых ото-

бражены виды окрестностей Казани, особенно с его «Поселком Бирюли» (1963). При всей разности письма и изображенного на картинах есть в них общее, на наш взгляд, главное начало — поэзия природы, деревенской и поселковой России. Возможно, эта общность идет и от географической и природной близости Шигалей с Бирюлями (потому и названия эти созвучны): оба населенных пункта расположены в Высокогорском районе Татарстана, примерно на одинаковой удаленности от Казани. Но по большей части, как нам представляется, она продиктована общностью времени создания творений. 1960-е, как известно, вошли в отечественную историю и культуру как годы «оттепели», давшей обществу, много лет томившемуся под гнетом сталинского режима, ощущение свободы. Эти годы отмечены плодотворными процессами в изобразительном искусстве, театре, кинематографии и других видах художественного творчества. Бурный взлет переживает лирика, что неслучайно: для нее, призванной выражать мир сокровенных чувств и переживаний, время 1960-х оказалось более чем благодатным. В связи со сказанным нельзя не упомянуть поэмы «Станция Зима» (1955) одного из лидера поэзии тех лет Е.Евтушенко, поэзия «малой родины» которой по-человечески очень роднит ее с названными здесь картинами Зарипова и Тумашева. А то, что Зарипову удалось сохранить в себе поэзию незамутненного временем и жизненными обстоятельствами восприятия мира и человека, выразившегося в том числе в его написанных спустя десятилетия картинах «шигалевской» тематики («Деревня Шигали», 1990; «Сентябрь в Шигалях», 1991), объясняет многое в основах и в эволюции мировоззрения и творчества художника. Верностью этой поэзии объясняется и факт написания Зариповым в 1985 г. работы «За Казанью», содержательно очень похожей на изображенное на картине «В Шигалях».

Мысль о доме — одна из главных в творчестве Зарипова, которая одно из ярких воплощений получила в картине «Дома». Ее композиция достаточно проста. Но это совсем не значит, что она не продуманна. Каждая деталь призвана выразить главную мысль художника — о гармонии деревенской жизни, живущей в согласии с общим бытием природы. Перед нами крестьянская изба, в которой уютно и тепло. Эти уют и тепло чувствуешь

физически. Причем чем больше смотришь на картину, тем становится все уютнее и теплее: она словно призвана оттаять человеческую душу, обремененную повседневными заботами земного существования. Тепло от белой печки и медного самовара, жар которых наполняет всю картину и отражается как на всем ее цветовом решении, так и на персонажах: на кошке с когтями, уютно расположившимися у подушки, и, конечно же, на матери с дитем, лица которых пышут от жизненной энергии, заключенной в них. В виде заботы женщины-матери о своем семействе, о доме теплота и свет обнимают собой все в нем: силами ее рук здесь создано царство порядка и лада. Перед нами будто целая самодостаточная вселенная, но не замкнутая на себе, а все расширяющаяся: свет и тепло ее столь всепроникающи, что будто изливаются сквозь окно, разукрашенное морозными узорами (которые ничуть не дисгармонизируют с общей теплотой картины, а своим блеском только усиливают ее), и готовы обнять собой весь мир. А за этим окном — еще горящее окно, словно символизирующее собой ту связь, которую оказывает физический и душевный свет, теплящий всю картину Зарипова на все живое. С этой точки зрения работу 30-летнего на момент ее написания художника можно назвать произведением философского звучания — при всей простоте содержания. Таков уровень мастерства автора.

В том же году, в котором создана картина «Дома», он пишет одну из самых известных своих работ — «Зульфию. Казанскую красавицу». В национальной станковой живописи обнаженную женскую фигуру прежде вообще не писали: в татарской культуре, возросшей на почве ислама, на этом было табу. Но вот какие отзывы получила картина — именно от лица мужчин-татар: «...так, как это сделал Зарипов, вряд ли кто и напишет. Теплый колорит, золотисто-охристый тембр. Молодая здоровая женщина, счастливое лицо, рубенсовский цвет...» (Р.Юльметьев) [3]; «...героиня картины Зульфия — интересная молодая особа, познавшая чувственную любовь. Изображена она в тот миг, когда грезы любви не во сне, а наяву будоражат ее воображение. Всю свою страсть, нежность посвятила она высокому чувству <...> Судя по картине, Зульфия — самое что ни на есть счастье. Она только что пробудилась после сладкого

сна и не успела еще одеться. Расчесывает, сидя на кровати, длинные черные волосы, слегка прикрывающие золотистое тело женщины: плечи, упругие груди, бедра. О том, что она познала женское счастье, говорят ее лучезарные глаза, румяные щеки. Молодое здоровое, красивое женское тело вызывает восхищение, восторг» (К.Минлебаев) [2]. То, что центральный образ картины, Зульфия, вызывает такое восхищение, свидетельствует о ее совершенстве, связанном с мастерством автора в передаче главного пафоса произведения — воспевания, упоения женщиной как самым гармоничным по красоте созданием природы. При всей декоративности картины, отвлеченности женского образа, он действительно будоражит воображение.

Двумя годами позже «Зульфий» Зарипов пишет другую свою известную картину — «Нефтяник Ахат-абый». В каталоге одной из выставок картин художника об этой работе автором вступительной статьи В.Ф.Карповым написано следующее: «В полотне "Нефтяник Ахат-абый" удачно найден типаж, убедительно переданы особенности национального оформления интерьера. Зарипов выступает здесь как увлекающийся и восторженный рассказчик, обращающий особое внимание на точность деталей. Ему удается создать образ сильного, спокойного и мужественного человека, подчеркнуть его чувство собственного достоинства, неразрывную связь с родной землей. Теплый, насыщенный, как и в предыдущих работах, колорит, сочность, интенсивность цвета становятся характерными для живописной манеры художника». Хорошая оценка картины, хотя утверждение о том, что ее центральный образ выражает мысль о его неразрывной связи с землей, не представляется бесспорным. Не звучит ли она прямо противоположно сказанному — в свете повальной в стране в 1960–80-е гг. урбанизации: не об отрыве ли она еще вчерашнего крестьянина от земли, от корней, от истоков — как в современной И.Зарипову деревенской прозе и лирике? Когда смотришь на картину, совсем не случайно в памяти возникают строки известного «деревенщика» Анатолия Передреева «Украина» (1964).

Наравне с деревенской, пронзительной темой творчества Зарипова является военная. Тема войны осознана им как глубоко личная, хотя и данная им как трагедия общегуманистического

масштаба, она оставляла художника на протяжении всего его творческого пути. В 1985 г. он пишет картину «Батыр». Для понимания ее истинного места и значения в художественном мире И.Зарипова необходимо очень внимательно прислушаться к его словам: «Первоначально я задумывал портрет отца. Мне было пять лет, когда он вернулся с войны. Я рос третьим ребенком. Так вот, снял отец с гимнастерки свои боевые медали, отдал мне со словами: «Играй, сынок!». А сам, припадая на раненую ногу (он защищал Ленинград и очень потом гордился, что картины сына есть в музее этого великого города), осмотрел бревнышко за бревнышком наш дом, который сам построил, и за дело — застучал топором. Когда уставал плотничать, за швейную машинку садился — обшивал всю семью. Настоящий народный умелец, даже сапоги женские тачал. Труженик был удивительный. Приближалось 40-летие Победы, впереди — выставка. Вот и задумал я написать портрет отца. Но опоздал: болезнь как-то очень быстро его скрутила. Поэтому у картины есть только посвящение — памяти отца-фронтовика...». В этих словах — целая судьба, типическая для нашего народа: победа над небывалым в истории по масштабам зверств и причиненному человечеству ущербу врагом; возвращение в мирную жизнь, что также требовало от человека ломки своей психологии, отчего нить трагедий, развязанная войной, еще долго тянулась и после нее. В семье Зариповых все сложилось благополучно, благодаря великой победе отца над собой, ставшей для сына примером мужества и труда — не только физического, конечно, но и духовного, нравственного. Здесь и заключен основной пафос картины, выразившийся в ее названии, в переводе с татарского означающем «герой, богатырь» и воскресающем в памяти образы былинно-сказочных богатырей — при всей повседневности сюжета полотна. Но эта эпическая по своему характеру суть творения (батырство как основа основ, идеал народа, предмет его многовековой гордости) неразрывно слита с проникновенной, самой сокровенной интонацией памяти об отце. И в этом — весь Зарипов, главная загадка его творчества, на протяжении лет не оставляющей равнодушными настоящих ценителей живописи художника.

Удивительно, но интерес к его творчеству ничуть не снизился даже в годы, когда искусство вообще оказалось на задворках нашей культуры, — речь о трагических в этом смысле 1990-х. Видимо, связано это с тем, что, словно вопреки происходящему, его творчество, расцвет которого начался в 1970–80-е, ничуть не исчерпалось в последующие годы. Лишь в 2000-е, в связи с болезнью Ильдара Касимовича, количество написанного им существенно уменьшается, хотя это совсем не влияет на качество создаваемого: высота художественно-эстетической планки не снижается, о чем свидетельствует лучшее из написанного в эти годы — картины «Зима пришла», «Прекрасный день», «Цветок Казани» (2000), «В деревне», «Чигирь» (2001), «Вальс цветов», «Золотая осень» (2003), «Заказанье», «Байрам в деревне» (2005), «Сентябрь» (2006), «Все, что угодно, за твой вздох» (1999–2007), «Кошка, самовар и девушка» (2008) и многое другое. В этом проявился «батырский» характер И.Зарипова, генетически передавшийся ему от отца и проявившийся в достойном творца противостоянии жестоким ударам времени и собственной судьбы.

Говоря о не ослабевающей силе развития творчества Зарипова даже в «глухие» 1990-е, нужно тем не менее помнить о том, что смена эпох, случившаяся в эти годы, не могла не отразиться на нем, что он и сам подчеркивал: «Когда запреты сняли, как-то свободнее стало и работать, и дышать. Национальное уже не называли архаичным, отсталым. Татарская культура получила новый толчок к развитию», — отмечал художник. В связи со сказанным нельзя не вспомнить об одной нелепости из «совковой» действительности, случившейся в его жизни. Как-то его, живописца которого вненационально по сути — при всей силе в ней национальной тематики, открыто обвинили в национализме. Поводом для этого стало его телевизионное интервью, где художник признался, что любит бывать в татарской деревне и выпить в деревенской избе татарского чая. Акцент был сделан на «татарском» чае, за который художника вызвали «на ковер» к республиканскому начальству, где авторитетно объяснили, что «татарского» чая не бывает, поскольку он не растет в Татарстане. Этот смешной случай, ничего не говорящий, кроме как о глупости гонителей таланта, лишний раз

убеждает, как неумолимо неизменны в истории отношения власти и творца.

Одним из примечательных для своего творчества 1990–2000-х открытий сам Ильдар Касимович называл декоративность, хотя справедливо отмечал, что «этим приемом я пользовался и раньше, но тогда декоративность играла подчиненную роль. А теперь это пульс картины, ее нерв, ее душа. Не зря же говорят, что декоративность — это высшая стадия живописи». Чтобы лучше уяснить смысл сказанного художником, достаточно приглядеться к его картине «Ласки бабушки» (1997). Она будто «сшита из лоскутов», как бабушкино одеяло, тепло которого, наверное, помнилось художнику по его детству, проводимому в селе Айше Дубьязского района Татарстана. Вся пронизанная солнечным светом, баюкающая душу своими линиями и цветами, она утверждает силу женской ласки, нежности, вечной женственности (отсюда и название картины), вечность которой в том и заключается, чтобы вечно охранять человека и человеческое в этой жизни. Очень «иконописны» и многоговорящи здесь по смысловому решению «сквозной», ничуть не «состарившийся» с годами в творчестве Зарипова образ молодой женщины и образ ребенка, тепло прижавшегося к ее груди.

В продолжение сказанного к пониманию этой и других картин последних десятилетий творчества Зарипова, необходимо привести его ответ на вопрос о сравнении советского времени с сегодняшней жизнью: «Много было и хорошего, конечно, неправильно все перечеркнули. Духовность была какая-то, уважение к человеку, к старшим... Сейчас этого нет. Хотя и религию вроде бы восстановили в правах, а все равно безбожество, деньги стали господствовать. Это тоже, оказывается, к добру не ведет. В такие времена, впрочем, как и всегда, творчество спасает. Целыми днями работаю в мастерской, и мне это в радость. Вообще, к жизни отношусь философски, стараюсь не переживать из-за того, что изменить нельзя. А там, где можно, надо искать хорошее, светлое, оптимистичное» [1]. Слова художника сказаны в унисон тому, что он до последнего своего дыхания утверждал в своем творчестве, — веру в вековечно светлые, добрые начала человеческой души и жизни: в любовь, родство, семью, родину.

Литература

1. Ильдар Зарипов: «Никогда не пишу на казенных холстах» [Интервью с Л.Сагитовой. 12.12.2008] [Электронный ресурс]. — URL: <http://viperson.ru/articles/ildar-zaripov-nikogda-ne-pishu-na-kazennyh-holstah>.
2. Минлебаев К. Слово о художнике // Ильдар Зарипов. Живопись: Альбом. — Казань, 2000. — С. 20.
3. Юльметьев Р. Виртуальный реализм Ильдара Зарипова [Электронный ресурс]. — URL: <http://kazadmin.narod.ru/history/1000years/zaripov.html>.

**ПЕРЕВОДЫ И ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ
КАЗАХСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТАРСКОГО
ПИСАТЕЛЯ И ПЕРЕВОДЧИКА
ЛИРОНА ХАМИДУЛЛИНА**

**THE TRANSLATIONS AND THE EDITION OF WORKS OF
WRITERS OF KAZAKHSTAN IN WORKS OF THE TATAR
WRITER AND TRANSLATOR LIRON HAMIDULLIN**

Б.Л.Хамидуллин
B.L.Khamidullin

Аннотация. Лирон Хамидуллин — татарский писатель и переводчик, заслуженный работник культуры ТАССР (1982), лауреат литературных премий имени Гаяза Исхаки (2010) и Джамила Валиди (2017). Многочисленные труды писателя посвящены изучению тюркской литературы XIX–XX веков (на татарском, казахском, каракалпакском, узбекском и др. языках). Большое место в его творчестве занимают переводы и издание произведений писателей Казахстана и Средней Азии. В статье рассматривается вклад Лирона Хамидуллина в пропаганду произведений казахских, каракалпакских и узбекских писателей среди многочисленного татарского народа.

Ключевые слова: Лирон Хамидуллин, казахская литература, татарская литература.

Abstract. Tatar writer and translator, honored worker of culture TASSR (1982), laureate of literary awards of a name of Gayaz Ishaki (2010) and Jamal Validi (2017) Liron Khamidullin almost his entire life devoted to the study of Turkic (Tatar, Kazakh, Karakalpak, Uzbek, etc.) literature of XIX–XX centuries. A large place in his works is the translation and publication of works of Turkish writers of Kazakhstan and Central Asia. This paper considers the contribution of Liron Khamidullin in studying and promoting the works of Kazakh, Karakalpak and Uzbek writers among the Tatar people.

Keywords: Liron Khamidullin, Kazakh literature, Tatar literature.

Татарский писатель и переводчик, заслуженный работник культуры ТАССР (1982), лауреат литературных премий Министерства культуры и Союза писателей Республики Татарстан им. Гаяза Исхаки (2010) и Джамала Валиди (2017) Лирон Хайдарович Хамидуллин родился 22 октября (по паспорту — 10 ноября) 1932 г. в с. Старой Тюгальбуге Куйбышевской области СССР. Школу окончил в с. Старой Белогорке Оренбургской области. В 1949–1956 гг. учился в Казахстане — в Актюбинском техникуме железнодорожного транспорта. В годы учебы в техникуме в областной газете «Социалистик жол» увидели свет его первые небольшие статьи на казахском языке. После окончания техникума в 1956–1960 гг. он работал в г. Орске, одновременно обучаясь во Всесоюзном заочном политехническом институте и Университете марксизма-ленинизма. С января 1961 г. живет в Казани. В 1967–1983 гг. возглавлял Татарское отделение Литературного фонда Союза писателей СССР, в 1985–1993 гг. работал редактором в Татарском книжном издательстве, в 1998–2005 гг. — старшим научным сотрудником в Институте Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан. Владеет казахским, каракалпакским и узбекским языками [2, с. 576–578; 4, с.188].

Профессионально литературной деятельностью Л.Х.Хамидуллин занимается с начала 1960-х гг. Уже в 1968 г. был издан первый сборник его рассказов «Юлда» («В пути»), в 1971 г. увидела свет повесть «Дала иртәсе» («Степь пробуждается»). Сегодня Лирон Хайдарович является признанным мастером пера, и на его счету — десятки художественных и публицистических произведений, книг, переводов и др., известных не только в Татарстане, но и далеко за его пределами [6, с. 315; 7, с. 169]. Хотелось бы отметить, что некоторые его документальные повести, рассказы и очерки были переведены и изданы на азербайджанском, белорусском, каракалпакском, русском, турецком и узбекском языках (см., например, 8; 10), некоторые рассказы были включены в антологии татарской прозы [3, с. 463–478; 5, с. 272–279].

Становление Лирона Хайдаровича Хамидуллина как писателя началось в Казахстане, тогда же проявился его

интерес к казахской истории, культуре и литературе. Этот интерес он пронес через всю свою жизнь, внося большой вклад в сплочение дружбы двух родственных народов, в развитие татарско-казахстанских литературных и научных связей.

Большое место в творчестве Лирона Хайдаровича занимают переводы казахской литературы на татарский язык. Работая в аппарате Союза писателей Татарстана он активно участвовал в приеме гостей из республик Средней Азии, как человек, владеющий несколькими тюркскими языками. Вскоре он был привлечен в качестве переводчика и вошел в малый отряд татарских писателей, занимавшихся параллельно со своим основным творчеством переводами с родственных тюркских языков. В эту группу также входили писатели Сарвар Адгамова, Нури Арслан, Ахмет Исхак, Мустафа Нугман, Махмут Хусаин.

Несмотря на то, что Л.Хамидуллин переводил и с узбекского, и с каракалпакского языков, предпочтительней для него была казахская литература, с которой он начал знакомиться с юношеского возраста. Приобретая во время одной из поездок в Среднюю Азию двухтомник собрания сочинений Абая Кунанбаева, он задумал переиздание этого двухтомника на татарском языке в ТАССР. Но на ближайшие годы в план изданий Татарского книжного издательства был включен только однотомник избранных сочинений классика казахской литературы. Хотелось бы отметить, что до этого три первые книги Абая на родном казахском языке также были изданы татарскими издателями: в 1909 г. в Санкт-Петербурге Ильясом Брагинским, в 1916 г. в Оренбурге Дэрдмендом (Закиром Рамиевым), в 1922 г. в Казани Татарским государственным издательством. Перевод произведений Абая для однотомника избранных сочинений был выполнен поэтами Н.Арсланом, А.Исхаком, А.Рашифом, М.Хусаином и М.Шабаевым, а размышления поэта в прозе «Гаклию» перевел составитель книги Лирон Хамидуллин [1, с. 185–247].

Среди переводов Л.Хамидуллина отметим: известный рассказ академика Казахской академии наук М.Ауэзова «Өйлөнү» («Женитьба») (впервые издан на страницах журнала «Казан утлары», 1977, № 12; в 1987 г. был включен в сборник

рассказов «Дуслык аланы» — «Поляна дружбы», составитель Л.Хамидуллин); повесть У.Букиева «Ялгыз аучы» («Одинокий охотник») (впервые издана в журнале «Казан утлары», 1985, №12; повторно в 1993 г. в сборнике из шести казахских повестей «Жәйләудә» — «На джайляу» переводчик Л.Хамидуллин); произведение М.Магауина «Кара кыз» («Черноглазка») было переведено Л.Хамидуллиным по просьбе составителя второго сборника повестей казахских писателей «Дала гөлләре» («Цветочки степи», Казань, 1991).

Лириком Хайдаровичем подготовлен целый ряд публицистических статей, посвященных известным казахским деятелям искусства и культуры. Он не забывал отмечать отдельными статьями круглые даты рождения классиков казахской литературы. Так, к 140-летию со дня рождения поэта Абая в журнале «Казан утлары» №7 за 1985 г. была опубликована небольшая статья Л.Хамидуллина. В 1984 г. вышла его статья «Казакъ иле узаманы» («Казахский удалец») в газете «Социалистик Татарстан», посвященная поэту и одному из организаторов Казахской Советской Автономной Республики Сакену Сейфуллину. В 1987 г. на страницах газеты «Социалистик Татарстан» была помещена большая статья, посвященная известному прозаику, автору романа-двухтомника об Абае Кунанбаеве, академику-филологу Казахской академии наук Мухтару Ауэзову. Большой очерк, посвященный Л.Хамидуллиным народному артисту Казахской ССР, лауреату Государственной премии Казахстана композитору Латифу Хамиди, родившемуся в Татарстане, назван символично — «Соловей двух народов» («Ике халыкның былбылы»). Действительно, Л.Хамиди был не только автором музыки десятков казахских песен, опер и гимна Казахской ССР (один из трех авторов), но создал много песенных мелодий и на стихи татарских поэтов. Об этом подробно описано в указанном очерке Л.Хамидуллина.

Большой интерес Лирион Хайдарович проявлял к истории казахского народа, так как она очень сильно переплеталась с историей татар. Так, в одной из научно-популярных статей Л.Х.Хамидуллин, в частности, указывал, что повесть «Көргенди бала» («Прилежный мальчик») Мухамбетораза Нурбаева,

изданная братьями Рамиевыми в Оренбурге в 1911 г., возможно, является первой повестью на казахском литературном языке; а один из первых романов на казахском языке «Бәхетсез Жамал» («Несчастная Джамал») Мирджакипа Дулатова был издан тоже татарами в Казани в 1913 г. [9, с. 210–217]. И о первой газете, выпускавшейся в Ташкенте с апреля 1870 г. на казахском и узбекском языках, т.е. о первом тюркоязычном печатном издании в России — «Төркестан вилаяте гәжіте» (еженедельное приложение к русскоязычной газете «Туркестанские вести»), на основе данных казахских ученых Л.Хамидуллиным также была написана статья в очерке «Беренче карлыгачлар» («Первые ласточки», 1991 г., газета «Шәһри Казан»).

Впервые в СССР по инициативе Лирона Хамидуллина был организован так называемый «обменный» выпуск сборников повестей казахских и татарских писателей. До этого выпуск книг переводных произведений в обеих республиках шел само-теком. Такой плановый выпуск сборника произведений восьми татарских авторов «Татар повестери» был осуществлен издательством «Жазушы» в Алма-Ате в 1979 г. Автор-составитель книги и автор кратких биографических данных — Л.Хамидуллин. Ответный сборник вышел в Казани в том же году — в книгу «Ак дөя», принятой по названию одной из повестей (Сатимджан Санбаев, «Аруана») тоже вошли произведения восьми авторов (казахов). Предисловие-представление осуществлено также инициатором этих изданий Л.Хамидуллиным.

Как мы видим, в творчестве Лирона Хайдаровича Хамидуллина большое место занимают переводы и издание произведений писателей Казахстана и Средней Азии. Хотелось бы отметить, что начиная с 1970-х гг. Л.Х.Хамидуллиным проделана огромная и важная работа по пропаганде произведений казахских, каракалпакских и узбекских писателей среди многочисленного татарского народа. К счастью, прерванные в начале 1990-х гг. связи Казани с родственными литературными организациями и отдельными прозаиками и поэтами Казахстана и Средней Азии в последние годы стали постепенно налаживаться. И Л.Х.Хамидуллин, которому в этом году исполняется 85 лет, еще намерен послужить этому делу по мере своих возможностей...

Литература

1. Абай. Шигырьләр, поэмалар. Хикмәтле сүз. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. — 256 б.
2. Әдипләрәбез: биобиблиографик белешмәлек: 2 томда / Төз. Р.Н.Даутов, Р.Ф.Рахмани. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. — 2 т. — 735 б.
3. Современная татарская проза: пер. с тат. / Сост. Л.Газизова, С.Мальшев. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. — 670 с.
4. Татарская энциклопедия: В 6 т. — Казань: Ин-т Татарской энциклопедии, 2014. Т. 6. — 720 с.
5. Татар хикәясе антологиясе: егерменче гасыр / Төз. М.Х.Хузин. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. — 607 б.
6. Татары Казахстана. — Казань: Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения, 2016. — 480 с., 50 с. илл. 4 с.
7. Татары Симбирского-Ульяновского края. — Ульяновск: Печатный двор, 2016. — 26 с.
8. Хамидуллин Л. Кадрдон сукмоқлар // Йиллар ва йуллар: Татар езувчиларининг хикоялари / Тупловчи Л.Хамидуллин, тарж. Х.Эргашев. — Тошкент: Адабиет ва санъат нашриети, 1981. — 157–166 б.
9. Хамидуллин Л. Кичке шәфәкъ. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. — 255 б.
10. Хамидуллин Л. Кыскы жол (аул. Х.Жумашев) // Татар гүрриңлери / Жыйнаган хәм баспага таярлағалар Л.Хамидуллин, Ә.Кожыкбаев. — Нөкис: Каракалпакстан баспасы, 1981. — 183–192 б.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<p>Авилова Елена Равильевна — учитель русского языка и литературы МБОУ «Лицей №177» г.Казани, кандидат филологических наук e-mail: lena-tem@mail.ru</p>	<p>Avilova Elena Ravilievna — teacher of russian language and literature MBOU «Lyceum №177» of the Kazan, candidate of philological Sciences e-mail: lena-tem@mail.ru</p>
<p>Айнутдинов Раис Альбертович — ведущий научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук e-mail: r-antd@mail.ru</p>	<p>Ainutdinov Rais Albertovich – leading researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical Sciences e-mail: r-antd@mail.ru</p>
<p>Аскарова Лилия Раисовна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: askaroval@mail.ru</p>	<p>Askarova Lilia Raisovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: askaroval@mail.ru</p>
<p>Асрутдинова Руфина Ахметовна — ведущий научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат сельскохозяйственных наук e-mail: karima.2006@yandex.ru</p>	<p>Asrutdinova Rufina Akhmetovna – leading researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of agricultural Sciences e-mail: karima.2006@yandex.ru</p>
<p>Ахметова Миляуша Ансаровна — научный сотрудник отдела литературоведения Ин-</p>	<p>Akhmetova Milyausha Ansarovna — research fellow in the de-</p>

<p>ститута языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан e-mail: miljausha-akhmetova@rambler.ru</p>	<p>partment of literary studies the institute of language, literature and arts named after G. Ibragimov Tatarstan Academy of Sciences e-mail: miljausha-akhmetova@rambler.ru</p>
<p>Бадрутдинова Фирая Равилевна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ»</p>	<p>Badrutdinova Firaya Ravilevna — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences</p>
<p>Батыршин Рустам Рафаэлевич — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук e-mail: bat81@inbox.ru</p>	<p>Batyrshin Rustam Rafaelevich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical Sciences e-mail: bat81@inbox.ru</p>
<p>Белов Сергей Геннадьевич — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: sgb-79@mail.ru</p>	<p>Belov Sergey Gennadevich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: sgb-79@mail.ru</p>
<p>Бурганов Фарит Гилфанович — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведе-</p>	<p>Burganov Farit Gilfanovich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of agricultural Sciences, associate Professor</p>

<p>ния АН РТ», кандидат сельскохозяйственных наук, доцент e-mail: burganovf@yandex.ru</p>	<p>e-mail: burganovf@yandex.ru</p>
<p>Валиуллин Ильдар Рауфович — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук e-mail: safara@yandex.ru</p>	<p>Valiullin Ildar Raufovich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical Sciences e-mail: safara@yandex.ru</p>
<p>Габдрахманова Венера Абдулловна — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: info-ite@mail.ru</p>	<p>Gabdrakhmanova Venera Abdullonova — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences</p>
<p>Габдулхакова Гульшат Мансуровна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: sofa-hakova69@mail.ru</p>	<p>Gabdulkhakova Gulshat Mansurovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: sofa-hakova69@mail.ru</p>
<p>Галиева Люция Камилловна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: lyuciya.galieva.65@mail.ru</p>	<p>Galieva Lyutsiya Kamilovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: lyuciya.galieva.65@mail.ru</p>

<p>Галимуллина Гульшат Хабулловна — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: kirbi1@mail.ru</p>	<p>Galimullina Gulshat Khabullovna — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: kirbi1@mail.ru</p>
<p>Гилязов Зуфар Закариевич — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат филологических наук e-mail: gzz@mail.ru</p>	<p>Gilazev Zufar Zakariievich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of philology sciences e-mail: gzz@mail.ru</p>
<p>Гилязов Искандер Аязович — директор Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ e-mail: gilyazov1958@mail.ru</p>	<p>Gilyazov Iskander Ayazovich — director of Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, doctor of historical sciences, professor, corresponding member of Tatarstan Academy of Sciences e-mail: gilyazov1958@mail.ru</p>
<p>Гиниятуллина Флера Сулеймановна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: gini_flera@mail.ru</p>	<p>Giniyatullina Flyura Suleymanovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: gini_flera@mail.ru</p>
<p>Давлетьянова Гульнара Рузалитовна — ведущий научный сотрудник Обособленного</p>	<p>Davletyanova Gulnara Ruzalievna — leading researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and</p>

<p>подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: guli66@mail.ru</p>	<p>Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: guli66@mail.ru</p>
<p>Ерегин Олег Викторович — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: o.eregin@mail.ru</p>	<p>Eregin Oleg Victorjvich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: o.eregin@mail.ru</p>
<p>Зайнутдинов Динар Рафаилович — доцент кафедры теории и истории государства и права Института социальных и гуманитарных знаний, кандидат юридических наук</p>	<p>Zaynutdinov Dinar Rafailovich — associate professor department of state and law theory and history Institute of Social Sciences and Humanities, candidate of legal sciences</p>
<p>Закиева Резеда Гусмановна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: rezedz@yandex.ru</p>	<p>Zakieva Rezeda Gusmanovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: rezedz@yandex.ru</p>
<p>Закиров Альфред Фаридович — научный сотрудник ОП ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ»</p>	<p>Zakirov Alfred Faridovich — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences</p>
<p>Закиров Анас Давлиевич — подполковник медицинской службы запаса, г. Санкт-Петербург e-mail: zakirov.anas.spb@mail.ru</p>	<p>Zakirov Anas Davlievich — reserve lieutenant-colonel of medical service, St. Petersburg e-mail: zakirov.anas.spb@mail.ru</p>

<p>Ибрагимов Руслан Рустемович — ведущий научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук, доцент КФУ</p>	<p>Ibragimov Ruslan Rustemovich — leading researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical Sciences, associate Professor</p>
<p>Исламов Рамил Фанавиевич — главный научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», доктор филологических наук</p>	<p>Islamov Ramil Fanavievich — chief researcher Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, doctor of philological Sciences</p>
<p>Калимуллина Фирдаус Галимовна — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук e-mail: kfirdaus@list.ru</p>	<p>Kalumullina Firdaus Galimovna — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: kfirdaus@list.ru</p>
<p>Камальтдинова Фарида Галлямовна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ»</p>	<p>Kamaltdinova Farida Galyamovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences</p>
<p>Каюмова Гульфия Ильдусовна — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской</p>	<p>Kayumova Guliya Ildusovna — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of philologi-</p>

энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат филологических наук e-mail: gu-liya.kayumova@yandex.ru	cal Sciences e-mail: gu-liya.kayumova@yandex.ru
Кислякова Наиля Хайдаровна — учитель русского языка и литературы МБОУ «Лицей №177» e-mail: nailya-kis@yandex.ru	Kislyakova Naila Khaydarovna — teacher of Russian language and literature of the Lyceum 177 e-mail: nailya-kis@yandex.ru
Миниханов Фидайль Гимранович — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук, доцент e-mail: info-ite@mail.ru	Minikhanov Fidail Gimranovich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical Sciences, associate professor e-mail: info-ite@mail.ru
Мухаметшина Лилия Талгатовна — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: L2002@mail.ru	Mukhametshina Liliya Talgatovna — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: L2002@mail.ru
Насибуллина Алсу Булатовна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: bulat.alsu1971@yandex.ru	Nasibullina Alsou Bulatovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: bulat.alsu1971@yandex.ru
Недорезов Михаил Викторович — научный сотрудник	Nedorezov Mikhail Viktorovich — researcher, Institute of

<p>Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: micned@mail.ru</p>	<p>Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: micned@mail.ru</p>
<p>Нигъмязянова Лилия Талгатовна — научный сотрудник ОП ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: flilily@mail.ru</p>	<p>Nigmatzyanova Liliya Talgatovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: flilily@mail.ru</p>
<p>Салахiev Рафик Рашитович — ведущий научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат технических наук e-mail: info-ite@mail.ru</p>	<p>Salakhiev Rafik Rashitovich — leading researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of technical Sciences e-mail: info-ite@mail.ru</p>
<p>Саматова Чулпан Хамитовна — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук e-mail: samatva@rambler.ru</p>	<p>Samatova Chulpan Hamitovna — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical Sciences e-mail: samatva@rambler.ru</p>
<p>Сарчин Рамиль Шавкетович — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской</p>	<p>Sarchin Ramil Shavketovich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, doctor of philological Sciences</p>

<p>энциклопедии и регионоведения АН РТ», доктор филологических наук e-mail: rsarchin@yandex.ru</p>	<p>e-mail: rsarchin@yandex.ru</p>
<p>Сахавова Лилия Миннибаевна — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ»</p>	<p>Sakhavova Lilia Minnibayevna — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences</p>
<p>Сибгатов Булат Ильхамович — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук</p>	<p>Sibgatov Bulat Ilhamovich — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical sciences</p>
<p>Файзуллин Станислав Анатольевич — старший научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: stas1472580@yandex.ru</p>	<p>Faizullin Stanislav Anatolievich — senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: stas1472580@yandex.ru</p>
<p>Хабибуллин Марс Забирович — ученый секретарь Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук, доцент e-mail: kazanmars@rambler.ru</p>	<p>Khabibullin Mars Zabirovich — scientific Secretary, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical sciences, associate Professor e-mail: kazanmars@rambler.ru</p>

<p>Халилова Лейсан Ринатовна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: risha1234@yandex.ru</p>	<p>Khalilova Laysan Rinatovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: risha1234@yandex.ru</p>
<p>Хамидуллин Булат Лиронович — руководитель центра изучения татарской диаспоры Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат исторических наук e-mail: bulat.antat@mail.ru</p>	<p>Khamidullin Bulat Lironovich — head of the center of studying of the Tatar diaspora of Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of historical Sciences e-mail: bulat.antat@mail.ru</p>
<p>Шайдуллин Рафаиль Валеевич — руководитель центра энциклопедистики Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», доктор исторических наук, профессор</p>	<p>Shaydullin Rafail Valeevich — head of the center of an entsiklopedistika of Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, doctor of historical Sciences, professor</p>
<p>Шарапова Рамзия Файзиматовна — научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ» e-mail: ramzia-2002@mail.ru</p>	<p>Sharapova Ramziya Fayzimatovna — researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences e-mail: ramzia-2002@mail.ru</p>

<p>Ялалов Фарит Габтелович – заместитель директора по науке Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», доктор педагогических наук, профессор e-mail: yalalov51@mail.ru</p>	<p>Yalalov Farit Gabtelovich – the deputy director for science of Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, doctor of pedagogical sciences, professor e-mail: yalalov51@mail.ru</p>
<p>Яруллина Алсу Гиниятовна — ведущий научный сотрудник Обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», кандидат филологических наук e-mail: Alsu.jarullina@rambler.ru</p>	<p>Yarullina Alsu Giniyatovna — leading researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, candidate of philological Sciences e-mail: Alsu.jarullina@rambler.ru</p>

Научное издание

**История России и Татарстана:
Итоги и перспективы энциклопедических исследований**

Сборник статей итоговой научной
конференции научных сотрудников
Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ

(Казань, ОП «ИТЭР АН РТ», 31 мая 2017 г.)

Статьи публикуются в авторской редакции

Корректоры

Л.Т.Мухаметшина, Л.Т.Нигъмязянова

Компьютерная верстка

Г.Х.Галимуллина, А.Б.Насибуллина, Р.Р.Салахиев

Дизайн обложки

Ф.А.Ибрагимова

ISBN 978-5-902375-18-0

Подписано в печать 11.12.2017.

Бумага офсетная. Формат 60x84 1/16. Печ. л. 22,25.

Тираж 100 экз. Заказ №11.12/17Б2.

Издательство Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
e-mail: izdat.anrt@yandex.ru